

A 666188

ЮЛИЯ САЗОНОВА

16

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древний период

Том I

16



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк



ЮЛИЯ САЗОНОВА

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древний период

Том I



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк • 1955

COPYRIGHT 1955 BY
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

Ancient period

Volume I

by

JULIA SAZONOVA

PRINTED IN U.S.A.

О Т А В Т О Р А

Показать развитие древней русской литературы, устной и письменной, от ее истоков до создания московского царства, и определить ее основные черты было задачей настоящей книги.

При всём богатстве и разнообразии памятников древней русской литературы, они обладают единством мысли и чувства. Многие произведения анонимны, или об их авторах известно очень мало. Время их появления устанавливается по косвенным данным. Древние тексты сохранились в поздних списках, носящих следы изменений, которые вносились переписчиками на протяжении веков. Не огражденные именем автора и единством установленного текста, произведения древней литературы дошли во множестве вариантов, и только те из них не имеют разночтений, которые сохранились в единственном уцелевшем списке. Отдельные понравившиеся эпизоды, имена и герои переносились переписчиками из одного произведения в другое, и древние памятники письменности, подобно устной поэзии, приобретали характер коллективного творчества.

Эта внутренняя гибкость и свобода, с которой обращались переписчики с древними памятниками, дала возможность самим памятникам сохранять связь с более поздними произведениями и сосуществовать с ними вне хронологии. На расстоянии веков могли появиться такие близнецы, как Слово о Полку Игореве и Задонщина, у которых общность поэтических форм не исключает разницы темы. В период собирания памятников древней литературы и составления монументальных Четых-Миней, летописных сводов, Степенной книги, — произведения разных эпох свободно уживались вместе, как главы одной книги, написанной общим автором.

Деление древней литературы по векам и периодам становится таким образом по необходимости условным,

так как почти каждое из них, родившись в древности, прошло через позднейшие переработки. Исследование языка и исторические указания определяют время и место появления каждого из них.

Трудно вполне разграничить и литературные формы древних памятников. Жития, апокрифы, церковные поучения, воинские повести включались в летопись и, освободившись позднее, сохранили между собою общность основного тона. Древняя литература развивалась, как единый организм, в котором все части взаимно дополняют друг друга; устная поэзия неуклонно сопровождала письменную.

Древняя литература родилась в эпоху, когда самая жизнь страны была в опасности, и это определило ее основное настроение. Действенная любовь к родине согревает древние тексты. Россия является в древней прозе и поэзии не в виде могучего властелина, ограждающего своих подданных, а в образе бедной вдовы, просящей помощи у своих сынов, или девушки со свирельным голосом, скорбящей о гибнущих воинах. Богородица на городских стенах льет слезы о ней над золотую книгу. Древние памятники согласным хором славят «красно украшенную» прелесть ее лугов, лесов и городов, и доблесть ее сынов, которые хотят послужить ей, зачерпнув золотым шлемом синего Дона, и готовы испить за нее «смертную чашу». Древняя письменность никогда не забывает этой жертвенности русских воинов, и первую победу над татарами славит «на костях» павших за нее.

Вдали от родины русские люди ставят кадило за нее у Гроба Господня, восклицают в горестном упоении: «А Русскую землю Бог да сохранит, на этом свете нет страны подобной ей». В пору татарского ига они шопотом творят о ней молитву, «чтобы свеча не погасла».

Литература, устная и письменная, несет эти молитвы, надежды и горести, в едином порыве любви и веры, от первых времен «перевощика» Кия до широкого устья московского государства, которому она передает несметное богатство своих творений. В этом древнем хо-

ре каждый голос представляет свою ценность, ни одно произведение не должно быть забыто.

В необозримом море древней литературы, составляющей одно огромное целое, нам хотелось отметить характерные ее особенности и показать ее художественную силу, не перестающую влиять на современную литературу.

Древняя литература была не только истоком русского искусства, но и действенной силой позднейших веков. Собрание и изучение памятников древности совпало с необычайным расцветом литературы в начале девятнадцатого века. Пушкин всю свою жизнь страстно собирал песни и сказания. Трудно полностью понять Гоголя, если не заметить его нерасторжимой связи с древней литературой. Чорт, то смешной, то страшный, явился ему из летописных сказаний и Патериков. Толстой и Достоевский черпали темы, а нередко и мысли, из древнейших литературных памятников. Тургенев писал «Живые мощи» по образцу древних житий, как писались и многие биографии героев современности, в которых подчеркивались черты призвания, явственные с ранних лет. Таким образом, древняя литература отнюдь не является собранием отживших памятников старины, но остается живым и деятельным художественным явлением. Она не является отрезанным ломтем, предоставленным в удел филологов и исследователей, а составляет неотъемлемую часть всей русской литературы, которой она передала свой духовный пафос, свои темы и свои выработанные формы.

Каждая ветвь литературы, устной и письменной, представлена мною отдельно, в ее последовательном развитии.

При печатании текстов древних памятников мною соблюдена орфография подлинника. Тексты более позднего времени я привожу в современной орфографии. Часть текстов приведена мною в переводе на современный язык, по новой орфографии. Заглавия приводятся в кавычках при первом упоминании и без кавычек при повторных упоминаниях.

Выдержки из Ипатьевской и Густынской летописей я привожу по тексту и орфографии Полного Собрания Летописей, изданного Археографической Комиссией в 1843 г. Выдержки из Лаврентьевской летописи — по тексту и орфографии издания Археографической Комиссии 1872 г. и по совпадающему с ним академическому изданию Повести временных лет в 1950 г. Выдержки из более поздних сводов даны мною по академическим изданиям с соблюдением орфографии.

Выдержки из Стоглава приводятся по изданию на церковно-славянском языке Памятников древней письменности.

Выдержки из Слова о Полку Игореве приведены мною по орфографии и тексту, подготовленному проф. Романом Якобсоном, в издании Эколь Либр 1948 г. Выдержки из житий Александра Невского и Дмитрия Донского — по орфографии и тексту, подготовленному проф. Стендер-Петерсоном для Колумбийского Университета.

Слово о гибели русская земля я привожу по первому изданию Х. М. Лопарева с соблюдением орфографии. Слово или Моление Даниила Заточника — по изданию текстов проф. Ильи Шляпкина, причем мною указан в каждом случае выбранный мною вариант. «Хождение за три моря» — по академическому изданию. Выдержки из Домостроя приводятся мною по изданию Временника Московского Общества Истории и Древностей Российских, 1850 года.

Выдержки из воинских повестей приводятся по академическим изданиям, с соблюдением форм языка, по новой орфографии. Также приводятся мною выдержки из Паломников и произведений московского периода по современной орфографии, с соблюдением форм языка.

Исторические и библиографические указания помещены в самом тексте. Основная библиография приведена в конце книги. К книге приложен составленный мною указатель имен и названий.

Глава I — Устная поэзия

От самых истоков народной жизни, от времен, когда зарождалась Россия, дошло до нас устное предание. В нем отразились основные черты народного мирозерцания. Изучение устной поэзии не является исследованием старины, которая лишена связи с современностью. Древнее национальное творчество, хранящееся в устном предании, дает ключ к пониманию России.

Устную поэзию можно разделить на три основных разряда: песню, сказку и былинку. Песнею скрепляются личные и общественные события; в сказке отразилась народная мораль; былина определяет основы народной жизни и типы народных героев. Вне хронологии, вне исторической точности, но с соблюдением внутреннего смысла событий, вся древняя Россия уложилась в устном предании.

Песнею питалась и питается русская поэзия. Ею созданы основные поэтические формы и ею отчасти определен звуковой состав речи.

В то время как русское письменное стихосложение первоначально пользовалось силлабическим стихом, заимствованным у поляков, устная поэзия нашла подходящий к русскому языку тонический стих, умело подбирая анапесты, дактили, хореи для передачи оттенков настроения. В восемнадцатом веке, при введении тонического стиха, поэты обратились к народной песне и выработанным ею формам.

Песня является свидетельством о древней Руси, об обычаях и верованиях народа. В песне отразились все стороны жизни, — труд и отдых, радость и горе. Издревле в России все работы, домашние и полевые, сопровождаются песней, регулирующей ритм. По пословице: «Песенка к Богу лесенка».

Песня широко использовала эпитеты-метафоры. Девушка сравнивается с красной ягодой-калиной. Ста-

ринная песня «Калина моя», поющая и теперь, обращена к девушке. Эпитет «красный» был обозначением девичьей прелести: красна девица. От слова краса произошли красота, краска, красивый, прекрасный. Лучшие места назывались красными: Красная площадь, красный угол под образами. «Не красна изба углами, а красна пирогами», то есть не внешним убранством, а домашним уютом. По-словацки красный сохраняет прежнее значение «красивый», а цвет, как и в польском языке, обозначается словом «червонный».

Песенные сравнения вошли в разговорную речь. «Пролететь быстро как стрела» сократилось в формулу: «пролететь стрелю».

Песня пользуется параллелизмами:

Ай по морю по синему волна бьет,
Ай по полю по чистому орда идет...

Или в свадебной песне:

Тихие ветрики понавеели,
Любые гости понаехали,
Обломили сени
Новые,
Выпили чарку
Винную.

Обломанные сени — нарушенная девичья жизнь, выпитая чарка — ее былая невинность, любые гости — жених с друзьями. Сени становятся символом новой жизни молодой:

Ах вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые,
Кленовые,
Решётчатые.

Новые сени решётчатые указывают на затворничество молодой жены, лишённой прежней девичьей воли. Тоскуя по дому, она шлет привет родным:

Выпускала сокола
Из правого рукава:
Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко,
На родимую сторонку,
Где мой батюшка живет.

Сокол — постоянный символ свободы и гордости. Юно-

шу зовут соколиком. Гордый и сильный человек ходит «соколом».

Наряду с параллелизмами положительными, песня пользуется отрицательными параллелизмами:

Не белая березка нагибается,
Не шатучая осинка расшумелась,
Добрый молодец кручиной убивается...

Пушкиным был записан вариант песни «Не белинька березонька к земле клонится».

Отрицательный параллелизм вошел в русскую поэзию.

У Пушкина:

Не стая воронов слеталась...

Вошли в поэзию и положительные параллелизмы:

у Некрасова:

Им (матерям) не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Песенные эпитеты являются не только метафорой, но и определением существенной черты, выделением ее во второе, как бы приросшее, существительное или прилагательное: красна девица, добрый молодец, калена стрела.

Народная песня пользуется не только повторением эпитетов, но и тавтологическим вторым существительным, усиливающим значение, как «горе-злосчастье». Устная поэзия полна подобными двойными словами или приросшими эпитетами. Иногда второе слово теряет прежнее смысловое соответствие и получается противоречие: «ты не жги свечу сальную, свечу сальную воску ярого». Такие противоречия в иных случаях помогают обобщению: не жги ни сальной ни восковой свечи.

Песня использовала поэтические обороты, метафоры, параллелизмы, фигуры повторения, медленного нарастания. Она сыграла роль в строении языка. Красота звука, удобство распева иногда бывали решающими в песенном словоупотреблении. Некоторые особенности речи определялись мелодическим происхождением, — тем, что слово чеканилось песнею.

Частое употребление краткой формы прилагатель-

ного могло быть вызвано удобством пения или сказа. Песня пользовалась приемом повторения последнего слова или стиха, предвосхищая формы, подобные триолету, когда одна и та же строка кончает предыдущую и начинает последующую строфу, соединяя их как звенья цепи.

Безымянный автор устной поэзии обладал тонким слухом и умел подбирать аллитерации и ассонансы. Песня осталась источником поэзии и в позднейшее время, не потеряв своей свежести и значения. Сумароков написал в восемнадцатом веке много песен, приближавшихся к народным. Пользовались песенной формой Кольцов, Некрасов в девятнадцатом веке, Клюев, Есенин в двадцатом веке. Песни, созданные позднейшими поэтами, иногда бывали настолько близки к устной поэзии, что вошли в фольклор, как «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» Н. Г. Цыганова или некоторые песни Языкова и Дельвига.

Песня восходит ко временам язычества и является свидетельством о былой культуре, о которой сравнительно мало упоминает письменность. Опасение двоеверия, то есть смешения пережитков язычества с христианством, заставляло избегать внесения в летопись многих устных произведений. Летопись говорит о расселении и формах быта славян до призвания варягов в 862 г., которым условно определяется начало русской государственности. Культура народа до 862 г. почти отсекается летописцем. Позднее пережитки древней культуры преследовались церковью, как языческие.

Старинные песни связаны с обрядами дохристианской Руси. Свадебные песни отражают обычай умыкания или похищения невест, или же выкупа их за вено. Обычай умыкания девушек существовал у всех народов: похищали и своих девушек и чужих. Разлад между греческими вождями, описанный в первой песне Илиады, вызван был разногласиями при разделе троянских пленниц. В Слове о Полку Игореве после первой победы похищают половчанок.

Воспоминание об обычае умыкания сохранилось в

свадебных обрядах. Жених приходит с дружками в охотников, гонящихся за дичью, обычно за куницей в виде купцов, пришедших за товаром. Это составу «Сватовства» Алексея К. Толстого, написанный в песенном стиле.

В некоторых песнях перекликаются мужской и женский хоры. Такого рода песенная перекличка существует и поныне в португальском фольклоре, причем она сопровождается насмешками и даже бранью.

В русской песне девичий и мужской хоры выступают друг против друга поочередно:

А мы просо сеяли, сеяли — поют девушки.
А мы просо вытопчем, вытопчем, — угрожают парни.
А чем же вам вытоптать, — дразнят девушки.
А мы коней выпустим, — заявляют парни.
А мы коней перейдем, — защищаются девушки.
А мы коней выкупим, — соглашаются дать вено парни.
А мы дадим тысячу — отказываются девушки.
Не надо нам тысячи,
А нам надо девицу — заключают парни.

При этом одна из девушек переходит на сторону парней, и песня, связанная со свадебными обычаями, начинается снова. Кошь, которым похваляются парни, является символом мужественности во всем фольклоре. Жених представляется существом необычайным или же находящимся под покровительством волшебных сил. Олень-золотые рога помогает жениху:

В некое время сгожусь я тебе:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Стану, олень, среди я двора,
Золотыми рогами весь двор освещу,
Всех твоих гостей развеселю,
Больше всех Параскеву (невесту) твою.

Слова этой свадебной песни представлялись «загадочными» историку Саводнику и не были разъяснены позднее. Но следует вспомнить, что в средневековой духовной литературе олень является символом Христа. В житии св. Плакиды ему является олень, у которого между рогами сияет крест. В Песне Песней испанского монаха Сан Хуан де ла Круз, теоретика и вдохновителя Кармеля, Невеста-Церковь тоскует по убегающему Оле-

не-Христе. Таким образом, в русской песне о приходящем на свадьбу Олене-золотые рога отразилась средневековая христианская символика, которая смешалась со сказаниями о чудесных животных.

Олень-золотые рога появляется и в волшебных сказках крайнего Севера.

Цикл свадебных обрядов включал особую еду. В описании свадьбы царя Михаила Федоровича в начале семнадцатого века упоминается торжественное несение каравая на украшенных бархатом и парчей носилках. После свершения супружества, новобрачных, постившихся весь день, угощают кашкой в особых горшечках, обернутых соболями. Это пережиток древних языческих свадебных блюд, хлеба и каши, обещающих плодородие и благополучие. В «Слове некоего христолюбца» двенадцатого или тринадцатого века, найденном в Паисиевском сборнике 1400 года, говорится о жертвоприношении божествам: «коровай им ломають». И так же теперь на Украине ломают хлеб над головами брачующихся. Обычай существовал и на Востоке: на свадьбе персидского шаха в 1951 г., на особом золотом блюде лежал на отдельном столе символический каравай хлеба. Отсвет этого жертвоприношения хлебом можно видеть в современном свадебном пироге, который по обычаю должны разрезать сами новобрачные.

В описании свадьбы Александра Невского каша символизирует самый брак: одну «кашу» он справил в Торжке, а другую в Новгороде. Царскую чету так же угощали кашей в семнадцатом веке. Древние обычаи сохранялись в свадебном обряде.

Царские свадьбы отличались от боярских только большей пышностью. Крестьяне-новобрачные следовали тем же обычаям и назывались князем и княгиней, так как в церкви на их головы возлагались венцы.

Со свадебным обрядом связаны песни о кудрях жениха:

Как на стуле красна дерева,
На подушке рыта бархата,
Против зеркала-хрустального стекла,
Против чистого заморского,

Тут Иван чесал свои кудри,
Свет Иванович чесал свои русы,
Волос к волосу причесывал,
Русый к русому прикладывал,
Ко кудрям сам приговаривал:
Уж вы кудри мои, кудерцы,
Золоты кудри, серебряные,
Вы кому, кудри, достанетесь чесать,
Вы кому, кудри, достанетесь завивать.
Доставались Степаниде,
Доставались Семеновне-душе.
Степанидушка, завей мои кудри,
Свет Семеновна, завей мои русы,
Золотым веретешечком,
Позолоченной пяточкой,
Сквозь серебряно колечико.
— Я хочу, так и завью твои кудри,
Не хочу, так не завью твои русы,
Не твоя я, сударь, — батюшкина.
Не твоя я слуга, — матушкина.

После повторных просьб хора, невеста соглашается:

Я завью, завью твои кудри,
Я завью, завью твои русы
Золотым веретешечком,
Позолоченной пяточкой,
Сквозь серебряно колечико.
Я твоя слуга верная,
Я твоя слуга надежная.

Песни о молодецких кудрях, о старой и молодой жене,
певались всюду:

Доставались кудри старой бабе чесать,
Она их не чешет, она их не гладит,
Только волосы дерет.
Доставались русы красной девице чесать,
Она их и чешет, она их и гладит,
Волос к волосу кладет.

В старинном обряде Печорского края сохранился момент
сдачи «девьей красоты». Косу невесты заплетают туго,
вплетают красную ленту, накидывают на голову платок.
Невеста с поклоном обращается к матери:

Уж ты свет, моя государыня!
Ты сними с меня волю привольную,
Ты сними с меня негу пренежную,
Ты сними с меня девью красоту,

Девью срядну да ненаглядну,
Ты зашей ее чистым серебром,
Ты расшей ее красным золотом,
Рассади ее скатным жемчугом,
Заверни ее в дороги шелка.
Ты положи ее в крепки ящики,
Ты замкни ее во туги замки,
Унеси ее во чисто поле.
Ты положи ее под березоньку,
Под березоньку под кудрявую,
Под листочки под шелковые.
Призакрой ее от тучки дождя,
От тучки дождя да от буйна ветра.

Символ девичьей красы, платок, отдается березоньке, которая во всей устной поэзии олицетворяет девушку.

После причитаний, мать снимает платок, который крепко держит невеста, и по избе проходит шопот подруг: «красу сняли». Это наиболее драматический момент девишника.

В записях Пушкина есть песня «Трубчистая коса» и описание связанного с невестиной косой обряда: «Дня за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестиной. Брат ее или ближний родственник носит блюдо по улице. Это называется: красу носить. Между тем поют»:

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?
— Я тогда буду твоя,
Как я в Божью церковь вступлю,
Золотой венец приму».

В описании свадьбы царя Михаила Федоровича, в начале семнадцатого века, невеста приходит в девичьем венце, который снимают с нее и тоже отдают на хранение, как символ девичьей чистоты. Затем невесту сажали на трон рядом с царским, закрывали фатой и, расплетя косу, расчесывали волосы гребнем, который был смочен медом.

Обычай этот очень древний. Саксон Грамматик отмечает, что у славян волосы жениха и невесты смачиваются медом.

Расплетение косы означает конец девичества и является одним из основных моментов в свадебном обряде. В «Евгении Онегине» няня говорит Татьяне:

Мне с плачем косу расплели
Да с пеньем в церковь повели...

Островский вводит этот обряд в пьесу «Бедность не порок».

На девешнике пелись не только печальные песни расставания с девичьей волей, но и песни веселые, задорные:

Скочил козел в огород,
Ай люли, в огород.
Топтал луку-чесноку.
Шла девица по саду,
Брала козла за рога:
Сведу козла на базар,
Променяю на товар,
На белила белые,
На румяна алые.
Набелюсь я до бела.
Спросит милый-ат меня:
— Ты, сударыня моя,
Отчего же столь бела?
— Сударь, мучку сеяла,
Копотица насела.
— Ты, сударыня моя,
Отчего же столь ала?
— Сударь, печку топила,
Жаром лицо запекла.
Спросит милый-ат меня:
— Ты, сударыня моя,
Отчего же бровь черна?
— Сударь, сажу пахала,
Оче-лико задела.

Многие древние обычаи до сих пор исполняются применительно к христианским праздникам. Даты их были близки к прежним языческим и достаточно было легкого сдвига, чтобы они вполне совпали во времени. Языческие календарные празднества, сопряженные с пе-

ременами времен года, сплелись таким образом в Киевской Руси с новыми христианскими праздниками после крещения. Волхвы долго сохраняли свою силу и влияние, о чем многократно упоминают памятники древности. Волхвы бережно хранили древний обычай и таким образом создавалось двоеверие, бытовые остатки которого еще существуют в некоторых, потерявших древнее значение, обычаях. Старые песни оплели их и таким образом дожили до наших дней.

Главные праздники были связаны с солнцеворотами. Зимний солнцеворот, праздновавшийся в языческой Руси встречей Зимы — Колядою; теперь, со всей чередой песен и игр, сопровождает сочельник на месте Киевской Руси, на Украине. Колядки описаны Гоголем в «Ночи под Рождество». Молодежь ходит по дворам, поет колядки, получает дары натурой и складывает их в свои мешки, величая хозяина. В колядках поется о поисках Коляды, т. е. возрождающегося солнца, и это приближает их к славословию рождающегося Христа. Удлинение дня, начинающееся после зимнего солнцеворота, напоминает рост младенца «не по дням, а по часам» — излюбленный мотив сказки. Колядка говорит о жертвоприношении языческому богу, и это применялось к празднованию Рождества Младенца, который — «яко овча на заколение ведесе тако стригущего его безгласен». Поются колядки и о плоде зимнего посева, о весеннем урожае, т. е. воскресении брошенного в землю зерна. Таким образом евангельские события поэтически сплетались с древними языческими песнями во славу рождающемуся Солнцу. Мотивы смерти и воскресения природы, как известно, существуют во многих языческих верованиях. Рождественские колядки впитали в себя и славословие хозяину, и гадания, которые ведут начало от древних волхвований. Колядующие приносили дому благополучие и величали хозяина:

Ему рожь густа
Рожь ужиниста,
Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему пирог.

Цикл гаданий иногда был связан с песнями, иногда с движениями. Девушки гадали о будущем женихе. В «Светлане» Жуковского девушки гадали,

За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

Сидели в бане ночью, глядя в зеркало и ожидая, что в нем появится отражение суженого. Выбегали за ворота спросить имя у прохожего, чтобы угадать, как будет зваться жених. Это гадание описано Пушкиным в «Евгении Онегине»:

Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон.

Темою песен было исчезновение зерна, брошенного в землю, и его возрождение, подобно скрывшемуся за горизонтом и вновь восходящему солнцу:

А я золото хороню, хороню.
Чисто серебро хороню, хороню...

С подблюдными песнями катали кольца и обещали успех или беду тому, чье кольцо вынется:

Да кому мы спели, тому добро,
Слава!

Кому вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

Это носит почти заклинательный характер.

В пятой главе «Евгения Онегина» Пушкин описывает крещенское гадание:

Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужики-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава». Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.

Предсказание оправдалось: «утраты» у Татьяны действительно были. Кошурка предвещает счастливый брак.

Гадание иногда пользовалось приемами волхвований:

пускали венки по реке, лили воск с заклинаниями. Колядующие являлись ряжеными, воскрешая маски древних богов. Колядки, связанные с зимним солнцеворотом, получили свое название от латинского новолетия — коленда.

Под Новый год справляли приезд Овсеня, воспевали будущий урожай. В знак плодородия обсыпали зернами.

К зимним колядкам и овсеновым песням издавна примешался любовный элемент. Обычай обсыпать зерном вошел в число свадебных обрядов. В описании свадьбы царя Михаила Федоровича, первого из династии Романовых, упоминается, как новобрачных осыпали зерном с особого блюда при их удалении на покой после свадебного пиршества. Обычай сохранился, в несколько измененной форме, повсюду: принцессу Елизавету, ныне королеву английскую, осыпали цветочными лепестками при посадке в карету после свадьбы. Овсень, покровитель урожая, давно забыт, но связанные с ним обряды и песни сохранились.

Праздник рождения Весны по времени был близок Пасхе. Тема весеннего праздника широко использована поэтами. Весенние обряды создали легенду о Снегурочке, родившейся от Весны и Мороза. При воцарении бога Солнца, Ярилы, и наступлении лета Снегурочка тает от огня костров в ночь на Ивана Купалу. Она явилась темой сказок, послуживших Островскому для его драмы «Снегурочка», для которой Чайковский и Гречанинов в разное время написали музыку. Римский-Корсаков написал на эту тему оперу.

Заклинание весны передавалось в особых песнях — «веснянках». Встреча Весны приурочивалась к празднику Благовещения, благой вести о повороте к теплу и радости. К этому же дню выпекались из теста жаворонки, обычай, сохранившийся и по сей час. Весну встречали песнями:

Весна, весна красная!
Приди, весна, с милостью,
С великой радостью..

Или:

Весна, весна,
Чего принесла?

Веснянки воспевали природу, нарождающуюся зелень, прилет птиц, свежий наряд деревьев. Островский использовал эту тему в монологе Весны в «Снегурочке». Весенние обряды распределялись от Благовещения до дня Ивана Купалы. Перед Великим Постом совершаются проводы Масленицы, соломенное чучело которой с песнями вывозится за ограду села и сжигается в знак окончания зимы и начала теплых дней.

В проходах масленицы, означающих смерть зимы, любопытно употребление саней, которые в древности служили для похорон.

Весенние хороводы связаны с появлением первой травы. Красная, т. е. прекрасная, позеленевшая, Горка совпадала с Фоминой неделей после Пасхи и до сих пор является излюбленным временем для свадеб, причем сохраняется древнее языческое название «на Красной горке».

Проводы весны происходили в семик, на Троицын день. Семик или Пятидесятница, секминес по-литовски, справлялся на седьмой неделе после Пасхи. В семик украшали лентами, — «завивали» — березку, которая во всех песнях символизировала девушку:

Во поле березынька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Некому березу заломати...

Но приходит суженый молодец и «заламывает», покоряет березку.

После Троицы начиналась Русальная неделя или Русалии, посвященные речным девам-русалкам, которых умиловывали песнями и дарами. Во время Русалий славили деревья и цветы, отсюда обычай украшать дом зелеными ветвями на Троицын день.

Обычай весеннего дерева можно сопоставить с французским обычаем майского дерева, с которым связывались суеверные представления. Когда на террасе королевского дворца пошатнулось майское дерево, Генрих Четвертый сказал приближенным о своем предчувствии близкой кончины.

Во время Русалий совершались обряды в честь реч-

ных дев. В лунные ночи русалки выходили на берег водить хороводы, качаться на ветвях деревьев, расчесывать свои длинные волосы. Если кто-либо нарушал их лунные игры, они могли его защекотать до смерти. Позднее с верою в русалок сплелась мысль об утопленницах. Пушкин посвятил им неоконченную драматическую поэму «Русалка». Гоголь — свою повесть «Майская ночь или утопленница», в которой описал игры и хороводы русалок.

У Пушкина во вступлении к «Руслану и Людмиле» — «Русалка на ветвях сидит». Песни связывают русалок с лесными девами:

Русалочки, земляночки,
На дуб лезли,
Кору грызли,
Свалилися,
Забилися.

От русалок узнавали судьбу, бросая венки в воду и следя за их направлением.

Зарождение колоса праздновалось Радуницей: справлялись веселые поминки по усопшим, по зерну, которое «не оживет аще не умрет». Навий день — день мертвых, чьи души «навье», — приобщаются к урожайному зеленому цвету. Навьи считались в древности доброю силою, приносящей удачу. В 1092 г., через столетие после крещения Руси, в Лаврентьевской летописи упоминается чудо: «яко навье бьютъ полочаны» за грехи. В воскресенье на Фоминой праздновалась Красная Горка, в понедельник — Радуница, во вторник — Навий день.

В 24-ой главе Стоглав говорит о Радунице и о культе мертвых: «В велице дни окличка на радуницы въ юнецъ и великое в них бесование... В великій четвергъ по рану солому палят и кличють мертвых. Никоторых невѣгласѣ попы (попам) в великій четвергъ соль подъ престолъ кладут... и ту соль дають на врачеваніе людемъ и скотомъ»... и всё это «елиньское бесование и прелестъ бесовская».

Наступление лета, воцарение Ярилы, бога солнца, знаменовалось праздниками огня. Праздник наивысшей

силы солнца и начала ее понижения, сокращения дня, приурочивался к христианскому празднику Рождества Иоанна Крестителя, Ивана Купалы, 24-го июня. В ночь на Ивана Купалу на берегу раскладывали костры, водили вокруг них хороводы и прыгали через огонь. Ходили в лес искать волшебный папоротник, открывающий клады. Втыкали зеленые ветки в землю и прыгали через них, соперничая в ловкости. В повести Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» передан колдовской характер этой ночи. Зудерман дал в своей драме «Огни Ивановой ночи» современную версию языческой ночи, как символа страсти и неутолимых желаний.

Целый ряд песен связан с началом жатвы. Сноп становился детищем солнца, его символом. Первый и последний сноп назывались «именинниками»; их с почетом ставили под образа. Повторяя языческий обряд в честь бога плодородия, Волоса или Велеса, «завивали» волос колосу. Имя Волоса превратилось в христианское имя св. Власия так же, как имя пророка Ильи сочеталось с представлением о божестве грома и молнии: когда гремел гром, говорили, что пророк Илья катается по небу на своей колеснице.

К рождению колоса пели «зажинку», к его зрелости «обжинку». В латинской хронике Саксона Грамматика XII в. описан праздник встречи осени в древней Руси: после жатвы собирались перед храмом, приносили жертвы и пировали. Во время пира жрец брал у кумира рог с вином, предсказывал будущее, главным образом в вопросах хозяйства, и совершал ряд обрядов. Этот осенний праздник был днем благодарения за жатву.

Во время зимних заготовок праздновали «капустки», и пели во славу «матушки-капустки». Капустник, потеряв свой обрядовый характер, был перенесен в наше время на весну и весело справлялся в артистической среде после конца сезона. В Москве славились капустники Московского Художественного театра, из которых вышел театр Летучей Мыши.

Весь цикл древних языческих празднеств разместился по новому христианскому календарю и, приспособ-

собившись к новым условиям, сохранил сопровождавшие его песни и обряды.

Боги, сброшенные в реку, сожженные и уничтоженные, снова входили как бы с заднего крыльца, в дома и души христиан. Церковь не переставала обличать это, и через все памятники древности проходит борьба с двоеверием, в которой, вместе с языческими верованиями, безжалостно истреблялось поэтическое наследие древних времен.

Церковные обличения сохранили для нас описание языческих обрядов Киевской Руси. Перечисляя древних богов, Густынская летопись XVII в. указывает на смешение поминания Христа и языческого Коляды: «Шестый Коляда, ему же праздникъ прескверный бяше декаврія 24... сему бѣсу въ память простая чадѣ сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поють пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминуютъ, но боліе Коляду бѣса величаютъ»... В «Правилах» новгородского архиепископа Ильи-Иоанна 1166 г. предписывается, священникам, чтобы они воздействовали на паству, запрещая «и о турех, и о лодыгах, и о колядницах». В четырнадцатом веке налагали эпитемии, сажали на хлеб и на воду: «Аще кто в 1 день генваря на коляд идетъ, якоже первии погании творяху, 3 лет да покаются о хлебе и о воде, яко от скотины есть игра та». Прямо указывается на языческий характер коляд. Несмотря на обличения, существовал сборник «Колядник», упоминающийся в списке запрещенных книг. В XVI-XVII в. священники спрашивали на исповеди, не певал ли коледы и лады их лелю, лелю, а сие бывает на различных веселиях; не паливал ли снегу в святые вечера или в крещенские дни и вечера и на водосвящении, такожде у хоромин или на кожах под замками не слушивал ли с завещанием о счастье каком, то есть не занимался ли гаданием. Языческий припев, вошедший в поэзию и музыку «ладо лель люли», еще в XVII в. считался имеющим волшебное значение и исполнялся на «веселиях», то есть на свадьбах.

Масленица и сейчас сохраняет свой откровенно языческий характер, как бы давая возможность нагрешить

в масленичном отступничестве перед семью неделями Великого поста и покаяния. Языческий праздник Масленицы сопровождался такими же потешными играми, гаданиями, ряжением, питьем и весельем, как и в наши дни. Блины же пекутся во образ круглого, пышащего жаром солнца. С XII в. упоминается название Масленой в ряде древних памятников: В Новгородской IV летописи под 1137 г. — «масленая неделя», в Тверской — под 1177 г. и в Софийской I — под 1404 г. «масленица». Оба названия сохранились теперь. Как и в наше время, на масленой устраивались народные игры, «масленичные поезда» вроде западно-европейских карнавальных шествий; бывали кулачные бои и иные потехи. Тщетно всё это осуждалось церковью: «позоры бесовьския с свистаниемъ, и с кличем и с воплем сзывающе нѣкы скаредныя пьяницы и бьющеся дреколеемъ до самыя смерти и взимающе от убиваемыхъ порты», обличает паству митрополит Кирилл в «Правиле» XIII в.

В постановлении Собора 1274 г. празднование Радуницы сопоставляется с греческими Дионисиями: «в субботу вечеръ собираются вкупь мужи и жены и играютъ и пляшутъ бестудно и скверну дѣють в ночь Святого Воскресенья яко Дионусовъ праздникъ празднують нечестивии едини вкупе мужи и жены, яко и кони вискаютъ и ржутъ и скверну дѣють».

Стоглав называет весенние праздничные обычаи волхвованием «по древнему обычаю». Кормчая 1282 г. говорит о Радунице: «предъ храмины своими или враты домовъ своихъ пожаръ запаливше, прескакаютъ по древнему нѣкому обычаю». Предложение Стефана Пермского волхву войти вместе в огонь для испытания правой веры может быть относится к тому же значению костра. Стоглав осуждает и другие обычаи: обливание водой, обрядовое купанье, которое теперь превратилось в купанье в проруби во время водосвятия. О Радунице сохранилась белорусская пословица: «на Радоницу до обеда пашуць, по обеде плачуць, а вечером скачуць».

В 24-ой главе Стоглав осуждает обычай Семика:

«Въ Троицкую субботу по селом и по погостомъ

сходятся мужи и жены на жалниках и плачутся по гробомъ с великим кричаніемъ. И егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они от плача преставше начнутъ скакати и плясати и в долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти на тѣхъ же жалникех обманщики и мошенники»...

В той же главе Стоглава есть описание русалий и празднования Ивана Купалы: «к Русальи о Иване дни и в навечерьи рождества Христова и крещенія сходятся мужи и жены и девицы на ночное плищованіе и на бесчинный говоръ и на бесовскіе пѣсни и на плясанье и на богомерскія дѣла. И бывает отрокомъ осквернение и дѣвкамъ растлѣніе. И егда ночь мимоходитъ тогда отходят к рѣцѣ с великим кричаніемъ аки бѣснии умываются водою. И егда начнутъ заутренюю звонити тогда отходятъ в дома своя и падают аки мертвіи от великаго клоптания...».

Церковь запрещала «играть русалии» и осуждала «игрища бесовские» со скоморохами, «куклами», плясками. Празднование покровителей любви и брака «Лады», Леля и Пелеля, возводится в Житии Владимира XVI-XVII века ко времени «древнейших идолослужителей», когда пели песни и рукоплескали с кликами «лелю полелю». Густынская летопись говорит о Ладе как об языческом божестве:

«Четвертый (бог) Ладо (си есть Pluton) богъ пекелный (адский); сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящии женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона бѣса по нѣкакыхъ странахъ донинѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни и руками о руки или о столѣ плещуще Ладо, Ладо, преплетающе пѣсни своя, многажды поминають».

Указанное в Густынской летописи отношение Лада к браку соответствует тому, что жены называли мужей «ладами» в Слове о Полку Игореве. Несмотря на борьбу церкви, первая детская песенка и сейчас призывает Ладу с тем же хлопаньем в ладоши: «ладушки-ладушки» и с

поминанием брачных блюд: «Что ели? — Кашку. Что пили? — Бражку».

Описывая языческий Олимп, Густынская летопись упоминает и Купалу:

«Пятый Купало... бѣше богъ обилія, якоже у Ел-линъ Цересъ, ему же безумнии за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и доннѣ по нѣкоихъ странахъ безумнии память совершають, наченше іюня 23 дня, въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ (таким) образомъ: съ вечера собираются простая чадъ, обоего полу, и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія, или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтають огонь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оногo огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакують, оному бѣсу жертву себе приносяще».

О «скверном Купале» упоминалось и на исповеди. С течением времени прозвище Купалы перешло к Иоанну Крестителю, и древнее скакание через костры теперь происходит в честь Ивана Купалы. К перечню купальских обрядов игумен Памфил в 1505 г. добавляет соби- рание приворотных и смертоносных трав волшебных: смертныя травы и приветоцрева отравного зелія на па- губу человеком и скотом, ту же и дивія коренія копа- ют на потворение мужем своим, — всё это с «приговоры сатанинскими». В повести Гоголя дьявол помогает по- искам клада и его окропляет невинной кровью зарезан- ного мальчика. После шести или семи веков запретов и увещаний церковь примирилась с упорством прихожан и разрешила некоторые обычаи, которые таким образом утратили свое бесовское, языческое значение. Благодаря многовековой устойчивости, некоторые колядные, под- блюдные, заклинательные, свадебные и приворотные пе- сни и сказы дошли до нас в позднейших перепевах, тогда как многие из них исчезли во время гонений на «бесов- ские игрища».

С истреблением двоеверия песня стихает, перехо-

дит в духовный стих, который воспевает уединение пустыни и дает описание свободной красоты природы.

В позднейшие века возникают песни о поразивших воображение царях, как Иван Грозный и Петр Великий, и создается цикл разбойничьих песен, замечательных по своей трагической поэзии и иронии в описаниях казней. Песни сочувствуют разбойникам и сохраняют свой бунтарский пафос, подобно тому как древние песни еще дышат двоеверием.

На Украине пелись под бандуру «Думы» о «лицарях», мстивших за народные обиды, их подвиги восхищали отвагой и дерзостью, их гибель оплакивалась. Песни преследовались правительством, и из богатого цикла уцелело немного. Они относятся к другому периоду истории и отличаются от прежних по своей форме и настроению.

Древние песни запрещались духовенством. В старых книгах за них грозили ответом на Страшном Суде. В семнадцатом веке царские указы запрещали игры, песни и скоморошества. Только часть из них прошла все заставы и, дойдя до нас, свидетельствовала своей красотой и свежестью о высоте искусства Киевской Руси первых веков. Устная поэзия старше летописных записей и свидетельствует о жизни Руси до начала письменности.

Песни о явном, радостном или горестном, пелись звонкой ритмической мелодией. Песни, говорившие о тайном, непостижимом — о волшебствах и о смерти — произносились напевной речью. Музыкальный речитатив был создан народом для произнесения заклинаний, заговоров и причитаний. Они были связаны с волхвованием, передавались из уст в уста и лишь незначительная их часть дошла до нас.

О роли волхвов и об их влиянии говорит в тринадцатом веке епископ Серапион. Магические заклинания не записывались, как явно недозволенные церковью, и собирать их стали в более позднее время. Они были порождены верой народа в творческую силу слова, не отвлеченную, а реальную: слово властно не только

над душою, но и над телом человека. Сочетанием слов можно вызвать в душе человека неведомое ему раньше чувство, но можно также устранить или вызвать телесную болезнь. Волхвы действовали не только порошками и зельями, но и магическим словом. Не любовным напитком, которым напоили Тристана и Изольду, а цепью слов навеки скреплялись или разлучались души.

Заговоры, направленные к определенной цели, не говорили о ней прямо: цель должна была быть достигнута звуковым сочетанием слов и их ритмом. Сила заговора принадлежала форме не меньше, чем содержанию. Нельзя было переставлять или менять слова, не рискуя утратить силу заговора. Такое же отношение создалось впоследствии к христианским текстам: опасались переставлять букву, дабы не потерять спасительность действия. На этой почве происходили трагические столкновения при первой же попытке исправлять старые книги. Внушенная волхвами древняя вера в незыблемость словесной формы заговора была потом перенесена на новые христианские книги.

Заговоры призывали силу природы: «оболокусь оболочками, подпояшусь красной зарей, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами, освечусь красным солнышком».

Призывались и силы небесные: «Свет ты Илья Пророк, огненна карета и огненна колесница, туго ты тянешь, метко стреляешь, врага и супостата убиваешь, огнем опаляешь». Имя Ильи Пророка тут заменило бога огня и грома.

Силы природы и силы небесные иногда сочетались воедино в заклинаниях: «Под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Мария, вечерняя заря Маремьяна, мать сыра земля Пелагея и сине море Елена». При потере крови, упоминался в заговоре характер ранения: «шел Господь с небес с вострым копием: ручьи, притоки запирает, руду (кровь) унимает, стрельную (от стрелы), ручебную (от удара рукой), ножевую (от ножа), топоровую (от топора)». Интересно, что в финском эпо-

се «Калевалы» старик исцеляет рану Вейнемейнена, заклиная железо.

Заговоры начинались с присказки описательного характера: «стану я... в чисто поле, стану на запад хребтом, на восток лицом, позрю, посмотрю на ясное небо»... Иногда обращались к святому. Так при зубной боли: «на море, на окяне, на острове Буяне стоит соборная апостольская церковь, в той соборной апостольской церкви стоит Мать Пресвятая Богородица и преподобный Антипий, зубной исцелитель. Он просит и молит угодников Божиих о рабе Божиим (имя рек): как у вас, угодники Божии, зубы не болели, так бы у раба Божия (имя рек) зубы не болели. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, аминь аминь». Заговоры от зубной боли существовали до недавнего времени, о чем свидетельствует рассказ Чехова «Лошадиная фамилия».

Сила заговора в его крепости: «язык мой ключ», «будьте вы, мои слова, крепки и лепки, крепче камня и булата», «нет моим словам переговора и недоговора», «закрываю крепким замком и ключ в воду». Ритм заговора должен был содействовать его силе.

В любовных приворотях действовали не условные волшебные слова, а поэтическая речь, которая должна была растопить холодность любимого. Любовь надо было вызвать искусным сочетанием слов. Но не это ли источник любовной поэзии? Любовные стихи обращены к любимому, их первичная цель — вызвать ответное чувство. В современной поэзии стихи Анны Ахматовой звучат любовным заговором:

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу — мою тоску
В пустынную ночь опять.

Народные заговоры и заклинания отразили в наиболее явственной форме веру в то, что слово сильнее судьбы и смерти.

Причитания как бы обращены к мертвому и в то же время дают исход горю живых. Обычай приглашать на похороны плакальщиц или воплениц существовал у

многих народов с древнейших времен. Каждая женщина должна была уметь выражать свою скорбь в установленной форме причитаний. Купчиха Кабаниха в «Грозе» Островского упрекает героиню за то, что при отъезде мужа она не причитала по обычаю.

Горе вдовы выражается в поминальной песне:

Погляди-тко, моя ладушка,
На меня да на победную:
Не березынька шатается,
Не кудрявая свивается,
Как шатается, свивается
Твоя да молода жена.
Я пришла, горюша горькая,
На любимую могилушку
Рассказать свою кручинушку.

Тут использован отрицательный параллелизм и тавтологическое повторение: горюша горькая.

В Беломорских причитаниях вся природа горюет о покойнике:

Не красно солнышко закатилось,
Не за те ли за леса темные,
Не за те ли за сады зеленые,
Не за моря оно да за глубокие,
Не за города, да всё разные,
Не за села да за деревеньки,
Не за тихие ли заводи.
Укатилось от нас красно солнышко,
Еще та ли луна да поднебесная,
Еще та ли заря, заря утренняя,
Еще та ли звезда, звезда вечерняя.
Укатилось от нас красно солнышко,
Как во матушку, во сыру землю,
Как во гроб оно-то положено,
Прикрыто доскою гробовою.
Тут птицы-соколы улетели по поднебесью,
Тут ведь рыбина ступила во морску глубину,
Лисицы-куницы убежали по островам,
Медведюшки разбежались по темным лесам.

Пользуясь древними причитаниями, вопленицы лишь вставляют имя умершего или умершей. Подобные сравнения с природой, восходящие к языческим временам, имеются и в плачах, которые приводятся в древних поведях.

Обычай поминальных песен сохранился в своеобразной форме в Македонии, древней родине славянского племени. Нам пришлось присутствовать на поминании по умершей девяностолетней женщине. Открытый гроб стоял посреди комнаты, вдоль стен сидели ее друзья, которым разносили чашки турецкого кофе, угощение умершей. Это был ее последний прием. Каждая из присутствовавших подруг покойной по очереди подходила к гробу и пела, обращаясь к ней, ее любимые песни молодости. Эти песни носили по большей части героический характер. Собрание было выдержано в духе торжественной тризны, без слез и вздохов.

В Словакии сохранился обычай венчания со Смертью юноши или девушки, умерших до брака. Церемония похорон девушки напоминает брачный обряд. Умершая одета в подвенечный наряд, за гробом следуют подруги в белом с букетами цветов в руках. Одна из них идет впереди, неся на подушке открытый плод, который потом кладет в гроб.

В «Страшной мести» Гоголя приведена украинская песнь о браке казака со смертью. Сумасшедшая Катерина поет:

...Не плачь, маты, не журыся!
Бо вже тій сын оженився.
Та взяв жинку паняночку,
В чистом поли земляночку,
И без дверець без оконець.
Та вже писни вышов конець.

В поминальных песнях рисуется образ крадущейся смерти:

Подходила тут скорая смертушка,
Она крадучись шла, злодейка-душегубица,
По крылечку ли шла да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль каликою она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да всё голодная,
Со чиста ли поля шла да вся холодная,
У дубовых дверей да не стучалася,
У окошечка ведь смерть да не давалася,
Потихоньку она да подходила,
И черным вороном в окошко залетела.

Эффект последнего стиха усилен тем, что все глаголы

даны в несовершенном виде — шла, не давалась, не стучалась, — и только финальный в совершенном виде: залетела. Аллитерация построена на открытых звуках. Сделанный нами подсчет гласных показал, что из 141 гласной в одиннадцати строках песни восемьдесят приходится на О и А: 39 О, 38 А и 9 смягченных А, то есть Я. Из остальных гласных только Е достигает 22, И встречается 14 раз и У девять раз. Преобладание О и А очевидно.

В одноактных драмах Метерлинка «Смерть Тен-тажиля», «Втируша», «Семь Принцесс», дан тот же образ крадущейся смерти, которая входит, не стучась, и чьи шаги слышны только чуткому.

Боратынский в стихотворении «Смерть» рисует ее в виде разящей девушки:

Смерть дщерью тьмы не назову я
И раболепную мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса...

...А человек! святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Равенство властелина и раба перед лицом смерти было темой средневекового «Прения живота со смертью» и связанной с ним народной песни об Анике-воине.

Народные причитания, заклинания, заговоры лишь косвенно отразились в древней письменности. Плач Ярославны в Слове о Полку Игореве, как и плачи женщин в других сказаниях и повестях, отразили традиционные плачи вояки, среди которых были особенные искусницы.

Устная поэзия, связанная с бытовыми событиями, со свадьбами, похоронами, болезнями, разлуками, передавалась и ревниво сберегалась вопленицами и сказителями и таким путем дошла до нас.

Одним из первых сборников было «Собрание русских песен» в четырех частях, выпущенное М. Д. Чулковым и М. И. Поповым в 1770-1774 гг. В него вошли крестьянские, казачьи и мещанские песни, а также произведения в песенном жанре поэтов XVIII века.

Уже первые собиратели устной поэзии отмечали два рода сказителей. Наиболее ценными они считали передачи сказителей, благоговейно относившихся к чистоте предания и стремившихся к сохранению каждого оттенка ритма, каждого звукового сочетания. Сквозь запреты «двоеверия» они донесли создания безыменных поэтов и явились живым голосом древности. Наряду с ними были сказители, отличавшиеся даром составления вариантов, но сохранявшие художественную цельность сказа. Были и сказители, равнодушные к сохранению древних ритмов, обладавшие жаждой переделок и подчас просто искажавшие тексты по небрежности или отсутствию художественного чутья.

Сказители девятнадцатого века не искали для себя почестей и улучшения своего быта. Их память служила эхом древних поэтов и в этом они находили удовлетворение, не ища личной славы.

С повышением интереса к устной поэзии, с усилением внимания к личности сказителя, его анонимность исчезала. Терялось чувство коллективности, непрерывной цепью поколений объединявшей древнего и нового певца. Явилось желание не только «скорodelок», но и «новин», самостоятельных произведений, составленных с соблюдением установленной формы и привычных оборотов. Явилось сознание авторства: «Это честь моя и слава моя». Такие тенденции иногда сосуществуют в одном лице. После собственных скорodelок сказительница может исполнить подлинную старую песню с полной точностью.

Глава II — Сказки

Сказка явилась источником художественной прозы, как песня положила начало лирической поэзии. Ритм сохранился в сказке, но в более скрытой форме. Неторопливый тон устной прозы отразился на характере русской письменности. Спокойный лад «романа-реки» XIX века с его ровным медлительным повествованием восходит к ритму устного сказа.

Как песенные мотивы переплетаются с западно-европейскими, южно-славянскими и восточными, так и сказки по своим темам родственны произведениям других стран. Причиной отчасти является общность древних легенд, происхождение от единого индо-европейского источника, отчасти же прямое проникновение иностранных сюжетов, вошедших в общий сказочный фонд.

Цикл сказок животного эпоса общ у многих народов. Из этого цикла возникли в древней Греции пляски «морфасмос», изображавшие жизнь зверей и птиц и впоследствии перешедшие в современный балет, в котором действуют сказочные животные и оборотни. Из животного эпоса возникли басни. На Западе он породил особый жанр сатирической прозы, подобно знаменитому роману Лиса. На востоке индусская Панчатантра и индо-персидские «Сказки Попугая» рисуют мир животных наряду с человеческим.

В русской сказке животный эпос сохранился в чистом виде и составляет один из основных ее циклов. Животные появляются в их естественном виде, а не в виде оборотней. Они не составляют особого мира со своим царем и придворными, как в Панчатантре, отдельные рассказы которой позднее проникли в Россию. В русской сказке животные и птицы живут вместе с людьми повседневной жизнью и показаны такими, какими их издревле знал человек.

Между хищными и домашними животными нет непреходимой грани, они живут и действуют сообща.

Птицы, звери, предметы домашнего обихода обладают чертами, привычными для крестьянского быта. Курица, петух, заяц, лиса, волк, медведь, коза выступают в ролях, какие им определены в сношениях с людьми. Большинство зверей сохраняют те же свойства, что и в западно-европейских сказках. Медведь, кит, коза-дереза обладают особыми чертами в русской сказке. Коза-дереза, всем недовольная и постоянно жалующаяся, схожа по своему характеру со старухой в «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина. Сказка о колобке, укатившемся с подоконника, избежавшем опасности при встречах со зверьми, но в конце всё же съеденном хитрой лисою, — показывает быт старой крестьянской четы, для которой пирожок, выпеченный из остатков муки, представляется необычайным лакомством.

Хотя животные и предметы действуют, как одушевленные лица, сказки сохраняют реализм и передают обстановку жизни крестьянина.

В сказках появляются Иваны смешанного происхождения: Иван Коровий сын, Иван Быкович, Иван Сученко. Рождение их обычно происходит по одной и той же схеме: царица не имеет детей, и обеспокоенный ее бесплодием царь обращается за советом к разным людям. Его посланцы узнают, что надо выловить чудесную рыбу, сплетя неводы особым способом. Выловленную рыбу готовят для царицы, а воду от мытья рыбы выливают на двор; корова вылизывает помои, девка-чернавка отщипывает кусочек рыбы, подавая блюдо царице, и все трое, царица, девка-чернавка и корова, «понесли в один день в один час». Три брата, Иван царевич, Иван Девкин сын и Иван Коровий сын растут не по дням а по часам и вместе выезжают на подвиги. Иван Коровий сын, в иных вариантах Буря-богатырь, побеждает трех змеев и выручает братьев.

Во всех сказках Иван смешанного происхождения оказывается наиболее сильным и смелым из трех братьев. В этом можно видеть отсвет древних мифов о героях, родившихся от бога, который приходил к земной женщине в образе животного.

В сказках сохранились отзвуки древних волхвований и живое отношение к силам природы. Сказки мифологического характера, в которых действуют необычайные существа, всё же обладают реализмом, благодаря отношению героя к событиям. Сказка брала темы из жизни, лишь придавая им полуфантастический оттенок. Счастливые окончания объясняются не вмешательством фей, а моральными свойствами героя: его честностью, выдержкой и смирением. Добрые силы заключены в нем самом, и они ведут его к победе.

Обстановка сказки повседневная, будничная. Речь идет о самом простом: о присмотре за лошадьми или об охране поля. Действующие лица взяты из крестьянской семьи и связаны родственными отношениями: муж, мачеха, падчерица, дочери и сыновья. Добро побеждает благодаря герою или героине и помощи сочувствующего мира: золотой рыбки, верного коня.

В сказках, ведущих начало из глубокой древности, действуют языческие божества и полубоги, олицетворяющие природу: Мороз, награждающий добрых и наказывающий злых, грозный Ярило, властитель опаленных солнцем земель, Весна. Из сказки они перешли в литературу письменную. Мороз, утешитель страждущих, появляется в поэме Некрасова «Мороз Красный Нос».

В тяжкую крестьянскую жизнь сказка несла утешение и надежду. Ее героями были униженные и оскорбленные, дурачки, отвергнутые младшие сыновья, гонимые в собственной семье падчерицы. Им дано Божьим соизволением возвыситься над чванными умниками.

Любимым героем сказки является Иванушка, младший в семье. У крестьянина три сына: старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак. Три сына соответствуют трем основным слоям населения: служилому старшему сословию, среднему купеческому и младшему крестьянскому, не допускавшемуся к серьезным делам. Отец дает поручение сначала старшему, затем среднему, но у них нет ни выдержки, ни верности отцовскому приказу. Выручает

Иванушка, который выполняет всё за братьев, не ищет для себя выгод и славы. При совместном отправлении в путь только Иванушка избирает верную дорогу и спасает попавших в беду братьев, которые платят ему вероломством. Иванушку хранят добрые силы природы и верный конь, преодолевающий препятствия. Иванушка побеждает все козни, обретает победу и прощает раскаявшихся братьев. Сказка дает ему полное торжество, ставя его во главу семьи и всего королевства. Так сказка утешает обездоленных мечтою о конечной победе добра над злом.

Появляющиеся в сказке фантастические существа, вроде Кощея Бессмертного, Бабы-Яги, страшного Змия, живут уединенно, вдали от человеческого жилья и ничем не связаны с обыденной жизнью, знакомой слушателю. Они носят черты иностранного происхождения. Баба-Яга подчеркивает свою связь с германской сказкой ведьминскими повадками и отчужденностью ото всего русского. Когда Иванушка или иной герой сказки попадает к ней, она тотчас чувствует это: «Тьфу, тьфу, русским духом запахло». В ее «избушке на курьих ножках» русского быть не должно. Живет она в лесу, но на шабаш не летает и с чортом дела не имеет. Вместо принятого в западно-европейских сказках помела, она пользуется русской ступой для передвижения. Подобно лесным ведьмам германской сказки, она любит лакомиться человеческим, особенно детским мясом. Она вся не живая, особенная, «Баба-Яга костяная нога», и ее избушка может механически двигаться: «Повернись к лесу задом, ко мне передом».

Имя Кощея тюркского происхождения и появляется в русской письменности XII века, повидимому занесенное половцами. Образ его восходит к легендам о существах, чья жизнь заключена в каком-либо реальном предмете. Жизнь Мелеагра в Метаморфозах Овидия зависит от куска дерева, которое горело в очаге при его рождении: «До тех пор будешь ты жить, пока существует оно». Когда мать, разгневанная его борьбой с дядьями, бросила полено в огонь, Мелеагр, находившийся в стран-

ствии, почувствовал внезапный внутренний пламень и был испепелен. В западно-европейской сказке жизнь ребенка, по соглашению с дьяволом, зависит от свечи, и смерть должна наступить, когда догорит свеча. В библейском сказании о Самсоне сила его заключена в волосах. В пушкинской поэме «Руслан и Людмила» волшебная сила карлика Черномора заключена в его непомерно длинной бороде: Руслан побеждает, отрезав ему бороду. Жизнь Кашея Бессмертного заключена в яйце, которое надо разбить, чтобы его победить.

Змей, похититель женщин и устрашитель городов, связан с древними мифами о Геракле и вошел не только в русскую сказку, но и в былины. Похищенную девушку Змей запирает в волшебном дворце, откуда ее выручает сказочный герой. Перейдя в былинку, Змей принял черты врага, разоряющего русскую землю и гнездящегося в реках и на дорогах. В былинах Змея побеждают богатыри: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. В сказках Змей не носит черт военного неприятеля, а является только злой силой, причиняющей личные бедствия. В позднейших вариантах злые существа могут принимать иные формы. Они лишаются своей силы и, после поражения, становятся безвредными и жалкими. Иногда они способны к добру. Баба Яга в некоторых сказках оказывается покровительницей Иванушки и помогает ему в его подвигах. Живет она на краю света, т. е. на границе России. У нее есть мать и бабушка, которые живут уже за пределами света, т. е. вне России. Они еще старше и могущественнее ее. Своими дарами и советами они помогают Иванушке одолеть препятствия и вернуться домой. Тут они почти преобразуются в трех хранительниц жизни и носят полумистический характер, подобно отцу Святогора в былинах.

В сказку перенесли технические мечтания средневековья. Ковер-самолет, скатерть-самобранка, палка-постукалка носят в настоящее время вполне реальный характер в виде самолетов, самострелов и усовершенствованных кухонных плит.

Среди фантастических животных появляется кит,

глотающий корабли. По требованию Иванушки он изрыгает их обратно с живою командой.

В русскую сказку вошли пестрой толпой герои и героини восточных сказок, персидских и индусских. Сохранив особую пленительную красочность, они приобрели в русской передаче национальные черты. Так герой персидских легенд, Арслан, сын Заль-Зара стал русским витязем Ерусланом Лазаревичем, затем просто Ерусланом, а у Пушкина Русланом.

Тема оборотничества, игравшая большую роль в восточной сказке и отчасти в германской, появляется в русской значительно позднее.

Русская сказка не имеет циклов, связанных общим основным сюжетом, на который нанизаны отдельные сказки-эпизоды, как в индо-персидских «Сказках Попугая» и в «Тысяче одной ночи».

Основной темой «Тысячи одной ночи» является желание Шехерезады воздействовать на любопытство калифа и удержать его при себе на долгое время. Калиф, опасаясь женской измены, решил убивать своих жен после первой ночи. Шехеразада, удерживая его своими сказками, спасает не только свою жизнь, но и жизнь других.

Та же тема измены и любопытства составляет основной стержень Сказок Попугая. Уходя в дальнее путешествие, богатый хаджа поручает попугаю и его самке надзор за своей молодой женой Худжастой. Преданная птица ночами удерживает Худжасту у своей клетки сказками, чтобы помешать ей, во время отсутствия мужа, пойти на свидание с влюбленным в нее принцем. В одной из сказок попугая, калиф обучает визиря искусству выходить из своего тела и входить в другое. Визирь пользуется этим для обмана: на охоте он просит калифа войти в тело убитого зверя и в это время входит в его покинутое тело и овладевает его трон и женой. Верная супруга угадывает лживость души нового калифа, уговаривает его показать ей свое уменье и войти в тело петуха, и тем дает возможность настоящему калифу вернуть свой прежний облик.

В германской сказке «Калиф Аист» тот же мотив передан в ином виде. По наущению волшебника, калиф входит в тело птицы, и, нарушив запрет смеяться, забывает волшебное слово, которое должно вернуть ему человеческий облик. Он печально живет в заброшенном замке, пока из подслушанного разговора не узнает магическое слово «Мутабор».

В русском фольклоре тема оборотничества появляется в легендах о Вольхе-Всеславьевиче, отразившихся в былине о Вольге. В отдельных русских сказках оборотничество принимает характер злого волшебного действия: колдун обращает девушку в лебедя, и любовь должна освободить ее. В былине лукавая Маринка хочет обратить Добрыню Никитича в Тура-золотые рога. Тема становится в такой передаче близка греческим сказаниям о волшебнице Цирцее, обращавшей людей в животных.

Наряду с героями восточных сказаний, широким потоком вошли герои западно-европейских повестей и рыцарских романов. Постепенно они приобрели русскую повадку, натурализовались, слегка изменили имя и стали любимыми героями сказок особого рода со сложным сюжетом и множеством приключений. Герои, занесенные из итальянских новелл и западно-европейских волшебных романов, отличались своим характером и стилем от исконно-русских. Из устной народной сказки они позднее снова перешли в письменность, составив занимательный жанр так называемой «лубочной» литературы. Они отличаются цветистостью языка, нарочитым изяществом выражений, любовным содержанием и запутанностью сложного сюжета, который держит слушателя в напряжении. В этих сказках действуют уже не бедные Иванушки, а природные королевичи, которые со многими приключениями добывают себе заморскую царевну. Увлекательный красочный колорит этих сказок, совершенно лишенных дидактической основы, носит следы своего западно-европейского происхождения.

Одним из старейших образцов такой сказки была повесть о Бове королевиче, пользовавшаяся огромной

популярностью в России вплоть до нашего времени. Потешная книга в лицах о Бове королевиче упоминается в 1693 г. в числе личных книг царевича Алексея Петровича.

Текст повести о Бове королевиче был найден в белорусской рукописи Познанского монастыря, относящейся к концу шестнадцатого века. Рукопись представляла собою сборник повестей под общим заглавием: «Починається повесть о витязях с книг сэрбьских, а звлаща (именно) о славном рыцэры Трычане (Тристане), Анцалоте (Ланчелоте) и о Бове и о иных многих витезех добрых», в том числе повесть об Аттиле, переведенная с польского.

Выражение «с сербских книг» толкуется по-разному. А. Пыпин находил следы сербского текста в белорусской рукописи и считал, что сербский перевод был сделан с итальянского. Того же мнения держался Александр Веселовский, который установил путь проникновения повести о Бове в славянские страны. Современные исследователи считают, что «с сербских книг» надо понимать только географически, то есть что итальянский текст, с которого, по их мнению, был непосредственно сделан белорусский перевод, был получен из Сербии. Сербского оригинала не было найдено. Веселовский объясняет это тем, что повесть не имела в Сербии успеха и не сохранилась в копиях, тогда как в России «повесть почему-то понравилась, пошла в оборот; объяснение лежит в случайностях народного вкуса, или в том, что нам представляется случайностью».

Первоначальным источником «сказания», «гистории» или «слова» о Бове королевиче, известного в России с семнадцатого века, — а в изустной передаче может быть и ранее, — была французская *Chanson de geste*, *Bueves d'Hanstone*, двенадцатого или тринадцатого века. Действие французской поэмы происходило повидимому на границе Франции и Германии. В прозаической форме народной книги она была напечатана в Париже в 1502 г. Англо-норманские труверы приурочили действие к Англии. Французская поэма явилась источником сканди-

навской *Bever-saga* и дальнейших скандинавских вариантов. Старо-английская версия поэмы была передана в английской народной книге. Французская поэма была занесена в Италию, вызвав уже к концу тринадцатого века много вариантов в стихах и в прозе в разных областях страны. К концу пятнадцатого века в Италии было уже много изданий повести о *Vuovo d'Antona*. Путем сличения с Познанской рукописью было установлено, что белорусский текст ближе всего к венецианской версии. Ошибки белорусского текста перешли в русскую версию, которая имела широкое распространение в виде «полной» сказки или сокращенной.

Французский герой рыцарской повести *Bueves d'Nanstone* стал в Италии *Vuovo d'Antona*, а в русской «гистории» Бовой. Эпитет *meltris* или *meretrix* (блудница), который за дурное поведение дан матери Буово в итальянской повести, был принят за собственное имя Милитриса. Верный *Fulican* стал в русской сказке Полканом, а королева Друзиана названа Дружнена, потом Дружневна. Посланный Ричард обратился в Личарду, *Lucalferro* в Лукопера. Замок, *castello*, обратился в город Костел. Меч Оливье, *Haute Claire* — *chiara, chiaraenza* превратился в гляренцыя, потом в гляденцыя, и наконец в меч-кладенец, атрибут всех сказочных героев. В некоторых вариантах герцог Орио оказывается посадским мужиком Орлом, и в изложение вносятся былинные и песенные эпизоды русского фольклора.

Действие французской и итальянской поэмы начинается, как во многих повестях того времени, с обстоятельств рождения героя. Царь Гвидон посылает слугу своего, Личарду, к королю Кирбиту просить в замужество прекрасную Милитрису Кирбитьевну. Милитриса любит царя Додона, но вынуждена уступить воле отца и выходит замуж за Гвидона, царствующего в славном городе Антона. Через три года у них рождается сын Бова. Милитриса посылает Личарду к Додону, советуя ему захватить царство Гвидона. Додон нападает со своим войском на Гвидона, убивает его и женится на Милитрисе. Милитриса хочет известить своего сына и заклю-

чает его в темницу, пытаясь отравить его хлебцами. С помощью верной служанки Бова избегает смерти, убегает и попадает на купеческий корабль, выдав себя за сына пономаря и прачки. Купцы продают его армянскому королю Зензевею, плененному его красотой. Дочь Зензевея, Дружневна, влюбляется в Бову и впоследствии догадывается об его королевском происхождении. Бова совершает подвиги: он побивает войска короля Маркобруна и королевича Лукопера, добивающихся руки Дружневны. Лукопера он убивает в бою. Отец Лукопера, король Салтан Салтанович, хочет отомстить за убийство сына: ему удастся захватить в плен Бову. Дочь Салтана, Мильчигрия или Малгирия, влюбляется в Бову. Она предлагает ему перейти в латинскую веру, уверовать в бога Ахмета и жениться на ней. Салтан согласен на брак Бовы с дочерью, но Бова не хочет отречься от христианской веры и его сажают в тюрьму. Король Салтан хочет уморить его голодом, но Бове удается бежать. Он приезжает в царство Маркобруна, который тем временем успел похитить Дружневну. Бова освобождает ее, увозит с собой и разбивает войско Маркобруна, посланное за ним в погоню. В стычке с великаном Полканом, у которого песьи ноги и человеческое туловище, Бова терпит неудачу, но они братаются и совместно побивают войско Маркобруна, осадившее город Костел, затем отправляются дальше. Бова вынужден отлучиться на некоторое время для новых подвигов и поручает Дружневну и родившихся сыновей Полкану. Вернувшись, он застаёт Полкана мертвым: его растерзал лев. Дружневна с сыновьями исчезла, и Бова думает, что они тоже растерзаны львом. Он едет в царство Салтана, решив жениться на королевне Мильчигрии, но в пути встречает Дружневну с сыновьями. Бова едет в город своих родителей, Антон, наказывает Милитрису и Додона за их вероломство и счастливо царствует в Антоне с Дружневной.

Путь Бовы из Франции и Италии через Сербию в Россию характерен для многих западно-европейских повестей. Босния и северная Далмация служили местом

встречи западно-европейской и восточной литератур. Этим объясняется присутствие западно-европейских романов в сербской и сербо-хорватской письменности. В шестнадцатом и семнадцатом веке сербские певцы эпических песен бывали в Польше, и таким же путем могли проникать книги с героическими приключениями.

Рыцарские повести в русской передаче постепенно теряли свой характер и превращались в сказку о любимых героях. Иногда в повествование вводились мифологические элементы. В сказке о Василисе Прекрасной, сохранившей свою популярность до сих пор, три всадника, белый, черный и красный, пролетают мимо героев, воплощая зарю и смену дня и ночи.

Повести с фантастическими приключениями, с рыцарски блистательными героями и прекрасными героинями, являлись в старину на Руси единственными произведениями светской литературы, которые отвлекали от суровых церковных наставлений и дидактических книг.

Содержание сказок настолько многообразно, стиль их настолько изменялся в течение веков, что в сущности история каждой сказочной темы является историей сношений между народами в ту или иную эпоху. Каждый сказитель мог изменять развитие фабулы, вводить новых героев, добавлять подробности. Скоморохи, которые исполняли в России роль труверов Западной Европы, иногда заимствовали некоторые черты из европейских повестей и, пересказывая сказку на свой лад, давали волю собственному творчеству. Изучение составных элементов сказки и ее происхождения становится, подобно сравнительному языкознанию, ценным свидетельством о жизни народов.

Основной цикл русских сказок отличается ясностью сюжета, развивающегося в условиях крестьянской жизни.

В ритмическую прозу вводятся иногда песенки, которые повторяются с добавлением нового куплета. Тон сказки медлительный, певучий и при каждом новом эпизоде повторяются прежние подробности. В сказке сохранился тот старинный способ рассказа с многократ-

ным повторением предыдущего, какой еще имелся в приказных бумагах семнадцатого века.

Носителями сказочной традиции были профессиональные певцы-скоморохи и крестьяне. Русские няни в помещичьих домах обладали огромным запасом сказок. Пушкин воспринял их от своей няни, Арины Родионовны, и передал в стихах. Во вступлении к «Руслану и Людмиле» он создает общую картину сказок, которые для него являются подлинной Русью. Он следует традиции присказки или «зачина», который должен предварять сказку: это присказка, а сказка впереди. Любопытно, что произошел как бы круговой процесс обмена между устной поэзией и письменной: в местах, где жил Пушкин, современные записи обнаружили многочисленные варианты пушкинских сказок, которые, пройдя через его обработку, снова вернулись в фольклор. Сказители в деревнях, скоморохи при боярском и царском дворе, няни в помещичьих усадьбах хранили в памяти возникшие в глубокой древности сказания. В той или иной форме они влияли на письменность.

Первым сборником сказок был «Пересмешник или славенские сказки» М. Чулкова, изданный в четырех томах в 1766-1768 г. В 1780-1783 гг. вышли «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти приключения» В. А. Левшина.

Английский автор Коллинс записал в XVII в. сказки, восходившие к эпохе Ивана Грозного. В одной из них мужик подарил царю лапти и репу, и царь в награду велел всем придворным покупать у мужика лапти, а репу отдал богачу, который подарил царю коня. Другая сказка относится к циклу рассказов об искусном воре: царь встречает ловкого вора и идет с ним воровать; вор лезет в окно к боярину и таким образом разоблачает боярский заговор.

В цикле об искусном воре много сюжетов, общих различным народам. В университетском городе Коимбре, в Португалии, героем такой сказки оказывается сту-

дент, который бьется об заклад, что украдет осла на глазах у его хозяина. Действительно, крестьянин, увлеченный разговором, не замечает, как уводят осла, а у него в руках остается только уздечка. Крестьянина уверяют, что осел был оборотнем и, отбив положенный срок наказания, снова обратится в человека. Крестьянин верит этому настолько крепко, что увидев своего осла на базаре, только шепчет ему на ухо соболезнующе: «В чем же ты опять провинился, что снова обращен в животное?», и когда осел встряхивает ушами, он принимает это за ответ. В русской сказке вор, желая показать свое искусство царю, уводит корову на глазах у пастуха, потом коня, потом царицу, которую продает чертям и затем выручает ее обратно. Мотив состязания с одураченными чертями был потом использован Пушкиным в сказке «О Попе и о работнике его Балде».

В индо-персидских Сказках Попугая олень рассказывает ослу о глупых ворах.

В сборнике Чулкова, в числе подлинных сказок, была сказка об искусном воре Тимохе. Большинство сказок Чулкова написано условно-народным стилем и только их сюжеты приближаются к подлинному русскому фольклору, который у него сплетается с темами рыцарских волшебных романов.

Около тысячи записанных сказок были переданы Географическому Обществу В. И. Далем, автором словаря русского языка и народных пословиц. Записи Даля были впоследствии переданы Географическим Обществом А. Н. Афанасьеву и включены в его собрание «Народные русские сказки и легенды», вышедшие восьмью выпусками в 1855-1866 гг. Сборник содержит около шестисот сказок с вариантами, прибаутки, короткие шуточные рассказы и духовные легенды. Это собрание до сих пор остается наиболее ценным.

Афанасьев указывал на сходство некоторых сюжетов с германскими сказками, которые были записаны братьями Яковом и Вильгельмом Гримм. Он принадлежал к мифологической школе фольклористов и видел

в некоторых сказках отголосок языческих мифов и древнего быта. Его записи велись по этнографическому способу с соблюдением местного говора и произношения и с сохранением нескольких вариантов, причем всюду указано имя записавшего сказку. Так сказка «Купеческая дочь и служанка», записанная в Казачьей слободке Тамбовской губернии, начинается словами: «Жил купец прибогатый: у него одна дочь была хороша-расхороша», с записью местного произношения. Сюжет сказки о служанке, которая выколола глаза купеческой дочке, чтобы самой стать царской невестой вместо нее, — напоминает сказку о принцессе и злой служанке, которая послужила Гоцци темой для его «Трех апельсинов». Афанасьев приводит несколько вариантов сказки о «Трех царствах, медном, серебряном, золотом», о трех братьях, идущих на розыски похищенной матери, Настасьи-Золотая Коса. Пройдя три царства и освободив трех заключенных в них царевен, одолев трех змеев с тремя, шестью, девятью головами, Иван находит в алмазном чертоге на горе Настасью-Золотая Коса. Братья, которым он спускает вниз на веревке добытые богатства, царевен и мать, обманом присваивают себе честь их освобождения и оборвав веревку, оставляют Ивана одного на горе. С помощью волшебной дудки и ее магических слуг, Хромого и Кривого, Иван возвращается домой, изобличает и прощает братьев, женится на Елене прекрасной, а братья берут в жены царевен трех царств. В одном из вариантов похитителем является не змей, а бог ветров, Вихрь, который, прилетая к царевнам, оборачивался добрым молодцем. Это вызывает предположение о связи сказки с древними мифами.

Сказки животного эпоса представлены в сборнике Афанасьева с большой полнотой, во многих вариантах, записанных в разных областях России. Включены и более поздние повести о Бове Королевиче, о Василисе Прекрасной. Сказки, полученные из собрания В. И. Даля, помечены особо; среди них несколько вариантов сказки «Солдат и Смерть». В отделе религиозных сказаний помещены «Христов братец», «О Ное праведном», по-

лученные от П. В. Киреевского, песни об Егории Храбром из собрания В. И. Даля и некоторые записи П. И. Якушкина. «Народные русские сказки и легенды» А. Н. Афанасьева послужили основой для всех последующих сборников. Собрание было полностью переведено на немецкий язык и частично на другие языки. Оно выдержало много изданий. Третье издание вышло в 1897 г. под редакцией А. Е. Грузинского с биографией Афанасьева и подробными комментариями. Вслед за собранием А. Н. Афанасьева, вышло в 1860-1862 гг. «Великорусские сказки» в трех выпусках, собранные И. А. Худековым. В 1863 г. вышли «Народные сказки, записанные сельским учителем», собранные А. А. Эрленвейном в Тульской губернии, и годом позже «Сказки центральных губерний», собранные Е. А. Чудинским; затем вышли «Сказки северных губерний» в записях Колосова, Иванецкого, Ефименко, и наконец в 1884 г. «Сказки и предания Самарского края» Д. Н. Садовникова.

Собирание и издание сказок не прекращалось вплоть до нашего времени. Интерес к ним не только литературный, но и этнографический, и филологический.

Форма прозаической сказки, сатирической и лирической была использована Салтыковым-Щедриным в его Сказках, С. Аксаковым в сказке «Аленький Цветочек», Федором Сологубом в его лирическом сборнике оригинальных сказок.

Записями сказок интересовались филологи с точки зрения истории языка. Академик А. А. Шахматов записал семьдесят одну сказку в Олонецком крае с сохранением их лингвистических особенностей, которые привели его к выводам относительно некоторых форм северных наречий.

Академик А. Н. Пыпин написал «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», напечатанный в 1857 г. в издании Академии Наук и сохранивший свое значение до сих пор. В своей «Истории русской этнографии», вышедшей в четырех томах в 1890-1892 гг., и в «Истории русской литературы», вы-

шедшей в четырех томах в 1898-1899 г., он уделяет много места народной поэзии.

В 1902 г. и в 1906 г. Сибирские отделы Географического Общества издали сказки Восточной Сибири. «Северные сказки» Н. Е. Ончукова, в которые вошли также записи М. Пришвина и семнадцать сказок, записанных учителем Д. Георгиевским, были изданы в 1909 г. и дают интересный бытовой материал относительно сказителей. Д. Н. Зеленин собрал «Великорусские сказки Пермской губернии», изданные в 1914 г. С. Петербургским Географическим Обществом, и в следующем, 1915 г. были им же изданы «Великорусские сказки Вятской губернии». Таким образом были изучены сказки на востоке и севере России. Д. Н. Зеленин исследовал сказки в связи с фольклором других областей России и сказочным эпосом других стран. Он пользуется сказочным материалом для своих выводов о сельском быте Севера и дает подробные сведения о сказителях, род которых иногда восходит к далекому времени. Изучению устной поэзии были посвящены журналы «Художественный фольклор» в Москве и «Сибирская живая старина» в Иркутске.

Фольклористы, ведшие записи в начале века, продолжают свою работу. Ю. М. Соколов, умерший перед Второй мировой войной, вел со своим братом в 1908-1909 гг. записи в Новгородской губернии. Б. М. Соколов в книге «Русский Фольклор», изданной в Москве в 1929 г., подводит итоги их совместным наблюдениям. Н. Е. Онучков продолжал свои записи и в 1926 г. выпустил собрание сказок Западной Сибири. В «Сборник Великорусских сказок Архива Русского Географического Общества», изданный в двух томах А. М. Смирновым в 1917 г., вошло 367 сказок, хранившихся со времени Афанасьева и не вошедших в его собрание.

По принятому еще Гильфердингом методу, сказки распределяются не по сюжетам, а по сказителям, с указанием их биографий и художественных приемов. Так составлен сборник «Избранные мастера», выпущенный в 1932 г. издательством «Академия» в двух томах, под

редакцией М. Азадовского. Сказки записываются со всеми особенностями говора и произношения, без литературной обработки.

Сказители составляют собственные варианты или новые сказки на современные темы, стараясь подчас угадать вкус собирателей. Так появилась сказка о том, как услужливому человеку удалось помочь церковному сторожу утопить трех священников. Сказитель В. Богданов, сам церковный сторож, говорит, что этого человека «вроде как звали Василием» с явным намеком на самого себя. Запись велась Б. Соколовым в пору борьбы с церковью, и Василий Богданов всячески старался дать понять, что нечто подобное совершил или хотел совершить он сам: «Каждую подробность рассказа В. В. сопровождал жестикуляцией и подмигиванием, намекавшими на знакомые слушателям отношения и лица», а иногда даже просто называл имена. «Но лишь только священник подходил к столу и начинал прислушиваться, тон В. В. изменялся, физиономия его принимала невинное выражение, и он даже умалчивал некоторые подробности».

В одной из сказок Богданова «церковка стояла у озера», сторож звонил к заутрени, а священник не приходил, так как Василий, приняв его за привидение, потопил его. В другой сказке утопили трех священников.

Б. Соколов описывает наружность Богданова: «Маленький, рыжеватый мужчина, лет под тридцать, на вид несколько дураковатый, но под этой личиной скрывающий большую находчивость и хитрость». Соколов считает его представителем «социальной сатиры». Богданов подтрунивает над «сказочником-моралистом» Петрушевичем, которого Соколов изображает непривлекательно: «С виду маленький, невзрачный старичок, его неказистая фигурка получает ряд дополнительных штрихов от его необычайной неряшливости и нечистоплотности: его верхняя губа всегда запачкана нюхательным табаком, нос держится в большой неопрятности». Другой представитель школы моралистов склонен ко всему городскому и книжному, перекладывает в сказку роман «Князь

Серебряный» Алексея К. Толстого; рассказывает он медленно и степенно, неподвижно сидя за столом, и темою его старых сказок является Иванушка.

Книжностью отличается и хромой сибирский крестьянин Антон Кошкаров, в просторечии местных жителей Антон Чирошник, чьи сказки записаны Н. М. Хондзинским в тридцатых годах, и представляют любопытную смесь старинных сюжетов и литературных сбивчивых воспоминаний. Будучи засыпкой на мельнице, Кошкаров в юности прочел у мельничихи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, чьи произведения считал запретными и частью утерянными. Больше всего он ценил Гоголя, который «лучше всех писал и здорово это он всё начистоту описывал». Кошкаров рассказывает «Исторический роман Дом терпимости сочинение Гоголя». Начинается он без присказки: «Николай Павлыч тогда царствовал. Константин так был человек гля бедных, а Николай Павлыч строжее, царствовал на троне — Император!». В записи сохранено написание гля, а не для. Возможно, что Кошкаров слышал в Сибири о сосланных декабристах и о том, что имя Константина Павловича имело отношение к восстанию. Этим вероятно и объясняется данное в первой фразе определение Николая Первого и Константина Павловича. Героем «Исторического романа», является бедный крестьянский сын, воспитанный богатым петербургским купцом и пленивший жену Константина Павловича: она устраивает подкоп в его спальню и ходит к нему на свидания. Узнав об этом от проследившего их, ловкого человека, Константин Павлович велит арестовать молодого купца и казнить его за государственную измену, но жена Константина дает узнику часы и перстень с императорским гербом, и палач, надевая «холстину рубаху» на осужденного, отказывается его казнить, так как видит царские знаки. Сцена изображена по возможности реально: «Вдруг представляется дело в ту самую тюрьму, такой-то Овсяников столько-то лет, сужоный на смертную казнь... Вывели туда на площадь Овсяникова, и государь приехал, и князя, сенаторы приехали, графы, весь город их знат... Ну,

тут два столба кленова да перекладина соснова, скамейка и яма тут же вырыта»... «Скрывай его, кричит Константин Павлыч. — Не могу, ваше высочество, фамилию вашу скрывать, заслуги ваши. Так что, прошу посмотреть, не могу казнить». Тут на эшафот выходит «жена Константина и начинает бранить мужа: «Ах ты, негодяй, негодяй, за свою жану хотел казнить человека неповинного. — Наговорила ему всяких неприятностей и ушла в народ»; а «Константин Павлыч от сраму такого провалился бы лучше». В довершение всего жена под маской соблазняет его на постоялом дворе и на утро оставляет записку: «Хорошо, говорит, тебе сукину сыну, со своей жаной гулять, а других за это на смерть посылать. — Ну он, как ошеломленный. — Неужели, говорит, она, сволочь, могла со мной проспать». На этом фантазия Кошкарлова иссякает, и он кончает сказку: «Ну дальше я забыл, не помню што уж там было. На схожую тему рассказывает он «Про дочь Меньшикова и Петра», который с помощью садовника прокрался к «красавице» и у нее рождается от него сын, «вылитый капанный Петр Первый, красавец, кольцо в кольцо». По той же схеме он попадает в беду из-за великосветской связи, «открыт эшафот» и снова спасают перстень и часы с императорским гербом. Мать «прямо наотрез» говорит Петру: «Да за такую сволочь, Воронцову, хотел сына убить. — Как так сына? Какого сына? — Он схватился, давай на извозчика и Воронцов за ним». Тут интересно смешение «странствующего мотива» о сыноубийстве, появляющегося в былинах об Илье Муромце, с историческим фактом казни Алексея Петровича. Волшебное кольцо превращается в реальный атрибут власти, и традиционное спасение сказочного героя обставлено реальными подробностями казни декабристов вроде надетого на осужденных мешка — «холстиной рубахи». Помолвка дочери Меньшикова с сыном Петра, Петром Вторым, превращается в связь ее с императором. Тут можно видеть, как перерабатывались исторические явления в передаче народного эпоса, и в этом смысле сказки Кошкарлова, несомненно обладающего даром жи-

вого изложения, являются интересным материалом для исследователя. Кошкаров знает много старинных сказок, но относится к ним с пренебрежением: «это ерунда ребячья» или «я не люблю эту ерунду пороть». Он любит свои «исторические» темы: «про Зубова и Екатерину», «про Баркова и фрейлину», «про Екатерину», «про Лермонтова». «От сторизмов я не отошел».

Сказочники не только вводят свои сюжеты, но и вставляют в старые сказки современные выражения. Так в сказке «Самойло Кузнецов» в передаче Е. И. Сороковникова, герой «выставил свою кандидатуру» для поединка с легендарным чудовищем.

Сибирская сказительница Винокурова вводит в историю фрейлин и кавалеров реальную фигуру горничной, по собственным воспоминаниям своей службы в богатом доме в Иркутске. Подобно Кошкарову, она не соблюдает «канона» и вводит бытовые подробности: герой «оставляет капиталу» помогавшей ему старушке, отец договаривается об условиях с волшебником, которому отдает сына в учение. Когда прах Кашея развеяли по ветру, «народ-то весь облегчился». В ее сказках объединяются элементы различных тем: плавающий в боченке младенец, хитрая женщина, выманивающая у Кашея секрет его жизни, волшебная власть музыки, рыбы и звери, помогающие герою, вещая птица, предсказывающая будущее. В сказку «Колдун и его ученик» вводится странствующий мотив «ловкого вора»: выучившись колдовскому ремеслу, сын оборачивается конем, и отец продает его на базаре, оставляя себе уздечку, чтобы на следующий день можно было снова повторить обман. Но на третий день пьяный отец в сердцах отдает уздечку, и герою приходится преодолеть препятствия, чтобы вновь обрести человеческий образ. Ему помогает младшая дочь колдуна, которая делается его невестой. Влюбленная царевна «со зла» ее отравляет; герой женится на царевне и становится царем во исполнение предсказания вороны. Второе предсказание тоже осуществляется: по недоразумению, отец выпивает воду, в которой сын вымыл ноги. «Ну, вся правда и случилась

над ними». Внутренний смысл старинной сказки исчезает: герой лишен личных качеств и ничем не заслужил своей удачи. Живыми оказываются бытовые фигуры: натерпевшийся бедности отец, горюющая о сыне мать. Винокурова, умершая в 1930 г., отличалась богатством репертуара, живостью изложения, умением сочетать фантастику с реализмом, и тем заслужила место в галлерее сказителей.

Сказочники прерывают свой рассказ замечаниями, вроде того, что «раньше ведь царей-то слушались» или просто восклицаниями одобрительными или осудительными, иногда смехом. В сюжет они вносят свою фантазию. Такая тема, как «верная жена», давшая в семнадцатом веке замечательную повесть о Карпе Сутулове, по-разному рассказывается Винокуровой, Медведевой, Новосильцевой, Кривополеновой, Зыковым, Ганиным и другими.

Среди сказительниц пользовалась уважением Анна Куприяновна Барышникова, прозванная «Куприянхой». Она имела большой запас сказок и рассказывала их нараспев, рифмованной речью, искусно подбирая при сказки.

Средневековый мотив власти музыки, вдохновивший «Волшебную флейту» Моцарта, появляется в сказке и в бытине. В сказке Винокуровой «Колдун и ученик» волшебник пользуется музыкой для своих целей: «кто смеялся над его музыкой, кто плакал, кто утешался, кто плясал».

Собиратели особо отмечают сказителей, которые передают старинные сюжеты с соблюдением «сказочной обрядности». Таким описывает Ончуков Алексея Чупрова, «слепого Алексея», семидесятилетнего печорского старика, который даже непристойные сказки рассказывал степенно и серьезно. Записанные от него сказки разнообразны по сюжетам и длинны, так как он вводил много занимательных подробностей. Другой старик, «слепой Анисим», ходил с мальчиком-поводырем, который вел его за палку. Приходя к Ончукову, он садился на пол, упершись спиной о стену, захватывал что-либо

в руку, хотя бы подол рубахи, и начинал спокойно, ровно, не напрягая голоса, но от его баса дрожали стекла. Он рассказывал сказки и былины, пел духовные стихи. Анисим был ревностным старообрядцем и являлся со своим вожатым на беседы, когда приезжал в Устьцыльму православный священник: своим громовым голосом он вел спор, отстаивая старую веру. Его сказки длинные, со многими перипетиями, но знал он и прибаутки-побасенки, сложенные из разных небылиц.

Вопрос о сохранении старинных сказок многим современным сказителям кажется второстепенным. Воронежский сказочник Трухачев, по свидетельству Б. Соколова, «если в юности знал старинные волшебные сказки, то теперь он их почти перезабыл, а главное не интересуется». Собирательница Гринкова рассказывает, что Трухачев является на сход «прокламацию читать» и, вытаскивая из кармана клочок газеты, делает вид, что читает, а на самом деле выдумывает собственную сказку. При записи он предпочитает рассказывать собственную «прокламацию» о гражданской войне, о голоде, о столкновениях с помещиками. Случись что-либо в деревне, Трухачев тотчас сочинит «прокламацию» и читает ее на сходе, вызывая смех и одобрение слушателей.

Старые сказки живут в артелях рыбацких, охотничьих, иногда пахотных. Ончуков рассказывает, как ему довелось быть невидимым слушателем на постоялом дворе в Повенце: артель плотников поместилась в соседней комнате за тонкой стеной. Потушив свет и улегшись спать, стали просить одного из членов артели рассказать сказку. После отнекиваний он согласился и рассказал несколько сказок под общие возгласы одобрения, даже восторга от проделок плотника над барином; затем утомленные слушатели уснули под его мерную речь, и из-за стены слышался только их громкий храп. Вечерние досуги на промыслах заполняются сказками. Обычно сказителями бывают бедняки, неустроенные крестьяне, бурлаки, солдаты, вдовы, которые утешают несбыточными мечтами не только своих слушателей, но и самих себя. Говоря об убогой избе, иногда добавляют

«вот как наша», иногда высказывают неодобрение царям. Ончуков в записях 1908 г. отмечает, как Чупров в одной сказке пояснял: «этим царям што дурно то и потешно», а Черепан в сказке отвечал на вопрос царя: «Разве государь дик? — А как же не дик? — У бояр полны погреба денег лежат, да всё их жалует, а у бедного, у нужняго с зубов кожу дерет да всё по́дать берет», на что царь отнюдь не обижается. В одной из сказок царь, отправляясь на собрание государей после войны, забывает свою корону, «а без короны не пустят», и солдат доставляет ее в кратчайший срок.

Рассказы о леших, иногда смешные, иногда страшные, составляют особый сказочный жанр. Рассказчики и слушатели считали их подлинными происшествиями.

Рассказывались шуточные истории вроде сказки о том, как поп отелился. Служанка, посланная занемогшим попом в город к доктору, падает на дороге, роняет данное ей для анализа и заменяет коровьим. Домой она возвращается с неожиданным ответом: «Вскоре отелится». Испуганный известием, поп, посоветовавшись с попадьей, решает, что лучше на время покинуть деревню. Заночевав по дороге в чужой избе, он видит на утро у печки новорожденного теленка и решив, что это его теленок, спешит домой и говорит попадье: «Хорошо, что это случилось со мной не в нашей деревне».

Шуточный рассказ о том, как солдат сварил суп из топора, вошел в обиход.

Некоторые сказки, записанные Ончуковым, непристойны по форме и содержанию. В иных случаях собиратели опускают подробности, помечая, что их невозможно печатать. Это относится главным образом к сказкам шуточным.

Сказки народов крайнего севера, — лопарей, вогулов, остяков, тунгусов, алеутов, якутов, эскимосов, камчадалов и чукотских племен, — отличаются по стилю и содержанию ото всех других. Они рисуют северный быт, древние обычаи и верования. Их героями являются охотники, зверобои, рыболовы. В рассказах о животных действуют олени. Собака, в поисках друга, вольно из-

бирает общество человека. Обратничество становится характеристикой внутренних свойств человека. В алеутской сказке жена, обманув мужа, прячется от него и, повинувшись невидимому голосу, укрывается найденной ею шкуркой; шкурка оказывается впору; лукавая женщина чувствует убегая, что за нею волочится пушистый хвост, и что у нее отрасли лисьи уши. Ворон играет в сказках крайнего Севера роль полумифического существа, «лучшего и сильного охотника», который тягается с самим Солнцем. Солнце влюбляется в его дочь необычайной красоты, — по другим вариантам в его жену, — но ворон не хочет отдать снежную деву, и разгневанное Солнце поднимается на небо вместе с месяцем и с той поры посылает в северную тундру лишь самые холодные лучи. Ряд сказок посвящен Солнцу, происхождению солнца, месяца, ветров. Сын нищей добирается до града Солнца и женится на дочери Солнца. Герои вступают в сношения с Южным и Северным Ветром. В тунгусской сказке Солнце дает приют бездомному мальчику. Сказители добавляют: «В это раньше верили, теперь в это юкатиры не верят», или поясняют: «Это неправда, это только сказка».

Запас старинных сюжетов, присказок, занимательных эпизодов применяется для сочинения сказок на современные темы, которые могут принести успех и награды авторам. Этот процесс, происходящий на наших глазах, дает интересные указания, как подобные явления происходили на протяжении веков и как сказка изменялась в зависимости от личности рассказчика и требований его слушателей. Так могли создаваться сказки о тароватых царях, награждавших полезного «ловкого вора», о царе, щедро отплатившем за лапти и репу, о преимуществах солдатской службы, которая дает человеку власть над самой смертью: солдат прячет ее в торбу и носит ее, пока воцарившееся бессмертие не становится нестерпимым для ставших «тоненькими как тростинка» стариков. Выпущенная на волю, Смерть принимается за свое дело, но солдата боится и бежит от него; боятся его и черти, когда он просится в ад, и даже

сами хранители райских врат. Когда вводилась вызывавшая протесты рекрутчина или возникали сомнения относительно честности царских людей, такие темы отвечали острым требованиям современности, и только позднее, отшлифованные веками, утратили свой злободневный характер и вошли в общий фонд историй о храбрых молодцах, которые могут победить даже Смерть или не боятся продать чорту царицу с тем, чтобы потом пойти ее выручать. Любопытно, что основной сказочный фонд животного эпоса остался нетронутым: современные сказители в своих вариантах почти не пользуются им. Таким образом, русские сказки из животного мира сохранили неизменным свой художественный облик. В 1940 г. вышел первый том «Русских сказок» Алексея Толстого. Второго тома не было, смерть прервала работу. В первый том вошли сказки животного эпоса. Алексей Толстой выбирал один, казавшийся ему лучшим, вариант, и обогащал его удачными подробностями и языковыми оборотами из других вариантов; при этом ему приходилось «кое-что дописывать самому», создавая «реставрацию» подлинной сказки «со всем богатством языка и особенностями эпизодов». «Каждый сказитель рассказывает сказку по-своему, — пишет Алексей Н. Толстой в предисловии, — один кратко, другой пространно, с подробностями; у одного бывает хорошо начало, у другого хорош конец, а у третьего середина; один сказитель знаменит балагурством, словечками, другой интересными подробностями рассказа; есть сказители творцы, истинные поэты, а есть и малодаровитые простые пересказчики». При обработке сказок собирателями «в них от великолепного народного творчества оставался один сюжет, а главное, народный язык, остроумие, свежесть, своеобразие, сама манера рассказа-беседы, — иными словами, народный стиль, пропадали так же, как дивный и хрупкий рисунок крыльев бабочки исчезает при неуклюжем прикосновении человеческих пальцев».

Несмотря на удачу «Русских сказок» Алексея Н. Толстого, такая «художественная реставрация» пред-

ставляет опасность искажения, и принятым методом остается запись различных вариантов с указанием местности и имени сказителя.

Гильфердинг в XIX в. отметил три элемента фольклора: наследство предков, личный вклад певца, отпечаток местности, географический и бытовой. Афанасьев указывал на присутствие «сказочной обрядности» или «сказочного канона». В сказках неизбежна троичность: три сестры, три сына, три испытания, три загадки, три или кратные трех свойства врага: змей о трех, шести, девяти головах.

При исчезновении анонимности сказителя и повышенном интересе к собиранию фольклора личный вклад певца или рассказчика увеличивается за счет верности наследству предков. Волшебные сюжеты переплетаются с бытовыми.

В Поволжье жили сказки бурлацкие. Солдатские сказки составили особый род, во многих чертах схожий с западно-европейскими рассказами, восходящими к эпохе профессиональных наемных солдат.

Современные фольклористы склонны видеть в солдатской сказке отсвет русских условий быта. Но тип солдата почти таким же появляется в сказках Андерсена и иногда сближается с образом вольного странника, как «Дорожный товарищ». Солдат, после долгих лет возвратившись домой, готов был преувеличивать свои приключения, вносить в них устрашающий фантастический элемент и поражать не выходявших никогда за околицу односельчан своим знанием света и своим испытанным бесстрашием. Отсюда особый колорит солдатских сказок. Солдат кичится своим забвением тех правил, которые обязательны для обыкновенного человека: он курит, пьет, божится и побеждает своею дерзостью саму Смерть. Таков и Аника-воин, несомненно связанный с обще-европейскими средневековыми легендами о Смерти. В записанной М. Азадовским сказке сибирского сказителя, бывшего солдата Ф. И. Аксаментова, «О деревянном Орле» — действие происходит во Франции. Царевич, проползши по «непроходимой трущобе»,

добирается, наконец, до избы, где сидит у стола седой старик. Царевич говорит ему «здравствуй, дедушка», но тот молчит, тогда он с ним «начал говорить по-немецки, старик молчит, начал говорить с ним по-французски» и старик заговорил. Старик дает ему приют, а на утро объясняет, «верстах в семи отселева наш столичный город Парыж стоит»; и, действительно, пройдя по лесу, герой оказывается на площади «и вот видит: Парыж-город парит».

Он поселяется в гостинице, где хозяин предлагает ему быть вместо сына. Герой просит «орган о двенадцати голосах» и так на нем «играет и нежно припевает», что весь народ туда собирается, другие гостиницы пустуют и дело доходит до французского короля, который приезжает его послушать и берет его во дворец. «Все стоёт нашего царя сын вперед, а французского назад». Иван царевич на деревянном орле влетает каждую ночь к королевне, соблазняет ее, французский король приговаривает их обоих к «висельнице», но они улетают на деревянном орле: «вон, говорит, наши голуби вашу пшеничку клюют», — и таким родом улетел из Франции»; прилетел домой и объявляет отцу: «Был я во Франции, а эта французска короля дочь и привез за себя замуж».

В сказках Аксаментова, записанных Азадовским в тридцатых годах нашего века, имеется и тот «кабацкий идеал», о котором печалился когда-то академик А. Н. Пыпин. Сказка об орле начинается в кабаке, где «три пьяницы пьют вино» и, наподобие девушек из сказки о царе Салтане, выражают свои желания: один, были бы деньги, купил бы железа, «сделал бы роту солдат, поставил бы их во фронт и они стали бы у меня проделывать». Другой, были бы деньги, обмундировал бы этих солдат, а третий построил бы деревянного орла для полетов. «Как раз пригодился в это время городской к кабаку, пошел, доложил государю». Государь призвал их к себе, дал им денег и каждый проявил свое искусство. Перед тем они пошли в кабак, выпили, «сделались пьяные и разбрелись кто куда». К назначенному дню всё было готово. «Государь вышел на крыльцо». Первый вы-

ставил своих солдат, которые по команде «стали смиренно и равняться», портной сразу их одел, а орельщик «сделал попытку вверх, спустился вниз» и заявил: «Теперь, ваше императорское величество требуются бумаги для планов». Царь выдал деньги «и вот в четверо суток по всему белу свету облетел и все планы составил». Государь планы одобрил, денег дал, сколько «орельщик» пожелал, и одарил его стаканом, по которому в любой лавке выдадут товару, а в любом кабаке водку. Солдат оставляет свое изобретение и больше в сказке не появляется, а на деревянном орле улетает в свои странствия Иван-царевич и добывает себе французскую королеву.

В сказке «О трех царских дочерях», которая является вариантом темы о трех царствах, — царь посылает на поиски своих пропавших дочерей, выдает деньги, но «в конце города стоит кабак», куда и заходят солдат и два генерала, играющие ту же роль, что старшие сыновья в сказке. Они пропивают деньги и дальше действие развивается по обычной схеме: генералы присваивают себе удачу солдата, называют себя спасителями, но разоблачены и наказаны. Солдат, совершив свой подвиг и освободив царевен, не заботится о награде: он напивается и валяется в грязи. Но он и в грязи хорош: царевны выходят из золотой кареты, очищают его, привозят во дворец, и младшая выходит за него замуж. Этот эпизод отчасти навеян житиями юродивых и Алексея Божия человека, которого слуги обливали помоями, но чей золотой гроб несли короли и архиепископы. Доблесть и душевное благородство солдата — забубенной головушки, — не страдают от его внешнего положения; царевны принимают его в самом казалось бы непривлекательном виде. Тут сказывается основная тема сказок — торжество униженного над сильными и гордыми, Иванушки над братьями, бедняка «Козьей шкуры» над чиновными зятьями.

При изучении сказок делались попытки разложить их на составные элементы и установить как бы математическую формулу, каждый член которой мог бы быть разобран отдельно. По определению А. Н. Веселовского,

«сюжеты являются комплексом мотивов» или «серией мотивов», каждый из которых является отдельной единицей. В. Пропп в «Мифологии сказки» указывает на многочисленность этих основных единиц — мотивов. «Змей похищает дочь царя» составляет четырехчленную формулу, каждый элемент которой может быть подвергнут изменению. Вместо Змея может быть Кашей, вместо похищения может быть попытка убийства, вампиризм, оборотничество или какое-либо другое действие, направленное против царевны. Вместо дочери может быть сестра, жена, племянница, как Завава Путятишна. Вместо царя может быть царевич, поп, крестьянин. Таким образом могут быть подразделены части основной формулы, составляющей мотив.

Так же можно разобрать основные сюжеты волшебных сказок. Три царства — золотое, серебряное, медное, появляются во многих сказочных сюжетах разных стран. Во фламандской сказке «Двенадцать пляшущих принцесс» подземное царство состоит из серебряного, золотого и бриллиантового сада, в котором неутомимо пляшут зачарованные принцы. Мотив «чудесного бегства», с превращениями в различных зверей и в разные предметы, появляется в западно-европейских сказках и восходит к древности. Он использован при бегстве Игоря в Слове о Полку Игореве, в XII в.

Сказания о змееборце, о встающих из гроба мертвецах, о заветном кольце относятся к странствующим мотивам, известным с древних времен.

Наряду с основными героями, как Иванушка, появляются лица, воплощающие лишь одно из свойств: Обьедало, Опивало, Развали-Железо, Развали-Стену, Дубыня. Они исполняют по ходу действия лишь одну определенную функцию. Аксессуары действия составляют отдельную категорию «волшебных предметов», которые помогают герою преодолеть препятствия и победить в борьбе: меч-кладенец, скатерть-самобранка, дубинка-самобой, шапка-невидимка, чудесный мешок с выскакивающими из него солдатами, чудесная дудка, по зову которой выскакивают три молодца, «напоят, накормят». Из

мира причитаний и заговоров занесены в сказку зловещие предметы, которые сами начинают кровоточить при смерти героя, или предметы роковые, отражающие память о подлинных отравлениях, когда напоенная ядом булавка или гребень приносит внезапную смерть или же видимость смерти.

В сонме женских образов есть гонимые девушки, кроткие и невинные, которые побеждают в конце, — и роковые женщины, хитростью или чарами стремящиеся погубить героиню. Любопытно, что тот же контраст двух женских образов перешел и в литературу вплоть до наших дней. «На бойком месте» Островского построено на том же конфликте роковой женщины с оказавшейся в ее власти девушкой, которая выходит из столкновения победительницей. В польской литературе «Снег» Пшебышевского рисует гибель чистой, как снег, молодой женщины, чью жизнь разрушает холодная и злая красота ее подруги. Этот мотив постоянно повторяется в сказках всех народов.

После присказки, в которой проявляется свободная поэтическая фантазия вне связи с сюжетом, излагается прежде всего основное положение: место происшествия «в некотором царстве, в некотором государстве» или просто «жили-были», и дальше перечисляются действующие лица, после чего рассказ начинается обычно с главного мотива сказки: появления какой-либо таинственной порчи урожая или скота, которую надо выяснить, или чего-либо, обостряющего ненависть мачехи к падчерице, или просто решения трех братьев отправиться по поручению отца, или какого-либо другого повода для нарушения прежней ровной жизни, которая указывается несколькими словами в начале. Если в сказке много перипетий, то для усиления впечатления делаются передышки, которые заполняются условными формулами, вроде «скоро сказка сказывается да не скоро дело делается», или в случае трудно выполнимого поручения «не тужи, ложись спать, утро вечера мудренее» и к утру поручение выполнено или выполнение его подготовлено мудрой женою или чудесным помощником.

Формулы обращений повторяются без изменения, сколько бы раз они ни встречались в рассказе: «сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой», «конь бежит, земля дрожит, из ноздрей дым, из ушей пламя пышет»; избушке велят: «повернись к лесу задом, ко мне передом», а красавицы оказываются такими, «что ни в сказке сказать, ни пером описать». Формулы эти переходят из одной сказки в другую, как если бы от перестановки или замены слова они потеряли бы свое магическое действие. Каждый волшебный предмет имеет особую формулу, которая заставляет его действовать. Это как бы остатки древних волхвований, которые вошли в сказочную оправу, не поддаваясь изменениям или вариантам.

Сказка пользуется фигурой повторений, причем дословно воспроизводится при каждом новом явлении всё, относившееся к прежнему: если герой бьется с чудовищами о трех, шести, девяти головах, то каждый раз их встреча будет описана одинаковой формулой, лишь с изменением числа голов и финальной строки. Таким образом достигается медленное нарастание эмоции ужаса, подготовляющего катарзис победы и освобождения. Этот же прием повторения или цепи применяется и в сказках о животных, хотя их общая схема значительно проще.

Были попытки создать номенклатуру сказочных международных сюжетов и составить как бы каталог основных мотивов.

Немецкий ученый Ган сводил сказки к сорока основным сюжетам, В. В. Владимиров во «Введении в историю русской словесности» в 1826 г., делил их на сказки животного эпоса, бытовые и мифологические и в итоге приходил почти к той же цифре в сорок один сюжет. А. М. Смирнов в 1911 г. составил «Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок», изданный «Известиями отделения русского языка и словесности Академии Наук». В том же 1911 г. был издан труд финского фольклориста Анти Аарне на немецком

языке, впоследствии переведенный на английский. Аарне разделил сказки на четыре отдела: сказки волшебные, сказки-легенды, сказки-новеллы, сказки о глупом чорте, и в каждом отделе дал перечень основных тематических групп под общим названием, как «Чудесные предметы», «Чудесный помощник», которые объединяют различные волшебные сюжеты. Всего он указал две тысячи основных сказочных тем, оставив возможность добавлять отдельные варианты сюжетов по распределенным им рубрикам. В 1929 г. ленинградский проф. Н. П. Андреев выпустил «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне», сохраняя номера и перечень сюжетов финского фольклориста неизменными, лишь с некоторыми дополнениями. К каждому основному сюжету добавляются вариации с заменой одного или нескольких действующих лиц, предметов или действий, но с сохранением главной темы.

Он насчитывает 915 основных сюжетов и больше тысячи номеров с вариантами.

Такая нумерация тем, оторванных от существа сказки, несомненно, облегчает их изучение по группам. Но для этого приходится рассекать сказку, в которой сплетаются несколько тематических групп, и разносить ее по различным номерам каталога. Сложная живая ткань сказки мертвеет, и внутреннее строение сказки может быть истолковано по случайным деталям. Каталог сказочных тем может помочь при изучении параллелей с западно-европейскими и восточными сказками и при подсчете вариантов, но, устремляя внимание на внешние сюжетные комбинации, может помешать рассмотрению художественных элементов сказки. По существу такой сюжетный указатель мог бы быть составлен для любой отрасли литературы, — романа, драмы, стихов, — и тогда «Преступление и наказание» попало бы в рубрику «убийство старухи» вместе с полицейскими романами, а «Анна Каренина» в рубрику «преступная связь» с подотделами «забытые игрушки» и «железнодорожная катастрофа». Признавая значение Систематического указателя, приходится относиться с осторож-

ностью к выводам, которые делаются на основании анатомического разбора тем.

Тематическое, лингвистическое, этнографическое изучение, признание за каждым сказителем права на самостоятельный вариант и на введение новых эпизодов, являются лишь подготовительной работой для восприятия сказки, как цельного художественного произведения коллективного автора, который остается анонимным, несмотря на раскрытие имен отдельных сказителей. Тщательная запись Афанасьева и Даля, выбиравших наиболее художественные варианты и дававших к ним дополнительные, сохранили старинную сказку в ее прежней форме. Новые записи и вызванное ими соревнование между сказителями различных областей России могут содействовать оживлению сказочного жанра. При последующих передачах личное и случайное будет промыто потоком времени и наиболее ценное отслоится, как это было со старинными сказками, которые остаются образцом меткости и художественной прелести.

Сказители обладают запасом пословиц, поговорок, прибауток, побасенок, небылиц. В. И. Даль издал в 1853 г. «Сборник пословиц», который и в настоящее время остается наиболее ценным пособием. По определению Даля, пословица — коротенькая притча. Как всякая притча, она состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения, и из приложения, толкования, поучения. Иногда вторая часть опускается, тогда пословица почти не отличается от поговорки. В пословице должно быть суждение, приговор, хотя бы подразумеваемые. Она сама дает свое определение: «Голая речь не пословица», «Пословица ведется, как изба веником метется», «И на нашу спесь пословица есть», «И на твою честь пословица есть». В пословице есть и совет: «Всякая рыба хороша, коли на уду пошла», ничем пренебрегать не следует. По народному определению, поговорка цветок, а пословица ягодка. Поговорка — окольная речь, не заключающая в себе притчи, это первая часть пословицы.

Приговорки или пустоговорки, когда одно слово

или выражение часто приговаривается: «Очень хорошо это самое дело» или в сказке: «Близко ли далеко ли, низко ли высоко ли», «скоро сказка сказывается да не скоро дело делается». Присловие близко к прозвищу, но относится не к одному лицу, а к целой группе «Рязанцы синебрюхие». Роль аллитераций, ритма, рифмы очень велика в поговорках и пословицах. Они имеют поэтическую форму и высказывают суждение с точностью афоризма, легко запоминаемого. Петр Великий боролся против пословицы «поспешишь людей насмешишь», и чтобы уменьшить ее влияние, создал собственную: «Промедление смерти подобно». Каждая из них состоит только из трех слов — одно в первой части, два во второй. Народная пословица построена на повторении вкрадчиво шипящих, будто шепчущих согласных и мягких гласных, причем каждому из двух глаголов дана в начале одна твердая гласная: пОспешишь — нАсмешишь. В изречении Петра преобладает О: прОмедление — пОдОбнО. Народная пословица продолжает жить в разговорной речи, тогда как отлитое будто из стали изречение Петра сохранилось лишь в бумагах его времени и иногда приводится, как цитата. Как бы в параллель прежнему, живет другая народная пословица на одних О: скОрО да не спОрО. Множество новых пословиц, поговорок, прибауток сочиняются непрерывно и украшают речь сказителей, раешников, кукольников, балагуров, придавая ей красочность и занимательность. Но лишь очень немногое сохраняется из этих пословиц-однодневок и увеличивает основной запас, который собирался веками. Отбор в этой части устной поэзии отличается особой требовательностью.

Основной ритм пословиц и поговорок составляют дактиль и анапест.

Богданович в сборнике пословиц дает свой вариант:

Не бесчести в загонях добра молодца,

Загонишь и волка — будет овца.

У Даля обратное: сделайся овцой, а волки найдутся.

На близкую тему: и от доброй собаки блох наберешься.

Прибаутка иногда рисует бытовой тип. У болтуна:
Рот нараспашку, язык на плечо.

У красная: он спроста не говорит, растопырит слово, что вилы, да и молотит.

Иногда прибаутка переходит в поговорку по своему смыслу:

Лошади чужие, кнут не свой — погоняй, не стой.

Иногда прибаутка создается под влиянием реального факта. Так, привычка вытряхивать табак из трубки, ударяя ею об угол здания, отразилась в поговорке:

Бежечане и колокольню рожком подбили.

Присловия пользуются диалогом:

Пенжане свою ворону в Москве узнали. — Ты чей молодец? — Зубчевский купец. — А где был? — В Москве по миру ходил.

Или: Ты что делаешь? — Да ничего. — А ты что? — Да я ему помогаю.

На ту же тему о лентяе: Тит, пойдем молотить? — Брюхо болит, — Тит, пойдись кисель есть. — А где моя большая ложка?

Прибаутка, пустобайка принимает форму куплета:

Сбил, сколотил, — вот колесо.

— Сел да поехал — ах, хорошо!

Оглянулся назад —

Одни спицы лежат.

В сборнике Даля поговорки распределены по содержанию: о родных — вроде «Наша тетка и сама лебедка», о работе, о людских отношениях, о животных и на другие темы.

Особый отдел составляют загадки и скороговорки. Загадки печальные: иная вода стоит крови. Разгадка — слеза. Много загадок составлено для забавы: две ковырки, две подковырки, один вертун да два яхонта, или четыре четвёрки, две растопырки, один вертун да два яхонта. — Разгадка для обеих — кот.

Скороговорку определяет Даль как упражнение, в скором и чистом произношении. Но чаще всего ею пользуются для забавы:

Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под

попом, поп под колпаком. Или: рапортовал да не дорапортовал, а стал дорапортовывать, зарапортовался.

Такие пословицы, как «Один в поле не воин» или «На миру и смерть красна» отражают мораль древнего соборного начала. В пословицах, присловиях, краснобайках отразились не только народные понятия, но иногда отсветы былой жизни, выраженные в нескольких метких словах.

Уже в 1864 г. М. Семевский отметил в своей статье «Сказочник Ерофей», напечатанной в «Отечественных записках», что большинство сказителей принадлежат к бедному, несчастливому слою крестьянства. Это впоследствии было подтверждено собирателями вплоть до наших дней. Описанный М. И. Семевским Ерофей, в просторечии Ерёха, был сгорбленным стариком с морщинистым лицом и вечно-лукавою улыбкой. В пору крепостничества он много претерпел от помещика и злых старост, но преобразил испытанное в сатирические сказки о том, как мужик старосту в пекло сvez и как барин потом мужика опасался, или о том, как староста, каков бы ни был ответ мужика, неизменно заявлял «я тебя за это слово накажу». Ерёха к своим бедам относился с кроткой иронией и даже сказку о Правде и Кривде изменял, кончая ее победой добра и полным посрамлением зла. Сказки помогали ему преображать печальную свою жизнь в поэтическую мечту о небывалой победе. Сказка утешала самого сказочника, как и его слушателей. Народный сказитель разделяет судьбу поэта и к нему применимы стихи Е. Боратынского «Бесенок»:

...Случится ль горе иль беда,
Иль безотчетно иногда
Сгрустнется мне в моей конурке, —
Махну рукой: по старине
На сером волке, сивке-бурке
Он мигом явится ко мне.
Больному духу здравьем свистнет,
Бобами думу разведет,
Живой водой веселье вспрыснет,
А горе мертвою зальет.

...Проворно шапку-невидимку
На шар земной набросит он,
Или в мгновение зеницы,
Чудесный коврик-самолет
Он подо мною развернет,
И коврик тот в сады Жар-Птицы,
В чертоги дивной царь-девицы
Меня по воздуху несет.
Прощай, владенье грустной были,
Меня смущавшее досель.
Я от твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

Таково было значение сказки для сказителя и его слушателей во все времена.

Народная сказка является отчасти отзвуком древних языческих сказаний, утеревших свой мифологический характер и перенесенных в житейскую обстановку. Сверхъестественные существа в сказке приобретают бытовой характер. Сказка старается приблизиться к жизни, но сохраняет отсвет нереального мира, отличающий ее от повести. Сказочник признает недостоверность ее и говорит: «Не любо не слушай, а врать не мешай».

Глава III — Былины

Былина не «врет». Она должна рассказывать о том, что было. Сказители называли ее стариной, повестью о том, что произошло очень давно. Позднее ее называли былиной от слова быть. В основу былин легли действительные события, отзвук которых встречается в русских и иноземных хрониках. Иногда можно установить, что именно послужило поводом к созданию былины. Имя Ильи Муромца упоминается в древне-германской поэме «Ортнит» и в норвежской «Тидрек саге» тринадцатого века, где «князь Илья» назван славным и могучим воином. О Добрыне и Александре (Алеше) Поповиче говорится в летописях. Добрыня был дядею киевского князя Владимира. В Патриаршей летописи сказано, что князь Владимир «надел гривну на Алешу По-

повича и сотвори его вельможей в палате своей». Упоминается, как в Новгороде «Путята крестил мечом», а «Добрыня огнем».

Былина современна воспеваемому в ней событию. Она не заботится об исторической точности, связывает воедино события, разделенные временем, переносит действие с одного лица на другое, не знает ни хронологии, ни последовательности, но всё же передает основной характер события.

Всему найдено в былине меткое слово, блистательный образ, незабываемый эпитет, — вся древняя Русь уложилась в эпосе. Его поэтическая сила и почти пророческая верность в определении основных исторических стихий, действующих на Руси, остаются непревзойденными. Никакие подражания не могли приблизиться к величественной красоте и меткости былины, как никакие современные строители не могли создать готический собор или средневековый витраж. Нужно было накопление творческих сил, искавших выхода в героической песне. Созданию былин способствовало отсутствие иного способа закрепления в памяти поразивших воображение событий. Былинная поэзия старше летописных записей, которые иногда пользуются эпическими сказаниями.

Былина могла первоначально быть создана отдельным певцом, на это имеются указания в самом эпосе. Добрыня, вернувшись из странствий, пел о своих товарищах. Певцы-дружинники могли воспевать подвиги павших в бою и доблесть живых. Песни подхватывались, передавались другими певцами, украшались подробностями, иногда даже меняли имя героя, — и продолжали свою жизнь в веках. Авторство былинного зачинателя смывалось волною последующих перепевов. Особенного значения авторству не придавалось. Подчеркивается искусство Добрыни Никитича играть на гуслях, а не его умение складывать былинку: «Такой игры на свете не слыхано». В Слове о Полку Игореве говорится об умении Бояна играть на гуслях не меньше, чем об его поэтическом творчестве.

Былинный эпос не был собран воедино, как финская Калевала, и не был посвящен определенному историческому событию, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Былины остались в виде отдельных поэм различной длины и разнообразного содержания, объединенные лишь общностью героев и тона. Созданы они были еще в первые века жизни России, а записаны были впервые лишь в конце восемнадцатого века. Зародились они на юге, в Киеве, и в вольной республике Новгорода на севере, и в течение веков передавались из уст в уста, постепенно отходя на север. Лучше всего былины сохранились в Прионежье, куда не проникала городская промышленная жизнь и где мало распространена была грамотность. Сказители были почти исключительно крестьянами, чья память, не утомленная чтением, свободно удерживала поэмы по несколько тысяч стихов. Занимаясь ручным ремеслом, они сказывали былины в долгие рабочие дни, а подручные слушали, запоминали и сами потом становились сказителями. Так жила былина из поколения в поколение, украшаясь, набирая новые подробности, шлифуя свой стих в потоке времен. Искусные сказители пользовались почетом. Собиратели девятнадцатого века, то есть почти тысячу лет после первоначального создания былин, поражались памятью крестьян и их искусством речитатива. Сказители на протяжении веков переносили из одной былины в другую понравившиеся подробности, кое-что добавляли, кое-что убавляли, но события и герои оставались неизменными, словно высеченные из камня. Повествуя о древних событиях и людях, былина навсегда запечатлела то, что было основным в характере народа и страны, и стала живым свидетельством о России.

В прионежской былине сохранились указания на южную природу Киевской Руси, но иногда добавлялись черты северного края: так богатырский конь

Мхи, болота перескакивал,
Мелкие озера промеж ног пускал.

Первые собиратели в Прионежье отметили основные размеры былинного стиха, соблюдаемые всеми ска-

зителями. Тонический стих вошел в русскую письменность лишь в восемнадцатом веке, но в русской устной поэзии, в песне и былине, народ издавна пользовался тоническими метрами, более подходящими к языку, чем заимствованный у Польши силлабический, господствовавший в письменности семнадцатого века. В былинах чередовались размеры хорей, анапеста и хорео-дактиля. Хорей с дактилем в конце стиха был преобладающим в прионежских былинах. Перемена настроения определяла перемену метра. Хореодактилический размер начала былин о Чуриле и о Дунае сменяется чистым хореем в драматическом финале. Эта роль хорей была указана поэтическими новаторами восемнадцатого века при изучении русской песни. Стих былин легкий, короткий, в четыре, иногда в пять, или шесть стоп и в редких случаях в семь, как это было отмечено первыми собирателями.

Былины повествуют не об определенных событиях, а о людях, и потому разделяются не по сюжетам, а по героям. Герои распределяются по трем категориям: старшие и младшие богатыри, и эпизодические герои. Старшие богатыри ближе к природе, младшие не обладают стихийными свойствами старших и связаны с условиями жизни. Женщины не появляются в былинах о старших богатырях и входят эпизодически в былины о младших.

Из цикла о старших богатырях уцелело немного. Иные, как Самсон-богатырь и Иванище, появляются в былинах о младших богатырях, хотя по своим свойствам близки к старшим. Самсон-богатырь в некоторых былинах назван крестным отцом Ильи Муромца. Из былин о старших богатырях сохранилось лишь то, что вошло в позднейший цикл о младших. Святогор показан не в пору своего расцвета, а в конце своего богатырства, когда он передает его младшему поколению.

Святогор не связан ни с какой группой и не занимает никакого сословного положения. Он не князь, не дружинник и не крестьянин. Он относится к эпохе, когда еще не образовались отчетливо ограниченные сосло-

вия. В большинстве былин он не связан и с местностью. Он не может гулять по Руси, а принимает богатырей у себя. Тут он обретает легендарный нечеловеческий облик. «Не ездил он на Святую Русь, не носила его да мать сыра земля». Россия сливается с понятием всей земли, и Святогор оказывается за ее пределами, подобно мифическим существам.

Я бы ездил тут на матушку сыру землю,
Не носит меня мать сыра земля.
Мне не придано тут ездить на Святую Русь,
Мне позволено тут ездить по горам да по высоким
Да по щелейкам по толстым.

Святогор дает свое имя Святым Горам под Киевом. Он предлагает младшему богатырю Илье поехать по горным ущельям — «щелейкам»: ко «нунечу»-башне, вершине.

Мы съездим же ко нунечу по щелейкам,
А поедим-ка со мной да по Святым горам.

Святогор воплощает вольную несокрушимую силу. Для людей он неуязвим. Удар богатырского копья для него укус мухи: «Как кусаются мухи русские да до-больна». Нападение самого могучего богатыря для него шутка. Чтобы победить Святогора, нужна сила нездешняя.

По основной версии Святогор навеки уходит в землю, потому что хотел один поднять всю «тяготу земную» — символ изумительный по силе. Мистические «калики перехожие», подобно трем библейским странникам, являются Святогору и предлагают ему поднять сумочку, в которой заключена вся тягота земная. Святогор чрезмерно верит в себя, — грех, всегда несущий наказание в былинах. Он берется поднять сумочку, но увязает по колени; вновь пытается поднять и увязает по грудь; наконец, совсем уходит в землю. Калики, исполнив миссию, поднимают сумку и удаляются. Святогор уходит в землю во всей полноте сил. Его мощь схоронена в земле и придает зарождающейся России ее нерушимую силу, помогающую преодолеть грядущие беды. Святогор хотел поднять всю тяготу земную, как прихо-

дилось России в ее исторической судьбе. Таков первый русский богатырь в основной о нем былинке.

В другой версии Святогор встречает богатыря: Самсона в одном варианте, Илью в другом. Он подъезжает с ним к каменной гробнице, окованной железными обручами. Святогор разрубает железные оковы, открывается гроб. Святогор хочет испытать, впору ли ему гроб, ложится в него, но встать уже не может. Гроб оказывается по мерке. Святогор складывает руки и каменеет. В одном из вариантов Илья Муромец едет со Святогором по горам, находит открытую гробницу и, слезши с коня, сам ложится в гроб.

А ложится он в гроб в этот в огромный,
А этот гроб-то Илье Муромцу да долог был.

Только после этого

Опускается богатырь Святогорский
А с того было с добра коня,
А ложился он в плащаницу то дивную
Та же плащаница да по нем пришла.

Святогор просит Илью высвободить его:

Да не мог поднять он Святогора тут богатыря
А с того гроба глубокого.

Святогор снова просит:

Ты сломай-ка эти щелья да высокие
А повыздань-ка с гроба меня глубокого.

Но каждый удар могучей палицы Ильи по замуровавшей Святогора горе только ставит новые обручи и скрепляет гроб:

Что ударит, тут же обруч было ставится.

Святогор тут называется Святогорским богатырем, уже сливаясь с поглощающими его горами. Он посылает Илью за «прощеньцем» к своему отцу «древнему да темному». Илья, выполнив поручение, возвращается к горе:

К Святогору да богатырю
Он привозит тут прощеньце ему вечное.
С им же он да тут прощается.
Святогор же тут он кончается.

Видно, как к первоначальному краткому рассказу о ги-

бели Святогора, в процессе передачи, добавляются новые эпизоды.

В этой былине Святогор с его «древним да темным» отцом принимает почти мифологический облик. Святогор гибнет не от человека или зверя, но приняв мистическую весть, что его пора миновала. Образ гробницы, в которой каменеет богатырь, мог быть навеян памятью о схимниках, уходивших в каменные пещеры в горах под Киевом.

Гибель Святогора определяет конец эры вольного богатырства. На смену ему явились младшие богатыри, которые действовали сообща для национального дела. Святогор представляет первую эпоху заселения свободных пространств. Последующая эпоха, представленная младшими богатырями, является эпохой устройства русской земли и ограждения ее от внешних врагов.

Святогор воплощает удаль и мощь первой вольницы, занимавшей новые земли. Второй из старших богатырей олицетворяет силу хлебопашества и носит имя покровителя сельских работ, св. Николая, Микулы в крестьянском произношении. Миссия Микулы Селяниновича в том, чтобы обратить вольные пространства в нивы, леса и болота — в колосистые поля. Он оратай, т. е. пахарь, крестьянин, и его дело перепахать всю безбрежную Русь, обсеменить ее земли. Такова и на самом деле была историческая миссия крестьянства на протяжении веков.

В этой работе Микула проявляет свою богатырскую силу, для которой нипочем огромные камни и могучие деревья древних лесов.

Как тут Микулушка орал да пахал,
А он сосенки да елки в борозду валил...

Тут использовано тавтологическое повторение: орал да пахал.

В отличие от эпоса других стран, от Калевалы с ее описаниями домашнего быта, кушаний, утвари, житейская обстановка отмечается в русской былине лишь по ходу действия. Микула Селянинович представлен как обобщенный образ землепашца, а не как реальный житель села. Былина ограничивается необходимыми ука-

заниями при описании битв, свадеб, пиров. Бытовая оболочка является лишь слегка очерченной формой для передачи идеи или чувства, которое одушевляло певца и заставляло его взяться за гусли. Это позволило былине прожить тысячелетие, не потеряв своей действенной силы.

Герои русских былин живут в неопределенной обстановке, в которой ясна лишь одна черта: то, что они в России. Они вне определенной эпохи и определенной местности, но в крепкой и любимой России, готовой требовать от своих сынов самоотверженной службы на общее благо. Только эта черта скрепляет воедино всю семью старших и младших богатырей: их принадлежность России, готовность служить ей, когда она зовет.

Микула не обладает никакой особой внешностью, никакими чудесными машинами. Он пашет обычной крестьянской сохой и лошаденка его обычная, крестьянская:

У ратоя кобылка соловенькая.

Выполняя свою крестьянскую работу, он идет за сохой по необозримой русской земле, которую надо распахать, засеять от края до края:

А орет (пашет) в поле ратой, понукивает,
А у ратоя-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивает.

Земли русские в ту пору были покрыты густыми лесами. Но сила у пахаря была такая, что ни леса, ни камни ему нипочем:

А орет-то в поле ратой, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет, другого не видать.
То коренья камня вывертывает,
Да великие он камня в борозду валит.

Это древний пахарь, которому дано было лесистую Русь обратить в хлебные нивы, чтобы прокормить народ и дружину. Его роль подчеркнута при его встрече с Вольгою Святославичем, носителем исторического имени одного из князей удельного периода.

Вольга-дружинник. Его обязанность охранять сво-

им мечом русскую землю от врагов. Вольга не безграмотный селянин. Он ученый грамотей. Ему открыта вся премудрость, какую представлялась народу книжная ученость, близкая чародейству. «Похотелось Вольги да много мудрости» и он достиг того, о чем искони мечтал человек и что осуществилось в наше время: плавать под водой, летать над землей, обладать силой и быстротою на суше:

Щукой рыбою ходить Вольги во синих морях
Птицей соколом летать Вольги под оболки,
Волком рыскать во чистых полях.

За много веков народ определил точно, к чему привела «премудрость»: Вольга так могуществен, что его страшатся рыбы, птицы и звери:

Уходили то вси рыбушки во глубоки моря,
Улетали вси птички за оболки,
Убегали вси звери за темны леса.

У Вольги есть своя дружина:

Тридцать молодцов без единого,
Сам Вольга во тридцатых.

Число тридцать, связанное с годами земной жизни Христа, часто появляется в былинах и сказках.

Всё может чудодей Вольга. Но что сила и мудрость дружинника перед простою спокойною силой и мудростью пахаря? Увидев в поле крестьянина, Вольга скачет к нему, но не может доскакать.

День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
...Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до пабедья
Со своей со дружинушкой хороброю.

Только тогда он настигает Микулу Селяниновича, который, не прибавляя шагу и не обращая внимания на скачущего всадника, делает не спеша свое дело:

С края в край бороздки пометывает.

Вольга приветствует Микулу:

Бог тебе помочь, оратюшко,
А орати да пахать да крестьянствовати.

Микула признает:

Мне-ка надобна Божья помочь крестьянствовать.

Услышав, что Вольга едет в город за получкою, Микула небрежно замечает, что и сам там был «на своей кобылке соловой», да «живут в городе разбойники», требующие подорожных: крестьяне извечно держали обиду на городских, которые брали с них непосильные налоги. Микула уплатил налоги палочными ударами, бунтарски избив сборщиков податей:

А я был с шалыгой подорожною,
А платил им гроши я подорожные:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лежа лежит.

Побив чиновников, Микула

Два меха-то соли привез по сороку пуд.

Соль являлась роскошью в крестьянском быту, так как была обложена особым налогом. Через всю крестьянскую историю проходит борьба против городских поборов и против налогов на соль. Об этом говорит летопись, и в XIX в. пишет стихотворение в прозе Тургенев. Подвиг Микулы отвечал современности еще в XX в., и на ту же тему написана «Соль» Бабея.

Вольга предлагает Микуле сопутствовать в поездке, но Микула играет с ним шутку. Чтобы показать свое превосходство, он просит дружину выдернуть соху, которую способен вытащить любой крестьянин:

А оставил я сошку в бороздки,
Да не гля-ради прохожего проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет молодцу крестьянствовать.

Разговаривая с князем-дружинником, Микула и сам называет крестьянина «деревенщиной». Дабы «мужик-деревенщина» не унес его соху, Микула просит Вольгу послать дружинников взять ее и бросить за ракитов куст. Но дружинники сначала поодиночке, потом все вместе, не в силах выполнить того, что доступно любому крестьянину:

Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошки от земли поднять нельзя,

Да не могут они сошку с земельки повыдернути.
Из омешиков земельки повытряхнуть.

Микула одной рукой делает это:

Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

Он не преминул посмеяться над дружиною:

Ай же Вольга Святославгович,
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя...
...Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоаясть.

Дружина только хлеб ест, который поставляет ей крестьянин. Микула называет дружинников «хлебоаясть» — дармоедами. Вольга не участвует в этом состязании крестьянства и дружины: он только посылает ее, но сам вытаскивать соху не идет. Былина таким образом не затрагивает князя.

Крестьянин толковее и сильнее княжеской дружины, но и лошадь крестьянская, смиренная кобылка соловенькая, сильнее и лучше княжеского коня:

А у ратоя кобылка она рысью идет,
А Вольгин-то конь да поскакивает,
А у ратоя кобылка грудью пошла,
Так Вольгин-то конь оставаается.
Стал Вольга покрывквати,
Стал колпаком Вольга помахивати,
Говорил Вольга таковы слова:
Стой-ко, постой, да оратаюшко.

Микула выказал свое превосходство во всём. Но Вольга не хочет признать себя побежденным и говорит покровительственно:

Эта кобылка конем бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали.

Микула горделиво прерывает князя:

Жеребчиком взял ю спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей.
Этая кобылка конем бы была,
Этой бы кобылке и сметы нет.

Но не бывать кобылке конем, как не бывать крестья-

нину знатным князем. Тут параллель очевидна: кобылка считается ниже коня, хоть и обгоняет его, крестьянин по своим правам ниже дружинника, хотя нужнее и сильнее его.

Микула не отдельный крестьянин, он представляет собою собирательный образ всей крестьянской общины и труд его для всех. Когда Вольга спрашивает его об его имени, он не отвечает прямо, а рисует картину крестьянской работы, и только в заключение дано его имя:

Ай же ты Вольга Святославгович,
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру, да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликивати:
Ай ты молодой Микулушка Селянинович!

Начальное имя Вольги и заключительное Микулы как бы окружают кольцом всю тираду.

Этим апофеозом крестьянства заканчивается былина о встрече княжеской дружины с пахарем, записанная Гильфердингом со слов Трофима Григорьевича Рябина в Кижях. Микула — молодой. Ни в одной былине нет и намек на возможность его болезни, старости или смерти, о которых поминается даже в былинах об Илье Муромце. Миссия крестьянства постоянна, и хлебопашец всегда должен быть молод и силен.

Былины о старших богатырях немногочисленны. Как горы на далеком горизонте, высятся образы первых зачинателей России, чеканно ясные в прозрачном воздухе былинной поэзии. Они не ездят по земле в поисках подвигов, как младшие богатыри. Святогора земля не может носить, а Микула всецело занят пашнею.

В былинах позднейшего происхождения Святогор появляется вместе с младшими богатырями, но не как участник, а как вдохновитель других. Так образ Святогора осеняет исторический поход на Царьград. Врата Константинополя, пролив Дарданеллы были исторической мечтой России о свободном выходе в море с са-

мого начала ее жизни, и русский щит на воротах Константинополя, после победы Олега, остался в памяти народа. Поэтому в былине о походе на Царьград участвуют все богатыри, старшие и младшие.

Старшие богатыри встречаются с дружиною, с каликами перехожими, но остаются вольными в своих работах и воинских подвигах. Это первая, докиевская эпоха Руси, эпоха заселения пространств. На смену приходят богатыри младшие, которым дана историческая миссия устройства земли и основания Киевского государства. Святогор, каменя в горах, ограждающих Киев, дает новой столице верную охрану. Схоронив в земле свою неуязвимую силу, он дает России ее неистребимую мощь в веках. Об этом говорят былины старшего цикла. Наследство Святогора принимает от него Илья Муромец. В варианте, записанном на Кенозере Гильфердингом со слов Меншикова, Святогор передает Илье Муромцу свою силу в виде предсмертной «пены»:

Да лижи ты возьми ведь пену мою,
Дак ты будешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильного могучего богатыря.

Старшие богатыри вне сословий и определенных мест. Это — древнейший образ России. Младшие богатыри связаны с местом и распределены по сословиям: среди них представители дружины, духовенства и крестьянства, трех сословий, существовавших в Киевской Руси. Купечество и городское сословие выступают в новгородских былинах. Подобно тому как рыцари Круглого Стола группируются вокруг короля Артура в средневековой легенде, русские младшие богатыри окружают Владимира Красное Солнышко, исторического киевского князя Владимира Святого.

Святогор и Микула невозбранно выполняли свое дело, не зная внешних врагов. Младшие богатыри относятся к эпохе, когда Киевской Руси угрожали постоянные набеги степных кочевников — хазар, печенегов, половцев и, наконец, татар. В былинах говорится о пограничных заставах, об осадах, о битвах. Богатыри со-

вершают военные подвиги, освобождая пути на Руси. Это тот исторический период, когда приходилось совершать походы через мало заселенные земли, держать отряды наготове для отражения внезапных набегов.

Кочевник, не имеющий постоянного дома, живущий в палатке, как птица на ветвях, постоянно меняющий место и бросающийся в битву с воинственным свистом, отразился в былине в виде страшной птицы, Соловья-Разбойника, чей посвист не только убивает людей, но и губит леса, поля и жилища. От свиста Соловья-Разбойника

Так все травушки-муравушки уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонялися.

В образной форме передано горделивое заявление Аттилы «где мой конь ступил, там трава не растет».

Враг — печенег, половчанин, татарин, не христианин: он нехристь, Идолище Поганое, Соловей-Разбойник, Змей Горынич или татарский хан, сам себя называющий собакой — «я собака Калин-царь». Записанные в русских и иностранных хрониках события отвечают былинным воспоминаниям. Былина перекликается с летописью. Как ранняя юность ярче запоминается человеком, так русский народ с наибольшей силою передал в своих песнях повесть о ранних годах России, о первых борениях и победах в годы ее исторической юности. Киевский период русского государства отразился в наибольшем количестве былин, тогда как позднейшие периоды дали сравнительно небольшое число песен.

В центре киевских былин стоит образ идеального князя — Владимира Красное Солнышко. Сказитель относится к нему ласково, любовно, повествует о нем с особой мягкостью, заставляет ему служить с охотой и уважением: к нему в киевский его дом съезжаются богатыри со всей земли русской. Владимир стоит на рубеже двух эпох — языческой и христианской. Былина ни одним словом не помянула самое крещение Руси, языческий период отразился лишь косвенно в образе мифических чудовищ, Русь является уже христианской.

Князь в былине, как и в летописи, зовется своим языческим именем Владимира. Христианское имя Василия, данное ему при крещении, не отразилось в народной памяти. Князь является в былинах лишь формальным главой государства. В минуту беды он действует в былине не сам, а обращается за советом к дружине. Он является не единодержавным монархом, а лишь символом единения.

Тысячелетняя народная память сохранила в былинах пленительный образ доброго князя, о котором говорит летопись. Лаврентьевская летопись под 996 г. сообщает, что в Васильеве князь Владимир, отбив печенегов «постави церковь, и створи праздник великъ, варя 300 проваръ меду. И съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣм градомъ, и люди многы, и раздая убогимъ 300 гривень. Праздновавъ князь дний 8, и възвращашеться Киеву на Успенье Святыя Богородица, и ту пакы сотворяше праздник великъ, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашесе душею и тѣломъ И тако по вся лѣта творяше». Он велел всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать питье и еду и из казны деньгами. Для тех же, кто по старости или болезни не мог придти на княжий двор, он велел на особых телегах развозить хлеб, мясо, рыбу, разные овощи, мед в боченках и в других квас, спрашивать, кто болен и нищ, не может ходить, и давать им на потребу. И то же делал для своих людей: «по вся недѣля устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскимъ, идесяцьским, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего». Это не было забыто народом: былины о Владимире Красное Солнышко неизменно начинались «великим пированьицем» на весь честной мир.

Пассивность князя, а подчас и беспомощность, только делают его милее народному певцу. Самодержавия в Киевской Руси не было, оно установилось лишь в Московском периоде. Киевская Русь была федеративным

государством и именно к ней приурочено большинство былин.

Ласковый князь Владимир Красное Солнышко служит объединению всех сил России. Его дружина делает объезды границ, как это действительно было в киевский период. Когда наступает великая беда, сил дружины оказывается недостаточно, и за помощью приходится обращаться к крестьянству. Крестьянин, младший в государстве, «мужик деревенщина», сиднем сидит в своей деревне и не выходит даже за околицу. Но именно ему выпадает на долю быть спасителем отечества в грозные часы.

Враг залег на смоленской дороге — историческом пути всех нашествий на Русь, от печенегов вплоть до Наполеона и недавних времен. Еще сейчас существует в России Половецкая дорога, прежняя Пахнутьева. Соловей-Разбойник залег у заставы, так что ни птице не пролететь, ни зверю не пробежать. В то же время другой враг захватил Чернигов. Оба торговых пути, северный и южный, заняты врагами. Киев отрезан, князь со своей дружиной бессилён прорвать осаду. Руси угрожает подлинная опасность. Тогда Калики перехожие, носители вещей велений, приходят к Илье Муромцу в село Карачарово, действительно существовавшее у города Муром, и сообщают ему эту весть. Илья неповоротлив, он сиднем сидел тридцать лет и три года, — тут снова повторяется число, связанное с годами земной жизни Христа. Узнав об угрозе Киеву и, по одним вариантам, испив таинственное питье, данное ему каликами, Илья чувствует, как «силушка по жилушкам живчиком переливается». Он берет палицу, выводит коня и отправляется на подвиг освобождения родины.

Во всех вариантах место указано точно: у реки Смородинки, у Черной Грязи, у славного креста Леванидова. Село Карачарово — теперь г. Карачев в Орловской губернии. В окрестностях этого города протекает река Смородинная и находится село Девятидубье, которое местные жители связывают с преданиями о Соловье-Разбойнике.

Илье советуют идти окольным путем, но он идет прямою дорогою. Завидев его, Соловей, свивший гнездо на двенадцати дубах, воинственно свистит. Конь Ильи припадает на колени. Илья бьет его:

Ах ты волчья сыть, да и травяной мешок,
Али ты итти не хошь или нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слышал ли посвисту соловьяго,
Не слышал ли покрику звериноного?

Соловей свистит свирепее, испуганный конь спотыкается сильнее, но Илья удерживает коня и пускает стрелу прямо в глаз Разбойнику. В «Руслане и Людмиле» Пушкина конь Руслана так же спотыкается, когда на него дует Мертвая Голова, но Руслану удается удержать коня и ударить Голову копьём между глаз.

Окривевший от меткого удара Соловей падает с дуба на землю, Илья привязывает его к седлу, и, счастливо миновав Соловьёное гнездо, куда его хотели заманить три дочери разбойника, везет его в Киев к князю Владимиру. Илья проявляет благовоспитанность и знание обычаев: былина всегда настаивает на том, что крестьянин всюду умеет держать себя с достоинством. Оставив пленника связанным на дворе, Илья идет к князю:

Становил коня да посерёд двора,
Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по писаному,
Вел поклоны по ученому,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколанным.

Но к нему не относятся с той же чинной благовоспитанностью. На вопрос князя, откуда он родом и какой дорогой приехал, Илья отвечает правду, что ехал прямою дорогою мимо Чернигова, мимо Черной Грязи, мимо реченки Смородины, мимо Леванидова креста. Князь в гневе подчеркивает низкое происхождение пришельца:

Ай же мужичищо деревенщина
Во глазах мужик да подлыгаешься,
Во глазах мужик да насмехаешься!

Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.

А у Черной Грязи, у речки Смородины, у березы у покля-
пою, у креста Леонидова

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по соловьему,
Как кричит злодей разбойник по звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво лежат.

Ответ крестьянина спокоен:

Ты Владимир князь да стольнё-киевской!
Соловей разбойник на твоём двори.

Князь с почти комической поспешностью накидыва-
ет «кунью шубоньку на одно плечко, шапочку соболью
на одно ушко». Былина дает крестьянину полное удовле-
творение. Когда князь велит разбойнику: «Засвищи-тко,
Соловей, ты по соловьему», Соловей не слушается:

Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Когда по приказу Ильи,

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по звериному,
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались
От него от посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшок, так вси мертвы лежат;
А Владимир князь-от стольно-киевской
Куньей шубонькой да укрывается.

Илья казнит Соловья в чистом поле:

Тоби полно-тко свистать да по-соловьему,
Тоби полно-тко кричать да по-звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молодых,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок.

Возможно, что в былине об этом первом подвиге Ильи отразилось нашествие печенегов, отогнанных от Киева при Ярославе Мудром в 1036 г. Илья успел по дороге очистить от врагов и Чернигов и совершил свой вековой подвиг:

очистил вси пути-дорожки широки
И по всей ли то земли святорусской.

Освободив землю, он ни на кого не нападает первый. Эта черта проходит через все былины, определяя исконное отношение русского народа к миссии героя: охранять и защищать русскую землю, очищать от врага все святорусские дороги, но никогда не нападать первому и не становиться самому насильником. В разных формах эта мысль повторяется неоднократно. Совершив свой подвиг, Илья не ищет никакой награды для себя.

Илья становится дружинником, совершает богатырские объезды, братается с Добрыней. В основных былинах цикла об Илье, он побеждает не только Соловья, но и других врагов, угрожающих России.

Эпитеты настолько прирастают к героям былин, что хан сам говорит о себе: «Я собака Калин-царь», а Дюк называет свою родину «из той ли из Галиции проклятая», как считали ее русские. Илья побеждает собаку Калин-царя, доставляет его в Киев и заставляет платить князю Владимиру дань. Победы вызывают у смиренного в начале Ильи чрезмерную гордость и уверенность в себе. Этим и объясняет сказитель, что, несмотря на присутствие Ильи, татары всё же смогли овладеть русской землей. Подобно повести о том, «Как перевелись богатыри на Святой Руси» или, по другим вариантам, «Как перевелись витязи на Святой Руси», былина говорит о битве Ильи с татарами и о роковой его похвальбе;

Как явилась бы тут сила небесная,
Прирубили бы мы силу всю небесную.

В наказание за кощунство, татарская сила становится неистребимой.

Разрубят татарина единого,
А сделается с един два,
А разрубят и с двух татар да поганных
А сделается с двух да четыре.

В этом изображении битвы сказывается впечатление от несметных татарских полчищ: сколько бы их ни рубили, их как будто становилось только больше.

Светлый облик Ильи не меркнет от его неосторожных слов. Он каменеет подобно Святогору:

Окаменел его конь богатырский
И сделались мощи да святые.

Только этим можно объяснить хозяйничанье татар на русской земле.

В позднейших былинах Илье приписывают любовные похождения и волшебные эпизоды. На него переносятся иноземные сказания: встреча с Еленой Королевичной и волшебное зеркальце, встреча с лукавой женщиной, которую старый Илья перехитрил, заставив ее саму лечь на край постели и быть сброшенной в подземелье, как она хотела сделать с ним.

На Илью был перенесен и странствующий мотив битвы отца с сыном, имеющийся в персидском сказании о Рустеме и Зорабе и в ирландской легенде о Кухулайне, по незнанию убившем сына, посланного к нему матерью. Кухулайн горестно приносит тело сына, оплакивая его смерть. В чистом виде богоборчества мотив этот дан в Библии, в единоборстве Иакова с Богом-Отцом.

В русской былине вина падает на сына. Илья, встретив в бою сына, и узнав его, щадит и посылает с поклоном к матери. Но сын, по одной версии, убивает мать за бесчестие; а по другой, пытается вероломно убить спящего отца, ночью пробравшись в его палатку. И только тогда Илья убивает сына. Он скорбит о нем:

Едино чадушко на сем свете зарожено,
И тому от своих рук да смерть пришла.

Слова Ильи в измененном виде появляются у Гоголя в «Тарасе Бульбе», когда он убивает сына за измену: «Я тебя породил, я тебя и убью». В записанной Гильфердингом былине Илья встречается с дочерью-поляницей и, узнав ее, ласково отпускает: оскорбленная бесчестием своего рождения, она хочет убить его сонного: проснувшийся Илья разрывает ее на части. Сюжет, занесенный из Ирана, встретился с живым воспоминанием об удель-

ных усобицах и позднее, с сыноубийством Ивана Грозного. Склонная всё прощать Ивану за его государственные заслуги, былина быть может не случайно перенесла его деяние на любимейшего богатыря Илью и оправдала его, переложив всю вину на сына. В былине об Иване Грозном сын тоже обвинен в вероломстве. Иван Грозный «повывел измену» в Киеве и Новгороде и, услышав о кознях сына, велит его казнить. Но вопреки истории, грех сыноубийства минует царя Ивана: слуга прячет царевича и, когда гнев царя успокаивается, он приводит царевича к нему; былина кончается радостным пиром у счастливого отца.

Илья Муромец не только защитник русской земли, но и православной веры. Когда грозит беда Византии, откуда пришло на Русь христианство, Илья идет на спасение Царьграда.

Падение Константинополя в 1453 г. отражено в поздних былинах. Вопреки истории, турок удается отбить и освободить Царьград. Илья является на защиту веры в образе пилигрима, калики перехожего и приобретает монументальность Святогора, так что мать сыра-земля не в силах его носить. Костюм у Ильи сборный, платье на нем русское, а шапка греческая. Гуня означала почти рубище, отсюда потом осталось слово гунявый. Образ Ильи, в старости идущего спасти веру христианскую, перерастает границы реального:

Да по той ли по дорожке да по широкой
Да идет-то калика перехожая,
И он де волосом бел, бородой седат,
Да и гуня-то на нем сорочинская,
Да и шляпа-то на нем земли греческой.
Да клюкою де калика подпирается,
Да земля-то под каликой подгибается.

Возможно, что в описании одежды Ильи отразились рассказы паломников о статуе Юстиниана в «сарацынской» одежде: «сарацынская» превратилась в «сорочинскую».

Об овладении Царьградом нехристями, об уничтожении православных храмов и превращении Св. Софии в мечеть былина рассказывает устами легендарного Ива-

нища, который приходит к Илье сообщить страшную весть:

Овладело де поганое Идолище
Да в церквах образа все исприколоты,
И золотая де казна запечатана,
Да и царь то Константин Боголюбovich
Да со своею княгинею во стольниках.

Разорение страны изображено в виде прожорливости врага-сыроядца: кочевники ели мясо сырым и былина переносит это на турок.

Да и сяде-то поганый хлеба кушати,
Да по целой-то ковриге он в рот сует,
Да по целому быку он у выти ест,
Да по целому котлу он да пива пьет.

Идолище при появлении богатыря не узнает его в костюме калики и начинает расспрашивать его об Илье, которого, повидимому, опасается. Илья отвечает, что ростом он с него, калику, а ест, как подобает доброму крестьянину, скромно.

Да не так, как ты, кобыла обжорище;
Как у моего государя у батюшки
Эка была да кобыла обжорища,
Да дробины-то наелась, ей и треснуло.

По другому варианту еще проще:

Была у крестьянина свинья да и обжорливая
Много ела она да и лопнула.

Тут Илья снимает греческую шляпу, открывает свое лицо, побивает Идолище и возвращает царство Константину Боголюбу. Исполнив свою миссию, Илья уходит.

Россия, после падения Константинополя, считалась единственной защитницей греческой православной веры, наследницей византийского церковного главенства. Иван III был женат на Софии Палеолог, племяннице последнего императора, и это поддерживало легенду о «третьем Риме» — Москве. Былина приписывает Илье спасение Царьграда от неверных.

Илья всегда побеждает. Даже когда татары, схватив его, ведут с завязанными глазами на смерть, Илья умудряется поймать татарина за ноги и размахивая им

как палкой, перебить остальных: «направо взмахнет — улица, налево взмахнет — переулочек». Подвиг Ильи так понравился, что приписывался и другим героям: так орудует и Васька Буслаев в новгородских былинах.

Несмотря на обилие вставных эпизодов и их разнообразие, характер Ильи всюду одинаковый: спокойный, медлительный, на брань отвечающий утверждением своей победы и совершающий свои богатырские дела лишь для блага России. Он почтителен к князю, обходителен с дружиной, но, несмотря на все почести, продолжает считать себя крестьянином. Он — представитель народа, защитник родины.

В одной из поздних былин, Илья становится защитником народных прав, мстителем за несправедливость. Тут он теряет свою почтительность к князю и превращается в дерзкого буяна, предводителя «голей кабацких». В былине о ссоре с князем Владимиром он стреляет по маковкам теремов. Нам представляется несомненным, что былины эти нельзя считать принадлежащими к циклу об Илье. Повидимому на Илью были перенесены былины о Стеньке Разине, чьи бунтарские подвиги славились в песнях и легендах. Песни о бунтах, мстивших боярам за народные обиды, преследовались властями, но сохранялись ревниво в крестьянской среде. «Разбойникам» было обеспечено сочувствие, удалые их подвиги были окружены ореолом. Пушкин собирал песни о Разине и Пугачеве. В его ранней поэме «Братья-Разбойники» не столько отражено его увлечение Байроном, сколько передано исконное русское чувство к лихим мстителям. В пору своего увлечения Разиным, Пушкин, в 1832-1833 г., написал «Дубровского», совершенно отличного по настроению от поэм Байрона и шиллеровских «Разбойников». Эта связь «Дубровского» с пушкинским собиранием народных легенд о Разине не была отмечена.

То, что в западно-европейской литературе было навеяно романтизмом и воскрешением старых легенд, в русской было порождено воспоминаниями о «разбойничьих» народных восстаниях.

В былине, героем которой оказался Илья Муромец, изображена гульба восставших «голей кабацких», предводительствуемых казаком, с которым не могут справиться власти. Исторически правдиво передано настроение казацких гуляний под водительством Стеньки Разина, а позже Пугачева. Восстания, после кратких успехов кончавшиеся разгромом и свирепыми казнями, остались в памяти народной, и постепенно образ реального вождя был подменен Ильей Муромцем, народным богатырем, который должен был участвовать в каждом значительном событии. Возможно, что такая замена была сделана сознательно: песни о Разине строго преследовались и певцы жестоко карались. Заменяв запретное имя Стеньки именем Ильи, можно было безбоязненно петь об его подвигах, не опасаясь станowego.

Но могло быть и действительное желание сделать Илью участником народного бунта, а исторический разгром восстания превратить в его победу: «на славу приходил в стольный Киев град» — посмеивается Илья. Обстановка, изображенная в былине, соответствует эпохе восстаний, собиравших вокруг себя обездоленные слои населения, обиженные несправедливостями московской, а не киевской власти. Участием Ильи народная былина возвеличивала и самое восстание, связывая его с богатырем, который всюду является борцом за справедливость. В этих былинах образ Ильи не схож с тем чинным крестьянином, который в княжеской гриднице Владимира Красное Солнышко поклоны кладет по-ученому, на три на четыре стороны кланяется. Он тут гораздо ближе поволжской вольнице семнадцатого века. По дороге в Киев он собирает народ и, разгромив «царев кабак», угощает всех водкой.

Водка называлась «зелено вино», так как, вследствие недостаточной чистоты перегона, имела зеленый цвет, усиленный зеленоватым отливом бутылки. Отсюда явилось выражение «допить до зеленого змия». В старых былинах «зелена вина» нет: Владимир Красное Солнышко угощал медом, упоминаемом и в летописях, а в былинах о Дюке говорится о легком заморском вине.

Упоминание «зелена вина» — водки ясно указывает на позднее происхождение былины, как и появление «голи кабацкой». Кабаки появились не в киевской, а в московский период. В былинах позднего перепева герои выговаривают себе право пить «безданно-беспошлинно» зелено вино, мотив этот перешел и в сказку. В старых былинах подобное желание не высказывается, и речь идет только о «великих пированьцах» в княжеской гриднице.

Илья Муромец, перенесенный в эпоху восстаний семнадцатого века, выкатывает из погребов бочки с вином:

Да он бочку берет вина под пазуху,
Да другую сороковку под другую,
Да и третью-то бочку ногой катит.

Анахронизм очевиден: царев кабак позднего периода, сороковки, введенные в московскую эпоху в виде мерки для розничной продажи водки, зелено вино, вместо киевского меда. Илья, степенный и чинный в киевской былине, тут зычным голосом сзывает пьяниц:

Да ой же, чумаки-целовальники,
Пейте, пейте зелена вина.

Кабатчики тщетно пытаются остановить разгром погребов. Проспавшись, Илья и на другой день громит кабаки, угощая народ. Когда его зовут к князю, он расшвыривает посланных и уходит, посмеиваясь.

Введенный в поволжскую былинку о Разине, Илья меняет свои обычаи и свой характер речи.

Илья стоит в народном сознании в центре исторической жизни и к нему приурочиваются все знаменательные события: в одной из них он появляется вместе с покорителем Сибири Ермаком Тимофеевичем, в последней исторической борьбе России с восточными татарами, с сибирским ханом Кучумом. Илья связан и с походом на Царьград, и с поволжскими бунтами. Появляется он и в виде калики перехожего. В нем и с ним сливаются все народные темы, все различные оттенки народного бытия и народных настроений.

Наименование калик повидимому происходит от

«калиги» — обуви, которую носили паломники, ходившие ко Святым местам. Ходили «дружинами», то есть большими группами, так как путешествие представляло опасность. Давали зарок вести себя хорошо и за нарушение грозили жестокими казнями: это было необходимо для того, чтобы дружина не обращалась в банду.

Необычайные приключения, о которых паломники рассказывали по возвращении, окружали их ореолом чудесного. Ходившие в неведомые страны и во имя духовных, высших целей бросавшие свою повседневную жизнь, паломники приобретали ореол особенных людей, которым многое открыто, простым людям неведомое. Создался поэтический образ Калики перехожего, который появляется в былинах в решающие моменты истории, лишь на короткий миг, по пути в иные страны. Калика испытывает Святогора, предлагая ему поднять всю тяготу земную. Калика пробуждает богатырскую силу в Илье Муромце, давая ему испить чудесного питья, и отправляя его на спасение родины. Каликою является сам Илья для спасения Царьграда от неверных.

В некоторых былинах отражены исторические хождения калик, которые упоминаются в летописи. Былина о Сорока каликах, известная во многих вариантах, совпадает с летописным упоминанием о хождении ко святым местам сорока паломников.

В одной из былин о Сорока каликах они идут на Литву, собирают с литовского короля богатую дань и привозят ее в Киев. Калики богатырского сложения и у них «копыца» для защиты от разбойников в пути. За провинность и нарушение обета им грозит «казнь калицкая»: их закапывают по горло в землю, как закапывали в России виновных в детоубийстве женщин еще в семнадцатом веке. В западной Европе согрешивших монахинь замуровывали вместе с младенцем.

В былинах общего цикла калики-перехожие приобретают характер вещей странников полуреального характера. Связь их с историческими паломниками очевидна и по одежде, совпадающей с описаниями костюма средневековых пилигримов, и по уставу и по тому,

что в письменных «хождениях» паломников много места уделено чудесному, непонятному, что окружало их мистическим светом в былинах.

Мы пойдем, братцы-ребятушки, во славный Ерусалим град
И ко гробу Господнему да помолитися,
И ко честным мощам да причаститися,
И в Ердан реки да покупатися,
И во плакун травы да покататися.
Кто из нас убьет или украдет ли,
Или по русскому сказать — как сделать тяжкой блудный грех,
И того казнить ведь казнию калицкою —
И жива копать да по грудям в сыру землю.

Почти теми же словами описывается цель хождения в Иерусалим в духовных песнях странников и слепцов.

Собираясь в путь, калики избирают атамана. Опракса королевична тщетно пытается его соблазнить и в гневе на него подкидывает в его котомку золотую «княженецкую» чашу. Атамана обвиняют в краже и он должен понести установленную «калицкую казнь». Но Божьим соизволением он остается невредим. Тема ложного обвинения могла быть в числе странствующих мотивов. Мы нашли ее в новелле Сервантеса семнадцатого века, «Цыганка»: отвергнутая героем богатая и знатная сеньорита подкидывает в его сумку золотую чашу, его обвиняют в краже и он только чудом спасается от казни.

В варианте, записанном со слов Кузьмы Романова в Кижях, атаман зовется Фомой. В варианте Федора Никитина на Выгозере, его зовут Михайло Романовым, по имени первого царя династии Романовых. Святость Калики, огражденного небесными силами, должна была осенить новоизбранного царя. Так былина впитывает и переплавляет исторические факты.

В варианте Кузьмы Романова подкинутую чашу ищут богатыри, которые представлены придворными. Тут можно видеть их иерархию в народном сознании. Искать вызывается Чурило, затем ищет чашу Алеша Попович, которому разгневанные калики

И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклескали... долонями.

Находит подкинутую чашу Добрыня Никитич. В непра-

ведных поисках не участвует, не может участвовать Илья Муромец.

Илья появляется в былине «Калика-богатырь», в которой говорится о татарском нашествии.

Калика выходит из дремучего леса:

Как с-под ельничку да с-под березничку,
Да с-под частого молодого с-под олешичку,
Выходил каликушка немаленький.

Он обут в лапотки семи шелков, не простых шелков, а самошинских. Волосы у него длинные и в них вплетены самоцветные камни:

Чтоль не для-ради красы басы,
Для ради крепости богатырской,
Чтобы светло было идти по тым путям...

Для тавтологического эффекта тут введено слово «басы»: красы басы. Опершись на костыль, калика поднялся, как в сказке, повыше лесу стоящего, пониже облака ходячего, прискакал ко Пучай-речке, связанной с крещением Руси, — на «тых полях да на Куликовых», на которых была одержана первая победа над татарами Дмитрием Донским. Там собралась несметная вражья сила:

Тут сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королев, сорок королевичей,
Как мелкой-то силушки и сметы нет.
Но сидит турчанка да богатырченка.

От турка калика узнает, что сила идет на Киев брать приступом город, полонить девушек, убивать стариков, разорять землю. Калика бросает турка о землю и, опершись костылем, перемахивает в Киев,

Закрычал каликушка вполголоса,
Владимир князь — тот с ума сошел,
Княгиня ходит роскаракою.

Нашествие Батыя в 1240 г. переносится на XI в., в княжение Владимира. Добрыня палицею бьет пришельца, но Илья ведет его угостить и расспрашивает его. Илья не боится узнать правду и единственный оказывается на высоте положения. Обличая позднее происхождение былины, тут действует, неведомый древности, — новый враг, — турчанка и упоминается Куликово поле, на ко-

тором происходила битва в 1380 г., отметившая начало освобождения от татарского ига. В былине о сорока каликах, записанной Гильфердингом со слов Федора Никитина в Выгозере, они оказываются односельчанами Ильи. Калики выходят

Из того ли из города из Мурома,
Из того ли села из Карачаева,
А из того ль скиты из Ефимьина,
А из той ли пустыни богомольныя.

Место рождения Ильи освящено скитом.

Илья Муромец в одной из былин побеждает Калин-царя, отражает татарское нашествие:

Не волна на море расходилася,
Не сине море да всколыхалося,
Взволновался Калин царь Калинович,
Воспылал собака да на Киев-град.
Ай собака ты злодей, да Калин царь.
Думает он думушку недобрую
И советует советы нехорошие:
Хочет разорить он стольный Киев-град,
Хочет чернедь-мужичков повырубить...
Не ясен сокол с-под облак напускается,
На гусей, на лебедей, на малых уток,
Святорусский богатырь да Илья Муромец
Напускает на силу на татарскую,
Заезжает прямо на середочку,
Стал татаровой конем топтать,
Стал поганых копьем колоть...

В былине о старом Илье возраст его совпадает со светлым киевским периодом:

Ах ты старость, ты старость старая,
А глубокая старость триста годов,
А триста годов да пятьдесят годов.
Застала ты старого в чистом поле
В чистом поле застала черным вороном,
А села ты на мою буйную голову;
А молодость моя, молодость молодецкая,
Улетела ты молодость во чисто поле,
А во чисто поле да ясным соколом.

Старый Илья на распутьи выбирает дорогу, ведущую к смерти. Он встречает разбойников, побеждает их и отпускает на волю, взяв с них обет покаяться. Раз-

бойники дали ему «заповедь великую записаться в пустыни во монастыри». Возможно, что эта былина послужила источником поющейся до сих пор песни о «двенадцати разбойничках», ушедших в монахи. Сам Илья, согласно легенде, оказывается у Николы Можайского, а по другой, более распространенной версии, в Печерской келье, и мощи его покоятся в Киево-Печерской лавре.

Во всех былинах, даже поздних перепевов, основные подвиги Ильи неизменны, и сам он сияет крепостью и чистотой, подобно самоцветному камню, что вплетали калики в волосы для указания верного пути. Он стоит крепко за Русь, за веру, за народ. Он спокоен и справедлив. Его подвиги относятся к тревожному времени устройства земли, когда отовсюду грозила опасность набегов. Мощь народа, сумевшего отстоять себя и свою землю, воплощена в непобедимом Илье. Как бы ни был он вознесен почестями, он не перестает сознавать себя крестьянином. Так в действительности Ломоносов, став вельможею при императрице Елисавете Петровне, продолжал считать себя крестьянином. Илья родом из Мурома, но в поздних вариантах назван казаком и даже донским казаком, несмотря на то, что донское казачество появилось значительно позже, уже в иную эпоху. Илья Муромец нес охрану границ, которая была потом поручена казакам и на него перешло их имя. В одной из былин о Дюке, Илья окликает приезжего из своей палатки, на границе.

Написан Илья с художественной законченностью. Он сияет ярче других богатырей:

Одно солнце на небе, один месяц.
Один донской казак на святой Руси,
Илья Муромец сын Иванович.

Илья Муромец стоит как бы на грани между старшими и младшими богатырями. Он встречается со Святогором, принимает его завещание. У него, как и у старших богатырей, нет семьи и личных интересов. Подобно Святогору, он неуязвим для человека и зверя и каменеет, когда «перевелись богатыри на Руси». В сказаниях

о нем его окаменение связано с отшельничеством в каменной келье, а на месте его рождения создавалась святая пустынь.

У младших богатырей оказываются личные интересы и сословное положение. Самый пленительный из них, Добрыня Никитич, имеет точно указанную службу:

Три годика Добрынюшка чайничал,
Три годика Добрынюшка стольничал,
Три годика Добрынюшка приворотничал.

то есть исполнял посольскую службу.

Добрыня упоминается в Повести временных лет, как дядя Владимира. Под 6478/970 г. в летописи записано: «Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Марк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру». Добрыня советует новгородцам выбрать Владимира князем: «И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород». Впоследствии, став киевским князем, Владимир назначает Добрыню новгородским посадником. В летописи имя Добрыни встречается неоднократно. Летопись упоминает также Добрыню Рязанича Золотой пояс, убитого с другими храбрами в битве на Калке.

В былинах Добрыня является дружинником. Сказитель любуется им и не забывает описать роскошь его одежды и великолепие сбруи его коня. Добрыня веселый, красивый, пленительный. Он играет на гусях и знает все молодецкие игры: стрелю расколоть летящую стрелу надвое, пропустить стрелу сквозь кольцо, и многое другое, что чуждо деревенщине Илье. Добрыня успешно выполняет за границей дипломатические поручения. Князь посылает его на Литву отвезти дань, но Добрыня умудряется привезти ее обратно. Добрыня получил отличное воспитание и, как все былинные герои, он почтительный сын. Перед отъездом он прощается со своей матушкой, честной вдовой Манельфой Тимофеевной, и она «кручинится», дает ему советы. Добрыня бесстрашен и удал; несмотря на предостережения ма-

тери, он купается в Пучай-реке, опасной своими «тремя струйками».

Пучай-река играет особую роль в былинном эпосе и, повидимому, является рекой Почайной, притоком Днепра, в котором произошло в 988 г. полунасильственное крещение Руси: одних вталкивали, другие входили сами. По своему таинственному смыслу крещение казалось жутким, «опасным» для непосвященных. Оно разрывало связь с привычными богами и могло вызвать их гнев своими «тремя струйками», символическим определением учения о Троице, Единой и Неделимой. Туда же, в Почайну, сталкивали идолов из кумирни князя Владимира. Народ бежал за Перуном и кричал: «Выдыбай, Боже». И он, действительно, выплыл. Четьих-Минеи сообщают:

«По принятии В. К. Владимиром святого крещения, когда он разрушал капища, ниспровергал идолов и Перуна с бесчестием повелел бросить в реку, то народ, приверженный еще к древнему суеверию, бежал за ним и кричал: Перуне, выдыбай! Идол, несомый водою, пристал к берегу на том самом месте, где ныне монастырь построен, отчего и прозван Выдубецким». Место это на крутом берегу Днепра, ниже Киевской крепости, «заслуживает внимания как по красивости своей так и по древности: ибо соборная в нем церковь Архангела Михаила построена великим князем Всеволодом в 1088 г.»

Другие идолы не выплыли и остались на дне реки Почайны, в водах которой совершалось превращение Руси языческой в христианскую. Присутствие древних богов, уязвленных и мстительных, в водах Почайны представлялось возможным и создавало опасности, как и жуткие «три струйки». В Пучай-реке гнездится Змей Горынич и на дне ее откладывает свои змеиные яйца. Добрыня вступает с ним в бой, побеждает его вытаптывает змеиные гнезда — очаги опасности. Но Добрыня — дружинник и дипломат. Он не отсекает Змею голову, как это делает Алеша Попович, и не кладет врага в походную сумку, как Илья, а подписывает с ним договор: ему, Змею, на Русь не ходить, ей зла не чинить,

а ему, Добрыне, гнезд змеиных не топтать, детенышей Змея не убивать. В награду за дарованную жизнь Змей достает Добрыне заморскую невесту, чернобровую, с глазами как звезды. Добрыни-послы привозили с собой таких чужеземных невест из своих поездок в заморские страны.

Добрыня не слушается советов матери и снова попадает в беду. Мать учит его быть скромным, не хвалиться женою, но Добрыня на пиру расхвастался, что его жена самого князя может сбить с толку, и за такую похвальбу его сажают в тюрьму. Жена является его выручать: она переодевается витязем и действительно сбивает с толку князя, который принимает ее за мужчину: она побеждает в схватках и выдерживает все испытания, даже последнее, в описание которого внесен нескромный элемент. Тема о женском переодевании относится к странствующим средневековым сюжетам. Шекспир использовал ее в «Венецианском купце» для Порции. В былинах о Добрыне жена его могла быть принята за витязя, как воинственная поляница. В другой былинах Добрыня встречает в дороге поляницу, которая вступает в бой с ним и, победив, кладет его в свою сумку. Согласившись выйти за него замуж, она становится покорной и верной женой.

Девы-амазонки появляются в сказаниях многих народов. В русских былинах поляницы, пирующие с богатырями у князя и побеждающие в боях, в то же время сохраняют свою женственность:

И нунь заведу я почестен пир,
И на многих на князей на бояр,
И на русских могучих богатырей,
И на всех поляниц на удалых.

Жены Добрыни различны в былинах о нем. Среди них не только удалые поляницы и добрые жены, но и лукавые Маринки из цикла о «злых женах». В одной из былин жена его целуется с татаринцом, и Добрыня за это венчается с ней у ракитова куста, то есть убивает ее. Добрыня убивает и другую свою жену, Домну Александровну, которая в его отсутствие принимает у себя

щеголя Чурилу Пленковича. Лукавая Маринка, став его женой, хочет обратить его в тура золотые рога, какие изображались на персидских миниатюрах, занесенных в Россию. На Добрыню же перенесен странствующий мотив мужа на свадебном пиру у жены.

Уезжая, Добрыня заповедал жене ждать его семь лет, но даже и тогда не выходить замуж за его названного брата Алешу Поповича. Жена ждет семь лет и еще семь лет, но Алеша приносит весть о смерти Добрыни и, по сватовству князя, она забывает запрет и, с согласия Добрыниной матери, готова стать женой Алеши. На свадебный пир является Добрыня под видом скomorоха, ему предлагают скomorошье место на печке;

Говорит Владимир стольнѣ-киевской:

Что ваше место скomorоское

А на той на печке на муравленой,

На муравленой на печке да на запечке.

Он скочил скоро на место на показано,

На тую на печку на муравлену,

Он натягивал тетивочки шелковые,

Тыи струночки да золочѣные,

Он учал по струнам похаживать,

Да он учал голосом поваживать.

Играет-то он ведь во Киеви,

А на выигрыш берет во Царигради,

Он повыиграл во гради во Киеви,

Он во Киеви да всех поименно,

Он от старого да всех до малого.

Тут все на пиру игры заслухались,

И все на пиру призамолкнулись.

Самы говорят да таково слово:

Солнышко Владимир стольнѣ-киевский,

Не быть это удалой скomorошине,

А какому ни быть надо русьскому

Быть удалому да добру-молодцу.

Владимир предлагает ему тогда место за столом. Добрыня спрыгивает с печки, но не садится на указанное место:

Да не села скomorошина подле князя,

Да не села скomorошина да сопровит князя,

А садилась на скамеечку,

Сопровит княгини-то обручные,

Против молодой Настасьи Никуличны.

В одном варианте пирующие «приужахнулись», узнав по песне Добрыню и опасаясь расплаты за свое участие в брачном пире его жены. В другом варианте:

Все на пиру приутихши сидят,
Призадумались, игры призаслушались...
...Такой игры на свете не слыхано
На белом не видано.

Добрыня подносит жене чарку, в которую опускает свой перстень, и жена узнает его. Добрыня отпускает ей ее невольную вину, и только Алешу безжалостно треплет за обман, вытащив его с жениховского места за желты кудри, подобно тому, как Одиссей избивает женихов Пенелопы. «Не удавались свадьбы Алешеньке», — замечает былина. Действительно, Алеша остается холост во всех былинах.

Былина заканчивается обычным припевом:

А синему морю на тишину
А всем добрым людям на послушание.

Гомер был известен в славянском мире с десятого века и тема о муже на свадьбе жены могла быть взята из первоисточника певцом-дружинником. Мотивы чарки и перстня, по которому узнают героя, ложной вести о смерти, кровоточащих предметов, указывающих жене Добрыни, на грозящую ему опасность, — принадлежат к распространенным странствующим мотивам.

Былина о Добрыне ценна не только своей художественной прелестью, но и тем, что она дает сведения о роли и положении скоморохов, об обычаях княжеских пиров и о темах песен.

Былины о Добрыне Никитиче вдохновили многих поэтов. На тему об его появлении на пиру жены А. Т. Гречанинов написал оперу «Добрыня Никитич».

Алеша (уменьшительное от Александр) Попович, — третий по значению богатырь после Добрыни. Добрыня принадлежит к высшему, служилому сословию. Он богат, получил хорошее воспитание у своей матушки, честной вдовы. Алеша из духовного звания — попович. Нет у него ни дома, ни жены, ни заботливой матери. При всех его доблестях, он корыстолюбив и за-

вистлив. Нет у него и подлинной верности родине: из-за сладкого житья он готов ее забыть. На слово его нельзя положиться: готов у друга обманом жену отбить. Былина постоянно подчеркивает жадность Алеши:

Алешенька рода поповского.
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие.

Потому и нельзя отпустить его к Дюку в чужие страны.

Алеша хоть и храбр, хоть и совершает подвиги, но былина относится к нему иронически за его внутреннюю неустойчивость и жадность. Хотя он побеждает страшного Змея Тугарина и освобождает Запаву Путятишну, но он далеко не непобедим. Илья встречает Алешу и укоряет его:

Едет Алешенька пьян, шатается,
На седельной луке приклоняется.
Завидел Алешу Илья Муромец:
— Говорил я тебе, Алеша, заказывал:
Не пей ты зелена вина,
Не ешь сладка кушанья.
Отвечает Алеша Илье Муромцу:
— Рад бы я не пить зелена вина
И не есть сладка кушанья:
Напоил-то меня добрый молодец допьяна,
Накормил он меня досыта
Той шлопугой подорожною.

В таком положении не оказывается ни один из киевских богатырей. Алешу бьет шлопугой безвестный добрый молодец, таскает за кудри Добрыня. Шутит над ним и добрый Илья. Былина склонна подсмеиваться над его бедами, хоть и признает его подвиги. Это двойственное отношение к Алеше объясняется тем, что он «рода поповского», а поборы в пользу духовенства издавна вызывали недовольство. Священники получали с крестьянина за обязательные требы; отсюда мысли о том, что у них, как у Алеши, «руки загребущие», проникла в былины и сказки. В пушкинской сказке «О попе и о работнике его Балде» поп наказан за жадность: «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной». В былине, на пиру у князя Владимира богатыри похваляются, кто своей си-

лой, кто своим конем, а «Олешенька попов сын, он расхвастался своей золотой казной».

Основной подвиг Алеши — победа над Змеем Тугариным. Имя это повидимому связано с Туторханом. В схватке со Змеем, который уносит его под облака, Алеша молит о ниспослании дождя. Дождь размачивает крылья змея, обессиливает его и Алеша отрубает ему голову. Тут сказывается крестьянская вера в способность священника, подобно древним волхвам, по желанию вызвать дождь. В тринадцатом веке крестьяне убивали волхвов за то, что они не выполнили просьбы о дожде.

Алеша не в силах поднять голову убитого им Змея и вынужден звать нянюшек и служек, чтобы отнести ее князю. Он не обладает силою других богатырей. Эпизод с воздушной схваткой сохранен в «Руслане и Людмиле» Пушкиным, но витязь отрубает Черномору не голову, а только бороду, в которой заключена его волшебная сила.

В былине о Добрыне Никитиче на свадьбе жены образ Алеши сливается с героями сказаний о посягательстве на верность жены. Подобно женихам Пенелопы, Алеша играет отрицательную роль: нарушает заветы дружбы, действует обманом, и, вопреки обычаю, хочет завладеть женою названного брата. Алеша представлен коварным и лживым «женихом», вполне заслуживающим наказания. Таким он не является в других былинах. Возможно, что внесен он был в готовый странствующий мотив как бы случайно, за неимением подходящего среди видных киевских богатырей. Но и тут былина отдельными художественными штрихами смягчает его роль, так что мы узнаем в Олешеньке, которого стаскивают за желты кудри с почетного и радостного места, знакомый облик неудачливого, но милого героя. Относясь полунасмешливо, полулюбовно к Алеше, былина ласково прощает его недостатки и воздает должное его достоинствам. Быть может, именно благодаря его человеческим слабостям, Алеша совершенно живая личность, отчетливо запоминаемая и внушающая симпатию, несмотря на свои провинности. В Патриаршей летописи

си говорится о награждении Александра Поповича князем Владимиром.

Имя Алеши или Александра Поповича встречается в Суздальской летописи при описании битвы на Калке с татарами в 1223 г.: в Калкском побоище «убит был Александр Попович с 70 храбрами». Древним наименованием витязя было в Киевской Руси слово «храбр», давшее прилагательное храбрый. Монгольское слово «баатур» или богатырь пришло на Русь позднее.

По значению за Алешей непосредственно следует Чурило Пленкович. Чурило отличается не в боях по охране границ, а в блестящей придворной жизни. Он занимает административные должности. Он щеголь, богач. Свое богатство он нажил, обирая крестьян, и вызвал такое недовольство, что отовсюду идут жаловаться князю:

Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появилась.

Крестьяне молят укротить жадного воеводу, который отбирает не только продукты, но и орудия ремесла: у рыбаков вместе с уловом тенета и сети, у охотников дичь, у звероловов меха и капканы. Чурила врывается в дома, грабит и обижает женщин:

Дай солнышко, наш Владимир князь,
Дай, государь, свой праведный суд.

Князь смущенно отговаривается перед «глупыми людьми» отсутствием Чурилы и невозможностью его найти. Чурило появляется лишь после того, как его знатный отец улаживает с князем дело за уставленным напитками и явствами столом. Чурило раздает подарки придворным и бросает монеты в толпу жалобщиков. Былина о «Молодости Чурилы» кончается пиром князя с дружиной. Былина любителю веселым, нарядным Чурилой.

Супротив праздника велика дни,
Накануне было Благовещенья,
Выпала пороха, снежок молодой,
По той по порохе, по белу снежку,
Ходил там ведь гулял купат молодец,
По имени Чурилушко сын Пленкович.
Дорого на нем было цветно платье,

Шапочка была соболиная,
На ножках сапожки — зелен сафьян,
Зелена сафьяну турецково,
Мудрово покрою немецково,
Крепково шитья ярославсково.
Около носочка — яичко катить,
Под пята Чурилу соловей пролетит.
Ходил-шапил по городу по Киеву,
Красные те девки ведь стекла рвут,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство.
Молодые молодки в голенища...,
Старые старухи ведь клюки те грызут,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство...

Чурило гибнет из-за своей любви к женщинам. Некстати явившийся Пермян Васильевич застаёт его у своей жены и убивает. Былина весело описывает, как Чурило умывался и наряжался и как, завидев его, Катерина Викулична,

Она во пояс бросалась во косивчато окно.

Пока Пермян выстаивает обедню в церкви, его жена принимает у себя Чурилу. Чурило хочет подкупить видевшую их служанку:

Вот те девчоночка шапочка,
Шапочка да пятьсот рублей,
Ушиста, пушиста, завесиста,
Чтобы спереди не видно лица черного,
Чтобы сзади не видно вшивого пучка.

Но служанка бежит в церковь, «не крестя ни моля да лица черного» и предупреждает хозяина, что у него «гость в гостях быдто брат родной да быдто муж с женой». В одном из вариантов обманутым мужем оказывается Добрыня Никитич, который, спешно вернувшись домой, допрашивает жену:

— Это, Домна Александровна, это что?
— А тебе, сударь, почто?

В каретнике Добрыня находит Чурилины сани.

— Это, Домна Александровна, это что?
— А тебе, сударь, почто?

В комнате он видит на гвоздике Чурилину соболью шапку.

— Это, Домна Александровна, это что?

— А тебе, сударь, почто?

Диалог повторяется, когда он видит Чурилыны сапоги.

В спальне он находит самого Чурилу, задает тот же вопрос и получает тот же ответ:

А тебе, сударь, почто?

Но тут

Рассердилось Добрынюшки сердце богатырское,
И схватил он свою саблю вострую,
И отсек он Чуриле буйну голову,
И своей молодой жене Домне Александровне.

По одним вариантам он убивает и доносчицу-служанку, но по другим награждает ее, а в одном варианте женится на ней.

В «Дон Жуане» Байрона присутствие юноши муж узнает тоже только по забытым сапогам. Род Чуриловых или Джуриловых существует в Галиции, и возможно их происхождение от исторического Чурилы.

Какое бы богатство ни составил себе Чурило неправильными поборами, оно не могло сравниться с богатством иноземных послов. Таким появляется в былинах Дюк, от греческого Дюкас — герцог. Возможно, что в былине отразился приезд царевича Андроника Комнена, племянника византийского императора Мануила Комнена. В 1165 г. Царевич Андроник нашел себе приют у Галицкого князя Ярослава Осмомысла, умершего в 1187 г. Поэтому Дюк и говорит о себе, что он

Да из той ли со Галичи проклятою...

Проклятою Галиция называлась за свое отпадение от Руси.

География родины Дюка собирательная. Он из Волыни, которая оказывается в Индии, из Галича, из Литвы, которая стала нарицательным именем чужеземной страны:

Ты из коёй земли да коёй Литвы?

Дюк является

Да из тою ли со Галичи с проклятою,
А й со той ли славная со Индеи со богатою,
С того славного богата, с Волын-города,
С Волын-города да со индейского...

В некоторых вариантах добавляется: из той ли из Ка-

релы да упрямыи. Послы и иноземцы, приезжавшие к Киев, поражали роскошью, и Дюк в перечислении городов подчеркивает их богатство. В перечне встречающих Дюка богатырей указана их иерархия:

А первый наш казак — Илья Муромец,
А дрегубой ведь Добрынюшка Никитич,
А третий-то Олешенька Попович,
Четвертый Чурилушко Щапленкович,
Пятый то Михайло Долгомерович,
Шестый семьей два брата Агрикановы.

Они составляют богатырскую заставу на границе. По другому варианту, когда Дюк подъезжает к русской границе, навстречу выходит из своей палатки Илья Муромец, спрашивает его, из какой он земли да из какой Литвы, и Дюк дает ему обстоятельный ответ.

Поехать на Русь Дюк решил после удачной охоты. Его мать честная вдова, пытается его отговорить, указывая на трудности въезда и выезда, которые, действительно, существовали в московские, но не в киевские времена. Пограничников она рисует в образе змей и зверей:

Не бывать тоби да й на Святой Руси,
Не видать тоби да й стольне-Киева,
А й до славного до города до Киева,
То стоят три заставы великиих:
Первая застава-то змеи поклёвучии,
Вторая застава-то звери поедучии,
Третья застава-то горушки толкучии.

Пограничные чиновники тут напоминают чудовищ, заложивших путь в Киев в былине об Илье Муромце.

Дюк всё же отправляется в путь. На первой змеиной заставе «змеи рассержаются и на Дюка разъяряются», на второй «звери рассержаются, и на Дюка разъяряются, хочут с конем его глотать». Но Дюк понукает своего коня и

Стал бурушко поскакивать,
Стал косматенькой помахивать,
Другу заставу проехал без пакости.

Проехав обе заставы без «пакости», то есть без битвы, Дюк наезжает на третью заставу,

Где семь стоят богатырей,
Поляниц да ведь удалых

и из «бела шатра» выходит «донской казак» Илья Муромец;

Что ты, невежа, едешь мимо да не спрашиваешь,
Мимо нашу заставу ни конный не проезживал,
Ни пеший не прохаживал, ни зверь не прорыскивал.
А ведь птица полетит, да и та перо сронит.

Илья спрашивает Дюка, из какой он земли да из какой Орды и давно ли выехал из Индеи из богатые. Ответ Дюка его удивляет:

Я выехал-то из Индеи из богатые
После поздних вечерен,
Я хочу поспеть в Киев на обедню.

Эта быстрота напоминает Вольха в Слове о Полку Игореве и сказание о Китоврасе. Илья пропускает Дюка и

Тут видели добра-молодца сядучи,
А не видели добра-молодца поедучи,
Только видели, что в поле кудельба стоит.

Приехав в Киев, о котором он слышал от отца, что он «красив-добрист» Дюк «всё головушкой покачивает», проходя по княжескому двору и по палатам, а за столом

Он полчарочки то пил, а друго так отложил,
...Он полкалачика то ел, а друго так отложил.

И на вопрос князя отвечает, что

У вас всё да не по-нашему:
Я пришел к вам во гридни столовые,
У вас стоят столы дубовые
А на столах-то скатерти забраные,
А у нас столы-то всё кленовые,
А скатерти-то вси шелковые,
А семи шелков да шемаханских.
У вас всё да не по-нашему...

и он продолжает, забыв материнские наставления скромности, описывать преимущества и роскошь материнского города, где калачики пекут на гербовой бумаге, вина пьют виноградные, мостовые метут метельщики, а серебра и золота сметы нет.

Высокомерие Дюка задевает Чурилу, и он вызывает его на состязание не в удали, а в роскоши: три года не появляться в том же платье в городе и в церкви. Мы полагаем, что тут отразилось не только воспоминание о посольских нарядах, но и знание татарских обычаев: по свидетельству армянского историка Вардана, род-

ственники Чингисхана, во время собраний Курилтая, в течение месяца никогда не появлялись в костюме одинакового цвета. Изумление перед расшитыми камзолами и причудами иностранной одежды передалось в описании нарядов Дюка: у него петельки и пуговицы в виде юношей и девушек, которые будто обнимаются, а если провести по груди плеточкой, то начинают так громко петь, что народ в церкви пугается, и князь должен просить Дюка остановить пение. Хитрый Чурило не признает победы Дюка и предлагает ему состязание в прыгании через Пучай-реку. Чурило с конем «приогрюшился» в середине реки и Дюк должен за волосы вытаскивать его на берег, но и тут Чурило не сдается и продолжает называть его «холопиной дворянской». Чурило предлагает князю изобличить хвастовство Дюка, послав к нему оценщиков богатства его матери.

Княжеские посланцы поражены роскошью города Дюка. Они принимают судомойку за боярыню, изумляются домам с золотыми кровлями, мостовой и улицам, устланным бархатом. При приеме иностранных послов, действительно, существовал обычай в Западной Европе покрывать улицы коврами. В описании встречи турецкого посланного ко двору Людовика XIV, в мемуарах д'Арвьё указано, что улицы Парижа были устланы коврами, по которым ступали кони приезжих.

Киевские оценщики богатства Дюка успели за три года составить опись только части лошадиных сбруй на конюшне, а чтобы описать всё, то, по их словам, князь

На бумагу пушай-ко продаст Киев град,
На чернила де продаст Чернигов-град.

А заморское вино, действительно, таково, что

Они рюмочку-то пьют, так по другой хочется,
Они другую-то пьют, так по третьей душа просится.

И калачики на самом деле пекут на гербовой бумаге. Мать Дюка всё это называет «вдовьими сиротскими животишками». Сына же просит извинить за его хвастовство: «дитя-то захвачено». В описании земли Дюка отразились впечатления от иноземных послов при киевском дворе и рассказы паломников о заморских чудесах.

Благожелательное отношение к иностранцам характерно для Киевской Руси. В Поучении Владимира Мономаха в начале двенадцатого века князь советует быть ласковым и внимательным к иноземцам, которые тогда разнесут о Руси добрую славу. Отец Владимира, Всеволод, «дома сѣдя» и за границу не выезжая, изучил пять языков. Киевские князья роднились с западно-европейскими государями. Недоверие к иностранцам появилось значительно позднее и осложнилось борьбою церкви с «латыною».

В дополнение к старшим и младшим богатырям, выступают эпизодические фигуры, обрисованные менее отчетливо. Таков Самсон богатырь, который встречается со Святогором, а в другой былине пирует с князем Владимиром. Таков Колывань богатырь, чьим именем назывался город Колывань, позднее Ревель, таковы удалой Василий Щеголенок, Иван Гостиный двор, чьи приключения описаны потом в повестях и сказках, Соловей Будимирович, былину о котором связывают с историческим фактом пребывания на Руси Гаральда, впоследствии короля Норвегии, жениха, а затем мужа Елисаветы Ярославны. Возможно, что сага о Гаральде была известна на Руси от бывших при киевском дворе скальдов.

Былина о Ставре Голиновиче могла относиться к боярину Ставру, новгородскому сотскому, которого в 1118 г. Владимир Мономах посадил в тюрьму. По былине, жена Ставра Голиновича, удалая поляница, выдерживает все богатырские испытания и пирует с Владимиром Красное Солнышко.

Былины о горожанине Михайле Потыке, который

Ходил молодец из Орды в Орду,
Загулял то молодец да к королю в Литву,

связаны с волшебными мотивами. На играющей особую роль Пучай-реке Михайло Потык подстрелил лебедь, которая обернулась царевной и стала его женой. В иных вариантах царевна Лебедь оказывается волшебницей. Тема эта обильно использована сказками. Алексей К. Толстой в XIX в. написал в былинном стиле сатирическую поэму «Поток богатырь». В былинах Поток бога-

тырь особой роли не играет и является героем сказочных приключений. Царевна-Лебедь, которую хочет подстрелить из лука молодец, вдохновила Чайковского.

Женщины являются лишь как дополнение к главным героям. Даже поляницы-амазонки участвуют в былинном рассказе лишь как жены богатырей или их возлюбленные. Старшие былины женщин не знают: Святогор, Микула, калики, Вольга семьи не имеют. Илья знает лишь случайные встречи с женщинами независимыми или лукавыми: сына своего от удалой поляницы, своей возлюбленной, он убивает, и старость встречает его одиноким: вся жизнь его была посвящена лишь его делу.

Женщины играют роль в былинах о младших богатырях. Наиболее ярко изображена мать, честная вдова, которая воспитывает сына и потом дает ему советы, «кручинится» о нем. Интересно отметить, что все богатыри воспитаны женщиной и отца не знают. Это, быть может, соответствует тому, что Россия — Мать и слова, обозначающие родину, Россию, Русь, все женского рода. «Отечество», переведенное с иностранного на русский язык, среднего рода, как дитя, но не мужеского.

Только у Святогора упоминается «древний и темный» отец, который должен дать ему «прощеньице», но он символизирует природу. Ни у одного из младших богатырей живого отца нет. Кроме Ильи, стоящего на грани между старшими и младшими богатырями, и Алеши, играющего двойственную роль, у всех хороших богатырей была добрая и мудрая мать, почтенная вдова. Лукавый Чурило не имеет матери, которая давала бы ему нравственные советы, у него есть отец, который помогает ему обмануть княжеский суд. Встреча с сыном неблагополучна для Ильи. В Новгородской былине Васька Буслаев отталкивает своего крестного отца, но послушно следует за вдовой-матерью.

В киевской былине действует девушка — Завава Путятишна, которую похищает Змей и освобождает Алеша; она лишена индивидуальности и играет роль объекта. Позднее из богатого цикла притч, повестей,

сказок о «злых женах» были введены волшебницы — лукавые Маринки, которые могли мужа обернуть зверем и сами могли обернуться сорокой или иной птицей, символизирующей женскую суетность, изменчивость, лживость, лукавство и болтливость. От этой способности обернуться сорокой могло произойти выражение «болтать, как сорока». Образ лукавой волшебницы заимствован из иноземных сказаний.

Поляница, от слова «исполин», было древним наименованием витязя, и применялось также к женщинам, совершившим богатырские подвиги. Дочь Ильи — «поляница удалая», проявляющая такую необычайную силу, что богатыри не решаются с нею сразиться. Жены богатырей бывают удалыми поляницами и в то же время обладают женственной мягкостью, наподобие появляющихся в ирландском эпосе и в германских сказаниях, воинственных и любящих амазонок. Отдельных былин о поляницах нет и они являются лишь вводными лицами. Поляницы играют лишь положительную роль. Их хитрость служит на пользу мужу, выручает его из беды. Они иногда превосходят силою богатырей, но пользуются они ею только в бою. Поляница, победившая богатыря и положившая его в свою сумку вместе с его оружием, потом становится его доброй и послушной женою. Возможно, что тип Поляницы восходит к древним временам устройства земли, когда женщина должна была быть пособницей мужу и в военных подвигах и дома. Быть может, некоторую роль сыграла и память о княгине Ольге, правившей Русью. Легенды о хитростях Ольги вошли в летопись из устного предания.

Особняком от цикла киевских былин стоят былины новгородские. Герои обоих циклов нигде не появляются вместе. В новгородских былинах нет ни послов, ни дружинников, ни придворных щеголей Чурил, ни киевского или московского князя.

Новгород и Псков были вольными республиками, в которых было народоправство. Народ избирал князя, который целовал крест на соблюдение всех новгородских обычаев и вольностей. Если князем не были доволь-

ны, ему — «указывали путь из Новгорода» — изгоняли его. Для того, чтобы это изгнание не вызывало внутренних осложнений, князь не мог иметь торговли или собственности в Новгороде. Власти у него реальной не было, всё решалось народным собранием — вечем, на которое граждане сзывались ударами колокола. До XV века киевские и московские князья уважали права вольных республик Новгорода и Пскова. Новгород был членом Ганзейского союза, имел большую торговлю, был сильным и богатым и ни один князь не мог отнять его вольностей, пока Иван III и Василий III не подчинили Новгород и Псков московской власти. После кровопролитных стычек и кровавых казней оба города были разорены, вечевой колокол, символ свободы, был снят и увезен в Москву и обе республики были подчинены Москве: Великий Новгород в 1478 г., Псков в 1510 г. Это событие отразилось в письменных сказаниях. Былина говорит лишь о временах новгородской вольности, когда богатые новгородские купцы бороздили море на своих кораблях, рыскали по всему свету, а новгородская молодежь пробовала свою силу в кулачных боях на реке Волхове, идя стеною друг против друга.

Героями новгородских былин являются купец Садко и горожанин Васька Буслаев, представители двух основных сословий.

Купец Садко воспет в одной из самых пленительных былин; в ней фантастика сплетена с реальностью. Садко гуляет по всем морям:

Поезд держал из Черного,
Из Черна моря во Бело море,
Из Бела моря во Свирайское,
Из Свирайского моря во Китайское.
Из Китайского моря в Окиян-море.

При всей причудливости географии, пути новгородской торговли указаны правильно: русские купцы имели дела с Персией у Черного моря и с англичанами у Белого моря, где шел оживленный обмен товаров с Западом и где впоследствии англичане имели постоянные склады.

Богатый купец Садко, ослепленный успехом, хва-

лится, что скупит все товары и потягается с самим Господином Великим Новгородом. По беломорской пословице, «хвастливо слово всегда гнило». Корабли остановились. Бросили жребий, кому искупить гнев морского царя, и жребий пал на Садко. Садко спускают в море. У купца в его дальних странствиях должно было быть умение ко всему применяться и всех пленять. Он должен был обладать бесстрашием и ловкостью, способностью заставить всех плясать под свою дудку.

У Садко нет ни меча, ни щита. Его оружие только гусли. Когда он начинает играть, Морской царь пускается в пляс. Дни и ночи играет Садко, дни и ночи пляшет Морской царь, поднимая бурю и топя корабли. Богородица является Садко ночью и укоряет его за то, что своей игрой он губит христианские души. Она велит ему порвать струны и в награду выводит его на сушу:

И увидал я тут, что в воде лежу,
В воде лежу да на берегу да на своей реки...

По другому варианту выводит его на берег старшая дочь Морского царя, которая потом превращается в реку Волхов. Он видит свои палаты белокаменны и спешит домой:

Прославляя Пречистую Богородицу,
И что избавила меня от погибели,
И от погибели да от напрасных.

Элементы двоеверия явственны в былинах: Морской царь, славянский Посейдон, встречается с Богородицей.

Поэма о Садко перепевалась в течение столетий. В летописи упоминается Садко Сытинец, строитель церкви Свв. Бориса и Глеба, первого каменного храма в Новгороде, в 1167 г.

В некоторых вариантах использован странствующий сказочный мотив о выборе невесты. Морской царь предлагает выбрать одну из его дочерей. Садко выбирает младшую, которая помогает ему преодолеть все препятствия. В сказках избранной всегда оказывается младшая.

Как сон, проходит жизнь купца в необычайных приключениях: он может повстречаться с самим водя-

ным и его дочерью. Но в конце жизни он возвращается домой, «просыпается» на берегу родной реки, возблагодарив Матерь Божию, помогшую ему благополучно провести исполненную опасностей жизнь.

Чудесное явление Богородицы, спасающей героя, встречается в повести семнадцатого века о Савве Грудцыне и во многих произведениях. Тема о дочери властителя, помогающей герою вернуться домой, подобно Ариадне, — является одним из странствующих сказочных мотивов и могла перейти в русскую поэзию из эллинских или византийских источников. Таким же странствующим средневековым мотивом была тема волшебной музыки. Имя Садко иногда связывали с героем старо-французского романа «Tristan le Léonois», грешником Садок. В некоторых русских былинах Садко называется Саток.

Былина о Садко вдохновляла многих поэтов и послужила сюжетом для оперы Римского-Корсакова. Былины о Садко известны в 29 вариантах, которые разделены современными фольклористами на четыре группы: на олонецкую, беломорскую, печорскую и на записанные в XVIII в. казаком Киршей Даниловым для горнозаводчика Демидова, Урало-сибирские варианты. Кроме основных четырех групп, отдельные варианты записаны в Области Войска Донского и в 1895 г. на Колыме.

Основная схема сохранена во всех былинах о Садко, но в нее вводятся местные элементы. На Беломорье в былинку вошли черты, связанные с основными промыслами рыболовов и зверобоев, которые по несколько недель не сходят на берег, оставаясь на пловучем льду и стреляя тюленей: по местному выражению, «по воде ходят». Штиль был бедствием для мореходов: «погоды не хулить и тиха не хвалить», говорилось на Беломорье. Садко расхвастался на корабле, и корабли попали в штиль:

У Крюковой:

Палась очунь тихая погодушка,
Приутихло-приуныло море синее.

На тревогу моряков, по старинному варианту из записей Гильфердинга:

Отвецае вода им матушка:
Просит человека Водяной царь.

В большинстве вариантов мечут жребий и он выпадает на Садко. В одной из былин спускают трап «лисицу долгую», как теперь для умерших в пути, и по ней Садко сходит на морское дно. В другом перепеве Садко надевает шубу соболиную, берет гусли, садится на золотую шахматную доску и пристает к берегу, на котором его встречает морской царь. В записанной П. Н. Рыбниковым былине Садко просыпается на дне морском, как потом изобразил его на своей картине Репин:

Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красно солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

В былине Сорокина, записанной Рыбниковым, Садко-купец, который, подобно Добрыне Никитичу, искусно играет на гусях. У М. С. Крюковой Садко — нищий гусельщик, промысляющий игрою на пирах. Для торговли у него «сумы нет». В большинстве вариантов Садко богатый купец, тягающийся с самим Новгородом.

Пляска Морского Царя вызывает бурю: по записи Рыбникова

Тут Поддонный царь распотешился,
И начал плясать по палаты белокаменной,
Он полами бьет и шубой машет,
И шубой машет по белым стенам.
...Говорит ему Царица Поддонная:
— Ай же ты Садко купец, богатый гость,
Сломай-ка ты гусли яровчаты:
Тебе кажется, что скачет по палатам царь,
А скачет царь по крутым берегам:
От его от пляски тонут-гинут
Бесповинные буйны головы.

Буря топит сибирские речные корабли — «бусы», в записи Кирши Данилова.

Языческую Поддонную Царицу позднее заменила Богородица, которая обращает к Садко те же слова.

В некоторых вариантах старшая дочь Морского Ца-

ря выносит Садко со дна морского на берег и оставляет его там:

Взимала Садко, купца богатого,
Достала его на матушку на Святую Русь.

Садко с ней прощается:

Я тебе женихом не пришел,
А ты ко мне в невесты не пришла.

Мотив схож с «Русалкой» Андерсена, которая спасает утонувшего принца, выносит его на сушу, где его находит принцесса; русалка исчезает, когда принц женится на земной девушке. В «Морской Царевне» Лермонтова герой вытаскивает русалку на берег и тем губит ее.

В новолadoжской сказке морская царевна видит Садко во время его плавания и влюбляется в него, но снова уходит в море, перешагнув через борт корабля, когда он не выполняет условия.

У М. С. Крюковой Садко женится на морской царевне, но не соглашается остаться навсегда «в морюшке, в наших славных городах да все морских же». Напрасно царевна обещает, что отец даст им город самый лучший,

Со дворцами золочеными,
Со мостами со хрустальными...

Садко отвечает, что не может дать клятвы:

Тяжело то мне жить в морюшке,
Не хочу я всё царем то жить,
А хочу Садко быть Новгородским же,
Тем ли всё гостем торговым же.

Морская царевна Настасья тогда отказывается от брака и просит отца отдать Садко ее приданое:

Мое замужество не посчастливилось.

Садко по спальне «ходил да погуливал», а

Настасья то царевна, она лежала, порасплакалась:
...У его есть, наверно, всё зазнобушка,
Вот зазнобушка, красна девица,
Нас, морских царевен, опасаются..
Мне ведь плохо будет на земли жить,
Я немного поживу да умру же.

Садко получает дары и возвращается в Новгород, где его встречают с почестями.

Еще в XX в. сохранялся обычай на Ильмене, возвращаясь из города, бросать «поветери» булку. В Поморье «озерному» опускали в воду петуха, табак, хлеб, яйца. В первый раз выходя на озеро с неводом, на Онежском берегу в деревне Малошуйке, складывали в мешочек и клали в невод шкалик вина, «христосское» яйцо с приговором:

Тебе батюшка, винцо,
Тебе, матушка, яйцо,
А тут вашим деткам гостинцев.
Гоните рыбку в неводок.

В Новгородской области и на севере был обычай бросать в воду серебряную монету при первом выходе на промысел. Р. Липец записывает, что старуха становица Рында, Териберского района, вспоминала, как в ее молодости, «когда начинали промышлять семгу в падуне, то сперва спустим серебро. Лопари говорили — надо окупить: чем больше бросишь, тем больше семги попадет. Не жалели на это, бросали полтинник или рубль». Если не было денег, то бросали серебряный крест, пуговку, сережку. Тут смешение христианства с язычеством: серебряный крест водяному. На Зимнем берегу Поморья старухи говорили, что обычай бросать в воду дары древний: «с сотворения мира жил народишко чудь; они бросали в воду серебро».

Если жертва была угодна, она опускалась на дно, но жертву Садко Морской царь отверг.

В былине, записанной Рыбниковым:

Положили на дощечку золоту казну,
Тут дощечка не тонет, а гоголем плывет.
...Ай же вы, дружки-братья корабельщики!
Верно не пошлины Поддонный царь требует,
А требует он голову человеческу.

В записи А. В. Маркова не тонут бочки с золотом и серебром:

все поверх воды несет,
Не берет у нас Морской царь дани-пошлины.

Человеческие жертвы «воде» упоминаются и в памятниках древности: в житии Исидора Твердослова

святой избавляет купца «от глубины морския». Когда жребий пал на купца и его, по обычаю «посадили на доску», и бросили в море, Исидор Твердослов явился среди вод купцу и направил его невредимым на сушу, как Богородица в былине о Садко.

Если Морской царь не принимает выкупа, это означает, что он требует «живой головы»:

Не нуждается царь верна тима подарками,
Он ведь просит-то, зовет головушки человеческой.

У Рыбникова:

Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочек.

У Кирши Данилова, опустившись на дно,

Выходил Садко на круты берега,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую во всё дерево,
Нашел он двери и в избу пошел.
И лежит на лавке царь морской.

Николай Мокрый, или Никола Морской, был покровителем тонущих и благодетелем моряков. В Николин день опускали в дань водяному продырявленный челнок с соломенным чучелом человека в рубахе и портянках, взамен «живых голов».

В некоторых вариантах Садко, указанный жребием, готовится к смерти; завещает свое имение, прощается с товарищами:

Давайте мне гусельки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гусельки не игрывати.

В варианте, записанном Киршей Даниловым:

Бегаю по морю двенадцать лет,
И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опускавал:
По меня, Садко, смерть пришла.

Садко уподобляется умершим в пути мореплавателям, которых спускают в море, останавливая корабль. В старинном португальском напутствии умершему в море матросу, говорится об его видениях подвод-

ного мира, о глазах его, которые, как и при жизни, будут любоваться морской стихией — тут мотив, близкий к легенде о Садко в подводном царстве.

Древнейшей формой «кормления воды» было опускание хлеба:

Отрезал хлеба великой сукрой,
А я солью посолил, его в Волгу опустил:
— А спасибо тебе, Волга-матушка река.
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки, скорби не видывал над собой.

Оба мотива, кормления и «живой головы», появляются в песне о Стеньке Разине и персидской царевне:

Волга, Волга, мать родная,
Волга русская река.
Не видала ты подарка
От донского казака.

Стенька кормит воду, по древнему обычаю, сбрасывая за борт «живую голову», свою возлюбленную. В записях Пушкина есть в его обработке песня о Стеньке Разине и персидской царевне. Утопленник, по легенде, как бы вступал в брак с русалкой, морской царевной.

По древнему поверью, русалки заманивают в воду людей. Так в пушкинской «Русалке» уходит под воду князь вослед посланной за ним дочке-русалочке. Та же тема у Лермонтова, но в иной форме: Терек несет Каспию

Труп козачки молодой
С томно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит...

Отвергавший все другие дары Каспий, принимает ее:

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.
И старик во блеске власти
Встал могучий как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.
Он выиграл, веселья полный,

И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

Так отразилось в поэзии древнее сказание о «кормлении» Морского «хозяина».

Садко богатеет не от удачной торговли, а от «чудесного улова» — мотив, часто повторяющийся в сказаниях. Царица Белорыбица обещает ему улов за игру на гусях:

Не скучай, Садко, купец богатый,
Ты получишь рыбы, сколько хочешь же.

На Ильмень озере

Тут наудил Садко да рыбы разную
Он наклат себе суночку-котомочку...

В другой былине

Елемин-озеро сколыбалось,
Разыгралась рыба да на солнышке.
Тут Садко да любовался всё:
Напопадало в невод, да чуть мог он вытащить.

У Кирши Данилова Садко получает от «молодца Ильменя» улов, который обращается в золотые монеты. В других случаях Садко бьется об заклад с богатыми купцами, что в Ильмене водится рыбка-золотые перья, и выигрывает. В варианте, записанном Рыбниковым:

Как тут-то связали невод шолковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро:
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку золоты-перья.

В. В. Стасов считал старшим пересказом тот, в котором Садко богатеет путем чудесного улова, и того же мнения держался историк Костомаров. Пушкин использовал в своей сказке мотив золотой рыбки, приносящей богатство.

У М. С. Крюковой Садко богатеет от действительно процветавшей на Зимнем берегу торговли с Норвегией. В картину зафрахтования кораблей и отправки товаров введены реальные бытовые черты, соединенные со сказочной темой. Царица Белорыбица советует Садко купить корабли. Садко отвечает, что у него «су-

мы нет», и она обещает дать ему золотой казны с тем, чтобы он спустился к ее брату, морскому царю, поиграть ему на гуслях:

Приведится тебе, Садко, сходить в морюшко,
На донушко-то сходить камешком...

За это она обещает ему три рыбины златоперые и тогда

Тебя, Садка-то Новгородского,
Прославлять-то, пропевать все будут от старого до малого.

Тут снова мотив спуска в подводное царство меняет свое значение. Садко спускается к Морскому царю, выбирает царевну, возвращается богатым купцом с невестою:

Тут пошли тут у них пированьица великие,
Как про садьковскую то свадьбу рассказать нельзя,
Все цари тому да ужахалися,
Короли то все да дивовалися,
...Скоморохи тут же танцовали-то
А во гусли веселые-то играли-то...

Ф. И. Буслаев считал, что былина о Садко представляет образец местного развития эпической поэзии. Это подтверждается обилием разнообразных вариантов, в которые вносились бытовые черты и местные предания.

Другой герой новгородских былин, Василий Буслаев, был представителем удалой вольницы, чья молодецкая сила не знает удержу. Напившись у князя, он побился об заклад, что со своими товарищами победит киевскую и московскую дружину. Тут виден отсвет исторической борьбы Новгорода с Москвою. Бой начинается без Васьки Буслаева, и он спешит, не успев даже как следует обуться, и, схватив тележную ось, начинает «поскакивать да помахивать»:

Дай рукой махнет — падет улица,
Другой махнет — падет переулочек.

У него с детства такая сила, что, играючи, он мог нечаянно оторвать руку. Его удаль разыгралась и ничто не может его остановить. Испуганы горожане, испугался князь. Крестный отец Васьки Буслаева хочет за-

городить ему дорогу на мосту. Крестный надевает колокол и подпирается колокольным языком. Но Василий сталкивает его с моста в реку, приговаривая:

Вот ти, вот тебе яичко, крестный батюшко.

Князь просит защиты у матери Василия, и она, зайдя сзади, берет его за плечи. Как все богатыри, Василий Буслаев покорен матери и тотчас останавливается. Он рад тому, что она подошла сзади, иначе он бы и ее сгоряча столкнул в реку:

Как бы спереди пришла,
То там же ты бы и была
Расходилися мои плечушки могучие,
Разгорелось то сердечушко ретивое,
Белый свет в глазах помутился.

Эта былина исконно русская и в ней трудно найти иностранные мотивы. Она может служить объяснением многих реальных явлений, хотя и не связана ни с одним из них. Былина воспевает вольную удаль и мощь парня, который способен крестьянскою оглоблею напугать всех и самого князя. Только нравственное чувство может усмирить «сердечушко ретивое», неукротимую силу, — во имя матери, которая исторически может быть названа Россией.

Колокол, которым накрылся крестный, мог быть одеждой пилигрима, занесенной в Россию — cloak — клок, колок, колокол. Но более вероятным представляется нам то, что это был настоящий колокол, так как крестный подпирается колокольным языком; это должно было показать недюжинную силу крестного, которого так легко столкнул с моста Василий.

С кулачными боями на реке Волхове связано предание. Повесть временных лет отмечает в 6488/980 г.: «Владимир посадил Добрыню, своего дядю в Новгороде. И придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом и приносили ему новгородцы жертвы, как богу». Статуя Перуна была деревянная; палица с тяжелыми металлическими наконечниками, которую он держал в руке, потом хранилась в храме свв. Бориса и Глеба. Когда Добрыня крестил новгородцев, статуя была

сброшена в реку. По преданию, Перун, проплывая под мостом, бросил на него свою палицу с заклятием: «Бейтесь, безумные челове́дци, на мосту том». С тех пор перуновыми палицами новгородцы бились на реке Волхове. Предание было настолько упорно, что для прекращения традиции кулачных боев, палицы были сожжены патриархом Никоном в семнадцатом веке.

Кулачные бои были жестокими; после них писарям приходилось записывать причиненные ушибы: «Бою на ём...» и далее следовало перечисление.

Позднейшие варианты искажают образ Василия Буслаева, придавая ему черты ушкуйника, вводя паломничество в Иерусалим и гибель при дерзком прыжке через мертвую богатырскую голову. У Крюковой Буслаев гибнет, перепрыгивая через волшебный Латырь-камень, и умирая, оставляет мать на попечение своего побратима.

Сказочные темы перепевались в былинах и сказочные эпизоды вводились в былины о богатырях. В былины вошли и странствующие мотивы, но вводные элементы можно отличить от основного народного эпоса, как воду Камы после впадения в Волгу еще долго можно различить по цвету.

Вокруг былинного эпоса сгруппировались короткие песни о птицах и природе, небылицы и драматические любовные песни о деревьях, сросшихся над могилами любовников, о насильственном постриге девушки.

Цикл южно-русских былин обнимает весь древний период Киевской Руси с ее борьбой против кочевников, печенегов и половцев, с первыми нашествиями татар и началом татарского ига. При отсутствии исторической точности, при смешении имен, хронологии, географии, при анахронизмах, заставляющих Ермака Тимофеевича биться бок о бок с Ильей Муромцем против татар, цикл былин дает общую картину древней Руси до татарщины и с художественной меткостью рисует основные характеры и события. Несмотря на все исторические перемены, былина попрежнему передает существенные черты русского народа, и ее герои, Ильи Муромцы и Васки Буслаевы, хитрые Чурилы и блестящие Добрыни, сохра-

няют связь с современностью. Даже противоречивые характеристики героев, как братание спокойного и мудрого Ильи с голью кабацкой, отвечают противоречивости отдельных народных проявлений, при сохранении единства внутреннего характера народа.

Сопоставление былинных указаний с летописными лишь отчасти может дать определение того события, которое первоначально вдохновило певца. Текст былин подвергался последовательным изменениям, целые куски иногда переносились из одной былины в другую. Характеры героев оставались неизменными, но менялись описания окружавшей их обстановки.

В древнейших былинах враги, Змеи Горыничи и Идолища поганые, представляли печенегов, совершавших многочисленные набеги на Русь, подступавших в 1036 г. к Киеву и отогнанных Ярославом Мудрым; затем врагами представлялись половцы, впервые появившиеся на русской земле в 1061 г., разгромленные в 1103 г., захватившие в плен Игоря в 1185 г. и до 1210 г. успевшие сделать около пятидесяти набегов на Русь. Эти первоначальные враги, отбитые русскими богатырями, заслоняются образом наиболее страшного врага — татарской Орды. Татарам удалось полонить и связать даже Илью, который только в последний миг успел разорвать путы и разгромить полчища.

Темою первоначальных киевских былин были лишь победы над врагами. Затем появляются тревожные ноты. Упоминается Азвяк, раздающий русские земли своим родичам, Щелкан Дудентьевич, татарский царь. Описываются татарские набеги и в былинах проносится скорбный вздох, отвечающий тоске летописца.

Записанная Киршей Даниловым в XVIII в. былина о нашествии Калин-царя совпадает с летописным рассказом о том, как Батый осадил — «остолпил» Киев, в 1240 г. Былина теряет спокойный повествовательный тон и своим драматическим чувством роднится со Словом о Полку Игореве. Русские богатыри во главе с Ильей готовы отразить любого врага, но своей похвалой вызывают гнев Божий: это тот же мотив наказания

за грехи, какой повторяется в летописи на протяжении всей эпохи татарского ига. Небесные силы перестают помогать русским богатырям и допускают увеличение татарских полчищ: чем больше их рубят русские, тем больше их становится. Богатыри, каменея, обращаются лишь в памятники великого прошлого. Былина о том, «как перевелись богатыри на Святой Руси», связанная с таким же прозаическим сказанием, становится как бы реквиемом Киевской Руси. Былинный певец не вдохновляется торжеством Орды, мучением русских князей, об этом скорбно повествует летопись и воинская повесть.

Для сказителя время останавливается; он готов петь об отдельных эпизодах:

А не то у меня честь в Москве что татары-то борются:
То-то честь в Москве, что русак-то тешится.

Возможно, что это относится к кулачному бою в Александровской Слободе в 1565 г., когда русский победил в единоборстве черкеса Мамстряка, брата царицы Марии Томрюковны. Мамстряк превратился в Кострюка, о котором поет былина и бой перенесен в другую эпоху.

Крушение Киева оплакивает Богородица. В былине «Василий Игнатьевич и Батыга» идут девять туров «изпод чудного креста Леванидова», связанного с победою Ильи Муромца над Соловьем Разбойником, да навстречу им «гнедая туриха златорогая». Туры рассказывают матери о виденном:

— Были мы, туры, во чистом в поли.
Нам случилось бежать мимо столен Киев град,
Уж мы видели над Киевом чудным чудно:
Как по той ли по стены по городовые,
А ходила душа красная девица,
На руках носит Божью книгу Евангелие.
Она кое-то читала с двое плакала.

Туриха объясняет им, что

Не красная девица тут плакала,
Тут плакала сама Мать Богородица,
Тужила-то о вере христианской.

Василий Игнатьевич стреляет в Батыевы силы, убивает сыновей Батыя, и расправляется с его войском. Батый убегает, закаявшись ходить в русскую землю, — тут

былина совпадает с летописным объяснением внезапного ухода Батыя после взятия Киева. В Киевском соборе св. Софии имеется запрестольное изображение этого события.

Плач Богородицы о мире христианском заканчивает былинное повествование о Киевском раздолье у князя Красное Солнышко. Богородица является турам в образе девушки с золотой книгой Евангелия, в позднейших повестях она принимает печальный образ Матери, горюющей о своих детях.

Конец богатырского периода Киева описан в выражениях, близких к летописи и повествование переходит в плач о земле русской. Победа Василия Игнатьевича рисуется в сказочных формах одинокого подвига, и Владимир князь оказывается зависимым от Батыя и строго допрашивает Василия. Богатырей в былине уже нет: один далеко, другой уехал, третий, Олешенька, лежит «в желтых песках» — повидимому реки Калки. В былине об осаде Киева их нет и тон ее подобен причитанию.

Да из Орды, Золотой Земли,
Из тое Монгозеи богатые,
Когда подымался злой Калин царь,
Злой Калин царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своею силою с поганою.
Не дошел он до Киева за семь верст,
Остановился Калин у быстра Днепра,
Собиралось с ним силы на сто верст,
Во все то четыре стороны.
Зачем мать-сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
От пару было от конного,
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видеть луча света белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живу быть.

«Повесть о разорении Рязани» перекликается с былиною, давая сходную картину гибели, когда «от звѣрей телеса их снѣдаема и от множества птицъ разъстерзаемо».

Былина об осаде Киева и сказание о том, как перевелись богатыри, являются завершением киевского эпо-

са, обнимающего период от начала Руси. Богатство эпической песни более не возвращается, новых былинных героев, порожденных народным вдохновением, не появляется. После освобождения от татарского ига русская земля вступила в новый период уже не с ласковым князем Красное Солнышко и вольными городами Новгородом и Псковом, а с грозными царями, собиравшими Русь под свою суровую жесткую руку. Им воздается хвала за их заслуги. Певец становится трубадуром при дворах московских царей. Известен указ Ивана Грозного о наборе скоморохов с разных городов. Путешественник Олеарий сообщает, что на пиру Иван Грозный велел петь песни, сложенные о взятии Казани и Астрахани.

Возможно, что при киевском дворе некоторые песни также были сложены по желанию князя, но цикл киевских богатырей, несомненно, создан свободною волею певца. Доказательством тому может служить роль князя в старых былинах.

Устное творчество, замирая, уступает место письменности. Былина же уходит в леса и деревни, прячется на далеком севере, живет долгие века среди крестьян, которые не устают слушать о вольной жизни на озаренных народной фантазией, волшебных берегах Днепра. Бережно передавая из поколения в поколение хрупкий сосуд устной поэзии, народ донес его до восемнадцатого века, когда началась запись былин и песен.

Только народный бунт семнадцатого века дал новый цикл замечательных по силе и яркости «разбойничьих» песен, связанных с именем Стеньки Разина.

Разбойничьи песни группируются вокруг восстания Стеньки Разина в 1667-1671 гг. и Емельяна Пугачева в 1772-1775 гг.

Песни и сказания о Разине сохранялись на нижней Волге, где много оврагов и курганов связано с воспоминаниями о нем. Утес Разина служил, по преданию, местом сборов, но только атаман поднимался на вершину. Ходили слухи о кладях, спрятанных в пещерах.

Песни о Разине жестоко преследовались, так как они поддерживали бунтарский дух на Поволжье. Испол-

нителем «врак» и «болтаний» разбойничьей «злодейской эхи» вырывали язык, их наказывали кнутом, ссылали. Опасаясь кары, крестьяне боялись их петь для записи еще в девятнадцатом веке. П. И. Якушкин в 60-х годах сообщает, что казаки и судовые рабочие пересказывали песню, но боялись исполнять ее «на голос», так как были уверены, что за это «дадут по шапке». Молодой парень не решался повторить дерзкий ответ сына Разина губернатору.

Одним из первых стал собирать песни о Разине и Пугачеве Пушкин. Пушкин ездил в 1833 г. на Яик для собирания песен и сказаний о Пугачеве. Приблизительно в то же время собирал песни о Пугачеве и В. И. Даль. Языков и Киреевский собирали песни в Симбирском крае. Песни о Разине не разрешались к печатанию. В 1827 г. Бенкендорф писал Пушкину по поводу издания Песен в «Северных Цветах»: «Песни о Стеньке Разине, при всём своем поэтическом достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклиная Разина, равно как и Пугачева». Николай Первый вычеркнул в «Истории Пугачевского бунта» Пушкина, «ибо связи нет с делом», предание о матери Разина, записанное пушкинской прозой: «в Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет? — и видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп».

Записи Пушкина относятся к немногим песням, сохранившимся от разинского цикла. Академик В. Миллер указывал в 1914 г., что другие песни могли быть известны среди казаков, измененные так, чтобы быть приемлемыми для исполнения казацкими хорами.

Мы предполагаем, что некоторые песни о Разине были перенесены в цикл об Илье Муромце. Разин обращается к голи кабацкой:

Сударь мои, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять.
Разобъемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,

Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем.

К той же голи кабацкой с призывом гулять обращается Илья Муромец в приписываемой его циклу былине.

По предположению историка Костомарова, песня о сыне Разина относится к действительному событию: к посланному в Астрахань агенту Разина, казненному за месяц до сдачи города казакам. Об этой казни почти одинаково сообщают капитан «Орла» Бутлер и путешественник Струйс. Капитан пишет, что 25-го мая 1671 г. «в виду всей армии повесили пленного казака, подвергнув его страшным мучениям». Струйс сообщает, что «во время салютов в виду всего флота повесили бедного полуживого казака».

Этот «бедный полуживой казак» воскрес в народной песне в образе щегольского сына Стеньки Разина, дерзко отвечающего губернатору и освобожденного из тюрьмы Стенькою при взятии Астрахани:

Приворачивайте, робята, ко крутому бережку,
Уж мы стену разобьем, а и тюрьму по камению разнесем,
И вастраканьского губернатора в полон к себе возьмем,
И вастраканьскую губернаторшу в наложницы.

Песня эта известна во множестве вариантов с неизменным торжеством сына Разина над астраханским воеводою. Пушкин записал две песни о сыне Стеньки Разина.

Историческое взятие Астрахани после похода на Персию описывается в некоторых вариантах. Астраханский воевода пытается откупиться драгоценными дарами, но казаки убивают его. Поход Разина, когда его лодочная флотилия разбила искусным маневром персидский флот, поразил воображение и отразился в песнях. Поход на Персию вошел в число подвигов русского богатырства. Песни о Разине слились с культом Волги. Песня клеймит, хоть и в осторожной форме, войскового атамана, который предал Разина и нарушил этим завет «с Дона выдачи не бывает». В песне о взятии Астрахани Разин призывает корабельщиков:

Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалеете...
Черноярский воевода велит в колокол звонить:
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались...

Но Разин предупреждает:

И вы пороху не теряйте, и снарядов не ломайте,
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет.

Пули действительно не тронули Разина даже во время неудач, и схвачен он был на Дону.

Песни о Разине связаны с плаванием по рекам и морям:

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноярские стружечки,
Забелелися на мачтах тонкие-белые парусочки...
...Разлилася мата Волга
По широкому раздолью...

В другой песне:

Течет Яик быстрехонько,
Урываючи круты бережечки,
Желты пески сыпучие все поверх воды, сверх воды несет...

Разинский цикл отражает эпопею его побед:

Не пора ли нам, ребята,
Возвратиться в Русь...
...Мы на Астрахань-городочек
Прошли в сумеречки;
Мы Царицын-городочек
Во глуху полночь.
Мы Камышин и Саратов —
Спели кочеты.
А мы Волжский и Хвалынский —
На белой заре.
Мы Сызрану и Самаре
Не поклонимся.
В Жигулевских горах
Жить остановимся.
Уж мы колышки вколотим
Кипарисовы.
А мы чалочки расчалим
Всё шелковые.
А мы шатрики раскинем
Канифасные.
Самоварчики поставим
Позолоченые.

Жигулевские горы связаны с памятью о Разине до сих пор.

Бывало жил Степанушка
На тихом Дону,
А ныне Степанушка
На синем мори,
Разбивает Степанушка
Бусы корабли латинские,
Латинские, армянские,
Армянские, басурманские.

Гравюра Давида изображает, как Разина поймали и накладывают на него железа. Войсковой атаман Корнило Яковлев, выдавший Разина в угоду Москве и получивший за то денежную награду, выступает в песне, обращаясь к казакам:

Царь пожаловал меня чудным образом,
А вас, казаков, свинцом, порохом.

Ни одной песни с одобрением выдачи Разина на Дону не было. Об «удалой жизни казака» поются веселые и задушевные песни, слагаются сказания. Умирает он не в Москве от руки палача, а на белом камне, на Дунай-реке, завещая казакам:

Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог, первой Питерской,
Другой Владимирской, третьей Киевской,
Во правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во в ногах поставьте ворона-коня,
Кто ни идет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится.

К подлинным песням о Разине добавились песни «поддельные», то есть поздние и созданные личным авторством. Они крепко вошли в волжские песни и благодаря магическому имени Разина поются до сих пор. Таковы «Точно море в час прибой» Сурикова и песня о Разине и персидской царевне Д. Н. Садовникова «Иза острова буяна на простор речной волны». Поход на Персию изображался и в условном «действе», сохранившемся до недавнего времени: по домам ходили крестьяне или рабочие, изображая «лодочку», то есть са-

дьясь на пол и делая движения гребли, иногда сопровождаемые песней. Песни о Стеньке Разине красивы и по музыке.

В Стеньке народ величает его предельную дерзость, его «одинокую думу». За два века до Байрона народ создал в цикле о Разине великолепный образ Демона, пленительного и страшного. Образ этот несомненно повлиял на Пушкина, который собирал не только песни, но и литературу о Разине.

Песни о Пугачеве, который грозил самой Москве и для усмирения которого понадобилось вмешательство Суворова, относятся к иной эпохе и отличаются по тону и художественному значению от разинского цикла.

В легком куплетном стиле песня рассказывает, как

...Яицкие казаки —
Бунтовщики были, дураки.
...Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака.
Донского казака —
Емельяна Пугача.

Большинство сохранившихся от преследований песен почтительны к царице и осуждают Пугачева.

Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах стоит, себе речи говорит:
«Не дают мне, добру молодцу, волюшки —
В Ленбурх сходить, Пугача убить».

Царствование Екатерины Второй изображается славословием:

Уж при славной было при царице,
При матушке при царице Катерине Алексеевне,
Уж весь-то народ русский жил во счастьеце,
Во счастьеце, во раздольице, во богатнем житью.
Уж как все-то купцы себе дом накапливали,
А бедные то ни в чем нужды не видали,
Все жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексеевну...
Но вдруг настало время злое...
Проявился вор-собака, проклятый человек...

..Привезли эту собаку во Москву-город гостить,
Во Москву-город гостить, буйну голову рубить.
Как казнили ту собаку на главной площади,
Уж казнили, пятерили, буйну голову срубили.

В других песнях говорится иное:

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталось,
Выезжал тутو добрый молодец,
Добрый молодец Емельян-казак...
...Я не царь и не царский сын,
Я родом Емельян Пугач,
Много я вешал господ и князей,
По России вешал я неправедных людей.

Сидящий в темнице добрый молодец «слезно плачет», призывая разбить «крепкие тюрьмы»:

Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Обогрей ты нас, добрых молодцев,
Добрых молодцев, сирот бедных...

В ответ на его мольбу по речке быстрой «по прозванию Волга-матушка»

Как по речушке плывет легка лодочка:
Эта лодочка изукрашенная,
Вся молодчиками изусаженная.

В другой песне солдат возвращается с честью домой и объясняет родным, что он ездил, потому что

Погнала-то меня царска служба,
Что царя-то службы — Петра Третьего.

Казнь Пугачева вызывает не только радость — «казнили пятерили», — но со стороны казаков причитания:

Емельян ты наш, родимый батюшка.
На кого ты нас покинул,
Красное солнышко закатилось...
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать.

Песни о Пугачеве преследовались еще сильнее и от них осталось очень немного. Поздних песен о Пугачеве не складывалось. Пушкин связал с образом Пугачева старую песню «Не шуми, мати зеленая дубравушка».

В «Капитанской дочке» он вывел Пугачева почти благожелательно, подчеркнув его хорошие стороны в об-

щении с Гриневым, но сохраняя историческую правду в сценах убийства.

Цикл разбойничьих песен по тону и содержанию отличается от старых. Сочувствие на стороне разбойников, которые подобно «лицарю» украинских дум, становятся защитниками угнетенных. Царь, награждающий «двумя столбами с перекладиной», изображен с иронией. На казнь перенеслись древние сравнения с кровавым пиром и свадьбой. Крест, которым священник как бы санкционирует казнь, сопоставляется с виселицей. В песне, найденной в девятнадцатом веке и напечатанной в Чтениях Отделения русского языка и словесности Академии Наук, казнь Пугачева представлена в виде свадебного поезда и припев, подобный стону, поминает с ужасом и горечью виновников расправ. Припев замечателен по звуковой «заумной» выразительности с аллитерацией на А и О, с повторяющимся стоном Охо-хо и с поминанием имени царей Иванов, названных «харлапанами»:

Выпадала пороша на талую землю.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

По той по пороше да ехала свадьба.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

Да ехала свадьба в семерых санях.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

Во первых санях сидит поп Емеля.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

Сидит поп Емеля, а крест на рамени.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

А крест на рамени в полторы сажени.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

Обоз объезжает, крестом ограждает.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

Кого ограждает, тот ногами дрягает.

Охо-хо! Князь-Иваны!

Охо-хо! Харлапаны!

Встречали ту свадьбу в Марьиной роще.

Охо-хо! Князь-Иваны!
Охо-хо! Харлапаны!
Во Марьиной роще у красной сосны.
Охо-хо! Князь-Иваны!
Охо-хо! Харлапаны!
Венчали ту свадьбу на Козьем болоте.
Охо-хо! Князь-Иваны!
Охо-хо! Харлапаны!
На Козьем болоте, на курьем коленце.
Охо-хо! Князь-Иваны!
Охо-хо! Харлапаны!
А дружка да свашка — топорик да плашка.
Охо-хо! Князь-Иваны!
Охо-хо! Харлапаны!

По существу разница была между обоими героями бунтов: Пугачев был «царем Петром Третьим», самозванцем, тогда как Разин оставался казаком, взят был у себя на Дону, и при овладении городом, разрывал холщевые грамоты, уничтожал крепостное право и учреждал «казацкие республики» с выборным атаманом. Отношение песни к Разину иное.

Во время ссылки на юг Пушкин объезжал казачьи станицы и 24 сентября 1820 г. писал из Кишинева брату: «Видел я берега Кубани... любовался нашими казаками»... В 1824 г. он читает «Донские песни» в монографии В. Д. Сухорукова «Общежития донских казаков в XVII и XVIII вв.». Вместе с Раевским Пушкин слушал на Дону и на Кубани песни и предания о Разине. По первоначальному замыслу действие задуманных тогда «Братьев разбойников» должно было происходить на Волге. Самая тема народная, сказочная, о случайном убийстве сестры, напоминает записанную Пушкиным песню о девяти разбойниках. В Михайловском Пушкин просит высылать ему исторические сведения о Разине и, повидимому, тогда же начинает собирать материалы. В то же время он по вечерам слушает сказки и пишет брату в 1824 г.: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма. Ах Боже мой, чуть не забыл. Вот тебе задача: историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». В 1826 г. в Москве у Веневитинова Пушкин читает «Песни о Стеньке Рази-

не», которые хочет напечатать в «Северных Цветах» на 1828 г. Летом 1827 г. посылает их Плетневу для представления через Бенкендорфа на высочайшую цензуру и получив отказ Бенкендорфа, пишет Погодину: «Стансы к царю им позволены; песни о Стеньке не пропущены». Копии были найдены Гротом в бумагах Плетнева.

В 1833 г. Пушкин собирает на месте сказания о Разине и Пугачеве, ездит в Казань, Симбирск, Оренбург, Бердскую слободу и встречается 75-летнюю казачку, которая помнит Пугачева: «Нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобой помним 1830 год. Я от нее не отставал...» — пишет он жене. В это именно время Пушкин пишет «Дубровского», в котором мы полагаем несомненным влияние мыслей об «единственном поэтическом лице русской истории». Зимой 1834 г. Н. Х. Граббе встречается Пушкина у Раевских и вспоминает позже: «Он занят был в то время историей Пугачева и Стеньки Разина, последним, казалось мне, более». Пушкин принес к Раевскому брошюру на французском языке, переведенную с английского «изданную в те времена одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани, представлялся ему, потом был свидетелем казни его». В пушкинских бумагах были найдены пометки «все... песни о Разине». Он настолько полон мыслей о Разине, что вводит его имя в «Путешествие Онегина», которое тогда пишет:

Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывым голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну...

Пушкин собирал историческую литературу о Разине. У него была в издании 1827 г. во французском переводе книга Иогана Струйса, голландца, который был при взятии Астрахани. В 1833 г. когда он писал «Дубровского», Пушкин просит у Норова ряд книг о Разине: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку; зав-

тра получишь *Struys* и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России (Возрастающая Россия или что-то подобное). А. Пердуильонис, то есть *Stephanus Rasin Doncosacus perduellis, publicae disquisitionis J. J. M. Schurtzfleisch*)». Книга Струйса была переведена на все языки и выдержала много изданий. В пушкинской библиотеке под № 1414 был французский перевод в издании 1827 г.; он мог спрашивать у Норова первое издание 1681 года «*Voyages de Jean Struys en Moscovie, Tartarie, Perse et autres pays*»; Amsterdam MDCLXXXI.

В пушкинской библиотеке под № 1476 были три тома Вебера *Das veränderte Russland*, изданные в 1739-1744 гг. Среди личных книг Пушкина под № 1307 значится сочинение Демарес во французском переводе, изданное одновременно с английским подлинником в 1672 г. *A relation concerning the particulars of the rebellion, lately raised in Moscovy by Stenko Rasin... 1672. Relation des particularités de la rébellion de Stenko Rasin contre le grand duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rébellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son exécution; traduit de l'Anglois par C. Desmares, Paris MDCLXXII*. Пушкин ссылается на эту книгу в восьмой главе «Истории пугачевского бунта», добавляя, что «книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому».

Сочинение, о котором Пушкин спрашивается у Норова, вышло в 1683 г. под заглавием: *Stephanus Rasin donicus cosacus perduellis publicae disquisitioni exhibitus paraeside Conrado Samuele Schurtzfleisch respondente Johanne Justo Martio. Wittenbergae 1683*.

Таким образом в пушкинской личной библиотеке были основные иностранные труды о Разине. Перед концом жизни, летом 1836 г., Пушкин перевел, для французского писателя Леве Веймара, на французский язык одиннадцать песен, из которых большинство казацкие разбойничьи, среди них песни о Разине «Как у нас было, братцы, на тихом Дону» и Казачий плач о Разине. В Институте Русской литературы Академии Наук в Ле-

нинграде хранятся автографы песен, переведенных Пушкиным на французский язык прозой с его примечаниями.

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе краснова солнышка,
На закате светлова месяца...
...Помутился славной Тихой Дон,
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовскова,
Помешался весь казачий круг.
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной Площади
Отрубили буйну голову.

Пушкин переводит *Krasnaya Plochtchade* с пояснением: *Grande place au Kremlе* — большая площадь в Кремле, *Красное Солнышко* — *rouge beau soleil*, указывая, что это принятое выражение.

Кроме точных записей Пушкина, три песни о Разине были им обработаны: «Как по Волге реке по широкой», «Ходил Стенька Разин», «Что ни конский топ, ни людская молвь», и сохранились в бумагах Плетнева. В течение всей своей творческой жизни, с 1820 г. до кануна своей смерти, Пушкин был увлечен образом Разина, который несомненно отразился в ряде его произведений.

К циклу о Разине и Пугачеве примкнули разбойничьи песни и сказания, как песня о двенадцати разбойниках, поющая теперь или записанная Пушкиным песня о девяти братьях-разбойниках, которая вдохновила великого поэта. Тема разбойников перешла в поэзию, окрасив «байронизм» Пушкина и Лермонтова своеобразной народной стихией.

Странным образом песни о Петре Первом ближе по тону к вольным разбойничьим, чем к былинам о царях и богатырях прежней эпохи. Такова былина о встрече Петра с простым человеком, которому он разрешает

«гулять и защищать веру христианскую», хотя в устной поэзии «гулять» имело определенное значение: гулял Стенька с разинцами, гулял и Емелька Пугачев. Это отношение к Петру, отличное от толкования киевских и московских князей, быть может, объясняется памятью о странных обстоятельствах его воцарения и о небывалых жестокостях его царствования. В народном представлении Петр, быть может, казался своего рода «разбойничком», который «царел на Руси» и которому за его борьбу с боярами было обеспечено народное сочувствие.

С XVI-XVII века начались записи песен. Первую точную запись имел англичанин Ричард Джемс в 1619 г. Первым сборником были Древние российские стихотворения, — собранные Киршей Даниловым и переизданные в 1818 г. К. Ф. Калайдовичем. Издание Рыбникова и «Онежские былины» Гильфердинга в XIX в. дали основное собрание русского эпоса, оставшееся непревзойденным. По силе произведенного впечатления можно сравнить первое появление записей русской поэзии с раскопками древних сокровищ. Собираение былин и песен и розыски новых сказителей более не останавливалось. Делались записи на местах, лучших сказителей выписывали в столицы, изучали и комментировали сообщенные ими тексты. Сказители, чрезвычайно скромные, с некоторым изумлением начинали догадываться о значении их дела. У многих явилось желание добавлять к унаследованным старинам собственные. Крюкова заявляла, что ей дороже ее новины.

Сказители переставали быть анонимными. Сначала собиратели указывали лишь губернию и уезд. Но уже Гильфердинг во второй половине XIX в. в своих поездках по Прионежью отмечал не только деревню, где была записана былина, но и давал имя и краткую биографию сказителя. Он отмечал особенность каждого: указывал тех, кто точно передавал ритм, и тех, кто ритма не соблюдал и самый текст передавал неточно. Лучшие сказители стали приобретать известность. Сообщалась их личная жизнь, о них писали, и, выступая на эстраде, они

вызывали рукоплескания. Создавались династии сказителей, выступавших в четырех поколениях.

Но так велика была их природная скромность, что еще долгое время сохранилось чувство личной анонимности, как если бы внимание было направлено не на них, а на тех, далеких и исчезнувших в веках, кого они призваны были представлять. Лишь постепенно стало исчезать ощущение коллективного творчества, уступая место горделивому сознанию личного успеха и желанию авторства.

Наряду со сказителями, ревниво сохранявшими древние «старины», появились певцы, свободно относившиеся к старым текстам, передавая их с вставками и вариантами. Сказители не растворяются более в безымянном коллективе и подписывают свои произведения, за которые ждут почестей и наград.

В новых вариантах, каковы бы ни были их художественные достоинства или недостатки, любопытно проследить технику переноса эпитетов и эпизодов с одного лица на другое, использование «общих мест», на которые указывал еще Гильфердинг. Они дают ценное свидетельство о том, как развивалась и передавалась былина на протяжении веков, каковы были методы устной поэзии и пути, какими дошли до нас старые тексты.

Одним из наиболее известных сказителей XIX в. был крестьянин деревни Гарницы на берегу Онежского озера, близ города Киж, Кижской области, — Трофим Григорьевич Рябинин, о котором говорят все собиратели.

Родился он в 1791 г. и умер в 1885 г., прожив 94 года. Отец его был убит на войне и он пятнадцати лет остался сиротой и был воспитан миром. На работе по починке сетей он встретился с бедным стариком, Ильей Елустафьевичем, который дожил до 90 лет и многое знал. От Елустафьевича переняли былины и другие сказители. Рябинин услышал от него былинку об Илье Муромце и Калин-царе, песню про молодца и худую жену. В 1812 г. он поступил в дом своего дяди, который считался лучшим певцом во всей округе. Рябинин

работал у него вместе со своим зятем, который тоже был отличным сказителем. От него он «понял» былины про Вольгу, про Илью и Соловья-разбойника, про Дуная Ивановича, про Михайлу Потыка и историческую песню о Михаиле Скопин-Шуйском. От другого старика-крестьянина, дожившего до ста лет и сохранившего в памяти много сказов, Рябинин узнал про Добрыню. Он и от других стариков слышал былины, но, по его словам, не упомянул всего. Рябинин был рыболовом, чинил сети, ходил с крестьянами на рыбную ловлю из Заонежья на Ладугу. И он, и дети его были староверами.

Рябинина слышали уже стариком, когда он многое забыл. Рыбников в 1861 г. записал «с голосу» Рябинина 23 былины. Гильфердинг видел Рябинина уже 78-летним стариком и записал с его голосу 26 былин. Некоторых былин, слышанных им в детстве от стариков, Рябинин уже не помнил, но указал былины, которые потом были записаны со слов других сказителей. Он был приглашен Отделением Этнографии Русского Географического Общества и был награжден серебряной медалью для ношения на груди.

Из четырех его сыновей двое погибло, а двое оставшихся переняли от отца традицию сказителей, ревностных к старине.

Репертуар Трофима Григорьевича Рябинина обнимал около шести тысяч стихов, когда он был в глубокой старости; в юности он знал значительно больше. Он поражал мастерской дикцией: «каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение» — отмечает собиратель Рыбников, признавая, что подчас, заслушавшись, бросал перо и потом просил повторить пропущенное в записи. По описанию Рыбникова, Трофим Григорьевич Рябинин был «старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седенькой бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности были заметны спокойная сила и сдержанность». Он не позволял себя обидеть, и когда приезжий чиновник попытался ему угрожать, Рябинин отвел его руку и вну-

шительно сказал: «Ты, ваше благородие, это оставь; я по этим делам никому еще должен не оставался». В нем самом было нечто от Ильи Муромца с его непреклонной силой.

Рыбников встретил его, когда был сослан из Москвы в Петрозаводск и стал собирать народные сказания, первый том которых под заглавием «Песни» вышел в 1861 г. Следующий собиратель, Гильфердинг, видел Рябина через десять лет, в 1871 г.

Трофим Григорьевич Рябинин был не только точным передатчиком. Своих новин он не создавал, но всё же составлял варианты в строгом соответствии со старым текстом. Его варианты разнились от вариантов, записанных со слов других сказителей, перенявших былины из того же источника, от Ильи Елустафьевича. Записи Рыбникова в шестидесятых годах не совпадают с записями Гильфердинга десять лет спустя тех же былин со слов Рябина. Эти варианты, которые он иногда менял, оставались в духе старого текста. Свое наследие он получил от стариков, живших в восемнадцатом веке, а те в свою очередь от стариков, и цепь уходила таким образом в глубину веков.

Сын его, Иван Трофимович Рябинин, продолжал традицию отца. Академик Всеv. Миллер, слушавший его былины в конце XIX в., пишет о впечатлении «живой старины», которое произвело на него «безыскусственное пение олонцкого крестьянина».

Иван Рябинин был приглашен в Болгарию, затем в Сербию, где был награжден золотой медалью, в Австро-Венгрию, где выступал в Венском университете. С его слов записано 15 былин. Позднее он стал подозрительно относиться к записям и отказывался петь. Былины он передавал точно, не составляя собственных вариантов, и две былины вполне совпадают с записями, ранее сделанными с голоса его отца. Он пел не меняя текстов, «как старики певали».

Иван Трофимович Рябинин родился в сороковых годах прошлого столетия в деревне Середка той же Кижской области; впоследствии он переехал в село Гар-

ницы. Выступал он в Петербурге и Москве, в Киеве и Одессе, в Политехническом и Историческом музее и получил медаль с надписью «Лучшему сказителю нашего времени». Академик Всев. Миллер при его выступлении в 1894 г. произнес в его честь публичную речь, отождествляя его, как представителя династии сказителей, с образом народного певца: «живое предание глубокой старины, один из последних хранителей эпической традиции».

Его пасынок, Иван Герасимович Рябинин-Андреев выступил в Институте Живого Слова и с его голосу было записано десять былин.

Его внук, Петр Иванович Рябинин-Андреев, родился в 1905 г. в той же деревне Гарницы, что и его знаменитый дед. Знает он десять былин, точностью передачи не отличается и предпочитает составлять собственные новины, в которые вводит куски из запомнившихся ему старых былин. Былины он посвящает современным событиям и переносит на современных деятелей, эпизоды из богатырского эпоса, иногда с полным забвением смысла.

При отсутствии художественного дара и понимания, Петр Иванович Рябинин-Андреев составляет свои новины механически из отдельных кусков старин. Делает он это без исконного чутья к старой песне, которым обладали прежние сказители, переносившие «общие места» из одной былины в другую с таким умением, что они срослись с новым вариантом, и подменявшие имена так, что потом трудно было их оторвать от былины. С ним кончается традиция династии Рябининых.

Нищенка из Архангельской губернии, Марья Дмитриевна Кривополенова, в просторечии «бабушка Кривополенова», отличалась точностью и мастерством передачи старин. С ее слов была записана былина «Вавила и скоморохи», известная только в ее варианте. Скоморохи, с которыми ходит Вавила, по характеру близки каликам и даже делают чудеса. Скромная, старая крестьянка с тихо журчащей речью и ласковым голосом, выступала в 1911-1921 гг. в С. Петербурге, Москве, Харькове, Ро-

стве, Саратове. Славилась она исполнением старин, но знала также много сказок.

Наиболее известная современная сказительница, Марфа Семеновна Крюкова, родилась в 1876 г. и принадлежит к роду сказителей, славившихся мастерством с XVIII в. Прапрадед ее, Михайло Крюков, переселился из Новгорода. Он умел сказывать старины; прадед Леонтий славился прибаутками и пением старин, деда были сказителями, а мать ее, Аграфена Матвеевна, была из рода сказителей Стрелковых и отличалась памятью: с ее слов было записано двенадцать тысяч стихов, а знала она значительно больше. В семье Крюковых таким образом слились две династии сказителей. Марфа Семеновна Крюкова переняла былины от деда, Гаврилы Леонтьевича Крюкова, и от своей матери, которая пела с ней вместе и передала ей свой огромный репертуар. Она жила в селе Золотницы на Белом море. В старину на Беломорье ссылали опальных новгородцев и москвичей, и до сих пор их помнят и называют по имени и отчеству как знакомых. Прибаутки знаменитого шута Балакирева до сих пор сохранились в обиходной речи. В цикле о Петре Великом поются былины о Балакиреве, о Меньшикове. Сохранились и старые обычаи, старые одежды, прежний говор. Крюкова с детства восприняла старые тексты. Историю края она знает как историю своей семьи. Во время ее поездки в Москву ее пригласили на доклад академика Орлова о Слове о Полку Игореве. Слушая его, она припомнила родословную Игоря, и когда Орлов упомянул Юрия, она тихо прошептала «не о том Юрии он говорит», и, действительно, через несколько минут он поправился, сказав, что оговорился. Впервые услышав о поэте Руставелли, она стала допытываться, кто в то время правил в Киеве и Чернигове. Узнав, что в то время в Грузии была царица Тамара, она стала сопоставлять, припоминать детей Владимира Мономаха, их родословную, родословную Юрия Долгорукого, пока не пришла к одному из суздальских князей, Юрию: «не этот ли Юрий, когда его изгнали из княжества, женился на вашей девице Тамаре?». Она вспомнила, что

Юрий, изгнанный своим дядей из Владимиро-Суздальской земли, бежал к половцам и, по предложению эмира, был избран в женихи царицы Тамары, женился на ней, но позднее был из Грузии изгнан и бежал в Константинополь. Крюкова знала это не из книг. Песни и старины для нее подлинная история, а их герои для нее знакомые с детства люди. По уму и памяти она является исключительным явлением даже среди северных сказителей. С ее голоса было записано более ста былин, составивших два огромных тома, изданных Летописью в 1939 и 1941 гг. Поет она их на три основных мотива, которые были занесены в запись собирателями. Каждый стих она иногда начинает с длинного распева на А: Ай унесла...

М. С. Крюкова провела всю жизнь в своем селе на Белом море, испытав все женские невзгоды. Замужем она не была, жила работницей сначала при братьях, потом при сестре. Первые записи ее сказов были сделаны фольклористом А. В. Марковым в 1899 г. В 1934 г. приехал из Академии Наук фольклорист Чужимов для записей. Впервые выехала Крюкова в 1936 г. в Архангельск, где с ее слов было записано двести листов стиха об Иване Грозном, о Петре, о богатырях.

В 1937 г., шестидесяти лет от роду, она была приглашена в Москву и впервые ехала в поезде: «сiju как будто в комнате, а сама-то ведь двигаюсь». Города были ей знакомы по песням и еще жили для нее своей древней жизнью. Она с нетерпением ожидала их: «когда же будет Вологда, которую грозный царь Иван Васильевич хотел сделать второй Москвой?». Ярославль тотчас пробуждал в ее памяти песню:

На крутой на горе да на высокой
Испостроился да тут нов-город,
Краше Киева, краше Суздаля,
Краше матушки каменной Москвы.
Ты летай-ка летай, соловеюшко,
Во прекрасну страну, в славный город Ярославль.

Каждый город был знаком ее воображению с детства, и она старалась узнавать его в действительности. Технические вещи сопоставлялись со сказочными: «по

метро я ездила, на машине подземельной; никакому мудрецу восточному не учинить такой премудрости». В гостинице Москва «не успеешь сказать слова ласкового, как поднимут тебя на машине под самый потолок». Но она предпочитала ходить; «я по ступенькам больше ходила, со знакомыми говорила».

В театре ее поразили золоченые стулья, крытые бархатом. Но когда она услышала «Садко» Римского-Корсакова, она узнала свего давнего друга, о котором всю жизнь певала, и «когда сходил Садко в море пучинное, прощался-то со своей дружинишкой, тут и я встала со своего золоченого стула и сделала ему низкий поклон по писаному, спроводила Садко славного в путь-дорожечку». Поклоны по-писаному, низко в пояс, сохранились в обиходе родной деревни Крюковой. То, что москвичи могли правильно изобразить старый Новгород, она сравнивает с тем, что беломорцы знают Мезень; «старики наши бывали там, вот и знаем».

Когда в пути на Кавказ поезд пошел по берегу, она долго кланялась в пояс:

Здравствуй, здравствуй, морюшко Хвалынское.
Здравствуй, вся природа твоя со чудесными садами,
Я приехала к тебе из страны из северной
Передать привет от морюшка от Белого.
...Бело-морюшко с Хвалынским разговор ведут,
Разговор ведут да разговаривают...

Каспийское море сохранило для нее старое наименование Хвалынского.

В описании Кавказа она сохраняет разговорный простой тон:

Очень прекрасная страна Кавказская,
В моей молодости зачем она мне не приснилася,
В сновиденнице зачем не показалася?

Горы стоят караульщиками:

Белы шапочки на них из горностаюшки,
На них шапочки, как у древних рыцарей,
На тех шапочках жемчужинки с камнями...
...Не пропустят горны рыцари ни конного, ни пешего.
Я ходила гуляла по славной земле Кавказской,

Всему-то я, старая, дивовалася-любовалася,
Нигде нет такого соньца светлого,
Оно светит, как в струнах гусли выигрывает.

На пути в Москву Крюкова допытывается у всех, где город Концырь, в котором «не царь царил, не князь княжил, а управляла во всех делах Маринка, дочь Кондалова, хитрая ведьма, которая даже Илью Муромца хотела заморозить, и Глеб князь сын Володьевич звал ее за то бессовестной». Отсутствие города ее сказок на том месте, где она думала его видеть, казалось ей загадочным, так как Маринка и Илья были для нее столь же реальными, как историческая царица Тамара. Жизнь она прожила на дальнем севере, и на Кавказе впервые увидела, как растут яблоки, не знала, что такое груша, и слушала, как о чуде, о мандаринах и апельсинах. Ей казалось диковинным, что можно получать доход с садов: «ни трески, ни семги не ловят, а богатство имеют». С детства она знала, что доход можно иметь только с рыбной ловли: так и Садко разбогател. Но многое из увиденного она знала по былинам. Индюшку она ела впервые, но не удивлялась: «птицу из Индии» едал Дюк Степанович «ведь он бывал в Индии и скотский двор у него на семь верст». В былине Дюк приезжает в Киев «из той ли из Индии богатая». Ее впечатления от первой поездки в Москву и на Кавказ «в просторности и прожиточности» русских земель настолько сильны, что она чувствует тревогу: «И зачем мне вся эта широта открылась... так и померла бы в спокойе». Ее художественный дар сказывается в переключении действительности в мир, знакомый ей по былинам. Но как ни восхищалась она всем виденным, подобно посланцам в былине о Дюке, она торопилась домой, в родные места, и при возвращении, радостно кланялась Белому морю:

Уж вы здравствуйте, волны беломорские,
Уж вы здравствуйте, родные бережочки,
Здравствуй, здравствуй, родимая страна северная.

Подобно многим теперешним сказителям, Крюкова старается передать в своих новинах современные события. Новина о гибели государя начинается в стиле ска-

зок, описывающих царскую жизнь согласно крестьянскому быту. Царица угощает царя водочкой и после того, как она ему «подливала, подливала», посылает его спать в тех выражениях, в каких это делалось обычно в знакомых Крюковой семьях.

Далее тон меняется и становится сказочно-патетическим. Царица видит вещий сон и в страхе будит царя:

Тебе полно спать, царь, да усыпатися...

Как в сказке о Салтане, она видела во сне будто орел прилетел с востока, сел на позолоченную крышу дворца, «стряхнул ее» своими крыльями и сбросив крышу

клюнул в царску голову,
В царску голову да во желты кудри,
Во желты кудри да во ясны очи...

Царская кровать по двадцати сажен в ширину и длину. Царь быстро встает, умывается и, как в былинах о Садко, идет в церковь:

Они пошли тогда во Божью церкву,
Отслужили они обедню со молебнами,
Отслужили они за здравие царя, за царицу...

Надвигающаяся опасность передана в виде шумов:

Царский трон-то всколыхался весь,
Стуки сделались очень громкие,
Удары сделались очень страшные,

царица берет мужа «за белые руки» и прячет в подвал.

А сама она сидела в своей спаленке,
Вышивала ширинку разными шелками,
Разными шелками иностранными,
Да строчила ширинку красным золотом
Да убирала ее дорогим жемчугом...

жемчугом, который в народной поэзии означал слезы. Далее былина развертывается в драматическом тоне с сочувствием к горю царя и царицы:

Заходил народ, все восставшие,
Он спрашивал, где ее-то муж...
...Нам ведь надо с ним повидатися,
Повидатися да поквитатися,
Ты приведи скорей своего мужа милого,
Покажи-ка его нам на рассмотреньце.

Отвечала им царица да такую речь:
— У меня сейчас его в доме не случилось,
Он уехал во темны леса далекие,
Из темных лесов проедет он в тихи заводи,
Как будет он там стрелять гусей-лебедей,
Как будет стрелять пернатых-то серых уток.

Царь и царица всё время сохраняют свой титул. Характерно, что пришедшие за ним называются «восставшими». Тон по отношению к царю и царице горестно-ласковый, без единого слова укоризны, и вся былина выдержана в стиле печальных драматических песен с «поминаньем». Подобно былинным женам, царица пытается спасти мужа хитростью:

И говорит еще хитрая царица таковы слова:
— Вы садитесь-ка да все присаживайтесь,
Уж будьте у меня дорогими гостями,
Принесу-ка я вам наливочек разных водочек.

Пришедшие находят государя и требуют отречения:

Отдавай нам ключи от Россиюшки,
Ото всей нашей родной земелюшки.

Далее следует сочувственное описание горести царя при этой вести:

Только-только чуть сказал он:
Очень-очень мне тошнехонько,
Болит у меня царская головушка,
Да не служат мне ножки резвые,
Не владеют у меня да руки белые.

Ему подносят чарку зелена вина и, подобно былинным богатырям, он осушает ее:

Чарку немалую — полтора ведра.
Принимал Николай ее правой рукой,
Выпивал он ее да на единый дух.

Тогда ему объявляют без злобы и горечи:

Уж ты гой еси, Николай Романов,
Ты вино-то пьешь, того не знаешь, не ведаешь,
Что ты не царь теперь да не царишь, теперь.

После короткого молчания, он начинает трогательное причитание о своей судьбе:

По жеребью ли мне горюшко выпало,
По делу ли ты мне досталось,
Не судите меня да не губите,

Отпустите меня на все четыре сторонушки,
Пойду-поеду в разные стороны неведомые,
Полетит со мной горюшко черным вороном.

Исторически это совпадает с первоначальной мыслью об отъезде отрекшегося царя за границу «в неведомые страны». Но комиссаром назначают Ивана Сибирского:

Тут царю-то подали просту телегу деревенскую,
Повезли его в темницу во темную,
Тут как Николаю скоро смерть пришла,
Скоро смерть пришла и конец дошел.

Печальный лирический тон жалобы царя отражает сочувствие певца к его «горюшку». Начало жалобы совпадает с древним поверьем о выпадающей на долю человека судьбе, как в метании жребия при спуске Садко. В былине говорится о «царской» головушке и вся она выдержана в тоне горестной песни. «Восставшие», требуя ключей, не делают укоров. Короткий конец, точно обрубающий действие, создает сильный драматический эффект. Иван назван не русским, а Сибирским, как бы пришедшим из страны татарского хана Кучума.

Север издавна знал о гибели знатных, о ссылках и казнях тех, кто накануне был на вершине величия, и всегда воздерживался от сочувствия Москве в ее расправах. Это издревле привычное чувство сохранено в песне о гибели царя от «восставших».

Ее собственная жизнь представляется ей в виде сновидения:

Много я везде переездила
Много я всего перевидела
...Будто спишь и сон видится,
Пробудишься — пред тобой всё кажется.

Поминальная песня о Чапаеве поется Крюковой в духе разбойничьих песен семнадцатого века:

Ай унесла Чапая река быстрая,
Унесла его по реке да по теченьицу,
Где-то он нашел себе оприютнице:
Сквозь белы груди да трава выросла муравая,
Сквозь буйну голову да цветы расцвели лазоревые,
Перелетны птицы свили себе гнезда
Во русых кудрях Чапаевых.

Василий Иванович да всё ведь слышит он,
Слухом слышит да слово не молвит,
Чапай лежит во земле сырой
Да думает думу крепкую:
— Пролежу ищо несколько поры-времени,
Накоплю силы да побольше ищо,
Во сырой земле я скоро двадцать лет лежу,
Двадцать лет лежу да скоро встану-выгляну.

Теки, теки, славна Волга река,
Кати, кати волны высокие,
Пропой, Волга, песню очень чудную
Про Емельяна Пугачева добра молодца,
Про Стеньку Разина, добра молодца...

Интересен переход от медлительного долгого стиха о подземной думе мертвеца, томящегося о восстании — «встану-выгляну», — к короткому стиху волжского разлива с поминанием ее героев.

В «Пропеваньце про сочинителя Премудрого» Крюкова связывает Максима Горького с волжским циклом:

Широко Волга-река разливалась,
Протекла подошла она к городу,
К тому ли ко славну Нижне-Новгороду...

В описаниях природы, в лирических отражениях своих простых чувств, в плачах по мертвым и в хвале родному краю, Крюкова отдается своему импровизационному наследственному дару и находит верный образ, красивый ритм. По своей памяти она является исключительным явлением: ни один сказитель не помнил такого количества былин. Пользуется она старыми эпитетами и старыми эпизодами искусно, соблюдая их внутреннее значение.

Она живет в предании, которое кажется ей таким же реальным, как движущаяся перед ней жизнь, и по своему несомненному художественному дарованию, по богатству сохраненных ею произведений устной поэзии, является самородком, какими всегда был богат северный край.

Вопрос о времени и месте происхождения старин до сих пор не получил окончательного решения. Определение точного времени появления былин затрудняется

тем, что в более древние варианты вставлялись эпизоды, связанные с позднейшим временем, а также тем, что каждый исполнитель по своей воле мог заменять отдельные части былин и менять имя героя. Указания в самих былинах во всяком случае устанавливают их появление до крещения Руси. Многие былины о старших богатырях относятся к начальным временам Киевского периода. Ставился также вопрос о взаимоотношении русского эпоса со сказаниями других народов: западно-европейскими, южно-славянскими и восточными. Исследования и сопоставления показали наличие «странствующих мотивов», появляющихся у разных народов, и проникших в русскую народную поэзию. Но основной цикл былин имеет русское национальное происхождение и связан с древними историческими воспоминаниями.

Основной богатырский эпос зародился в южно-русской области и был сосредоточен вокруг государственного центра — Киева. В зависимости от условий он постепенно перемещался. После развития письменности, с усилением византийского влияния и церковности, а также в пору расцвета промышленной городской жизни, былины всё более отходили на север и в настоящее время убежищем их стал северный край, где, начиная с восемнадцатого века, было записано наибольшее количество эпических песен.

Былины сохранили южно-русский колорит, связанный с киевской эпохой, но в них вводились отдельные северные черты и местные областные выражения. При устной передаче былин в течение долгих веков и при множестве вариантов получились как бы разветвления реки-эпопеи в ее устье-записи. Варианты шли разными путями, и сказители иногда изумляют эпизодами, идущими из более глубокой древности. Это объясняется тем, что сказители получили текст от предшественников, несших его, без вставок и изменений, из более дальних истоков.

Пытались установить, в какой среде зарождались былины. Добрыня Никитич, будучи дружинником, поет песни о воинских подвигах своих соратников, обнаружи-

вая полное знание своего дела. Это дает опору предположению, что по крайней мере часть былин создалась в среде княжеской дружины и связывалась с величанием князя или павших героев. Академик А. Н. Веселовский в «Трех главах из исторической поэтик» говорит о таком возникновении кантилены: «Пели о победах и поражениях, выходили на сцену в освещении хвалы, порицания или страха одни и те же имена витязей, вождей; вокруг них собран интерес, вокруг них их боевые товарищи, дружина, о них слагаются песни брани и мести, поминальные и величальные; поются и циклизуются, притянутые тем или другим решающим событием, славой одного имени»... Слагались, вызванные «экс темпоре одним и тем же фактом, подвигом, переходили из одного поколения в другое вместе с памятью подвига, что предполагает и его ценность в глазах потомства и начала исторической традиции, родовой и народной».

В то же время в той же былине Добрыню принимают за скомороха. Это доказывает существование профессиональных певцов-скоморохов, наподобие средневековых менестрелей и трубадуров Западной Европы. «Веселые люди», — скоморохи приглашались петь на княжеские пиры. В Слове о Полку Игореве указывается такой певец Боян, который пел о том, что более всего интересовало слушателей: о ратных подвигах, о героях, об исторических событиях. При княжеских и боярских дворах состояли певцы в течение веков. При Иване Грозном был издан указ о наборе искусных скоморохов.

В былинах появляется и третий вид певца — купец Садко, чья игра на гусях может заставить плясать даже Морского царя. Он поет не о ратных подвигах или исторических военных событиях, и слушают его не придворные княжеского дома и не ратные люди. Поет он об увлекательных приключениях, которые могут пленить даже равнодушных обитателей подводного царства: о любовных встречах, о волшебных происшестви-ях, об обычаях заморских стран, где удалось ему побывать во время своих скитаний. След подобных песен сохранился во многих былинах и коротких лирических

отрывках. Так сплетались песни трубадуров Боянов, изобретательных скоморохов, искусных дружинников, любовные, волшебные и исторические сказания. Песни, создавшиеся и жившие среди крестьян, говорили о деревенской жизни. Ратное дело появлялось в них лишь как угроза мирной жизни пахаря, подобно тому, как в драматической песне на пиру у Александра Македонского изображалось нападение разбойника на хлебопашца. В былине о Микуле Селяниновиче, Вольга Святославич хоть и кажется пахарю нужным для охраны земли, но в известной мере его дружинники — всё же дармоеды, «хлебоясть», в обычное время и для обычной работы непригодные. Былины о великом пахаре Микуле и «деревенщине» Илье полны иронии по отношению даже к князю и прямого осуждения городского чиновничества, которое Микула бьет своей шалыгой подорожную за требование податей, и служилого боярства, на которое в былине о Чуриле подаются жалобы. Такие былины могли создаваться только в крестьянской среде.

Основные былины отражают сельскую точку зрения и не могли быть созданы при княжеском дворе. Они пелись при дворе наряду с другими былинами, и хранились потом в крестьянстве.

Южно-русские, киевские былины, в отличие от новгородских, отражают обще-государственные события, отмеченные летописью, и обще-государственные заботы по охране границ и защите от врага. На былины отчасти влияли и песни паломников и рассказы смелых мореплавателей.

Все эти разнообразные песенные вклады перепевались в неграмотной крестьянской среде в течение веков, вдали от чуждых влияний, и таким образом сохранили окраску, разнообразие, богатство диалектов. Создалась многоликая, многообразная, но сплавленная единым народным чувством, общей напевной формой, богатейшая по составу эпическая песнь, которая дошла до нас различными устными путями, через различные поколения сказителей.

Сторонясь городской и промышленной жизни, бы-

лина уходила всё дальше на север, где в тишине лесов и безбрежии морей, Микула, Добрыня, Чурило могли прожить долгие века в нетронутой юности.

К вопросу о связи былин с той или иной средою присоединялись вопросы о существовании былинного эпоса, об его значении.

Историческая школа искала в былинах отражения подлинных исторических процессов и событий, воспетых современниками и менявшихся в последующих перепевах. Подтверждением служили совпадения былинных сюжетов с летописными рассказами. Эту теорию поддерживал В. Миллер, А. Лобода и некоторые другие ученые. В. Миллер считал, что вследствие отсутствия письменных свидетельств, былинный эпос, несомненно возникший в Киевской до-татарской Руси, дает лишь намеки на подлинные события, вдохновившие певца, а не точные указания: «Наш былевой эпос представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных переходов, с пристройками и надстройками от разных времен», в котором сменялись и жили и князья, украшая его восточными фантазиями, и половцы с татарами, и московские бояре, и казаки, и в конце концов «неприхотливый олонецкий крестьянин». В «Поэтике былин» А. Ф. Скафтымов, разбирая один из «нерешенных вопросов» о хронологии той или иной былины или отдельных ее частей, приходит к выводу, что точное решение невозможно, ибо «былина не есть нечто законченно созданное, но всегда создаваемое». Академик А. Н. Веселовский предлагал пересмотреть исторические вопросы, «чтобы иметь право сказать себе, что мы многого не знаем».

Мифологическая школа, к которой принадлежали А. Н. Афанасьев, Орест Миллер, К. Аксаков, Потебня, Федор Буслаев, считала цикл былин обломками системы славянского язычества, подобно мифологии египетской и греческой. В речи, произнесенной Буслаевым в январе 1859 г. на собрании Императорского Московского Университета, он формулировал свою мысль.

Напоминая о том, что «наша письменность, возник-

шая вследствие потребности водворить христианскую веру, долго держалась характера исключительно церковного», Ф. Буслаев определяет значение устной поэзии: «Народная поэзия русская, восходя своими началами к эпохе доисторической, и доселе носит явственные признаки своего мифологического происхождения, как и вообще изустная поэзия всякого народа». Он сопоставляет языческие варианты русских и сербских былин, доказывающих «веру в таинственную связь героев с миром сверхъестественным. Весь цикл древне-русских богатырей убеждает нас в этом. В обществе их, за столом Владимира Красна Солнышка, появляется Тугарин Змиевич, мифический Змий и сын Змия. Он в преступной связи с супругою самого Красна Солнышка. В сербской песне о Иоване и Дивовом старейшине сестра Красна Солнышка, Мария Дивовна, то есть Дочь Дива, чудовищного великана, похищена Змием, у которого живет в горных палатах или в пещере, устланной серебром и золотом».

Легенда о Горной Деве, живущей в драгоценных пещерах еще жива на Урале. — «От Змея спасает ее Добрыня Никитич, который в этом варианте является племянником Владимира. Сестра Апраксеевны, супруги Красна Солнышка, дева-воительница, напоминающая северную Брунгильду. Она выходит замуж за Дуная, от которого получила имя река» — в нем как бы мифически воплощается река, «Дунай появляется в ряде русских былин в качестве богатыря киевского цикла. По некоторым древним вариантам, Завава Путятишна, племянница Владимира, выходит замуж за героя, который приезжает из дальних стран, из города Леденца, и прельщает ее тем, что в одну ночь строит в ее саду великолепные палаты. Город Леденец можно сопоставить с Ледян-городом сербских песен, в котором находят связь со сказочной Стеклою или Ледяной горой. Постройка палат в одну ночь является частым эпизодом в сказках других стран. Михайло Иваныч Потык по иным былинам женится на вещице девице, которая, подобно скандинавским валькириям, оборачивается в белую лебедь;

князь Владимир присутствует на их свадьбе». Превращение девушки в белую лебедь часто встречается в сказках — в песнях девушка получает эпитет белой лебедушки.

«Илья Муромец, побеждающий мифического Соловья Разбойника, носит на себе следы первобытного эпоса в своих тайных сношениях с Задонской царицей, которая при живом муже рождает от Ильи Муромца сына, Збута королевича, с которым Илья вступает в бой, не зная, что это его сын». Эти эпизоды рассыпаны по русским и южно-славянским былинам. Буслаев делает из этого заключение, что «Владимир Красное Солнышко окружен в нашем народном эпосе таинственной сетью мифических очарований. И племянница его, и сестра, и племянник, и даже супруга в связи с миром сверхъестественным, с существами мифическими. Он веселится на свадебных пирах с вещими женами, оборотнями-белыми лебедушками, и с мифическими богатырями, олицетворяющими реки; он делит соль с оборотнями змиями, с породой змеиною». Вольх Всеславьевич и по рождению своему существо сверхъестественное. Хоть он и родился от обыкновенной женщины, от Марфы Всеславьевны, но «отцом его был лютый змей, вещая натура которого отозвалась в сыне тем, что он был чародей, оборотень: сам обертывался ясным соколом, серым волком, туром-золотые рога и умел обращать в нечеловеческий образ свою дружину». Еще в семнадцатом веке по рукописной Синодальной Библии 1665 г. и по Цветнику Волх оказывался сыном мифического Словена. От Словена будто бы получили название Славяне, а от Волха река Волхов, раньше называвшаяся Мутною.

Этот Волх был «бесоугодный чародей, лют в людях: бесовскими ухищрениями и мечтами претворялся в различные образы и в лютого зверя-крокодила; и залегал в той реке Волхове водный путь тем, которые ему не поклонялись: одних пожирал, других потоплял. А невежественный народ тогда почитал его за бога и называл его Громом или Перуном. И постановил этот окаянный чародей ночных ради мечтаний и собраний бесов-

ских, городок малый на некотором месте, зовом Перыня, где и кумир Перуна стоял. И был этот окаянный чародей удушен от бесов в реке Волхове: и мечтаниями бесовскими несено было окаянное его тело вверх по той реке и извержено на берег против Верховного его городка, что ныне зовется Перыня. И со многим плачем от невежд тут был он погребен, с великою тризною поганскою и могилу осыпали над ним высокую, по обычаю язычников. И по трех днях после того тризница разверзалась — по рукописи «прослезися земля» — и пожрала мерзкое тело крокодилово, и могила просыпалась над ним на дно адское: «иже и донине, якоже поведает, знак ямы тоя стоит не наполняется».

Имена бывают «поздней наддачею». Но Волх прозывается как бы по отчеству матери Всеславьевич и по грамматическому смыслу отцом Волха был Всеслав или тот оборотень в лютого волка, тот вещий чародей, который смешивается в Слове о Полку Игореве с князем Полоцким. Змеиная натура отца отразилась в Волхе — он крокодил, позднейшая замена водяного змия, и залегал реку Волхов, как в сказке залегал реку Оку Змей Тугарин, который появляется в былинах при Владимире Красное Солнышко. В этой народной сказке Тугарин — начальник татарской Орды и мифологические эпитеты в описании змия, запирающего водные пути, совпадают с описаниями татарского нашествия: «Не грозна туча во широком поле поднималася, не полая вода на крутые берега разливалася, а выводил то молодой князь Глеб Олегович рать на войну. Как прочуял Змей Тугарин рать немирную и начал мутить Оку реку широким хвостом. Широка Ока река возмутилася, круты берега рассыпались, мутна вода разливалася. Нельзя к Змею подойти, нельзя Змея воевать». Богатство аллитераций особенно сильно для выделения основного момента «широка Ока река», построенном на перемежающихся О, КА, которые составляют название реки: ширОКА ОКА реКА.

Буслаев возводит Змия к страшному чудовищу, которое, по скандинавским преданиям, окружает землю

и враждебно добрым силам. У русских оно перешло в сказание о том, что земля стоит на трех китах, в апокрифической Беседе Трех Святителей по синодальной рукописи.

Мифологическая школа считала, что Морской царь в былине о Садко — божество, подобное Нептуну, которому Садко должен приносить жертвы и платить дань и который женит его на своей дочери Волхове, — дочери, потому что река женского рода. В Беседе о Трех Святителях ставится вопрос, которая мать совет детей своих. Ответ: море поедает реки в себя.

Нездешние силы появляются в «Сказании о том, как перевелись богатыри на Святой Руси». Когда богатыри, расхваставшись, вызывают на бой силы небесные (по одним вариантам Илья, по другим Алеша), появляются два рыцаря. Когда их разрубают, их становится четверо, и чем больше их рубят, тем больше становится «воителей» небесных: «не узнали витязи воителей» восстали на силу небесную:

А сила всё растет и растет,
Всё на витязей с боем идет.

Витязи побежали к пещерам, и как только подбегут к пещерам, так и окаменеют. Этому эпизоду придавали мифологическое значение. Но окаменение может быть связано с уходом в монашеские пещеры, а хвастовство неизменно наказывается в устной поэзии и в летописных сказаниях.

В народном сказании несомненны отзвуки двоеверий и древних мифологий, населявших землю опасными чудовищами, которые похожи на действительно существовавших допотопных животных. В народные сказания проникли отзвуки книг отреченных, приходивших из Византии, в которых остатки греческой мифологии сплетались с христианской легендой. Беседа Трех Святителей, повидимому пришедшая из Болгарии, приобрела большое распространение, несмотря на церковные запреты. С Беседою сходна Голубиная книга. Влияли и отзвуки Бестиарий, в которых описывались, схожие с египетскими, мифические существа. Такова Стратим

Птица, живущая на океане, и подобно Морскому Царю, колышущая морские воды. Таков Индрик-зверь, который ходит под землю, как солнце по небу, пропускает реки и колодези, а сам живет на Святой Горе. В сказании о царе Китоврасе, пришедшем с Востока, появляется получеловек, полужверь, подобный кентавру. Китоврас днем царствует над людьми, а ночью над животными. В этом отразилась сказочная близость между людьми и зверями. Медведь, в древности считавшийся табу, чье имя нельзя произносить, — сохраняет особую роль в волшебном мире. Апокрифические сказания о зверях перешли в орнамент и в живопись. По розыску в деле Висковатого видно, что в палатах царя Ивана Васильевича была изображена притча из Шестоднева Василия Великого. Были изображены знаки Зайца, Стрельца, Волка, представлено было, как ночь гонится за днем, как смерть гонится за жизнью, и это соответствовало Беседе: «кто бежит и кто гонит? День бежит, и ночь гонит. Кто борется между собой? Живот со смертью».

В старых лечебниках и травниках приводятся заклинания и отреченные молитвы об избавлении от болезни. Эти лечебники представляют смесь иноземного чернокнижия с народной поэзией. Там приводятся заговоры от меча и железа: «ни из камня воды, ни из мертвого души, ни из раба Божия — имя рек — крови не будет». В иконописи имеются отреченные изображения двенадцати Трясовиц или Лихорадок с крыльями летучей мыши разного цвета. Подобные легенды и изображения запрещались, но в Паисиевском сборнике Кирилло-Белозерского монастыря XV в. в церковных запретах вместо прежнего «песни бесовские» упоминаются «песни мирские», что доказывает их широкое распространение в миру.

Мифологические толкования не могли дать объяснение всему циклу народной поэзии в ее многообразии, а лишь указывали пути ее зарождения.

Историческая школа могла объяснить часть былин путем сопоставлений. Змей Тугарин — татарин. Залегший в реке и не пропускающий русскую рать, мутящий

воды змий и крокодил — образ исторического врага, отрезавшего водные пути. Легенда о вызове небесного войска и наказания за похвальбу могла отражать историческое чувство вины за ослаблявшие страну усобицы. Сказочный город Леденец, по предположению П. Н. Милюкова, можно сопоставить с Ладунисса, старой крепостью города Колывань, позже Ревеля, ныне Таллин.

Вера в оборотней, сохранившаяся в «двоеверии» после крещения Руси, дала поэтическую семью мелких божеств, русалок, леших, водяных, оживлявших сказки и проникших в былины и в героический эпос: языческие божества встречаются в Слове о Полку Игореве. В то же время атрибуты оборотней явились в устах былинного певца искусной орнаментовкой для подбора эпитетов, раскрывающих характер героя. Грациозная девушка называлась лебедушкой, ищущий премудрости князь хотел рыскать волком и летать соколом, а налетевший с воинственным посвистом враг превращался в злую птицу Соловья Разбойника. Увеличение числа врагов, рассекаемых на-двое, в образной форме изображало несметность татарских полчищ.

Былинный эпос порожден потребностью народного певца передать в поэтической форме свое восприятие современных ему событий. След этих событий сохранился с достаточной очевидностью. Былина перекликается с летописью, совпадая в именах, а иногда и в отдельных эпизодах. Остатки «двоеверия» заставляли певца вводить в былину мифологические существа и связывать с ними реальные события, подобно тому как сказание Мефодия Патарского привлекалось для объяснения реального ужаса татарского нашествия. Собранный учеными исторической и мифологической школы материал помог тщательному анализу составных элементов эпической песни.

Теория заимствования, которую исповедывал В. В. Стасов и которой дал широкое научное обоснование А. Н. Веселовский в своей «Исторической поэтике», указала наличие «странствующих мотивов» у различных народов, восходящих к общему источнику или занесен-

ных позднее. Исследование «странствующих мотивов» и внутренних сближений в сказаниях разных народов уподобилось науке сравнительного языкознания и изучению одинаковых корней слов в языках различных народов.

В устную народную поэзию вошли многообразные элементы, спаянные воедино творческим вдохновением безыменного певца. Устная поэзия представляет собою монолитное национальное произведение коллективного певца, несмотря на наличие входящих в нее занесенных извне элементов, подобно тому, как язык каждой нации принадлежит ей, несмотря на общность корней у народов единой основной ветви. Вобрав в себя исторические, мифологические и странствующие элементы, устная поэзия осталась свободным выражением народного восприятия сил, явлений и путей Руси. Можно найти историческое имя того или иного богатыря, но его поэтический образ остается созданием художественного творчества и коллективной мысли народа.

В эпосе, первоначально относившемся к тому или иному событию и отражавшем древние верования, были использованы элементы, внесенные историей, мифологией, странствующими мотивами, подобно тому как мрамор, камни, краски фресок служат при постройке храма. Самый эпос обратился в славословие единственному герою устной поэзии — России.

Глава IV — Древняя письменность

Безымянною была устная поэзия и безымянною же родилась русская письменность. Народный певец не искал ни отличий, ни посмертной славы, — и древний летописец также не искал ничего для себя. Былина была современна воспеваемому ею событию, и летопись также была современна тому, что описывала. Как былина дошла до нас в поздних перепевах, так и летопись дошла лишь в поздних списках. Былина и песнь оказали

влияние на поэзию письменную. Летопись дала начало русской прозе и во многом определила ее будущий путь.

Русская литература родилась в монашеской келье, в младенчестве носила рясу черноризца, в отрочестве облачилась в латы воина. Этим в значительной степени объясняются ее судьбы.

Строгая правдивость, суровая простота и сдержанность, отношение к своему писанию, как к выполнению общественного долга, острое национальное чувство, — все эти свойства древней летописи, придающие ей неумиращую силу, установили с первых шагов реализм русской литературы. Образ летописца, почти иконографический, озарял весь путь русской литературы. Чехов, определяя свое отношение к писательству, как к честному «свидетельству» о жизни своей эпохи, возвращался к идеалу летописца.

То, что русская литература родилась в монастыре и что первым ее служителем был отрекшийся от мира отшельник, наложило неизгладимую печать на весь позднейший облик русского писателя, которому вменялось в обязанность быть подвижником и пророком. К Достоевскому и Толстому приходили спрашивать совета о жизни, как некогда к летописцам-монахам.

С первых строк темой русской литературы были национальные нужды, вопросы будущего страны, «печалование» о Руси, стремление указать правильный путь, — и в этот основной фон вплетались судьбы изображаемых в летописи лиц. Такое понимание целей художественного изображения сохранилось на протяжении веков существования русской литературы. Суровое, монашеское отношение к «завещанному Богом долгу» влияло на личную, подчас трагическую судьбу русских писателей. Источником заветов русской литературы, служивших мерилем значения писателя, была монастырская келья с ее строгим отношением к правде.

Созерцая события из своего затвора, летописец старался сохранить бесстрашие. Но сквозь сдержанность тона подчас прорывается горячее чувство, сохранившее заразительную свежесть до наших дней. Необы-

чайная сила и художественная законченность летописного сказания составляют предмет восхищения и изумления исследователей. Летопись стремится достигнуть евангельской лаконичности, передавая крупнейшее событие в коротких метких словах.

Занимая скромное положение, летописец всё же ясно понимал распри князей, соотношение сил, и мог верно описывать происходящее. Высказывалось предположение, что летописец сам видал битвы и даже участвовал в них до своего ухода в монастырь. Так описывал Пимена Пушкин. Но и в своем уединении монах мог быть осведомлен обо всём: князья и дружина, перед выступлением в поход, приходили в монастырь за советом и благословением, а после окончания похода за благодарственной молитвой. В затруднительном положении обращались к монахам за наставлением, сообщая им сокровенные тайны. Монахам приходилось иногда улаживать распри между князьями. Монах невольно принимал участие в событиях, направляя и оценивая их соответственно тому, что почитал долгом совести. Некоторые монастыри были связаны с князьями и относились к ним с особым сочувствием. «Эпическое бесстрашие» летописца является таким образом относительным. Летописец не мог оставаться равнодушным свидетелем событий: их исход далеко не был ему безразличен. Этим объясняется то, что в разных сводах летописи дается разное толкование того или иного происшествия, разная оценка того или иного лица. Летописец старался передать событие в соответствии с истиной или с тем, что он считал истиной. В этом смысле летописец может считаться первым творцом романа.

А тема романа была захватывающая: рождение в муках нового государства, в чье будущее величие летописец верил всею крепостью своего религиозного сознания. Сквозь всю тогдашнюю неустроенность, разбросанность населения, постоянную угрозу кочевых соседей, не знавших ни границ, ни договоров, сквозь раздоры князей и братоубийственную распрю, сквозь все тяжести киевского государства начальных веков, лето-

писец пророчески провидел лишь одно: великое национальное целое, крепкую единую Русь, которая должна была встать чистой и сильной после всех испытаний. Этой верой, этой простой и смиренной любовью к родине согрета и напоена, как животворящей кровью, каждая строка древней летописи.

Летопись родилась в удельный период Киевской Руси, когда, под главенством старшего киевского князя, младшие члены династии, братья и племянники, правили каждый в своей области, в своем уделе, иерархически следовавшем по степени важности. Наследовали не сыновья, а братья. По смерти киевского князя, ему наследовал в стольном граде Киеве старший из оставшихся братьев и вслед за ним перемещались в следующий по значению удел другие князья. Желание, в обход закону престолонаследия, занять столицу или более крупный удел, порождало раздоры, переходившие в битвы между князьями. О трагических эпизодах этих междоусобиц повествует с потрясающей силою древняя летопись.

О дате появления первой летописи, как и о личности первого летописца, исследователи не пришли к соглашению. Некоторые относили начало летописи к X веку, другие принимали более позднюю дату. Несомненно только то, что летопись велась уже в сороковых годах XI века.

Многое бесследно утеряно, многое сохранилось в позднейших списках с изменениями, вставками, сокращениями.

Древнейший дошедший до нас список Лаврентьевский, названный по имени монаха Лаврентия, который переписал на пергаменте древний текст для Суздальского и Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича в 1377 г., лет на двести после составления первого свода и лет на четыреста после возникновения летописи. Лаврентьевский список содержит основной свод древней киевской летописи с добавлением свода, относящегося к событиям Суздальской Руси до 1305 г. Рукопись была куплена графом Мусиным Пушкиным в

1792 г. Карамзин упоминает ее в Истории государства Российского под именем Пушкинской рукописи. Первое издание Лаврентьевской летописи было предпринято Обществом Истории и Древностей Российских в 1804 г., затем прервано и снова начато в 1810 г. Троицкая летопись и часть издания, были уничтожены пожаром 1812 г. и уцелевшие листы были выпущены Обществом Истории и Древностей Российских в 1824 г. Лаврентьевская летопись была включена в первый том Полного собрания Русских летописей, вышедшего в 1846 г. под редакцией Бердникова, и переиздавалась затем несколько раз. А. А. Шахматов исследует историю текста Лаврентьевской летописи в своем «Обзрении русских летописных сводов XIV-XVI вв.». М. Д. Приселков посвятил ей специальную работу: «Лаврентьевская летопись — история текста», вышедшую в 1939 г. В 1900 г. А. А. Шахматовым была найдена Симеоновская летопись, по которой, как он доказывал, можно было бы восстановить пропуски Лаврентьевской летописи с 1177 года по 1305 г., то есть недостающие записи с 1263 года по 1283 г. и с 1288 г. по 1294 г. Ипатьевский список, относящийся к двадцатым годам XV века, доводит изложение событий в Киеве и Галицко-Волынской Руси до 1292 г. Свое название он получил от Ипатьевского монастыря в Костроме, которому принадлежал и где он был открыт Карамзиным. Он был издан в 1843 г. в Полном Собрании русских летописей и вышел вторым изданием в 1871 г. В 1908 г. Ипатьевская летопись была издана под редакцией А. А. Шахматова и переиздана в 1923 году.

К тому же XV веку относится Радзивилловская летопись, находившаяся до семнадцатого века во владении Радзивилов и от них получившая свое имя. Князь Януш Радзивилл передал ее в 1671 г. в Кенигсбергскую библиотеку. Петр Великий велел сделать копию с Радзивилловской летописи в 1716 г. При занятии Кенигсберга русскими войсками граф Разумовский вытребовал в 1758 г. Радзивилловскую рукопись, которая была затем издана в 1767 г., под заглавием «Библиотека Россий-

ская историческая, древние летописи». Петровская копия и оригинал хранятся в Библиотеке Академии Наук в Ленинграде. Рукопись снабжена 617 миниатюрами. В 1902 г. текст Радзивилловской летописи был издан фото-механически Обществом любителей древней письменности с приложением исследования А. А. Шахматова.

Новгородская первая летопись велась с начала XI в. и Синодальный ее список XIV в. является древнейшим из дошедших до нас. Текст новгородской летописи начинается с 1017 г. и доведен до 1330 г. с дальнейшими приписками, доходящими до 1352 г.

Областные летописи различались по тону. В поздних сводах они поставлены вместе. Из древних летописей дошли две северные — Новгородская и Суздальская, и две южные — Киевская, со вставками из Черниговской и Полоцкой, и Волынская. Новгородская летопись отличается лаконизмом, соответствующим характеру местных сказаний. Стиль Суздальской летописи, при некоторой сухости, более многоречив. Волынская летопись отличается темпераментом и образностью, которая сближает ее со Словом о Полку Игореве.

Летописи отражают многообразие и независимость областной жизни до московского периода централизации, при которой подавлялись проявления независимости. Изучение областной летописи является как бы реставрацией старой федеративной жизни, которая была поглощена и отчасти уничтожена суровыми мерами, сопровождавшими объединительную политику московского государства. Историки укоряли Москву за проявленную при централизации «ненужную жестокость» и прямолинейность. В уцелевших областных летописях можно видеть отражение быта домосковского периода. Критическое исследование рукописей дало возможность выделить первоначальную редакцию, включенную в позднейший свод, и определить составные его части.

Ипатьевская летопись известна в двух основных списках: Ипатьевском, принадлежавшем монастырю, и Хлебниковском, принадлежавшем купцу Хлебникову. Оба они восходят к южно-русскому своду, который, по

определению Приселкова, относится к XIII в., а по определению Шахматова, к XIV в. Ипатьевская летопись разделяется на три части: первоначальный киевский свод, затем свод, составленный в Выдубецком монастыре, в который внесены черниговская летопись и переяславский летописец, а также заимствования из галицко-волынской летописи, и, наконец, третья часть в основном представляющая собою галицко-волынскую летопись с дополнениями из ростово-суздальской. Таким образом в Ипатьевскую летопись включены летописи областные вместе с Киевскою. Обширная литература по этому вопросу и работа над рукописями привели к установлению времени возникновения первых сводов и их состава.

Древнейший рукописный свод относится к сороковым годам одиннадцатого века. Предполагается, что поводом к его составлению было учреждение в 1037 г. независимой киевской метрополии в княжение Ярослава Мудрого.

До крещения Руси в Киеве была церковь св. Ильи, о которой упоминается в летописи и в византийских договорах. Повидимому, она была построена при княгине Ольге, принявшей христианство.

После крещения Руси, киевская церковь оказалась в полной зависимости от Византии, откуда посылались священники. В течение полувека Киевская Русь добивалась самостоятельного церковного управления, и назначение киевского митрополита, грека Феопемпта, было большим событием. Киевская митрополия получала независимость от византийского патриархата. Повидимому это и послужило поводом для составления первого свода из отдельных записей, заносившихся ранее монахами на табличках. Шахматов назвал этот свод Древнейшим.

Древнейший киевский свод носит не областной, а обще-национальный характер. Летописец скорбит о судьбах страны и записывает события, имеющие значение для ее развития. Высокая патриотическая мысль одухотворяет первоначальную летопись. Искренняя вера летописца, имя которого осталось неизвестным, оза-

ряет повествование мягкостью и теплотою. Записи велись погодно, и помечались даже те года, о которых ничего не сообщалось. Летоисчисление велось с сотворения мира.

Летописное сказание поражает художественной яркостью и живостью изображения. Летописец прибегает к прямой речи и драматическому диалогу, в который вводит разговорные выражения. В летописи нет ни фигур повторения, ни условных формул. Действие развивается быстро, и лишь в виде эпилога дается ему пояснение, скрепленное Священным Писанием.

Крещение Руси составляет основную тему Древнейшего свода, и Д. С. Лихачев предлагал назвать его «Сказанием о распространении христианства на Руси». Анонимный летописец с особым вниманием говорит о княгине Ольге, первой принесшей христианство на Русь, и о князе Владимире. Почти через тысячу лет после крещения Руси мы как будто присутствуем в гряднице князя Владимира при обсуждении вероисповеданий с представителями разных церквей. Выбор греческой церкви имел решающее значение для всей истории России.

В образной живой речи летопись как бы воскрешает самый голос людей с их силою чувства, неотвратимостью страстей и едким юмором. Летописное сказание остается единственным источником сведений о первых веках России. В историю перешли из летописи не только события, но и окраска их. Князья сохранились в памяти такими, какими их обрисовал летописец. Отдельные выражения летописи остались неизменными, как если бы им невозможно найти иную форму.

Летописец ощущает единство русской земли и не устает призывать князей к миру и совместной работе на благо страны. Его религиозное сознание окрашено мудростью и любовью к людям, жалостью к виновным, сиянием восторга перед теми, кто исполнил свой долг перед родиной. Несмотря на разнообразие внесенных в летопись событий и сведений, летопись составляет единое целое. Она скреплена основной мыслью, ясностью национального сознания, широким представлением о

судьбах русской земли, которую летописец ощущает цельной, а не раздробленной на уделы.

Анонимный автор Древнейшего свода, современник Ярослава Мудрого, описывает года княжения его в Киеве, как очевидец, а предыдущую эпоху по преданиям, которые он подтверждает свидетельством памятников. Повествуя о князьях-язычниках, указывает местонахождение их могил. Рассказывая о княгине Ольге, ссылается на ее сохранившееся становище в селе Ольжичи. Говоря о походах Святослава на восточную Болгарию, подтверждает описанием разоренных болгарских городов. Говоря об язычестве, указывает холм за княжеским теремом, на котором стояла кумирня с идолами. Летописец добавляет, что эти памятники существуют «до сего дня» и ему лично ведомы. Повесть о первых христианах в Киеве, варягах Федоре и Иоанне, растерзанных толпой, завершается описанием Десятинной церкви, поставленной Владимиром на месте их мученичества. О крещении Владимира он говорит на основании преданий.

Древнейший свод в течение веков дополнялся новыми записями, которые делались в сознании принятой на себя обязанности довести до следующих поколений повесть о русской земле. Труды смиренных монахов оказались ценнейшим памятником художественного и исторического значения. Факел истории, зажженный в дни установления христианской державы в Киеве, передавался из рук в руки, вплоть до царствования Ивана Грозного.

С падением киевской митрополии и возобновлением зависимости от Византии, Древнейший свод перешел в Киево-Печерский монастырь, который оставался независимым от князя и от византийского патриарха. По слову летописи, попытки подчинить монастырь разбивались об его упорство «аки о камык». Летописец указывает связь Киево-Печерского монастыря с Афоном, тоже независимым от патриарха.

В Киево-Печерском монастыре Древнейший свод был переработан и продолжен до 1073 г. В житии св. Феодосия Печерского говорится о сподвижнике первых

игуменов, монахе Никоне, «сидящую и делающую книги». Это заставило предполагать, что ученый монах Никон был творцом свода, составленного в Киево-Печерском монастыре. Подтверждением является то, что в этот свод введены Тьмутороканские и корсунские сказания, которые знал живший в Тьмуторокани Никон. В соответствии с этим предположением, свод, составленный в Киево-Печерском монастыре, назван сводом Никона.

В Новгороде около 1050 г. был составлен областной летописный свод. Этот Древнейший Новгородский свод был пересмотрен в 1079 г. и называется Древней Новгородской летописью.

Свод Никона был продолжен в Киево-Печерском монастыре в 1095 г. Этот свод, названный Шахматовым Начальным сводом, имел заглавие: «Временник, иже нарицается лѣтописание Русьскихъ кнѣзь и земля Русьская, и како избѣра Богъ страну нашу на послѣднее время и гради почаша бывати по мѣстом, преже Новгородская волость и по томъ Киевская и о статии Кыева, како въименовася Кыевъ». Во Временник вошла Киевская летопись и древняя Новгородская. Предполагается, что слова «преже Новгородская и по томъ» введены в заглавие Временника из Новгородского текста. Из Новгородской же летописи взято было сказание о призвании трех князей-варягов, что объясняло, каким образом Новгород оказался под властью Киевскою.

Самое заглавие устанавливается предположительно по новгородским летописям.

Начальный свод был переработан в Киево-Печерском монастыре около 1110 г. и с этим сводом связывается имя Нестора, монаха, упоминаемого Поликарпом в Киевско-Печерском Патерике: «Нестеръ, иже написа Лѣтописецъ». В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи есть указание: «Повѣсть временныхъ лѣтъ Нестора черноризца Феодосиева монастыря». В Ипатьевском списке и сходных с ним, указан без имени «черноризецъ Феодосьева монастыря». В Лаврентьевском списке XIV века, в Ипатьевском XV в.: в Хлебниковском XVI в.

и Погодинском списке XVII в. даны сходные заглавия, которые помогают установить заглавие первоначальной летописи Нестора: «Се повѣсти времяньных лѣтъ, откуда есть пошла Русьская земля, кто в Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Русьская земля стала есть». Заглавие ясно выражает общенациональную идею летописи.

В 1116 г. летопись Нестора была переписана и переработана по распоряжению игумена Сильвестра в Михайло-Выдубецком монастыре, куда перешло летописание из Киево-Печерского: «Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си Лѣтописецъ надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Киевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чететь книги сия, то буди ми въ молитвахъ».

В 1118 г. Повесть временных лет была снова переработана, что доказывается разницею текстов и тем, что в промежуток между 1110 и 1115 г. были внесены погодные записи, каких не было в списке Сильвестра. В новую, третью редакцию Повести временных лет были внесены рассказы о северных странах и о народах, «заключенных» Александром Македонским, согласно сказанию Мефодия Патарского. Предполагается, что Поучение Владимира Мономаха было внесено в летопись в третьей редакции Повести временных лет. В Лаврентьевской летописи Поучение внесено под 1096 г.

Повесть временных лет включалась во все позднейшие списки. Она давала летописание первых времен Киевской Руси и основную идею, которая вдохновляла всех последующих летописцев. Летопись продолжалась и дополнялась в течение веков, переписывалась писцами и любителями. Общее число дошедших летописных списков около двухсот. Летопись часто украшалась художественными заставками.

Летописец пользуется византийскими хрониками, которые помогали «положить числа». Первой датой является 6360 (852): «В год 6360, индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля.

Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим». Счет индиктам, периодами в пятнадцать лет, заимствован летописцем из Византии, где он, повидимому, связан с переписями населения, которые в Римской империи и в Византии бывали раз в пятнадцать лет. Индикт определял положение данного года в цикле пятнадцатилетия, причем счет года велся по византийскому новому году — 1-го сентября, а начало летоисчисления велось с византийской эры сотворения мира.

Греческие хронографы начинали повествование с сотворения мира. Русская летопись начинает с всемирного потопа и раздела земли между сыновьями Ноя: «В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морѣдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, лѣтьгола, любь». Ляхи, прусы, чюдь сидят близь моря Варяжского. По этому морю сидят варяги. К потомству Иафета принадлежат варяги, шведы, норманы, готы, русь, англъ, галлы, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие. Таким образом летопись точно устанавливает положение русских среди других народов. Далее летописец объясняет расселение славян, которые сначала жили на Дунае, а затем разошлись по земле и «прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ». Описывая племена, поселившиеся по рекам, летописец подчеркивает преимущества полян перед другими — древлянами, дреговичами, радимичами, полочанами. Поляне поселились по горам, где «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти» входят в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, и из Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а из Царьграда можно приплыть в Понт-море, в которое впадает Днепр-река. Днепр вытекает из Оковского леса и

и из этого же леса течет река Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Так с первых же страниц своего повествования летописец определяет тот «путь изъ Варягъ въ Греки», вокруг которого шла вся жизненная борьба Киевской Руси.

Для возвеличения Киева летописец приводит апокрифическое сказание о хождении апостола Андрея на Русь. Когда апостол Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни устье Днепра и захотел подняться вверх по Днепру. И случилось ему стать на берегу под горами. «И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: Видите ли горы сия? Яко на сихъ горахъ восияетъ благодать Божья, имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать. И въшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣже бысть Киевъ», и отправился по Днепру вверх. — Так Киев еще до своего основания получил благословение апостола Андрея, как будущий центр христианства.

Новгородцы, напротив, вызвали неодобрение апостола. «И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сушая, како есть обычай имъ и како ся мыють и хвощются и удивися имъ». Апостол отправился в страну варягов и пришел в Рим и там рассказал обо всем виденном: «Удивительное я видел в Славянской земле на пути сюда. Видел бани деревянные и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя молодые прутья, и бьют себя сами и так себя бьют, что едва слезут, еле живые, и тогда обольются водою студеною и только так оживут. И делают это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучают, и это совершают омовенье себе, а не мученье».

Таким образом будущее место Киева было возвеличено в ущерб Новгороду.

Сразу вслед за этим апокрифом идет легендарный рассказ об основании Киева, в котором воздается хвала Полянам. Три брата, Кий, Щек и Хорив, и сестра их

Лыбедь... Построили городок во имя старшего брата и назвали его Киев. Были кругом «лѣсъ и боръ великъ», и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и до сегодня в Киеве. — Летописец отрицает, что Кий был перевозчиком: Кий княжил в роде своем и ходил в Царьград к царю и там ему были оказаны великие почести.

Тема братьев, основывающих будущую столицу, относится к странствующим мотивам: Рим основан Ромулом и Ремом. Летописные легенды, полученные из устного сказания, сохраняют сказочный канон троичности: три брата в легенде об основании Киева, три князя-варяга в легенде о призвании князей.

Перечисляя различные племена славян, летописец снова отдает предпочтение киевлянам: «Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями, брачный обычай имеют, не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают». Между тем другие племена, по описанию летописца, жили как звери, ели всё нечистое, срамословили. По их обычаю «браков не бывало, а устраивались игрища между селами и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними». Обличения игрищ и «бесовских песен» войдут в проповеди и в летописные укоры «невегласам», соблюдающим языческий обычай. Летописец подкрепляет свои укоры длинной цитатой из Георгия Амартола о «сквернотворцах», не знающих закона благочестия.

* * *

Начало государственности рассказано в легенде о призвании варягов: Рюрика, Синеуса и Трувора. Славяне подвергались набегам хазар и варягов и платили дань серебряной монетой и по белке с дыма, то есть с жилья. В основу летописного повествования положено предание о том, как варяги, совершая набеги «изъ заморья», брали дань с новгородских славян и соседних финских

племен. Новгородцы прогнали варягов, не заплатив им дани, но когда возникли раздоры и встал род на род, они решили найти князя. «И идоша за море къ варягомъ, к руси», звать их к себе: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами». Рюрик сел в Новгороде, Синеус на Белоозере, Трувор в Изборске. После смерти братьев Рюрик стал княжить на всем севере, а сын его Игорь княжил в Киеве и в Новгороде. Легенда ставит Новгород на первое место, как старейшую столицу. Призвание варягов отразило обычай новгородцев избирать князя со стороны: князь не должен был иметь дома и торговых дел в городе, чтобы в случае недовольства ему можно было бы «указать путь из Новгорода». «И отъ тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье новугородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни». Летопись относит призвание варягов к 862 г. и дата эта принимается как начало русского государства.

Приведенные летописью слова «приходите княжить и владеть нами» явились юридическим обоснованием княжеской власти. Свободный народный выбор являлся, по легенде, источником власти Рюриковичей. В раздиравших страну усобицах князя могли опираться на древность прав, восходящую к воинственным норманнам из племени Русь. Иван Грозный не довольствовался происхождением от варягов по народному выбору, а вел свой род от Пруса, брата императора Августа.

Сказание о призвании князей подвергалось критике как странствующий мотив. В Ирландии существовала легенда о призвании братьев остманов: Амедоха, Ситараха и Ивора.

Предание о свободном выборе вождя, отличившегося воинской отвагой, связано во Франции с началом королевской власти.

Варяги, совершавшие набеги на западное побережье, осели на Руси. Предание говорит о восстании в Новгороде Вадима Храброго, которого Рюрик убил для укрепления своего единовластия. О Вадиме, как первом борце за народоправство, Рылеев написал балладу. В

восемнадцатом веке Вадим был героем драмы Княжнина, в которой вопрос о преимуществах единовластия или народоправства составлял основную тему.

Другое предание говорило о варяжских дружинниках Аскольде и Дире, основавших независимое княжество в Киеве. Олег, опекун малолетнего Игоря, убил Аскольда и Диру, и укрепил власть в Киеве. Он похоронил их на горе, называющейся Угорскою, где «ныне Ольминъ дворъ: на той могилѣ поставилъ Ольма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И съде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: Се буди мати градомъ Русьскимъ. И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью».

Имя Олега окружено славою в связи с его походом на Царьград. Под 6415—907 г. летопись рассказывает, как, объединив славян и отогнав хозар, в современном написании хазар, Олег собрал войско из варягов, славянских племен, хорватов, дулебов и тиверцев, известных как толмачи — переводчики: «си вси звахуться отъ грекъ Великая скуфь». Поставив корабли, числом до двух тысяч, на колеса и распустив паруса, он пошел с попутным ветром по полям как по морю, заставив греков просить мира, Олег не попробовал пищи, которую ему вынесли; он догадался, что она была отравлена, и пораженные его мудростью греки говорили: это не Олег, а святой Дмитрий, посланный от Бога. Переговоры с греками переданы в форме диалога, и заключенный Олегом выгодный договор приведен в летописи полностью. «И повѣси щитъ свой въ вратѣхъ показуа побѣду, и поиде отъ Царяграда».

Поход Олега изображен на миниатюрах Радзивилловской летописи. Щит Олега на вратах Царьграда запечатлелся в памяти народа, как первая попытка России пробиться к выходу в теплое море. У Пушкина:

Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Царяграда.

Договор с Византией поставил Киевское государство на почетное место. Греки скрепили договор цело-

ванием креста, а Олег и его воины «по Рускому закону кляшася оружиемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ и утвердиша миръ». Когда Олег с богатой добычей вернулся в Киев, его прозвали вещим, но летопись спешит добавить: «бяху бо людие погани и невѣигласи». Договор «великого князя рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ бояръ», приведен с именами подписавших его: «Мы отъ рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемидъ иже послани отъ Олга...». Все посланные носят варяжские имена. Наименование Олега князем русским, а не киевским, и выражение «отъ рода рускаго» дает возможность предполагать, что они считали себя происходящими от варяжского племени Рус, упоминающегося в летописном рассказе о призвании князей: новгородцы ездили «къ варягом, к руси» звать их на княжение. Отдельно поминается Русь и под 6452—944 г., когда Игорь для своего похода собирал варягов, русь...

Приведенный летописцем рассказ о смерти Олега относится к языческим сказаниям о мудрости волхвов.

Легенда связана с конем, который играл большую роль в жизни воина и в устном предании. Под 6420—912 г. сразу после договора с Византией и мира со всеми народами летопись говорит о смерти Олега: «Пришла осень и Олег помянул своего коня, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал волхвов и кудесников: «Отчего я умру?». И сказал ему один кудесник: «Князь, от коня твоего любимого, на котором ты ездить. От него тебе умереть». — Запали слова эти в душу Олегу и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, — на пятый помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь

мой, которого приказал я кормить и беречь?». Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но всё то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся, и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?». И ступил он ногою на череп и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Плакивали его все люди плачем великим и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и доньне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжение его тридцать и три».

Эта страница летописи послужила Пушкину темой «Песни о вещем Олеге». Олег погиб от того, что посмеялся над словами кудесника. Легенда служила доказательством справедливости речей волхвов и необходимости их слушать для собственного блага. Летопись не опровергает и даже подтверждает правильность предсказаний волхвов, но старается придать этому христианское толкование. Признавая силу кудесников предугадывать будущее и совершать чудеса, летопись отрицает значение чудес, так как они могут исходить от силы волхвования.

Рассказ о смерти Олега завершается словами: «Се же не дивно, яко отъ волхвования собивается чародѣйство, яко же бысть во царство Доментианово». Тогда был известен волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил бесовские чудеса в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, его упросили живущие там сделать следующее: он отогнал из города множество змей и скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на сонмище бояр. Так и в Антиохию пришел, упрощенный людьми теми, Антиахиянами, страдавшими от скорпионов и комаров. Он сделал медного скорпиона и зарыл его в землю, поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу,

потрясая теми палками, и выкликать: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавших городу землетрясениях и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город. Много тебя будет трясти земли и огнем будешь опален, оплачет тебя и Оронтий на берегу». Об этом Аполлонии великий Анастасий Иерусалимский сказал: «Чудеса, произведенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах исполняются». Он много отгонял вредных животных и птиц, мог удерживать речные струи, вырвавшиеся из берегов, но иногда творил чудеса в ущерб людям. Не только при жизни Аполлония, но и по смерти у гроба его творили бесы чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом. Итак, кто что скажет о творящих волшебство? Напомнив, что Фараону было открыто грядущее, что законопреступный Навуходносор предвидел будущее многих поколений, что Симон волхв и Менандр творили чудеса, и приведя много других примеров, летописец приходит к основной мысли о тщете чудес, из-за которых и было поистине сказано: «Не чюдесы прелщати».

Эта мысль будет неуклонно проводиться в летописи, изобилующей сказаниями о «бѣсовской силѣ, лѣпотѣ и немощи». Только в позднейших памятниках и в рассказах паломников появились сообщения о чудесах святых. Старая летопись и старые жития твердо стояли на древнем правиле: не прельщайтесь чудесами! «Та же и вся ослабленемъ (попущением) Божьимъ и творениемъ бѣсовскимъ бываетъ, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа вѣры, аще тверда есть и крѣпка пребывающаи Господеви и не влекома врагомъ мечетныхъ ради чюдесъ и сотонинъ дѣлъ, творимыхъ отъ врагъ и слугъ злобы». (Призрачными чудесами, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла). Борьба с двоеверием и с влиянием волхвов продолжалась и через сто лет после крещения Руси. Летописец более не приводит языческих преданий, подобно сказанию о смерти Олега, а, напротив, старается доказать лживость чудесников. Под 1071 г.

летописец рассказывает, как прельщенный бесом волхв проповедывал, что на пятое лето Днепр потечет вспять, а земли начнут перемещаться. Русская станет на место Греческой, а Греческая на место Русской. Невегласы его слушали, а христиане смеялись: бес тобой играет на пагубу тебе. — И он сгинул, больше его не видали.

Рассказываются и случаи мятежей, поднятых волхвами. Во время голода в Ростовской области, два волхва пришли из Ярославля, говоря: мы знаем кто запасы прячет, — и указывали на зажиточных женщин, говоря, что та прячет жито, а эта мед. К ним стали приводить жен, сестер, матерей. Волхвы, в наваждении, взрезали женщинам заплечья и доставали оттуда жито, рыбу или что другое. И так погубили много, а имущество их забрали. И пришли на Белоозеро, и с ними триста человек. А в это время случилось там быть Яну Вышатичу, который собирал дань для князя Святослава. Ему сказали, что два кудесника сгубили многих женщин по Шексне. Узнав, что они смерды его князя, он велел привести их. Но волхвы ушли в лес со своими людьми и при попытке взять их был убит священник. Пригрозив сидеть в Белоозере хоть год, Ян принудил захватить волхвов и привести к нему. Тогда начинался диспут. На вопрос, кому они веруют, волхвы отвечают: Антихристу. Женщин они погубили, потому что те прятали запасы, а если Ян хочет, они ему достанут жито, рыбу и что он пожелает. Ян отвечает, что это ложь: человек сотворен Богом из земли и состоит из кровяных жил. Волхвы возражают: мы знаем как он сотворен. — Бог мылся в бане, вспотел, утерся ветошкой и обронил ее с неба на землю. Сатана подхватил ее и поспорил, кому из нее сотворить человека. Сотворил дьявол, а Бог вложил душу. Потому после смерти душа идет на небо, а тело в землю. Тут видно учение богомилов о двойственности творения человека. Ян находит простейший способ доказать волхвам бессилие беса: Антихрист будет низвержен Богом, а кудесники примут смерть от него. Волхвы, уверенные в безнаказанности, возражают. «Наши боги говорят, что ты ничего не можешь сделать с нами». — «Лгут

вам боги», — отвечает Ян и в присутствии их последователей велит бить их и выщипывать бороды, спрашивая: «Что вам боги говорят?». — «Стать нам перед Святославом». — Тогда Ян велел привязать их к ребру лодки, вложив им в рот рубль, и пустить вниз по течению, а сам шел сзади. Стали на устье Шексны, Ян спросил: «Что вам боги говорят?». — «Так нам боги говорят, что не быть нам живым от тебя». — Ян говорит: «Это они вам правду сказали». — И вызвав тех, у кого были убиты родные, он отдал им волхвов на казнь. Волхвов повесили, а ночью медведи пожрали их. Так воочию было доказано бессилие сатаны и лживость предсказаний волхвов. Летописец подробно разъясняет: зачем пришли они на это место, если могли предвидеть беду, зачем отвечали, что Ян не может их убить, когда он решил это сделать, — всё это доказывает, что «Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо они немощны и невзрачны».

Сказания о бесовской силе, лепоте и немощи появляются и в летописях, и в Патериках. Летописец предостерегает от обращения к кудесникам: «Сейчас мы расскажем о виде их (бесов) и о заблуждениях». Пришел один новгородец к кудеснику, прося поволхвовать ему. Кудесник стал вызывать бесов и впал в оцепенение. Потом сказал новгородцу, что есть что-то, мешающее бесам явиться. Новгородец вспомнил, что на нем крест, снял его и положил вне дома. Бесы явились, подбрасывали его и поведали ему то, ради чего он пришел. Затем он стал спрашивать кудесника, почему бесы не явились раньше и почему они боятся Того, Чей крест на себе мы носим. Кудесник разъяснил ему, что это «знак небесного Бога, Которого наши боги боятся». И на вопрос новгородца, каковы бесы и где живут, объяснил, что живут они в бездне, а на вид «черны, крылаты, хвостаты; взбираются и под небо послушать ваших богов, ваши ведь боги на небе. Если кто из ваших людей умрет, то его возносят на небо, если же кто из наших умрет, его несут к нашим богам в бездну».

Летописец кончает рассказ словами: «Такова бе-

совская сила, красота и немощь» («Сиця ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь»).

Любопытно противоположение ваших и наших богов, которых тоже оказывается много. Учение о триединности Троицы усваивалось с трудом. К «богам» повидимому причислялась и Богородица в этом диспуте о вере. Беседа показательна для тогдашнего «двоеверия». Новгородец охотно снимает крест, чтобы получить помощь от беса, который действительно сообщает ему то, что ему нужно. Проповедь небесных богов и их силы вложена в уста волхву.

Бесы прельщают людей, особенно женщин, на деле же волхвы ничего предсказать не могут. Это доказывается примером. При князе Глебе явился в Новгороде волхв, который, притворяясь богом, говорил: «Переиду Волхов на глазах у всех». Весь город замутился, поверив ему. Вышел епископ в облачении с крестом и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же истинно верует, пусть тот к кресту идет». Люди разделились надвое: князь Глеб и дружина стали около епископа, а люди все пошли и стали за волхвами. «И начался мятеж великий в людях. Глеб же с топором под плащом, подошел к волхву и сказал ему: «Знаешь ли, что утром случится и что до вечера?». — Тот же сказал: «Знаю наперед всё». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобою сегодня?». — «Чудеса великие совершу», сказал (волхв). Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и тот пал замертво и люди разошлись».

Так Глеб наглядно показал людям, что волхв не знал даже того, что с ним самим через минуту случится.

Перечисляя знаменитых кудесников, летописец упоминает Симона-волхва, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески, и сам оборачивался то в старика, то в молодого. Симон-волхв был героем средневековой легенды и послужил прототипом Фауста в романе о нем, впоследствии вызвавшим драму Марло и кукольные комедии, вдохновившие Гёте. Упоминание о Симоне-волхве показывает знакомство с западно-европейскими легендами того времени.

Вера в силу волхвов держалась долго. В семнадцатом веке протопоп Аввакум рассказывает, как сибирский воевода, перед отправлением людей в поход против туземцев, вызывал волхва для предсказаний об исходе экспедиции.

О проделках бесов сообщают и западно-европейские источники. Поэт Анри Малерб в начале семнадцатого века писал из Парижа своему приятелю в деревню о проделках беса в королевском дворце, в которых «видна не человеческая рука» и так как проделки были глупы, он добавляет, что либо бес не так умен, как о нем думают, либо он плохого мнения о людях и подает им те блюда, которых они достойны. Людовик XIII велел страже окружить ночью его постель, чтобы бесы, рядами маршировавшие к королевскому дворцу, не могли подойти к его постели.

Бесам придают силу людские грехи. В Полоцке их даже видели днем скачущими на лошадях. Они сверхъестественным путем помогают рождению детей: так мать Всеслава родила его «благодаря волшебству».

Летописец борется и с суевериями. Он укоряет тех, кто поворачивают спину при встрече с монахом или придают значение чиханью «разве это не язычество?». Любопытно, что эти суеверия сохранились до сих пор. Летопись укоряет и за леность в посещении церквей, которые из-за этого бывают пусты. В апокрифах те, кто пропускают обедню, лежат на огненных постелях в аду.

Борьба с волхвами и с упорством «невегласов», сохранявших веру в древних богов и после крещения, отразилась во всей древней русской письменности, порождая поэтические легенды и фантастические рассказы.

После смерти Олега в 912 г. Игорь ходил на Царьград с переменным успехом. Под 6449/941 г. летопись сообщает, как Русь шла на Царьград и как на ночь отступила к ладьям, с трудом одолев греков. Феофан же встретил их на ладьях огнеметными орудиями и «пущати нача трубами огонь на лодьѣ руския. И бысть видѣти страшно чудо». Вернувшись домой, русские рассказывали: «Яко же молонья, — рече, — иже на небесѣхъ, гръци

имуть у собе и се пущающе же жагаху (жгли) насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ». Видя пламень, русские бросались в воду морскую, и так вернулись восвояси.

Летопись приводит диалоги и прямую речь. По сохранившемуся до семнадцатого века обычаю, послы не возили грамот, а дословно заучивая то, что было им поручено сказать, передавали прямою речью от лица, пославшего их.

Как всюду указано в летописи, князь перед принятием решения совещается с дружиною. Дружина стояла за мир: «Разве знает кто кому одолеть, нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь. Забрав от греков золото и ткани на всех воинов «възратися въспять и приде къ Киеву въ свояси». Клятва, которою скреплен договор 945 г., упоминает крещеных воинов: мы же, те изъ насъ кто крещень, клялися церковью святого Ильи в соборной церкви и «предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею (хартией) сею хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничто же; а иже преступитъ се отъ страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещень или некрещень, да не имуть помощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий и да заколенъ будетъ своимъ оружемъ. А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всехъ боляръ и отъ всѣхъ людей отъ страны Руския въ прочая лѣта и воину». Христианский Бог и боги языческие упоминаются наравне; все клянутся, «створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ болярствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же (пока) съяетъ солнце и весь миръ стоять». И если кто «помыслить отъ страны руския разрушити такую любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть (те кто принял крещение) да примуть месть отъ Бога Вседержителя, осужденье на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено (те кто не крещены) да не имуть помощи отъ бога ни отъ Перуна, да не ущитятся

щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий». Подобная клятва дана Святославом в 971 г.: «да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога и да будемъ золоти, яко золото (желты как золото), и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ».

Действительные исторические факты, удостоверенные «харатийными» — записями договоров, переплетаются с легендами и устными сказаниями, как история хитростей княгини Ольги и ее мести древлянам, убившим Игоря. Гибель Игоря, его совещания с дружиной, переговоры Ольги с древлянами переданы с диалогами, отражающими характер каждого из действующих лиц. Короткие фразы перемежаются с женскими притворными речами Ольги. Вот как встречает Ольга послов от убийц ее мужа: «Добри гостье придоша. И рѣша древляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголете, что ради придосте сѣмо».

И когда они излагают предложение их князя Мала взять ее замуж, ибо Игоря они убили «бѣше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть...», Ольга отвечает: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити (воскресить)» и приглашая их на пир, готовит им месть, заранее вырыв яму и посылая сказать, что для великой чести их понесут в ладьях. Представлена вся сцена посылки за ними людей, и подсказанного Ольгой, горделивого ответа древлян: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодыи», и притворного смирения Ольгиных слуг, когда древляне «сѣдяху в перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся» (они же уселись величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах), пока их не сбросили в приготовленную яму, и Ольга, прикинув к ней, спросила: «Хороша ли вам честь?». Послы были посажены в лодке, согласно обычаю хоронить в лодьях.

Одна из замечательных особенностей древних летописей состоит в отсутствии пояснительных или заключительных фраз. Когда месть совершается и Ольга

«повелѣ засыпати я живы и посыпаша я», летописец сразу переходит к другому в стремительном развитии действия. О героях не рассказывают, они сами говорят и действуют, драматические сцены сменяются, скрепленные лишь короткими переходами, портреты героев написаны быстрыми, меткими чертами. В этом сила начальной летописи. Пояснения, наставления, цитаты из священных книг не прерывают действия, а следуют после в виде эпилога.

Согласно сказочному канону троичности, мечь Ольги совершается трижды: первых послов она сбрасывает в яму и погребает живыми, вторым она предлагает баню и сжигает их там, третьих приглашает на тризну по своему муже, и напоив их, «приказывает дружине бить древлян и иссекли их пять тысяч». Не имея возможности взять силою город Искоростень, где убили Игоря, она берет его хитростью, притворно выражая сочувствие: «Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу малости»... «хочу только взять с вас небольшую дань и заключив с вами мир, уйду прочь». Отказавшись от мехов и меда, предложенных древлянами, она просит по три голубя и по три воробья с каждого двора.

Канон троичности соблюден и тут. К хвосту каждой птицы она велит своим воинам привязать трут и вечером выпускает их; «голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись, где голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как загорелись все дворы... И так взяла город и сожгла его».

Старейшины города были взяты в плен: жители частью перебиты, частью обращены в рабство, а остальные обложены тяжелой данью, две трети которой шли в Киев, а треть в Вышгород «ибо был Вышгород город Ольги». Ольга с сыном и дружиной пошла по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и пошлин: «и существуют места ее стоянок и охот до сих пор». Ольга отправилась к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге оброки и дани: «Ловища ее

сохранились по всей земле и свидетельства о ней, и места ее, и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц, и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор». Этим свидетельством летописец скрепляет достоверность сказания о покорении древлян.

Ольга не только сильна и мудра. Она озарена светом христианства, которое ей первой открылось на Руси. Крещению Ольги отведено особое место в древней летописи, и тон летописца становится возвышенным. Но образ Ольги остается живым, не принимая условного, иконографического характера. Обстоятельства крещения описаны с полным реализмом, сохраняя основные черты Ольги: ум и хитрость. Устроив землю древлян и новгородцев, пожив с сыном в Киеве, Ольга отправилась в Греческую землю и пришла в Царьград, где в то время царствовал сын Льва Философа Константин Багрянородный. Увидев ее и поговорив с ней, царь сказал: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». — Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, иначе я не крещусь».

Крещение тут является лишь выходом из положения для Ольги, не желающей ни принять предложения, ни обидеть царя отказом; «иначе я не крещусь» доказывает, что предварительного решения не было. Но сила крещения от этого не меняется: «И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душою и телом». Тон летописца становится патетическим и он применяет к Ольге молитвенные слова о Богородице, добавляя лишь слово «русских»: «И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». Но и тут летопись одной чертой возвращает Ольге ее живой человеческий облик: «Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая: и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей

дьявольских». Ей было при крещении дано имя Елены, матери Константина Великого, но имя это, как и христианское имя ее внука, Владимира, в летописи не употребляется, и она остается для летописца Ольгой. Замечательно, как показан переход к обычной обстановке тотчас после того, как патриарх благословил ее и отпустил. Ольга снова проявляет свою хитрость.

После крещения призвал ее царь: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И Константин Багрянородный признает: «Переключала (перехитрила) мя еси, Ольга». Тон разговора снова простой и реальный. Ольга вторично побеждает своею хитростью при обмене дарами. Константин Багрянородный дал ей многочисленные дары, золото и серебро, паволоки и сосуды различные и отпустил ее, назвав своею дочерью. Когда она пришла в Киев, прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда де возвращусь в Русь, много даров пришло тебе: челядь, воск и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты также постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими словами. Замечательно, что эти житейские разговоры о дарах непосредственно следуют за прощанием с патриархом, которое написано с религиозным высоким чувством. Прося благословения вернуться, Ольга говорит патриарху: — Люди мои язычники и сын мой, — да сохранит меня Бог от всякого зла. И сказал патриарх: «Чадю верное. В Христа ты крестилась и в Христа облеклась и Христос сохранит тебя»... Летописец посвящает ей слово, сравнивая ее с царицей Эфиопской, пришедшей искать мудрости у Соломона. Но «эта блаженная Ольга искала настоящей божественной мудрости», тогда как царица эфиопская искала мудрости человеческой. «Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудростью, что есть самое лучшее в свете этом и нашла многоценный жемчуг — Христа». Летописец, всего через не-

сколько десятилетий после крещения, с искренним волнением пишет о той, которая первая принесла на Русь христианство: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она же сияла; как луна в ночи, так и она светила среди язычников, как жемчуг в грязи; были люди загрязнены грехами, не омыты крещением». «Си бо омыся купѣлью святою и совлечеса греховныя одежа ветхаго челоуѣка Адама и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христосъ». Летописец прямо обращается к ней молитвенно: «Мы же взываем к ней: Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения. Она первая из русских вошла в царство небесное, ее восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают»... Эти страницы, написанные в великолепном стиле церковного славословия, заставляли предполагать, что под именем монаха Нестора скрывался принявший пострижение святитель Иларион.

Летописец приводит обильные цитаты из Священных книг Ветхого и Нового Завета. Но это не заставляет его нарушить хоть бы в одной черте живой облик княгини Ольги.

Ольга лишь предтеча христианства на Руси. Летописец подчеркивает то, что она не распространила христианства, — это будет делом главного героя летописи, — ее внука Владимира. Ольга, живя с сыном Святославом, не может повлиять на него. Он насмехается над теми, кто принимает крещение. В приведенных беседах слышится усталый голос матери, тщетно пытающейся повлиять на сына. «Ольга часто говорила: я познала Бога, сын мой, и радуюсь, если и ты познаешь, тоже станешь радоваться. Сын отвечал: Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться. Она же сказала ему: если ты крестишься, то все сделают то же. — Святослав не внимал, не слушался матери, и продолжал жить по языческим обрядам». «Се же к тому гнѣвашеся на матерь... Но, обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: Воля Божья да будеть»...

Она не хитрила, не побеждала сына и впервые оказывалась бессильной.

Святослав, возмужав, стал собирать воинов и уходить в дальние походы. в 6476—968 г., когда «впервые пришли печенеги на Русскую землю», Святослав был в Переяславце и воеводе Претичу пришлось спасать Ольгу с внуками и Киев от врагов. Киевляне укоряют Святослава, что он ищет чужую землю, — а нас покинул, и мать твою, и детей твоих — Святослав тотчас вернулся, но сказал матери: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы».

В форме речи воина летописец дает тут точное указание торговых сношений Киевской Руси той эпохи. Ольга, сама раньше ходившая на чужие земли и собиравшая дани, тщетно хочет удержать подле себя сына. На великолепный монолог Святослава, она отвечает тихой жалобой: «Видишь, я больна; куда хочешь уйти от меня?». — Она уже разболелась. И продолжала. «Когда похоронишь меня, отправляйся куда хочешь».

Этот конец Ольги бросает живой человеческий свет на замечательный образ женщины-воительницы, гордой и жестокой, мстительной и коварной, смелой и властной рукой управлявшей государством, но смирившейся перед простой и единственной своей любовью к сыну.

Летописец провожает ее пламенным панегириком с изречениями из священных книг. Не успевают затихнуть голос Ольги, как развертывается с захватывающей силой судьба идеального древнего витязя: «Нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котля, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину, на углехъ испекъ, ядыше; ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло в голо-

вахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити».

Краткий его портрет включает физические и моральные свойства воина, чуждавшегося коварных набегов и рыцарски предупреждавшего врагов о своем приближении. Ольга с детства водила его в битвы: в схватке с древлянами Святослав первый бросил копье и за ним пошла дружина. Святослав подчинил жившие за Окой племена, разгромил хазарское царство, победил кубанских черкесов, овладел побережьем Азовского моря с городом Таматарца, позднее названным Тьмутараканью, дошел до Волги, побил тюркское племя камских болгар, взял города на Дунае, и «только немногим не дошел до Царьграда». Так росчерком меча он приблизительно наметил основные границы Европейской России. Пророча ему беду за язычество ислушание матери, летописец любит им и создает великолепный образ неустрашимого витязя. В летописи приводятся речи князей, которые «подавали дерзость» своим воинам.

Речь Святослава к воинам, дрогнувшим перед «великим множеством» греческого войска, осталась формулой воинской доблести; «Да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою».

Воины отвечают:

«Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ».

Русские побеждают обманувших их греков, которые, обещав дань, выслали стотысячную армию: «ибо греки лживы и до наших дней». В сиянии слов летописца Святослав становится легендарным витязем. Когда греки приносят ему в дар золото и паволоки, он, смотря в сторону, велит отрокам: «Спрячьте». Когда же ему приносят в дар оружие, он любит им и благодарит. Испуганный царь спешит с ним заключить договор дружбы, текст которого приводится в летописи: имя воеводы Свѣналда или Свенельда непосредственно следует за именем Святослава. Свенельд, опасаясь засады пече-

негов, советует Святославу обойти пороги Днепра, на обратном пути в Киев. Святослав не слушает его совета, на ладьях отправляется к порогам, и печенеги перерезают ему путь. Перезимовав с большими трудностями в Белобережьи, Святослав весной снова пошел к порогам. «И напал на него Куря, князь печенежский, и убил Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него». Тема «чаши» появляется в ином виде в сказаниях о татарском нашествии. Чаша печенегов завершает рассказ летописца о вдохновившей его жизни Святослава, исполненной широких замыслов, отважных походов, неукротимой энергии.

Существует предположение, что печенеги были предупреждены о пути Святослава опасавшимися его византийцами. Летописный рассказ совпадает с византийскими источниками, воздающими должное смелости и доблести Святослава. Речь его к воинам приводит и византийский историк Лев Диакон: «У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или умереть со славою». Арабский географ Ибн-Хаукаль, современник Святослава, писал об его походах: «Теперь не осталось и следа ни от Булгара, ни от бургасов, ни от хазар, потому что Русь уничтожила всех их, отобрала от них и присоединила к себе их край». Он сообщает и о взятии Святославом хазарских городов Саркела, Семендера и Итиля. Хазарское государство было разгромлено окончательно и перестало существовать.

Летопись русская говорит об этих походах короче и сдержаннее. Лев Диакон характеризует Святослава: горячий, смелый, стремительный деятельный. «Удалые поляницы», о которых говорят былины, упоминаются Львом Диаконом. По его словам, русские проявили в боях необычайную стойкость и среди убитых воинов греки находили женщин, павших геройской смертью в бою. Он описывает внешность Святослава. Для подписания договора византийский император Иоанн Цимисхий явился в позлащенном вооружении, на коне, сопровождаемый свитою в блестящих доспехах. Святослав

подъехал в ладье: «Видом он был таков: среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритую бородою и с густыми, длинными, висящими на верхней губе волосами (усами). Голова у него была совсем голая: только на одной стороне ее висел локон волос, означающий знатность рода: шея толстая, плечи широкие и стан довольно стройный. Он казался мрачным и суровым. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами со вставленным посреди них рубином. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, не отличавшаяся от других». Он говорил с императором, оставаясь сидеть в ладье, и затем переправился обратно. Лев Диакон, посвящающий много места в своей работе борьбе Византии со Святославом, пишет об его гордости, о том, как он совершенно овладел Болгарией и как он требовал выкупа от Византии: ежели византийцы «не пожелают столько мне заплатить, то пусть переселятся из им не принадлежащей Европы в Азию и пусть не надеются, что тавро-скифы (русские) с ними примирятся». О Святославе пишут и византийские историки Кедрон и Склицкий XI и XII в.; о нем говорится в хронике Зонары. Образ неустрашимого и гордого витязя совпадает с русской летописью.

После ранней смерти Святослава, которому было всего 35 лет, возникли братоубийственные междоусобицы, и на их фоне встает образ основного героя начальной летописи — князя Владимира.

Жизнь Владимира до крещения изображена с беспощадным реализмом: чем ниже был он в язычестве, тем ярче его преобразование в христианстве.

Владимир отправил послов к Рогвольду Полоцкому, прося в жены его дочь Рогнеду. На вопрос отца Рогнеда отвечает: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу». Владимир был сыном наложницы, и полоцкая княжна облекает свой отказ в условную форму нежелания выполнить обряд покорности мужу. Когда послы передали ее ответ Владимиру, он собрал войско варягов, славян, чюдь и кривичей, пошел на Рогвольда, убил его

и двух его сыновей и взял насильно в жены Рогнеду, которая готовилась выйти за Ярополка. Затем обманым образом убил брата, вызвав его к себе. «О злая леть челоуѣческа», — восклицает летописец, подкрепляя это ссылками на Писание. Верный Варяжко предостерегает Ярополка: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеша вои», но не послушал его Ярополк. Он доверчиво идет к брату. Тема эта повторяется позднее в житиях. У входа два варяга поднимают его на мечи, а предавший его Блуд затворяет двери, не пропуская его свиту. «И тако убьенъ бысть Ярополкъ». Испуганный Варяжко убегает к печенегам и потом воюет вместе с ними против Владимира, который привлекает его на свою сторону, лишь дав ему клятвенное обещание.

Владимир берет в наложницы беременную жену Ярополка, которую когда-то дал сыну Святослав, похитив ее из греческого монастыря красоты ее ради. «Отъ грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ» и родившийся Святополк, имеющий как бы двух отцов, становится окаянным братоубийцей. Став один княжить в Киеве, Владимир поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей.

«И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ».

Статуя скотьего бога Волоса стояла на базарной площади. Летописец прерывает свое повествование, сообщая, что на холме том стоит церковь св. Василия, имя которого дали Владимиру при крещении. Владимир послал своего дядю, Добрыню, в Новгород. Тот поставил над рекою Волхов кумира, которому новгородцы приносили жертвы.

Был же Владимир побежден «похотью женскою». От Рогнеды у него было четыре сына и две дочери; от гречанки, жены Ярополка, бывшей монахини, имел он сына Святополка, от чешки — Вышеслава, еще от одной жены двух сыновей и от болгарки Бориса и Глеба, бу-

душних мучеников. Наложницъ было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове. И был он ненасытен в этом, приводя к себе замужнихъ женщин и девицъ. «Бѣ бо женолюбець яко же и Соломанъ». Летописецъ вспоминаетъ слова Соломона о женахъ и приводит рядъ изречений и притчъ на тему о злыхъ женахъ. Жизнь язычника Владимира не помешала его спасению и лишь оттеняетъ будущую его святость после принятия крещения: «се же бѣ невѣголось, а наконецъ обрѣте спасенье». Последствия его греховъ всё же остались. Рогнеда, названная Гориславой, не примирилась со своей участью, и потомки ея, Гориславичи упоминаются в Слове о Полку Игореве: они сеютъ стрелы по русской землѣ, рождая беды.

Тяжкие последствия далъ и «злой корень» греха с монахиней: от нея родился новый Каин — Святополкъ Окаянный.

Внимание летописца сосредоточено на новом рожденіи Владимира для христианства. Как и в рассказе об Ольге, Владимир сохраняетъ свои черты характера при выборе веры. Его ответы подсказаны его житейскими вкусами и практической мудростью. Беседа с представителями разныхъ веръ ведется в тонѣ обычного, иногда резкого разговора. Владимир плюетъ на полъ: «нечисто тутъ дело», или просто гонитъ пословъ: «уходите, откуда пришли». Сцена выбора является удачной художественной формой для показанія всехъ преимуществъ православія передъ другими исповѣданіями и подготавливаетъ Речь Философа, в которой изложены основы греческой веры, в удобопонятной формѣ.

Крещение Руси предварено в летописи под 983 г. мученичествомъ двухъ варяговъ, которые отказываются от жертвы языческому богу. Посланные требуютъ выдачи юноши, на котораго пал жребій: «отдай сына богамъ». Но отецъ отвечаетъ, что это не боги, а дерево.

«А Богъ есть единъ, ему же служить гръци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка и дальъ есть ему жити на землѣ. А си

бози что сдѣлаша? Сами дѣлани суть. Не дамъ сына своего бѣсомъ».

Так еще до крещения в исповедании варяга возведена и скреплена пролитой ими кровью православная греческая вера, предрешая выбор Владимира.

После ряда его походов к нему приходят тюрки-болгары, предлагая мусульманство: «Уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова вера ваша?». Мусульмане объясняют основы их религии и соблазняют Владимира многоженством и райским блаженством с гуриями: даст Магомет каждому по семидесяти жен, и изберет одну из них красивейшую и возложит на нее красоту всех. Та и будет ему женой. Здесь же, говорит, можно невозбранно предаваться всякому блуду. И всякую ложь говорили, «ея же нѣ льзѣ псати срама ради». «Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко». — Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти». Таким образом отказ князя от мусульманства объяснен чисто бытовыми соображениями.

Вслед за болгарями, пришли иноземцы из Рима. Посланцы от Папы повторили исповедание варягов мучеников: «Вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, Иже створилъ небо и землю, звѣзды, месяц и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Владимир спросил: «Какая заповедь ваша?». И когда они сказали о посте, он отвечал: «Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть». (Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого). Отказ обусловлен только вопросом об еде. Борьбы с латиною в первоначальную эпоху христианства на Руси не было, и как бы для подтверждения единства заповедей Рима и Греции послы Папы исповедуют свою веру почти в тех же выражениях, что православные мученики-варяги. Этот художественный прием избавляет летописца от необходимости пояснять латинскую веру, ее отличие от греческой.

Расхождение с хазарами, предлагающими иудей-

скую веру, объясняется более общими, но всё же реальными, а не отвлеченными мотивами: летописец не мог отвергать Ветхого Завета, на котором зиждился Новый Завет христианства, так как это внесло бы смуту в умы новообращенных христиан и неведущих — язычников. Борьба с иудаизмом обострилась лишь в период появления христианских ересей. Владимир ссылается на реальную обстановку иудаизма: рассеяние иудеев и разрушение Иерусалима. Но в своем исповедании хазары говорят о Христе, которого «мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю». Владимир задает вопрос, которого не задавал ни посланцам Папы, ни болгарам. Он спрашивает не только — «Что есть законъ вашъ?», но и «Гдѣ есть земля ваша?». И когда они отвечают: «Въ Ерусалимѣ», — повторяет: «То там ли есть?» — Они признают: «Разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ и предана бысть земля наша хрестеяномъ». Ссылаясь на их рассеяние, Владимир отвечает. «Еда намъ тоже мыслите прияти?». (Или и нам того же желаете?). Спора по существу веры не возникает.

Тогда приходит к Владимиру Философ, который рассказывает о греховной жизни и нечистых обычаях мусульман в такой откровенной, почти непристойной форме, что Владимир сплевывает от отвращения. Философ признает, что римская вера мало отличается от греческой, и возражает лишь против причастия облатками, ссылаясь на слова Христа на Тайной Вечери. Тут опять видно отсутствие борьбы с римской церковью в первое время христианства на Руси. Подтверждая веру в пророков Ветхого Завета, Философ укоряет иудеев за то, что они избивали пророков, распяли Христа и не покаялись в этом, потому Бог и наслал на них римлян. Так подготовлялся вопрос Владимира: «То что ради сниде Богъ на землю и страсть такову прия?» и начинается Речь Философа, в которой излагается в ясной и понятной форме Ветхий Завет, начиная с сотворения мира и грехопадения Адама, и объясняется Новый Завет и учение Христа. В заключение Философ говорит о Страшном

Суде и показывает изображение, на котором грешники стоят слева, а праведники справа. Владимир, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе тем, кто слева». Когда Философ в ответ говорит, что надо креститься, если он хочет быть направо, осторожный Владимир отвечает уклончиво: «Подожду немного», — и, отпустив его с дарами, идет совещаться с приближенными. Те тоже не советуют доверять слепо: «Вѣси (Знай), княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить» и предлагают послать собственных соглядатаев в разные страны убедиться, какая вера лучше. Таким образом вопрос выбора веры сопряжен в летописи с практической мудростью и государственной осторожностью.

При объезде послов, в Царьграде были приняты особые меры, чтобы прельстить их великолепием службы. Узнав от них о цели их прибытия, царь предупредил патриарха: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой (приготовь) церковь и крилосъ, и самъ причинися в святительския ризы, да видять славу Бога нашего». И патриарх созвал клир, сотворил праздничную службу, зажег кадила, составил пение и хоры. Приведя русских послов, поставили их на лучшее место, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Восхищенных послов затем призвали цари Василий и Константин и отпустили их с великими дарами и честью. Послы высказались по приезде за греческую веру.

Без совета дружины князь в старой летописи не предпринимает серьезных дел. Подобно Святославу, Владимир не хочет менять веру помимо дружины и велит послам: «Скажите пред дружиною». Послы рассказывают, как у болгар в мечети стоят без пояса, кланяются, смотря по сторонам, как бешеные, и в службе нет радости, а только печаль, — и заключают свой рассказ: «Не добр закон их». В Риме они видели разные службы, но красоты не видали никакой. Когда же пришли в Греческую землю и вошли в их храм, то не знали, на небе ли они или на земле, ибо нет на земле такого вида и

такой красоты: «Знаем только, что Бог там пребывает с людьми, служба их лучше чем во всех других странах». Послы стояли за принятие греческой веры, так как, вкусив сладкого, никто не возьмет горького, и теперь они уже не могут оставаться язычниками. Бояре же напомнили о том, что если бы греческая вера не была бы лучше всех других, то его бабка, Ольга, не приняла бы ее. И спросил Владимир: «Где примем крещение?». Они же сказали: «Где тебе любо».

Так летописец доказывает преимущество греческой веры путем сравнения ее со всеми другими. О крещении Владимира Никон рассказывает согласно Корсуньскому преданию. Сравнительное изучение греческих хроник и русских летописей привело к заключению, что Владимир крестился в Киеве и уже после крещения состоялся его поход на Корсунь и сватовство греческой царевны. Греческие хроники прямо указывают на поход Владимира после крещения. Никон вводит черноморское предание о крещении в Корсунь. Никон хорошо знал греческий язык и отлично знал Корсунь. При описании крещения Владимира он указывает здание, где было сватовство, и церковь, в которой Владимир крестился во время похода на Корсунь. Шахматов предполагает, что Никон изменил летописный рассказ, который согласовался с дидактической Речью Философа; ее наличие становится излишним, если крещение происходило в Корсунь и после него Владимира наставляют корсуньские священники, которых он потом привозит в Киев.

Речь Философа о том, «что ради сниде Богъ на землю», занимает большую часть древнейшего летописного сказания. В ней показаны судьбы человеческие от сотворения мира и первого грехопадения до конца мира и последнего суда над людьми. «Невѣгласамъ» — язычникам и новообращенным христианам наглядно указан правый путь и разъяснены смысл и цель человеческой жизни по плану «божественного домостроительства». Речь Философа имеет не только теологический и дидактический смысл для христиан, но и миссионерское значение для распространения христианства среди язычников.

Этот миссионерский смысл заставил предполагать, что под именем Философа скрывается Константин-Кирилл и самая речь составлена им во время его миссии у хазар. Этой версии Ламанского в его книге о житии св. Кирилла А. А. Шахматов противопоставлял свое предположение, что Философом является Мефодий и что речь была обращена к царю болгарскому Борису, которого он крестил при патриархе Фотии. В своих «Разысканиях» А. А. Шахматов высказывает мысль, что речь «философа» Мефодия, обращенная к Борису, могла попасть на Русь и быть введенной в летопись уже применительно к Владимиру. Такое перенесение болгарского Сборника царя Бориса на Русь в виде Изборника Святослава произошло приблизительно в ту же эпоху.

Была выдвинута другая теория, предполагающая, что речь Философа относится к распространенному жанру дидактического обращения проповедника-миссионера к царю-язычнику. Таково в греческом житии Григория Омиритского прение православного архиепископа Григория с Ерваном, приведенное в Четьих-Минях митрополита Макария. Таково составленное в конце XIII в. прение Панагиота с Азиматом, разбираемое А. К. Дорошкевичем. В житии Федора Эдесского, написанном его племянником Василием, говорится об обращении халифа Багдада, Моавии, в христианство. Федор дал Моавии написанные на сирийском языке Символ веры и Отче наш, и Моавия выразил желание принять христианство. Федор крестил его на берегу Тигра и по его просьбе отправился в Царьград достать частицу креста Господня. Подобно послам киевского князя, Федор был принят торжественно и вернувшись с восторгом описывал виденное. А. А. Василевский доказывал, что житие Федора Эдесского могло быть известно на Руси ранее обычно принятой эпохи XV в. и что уже в первых Паломниках есть о нем упоминание.

Признавая распространенность самого жанра прений миссионера с иноверным «царем» в виде диалога, при котором обращаемый лишь задает вопросы, мы должны напомнить, что именем Философа звался византий-

ский император Лев Философ, сын которого крестил княгиню Ольгу. Речь Философа повторяет исповедание варягов-мучеников, убитых при Владимире, и носит характер всей летописи, не выделяясь ни формой, ни стилем, ни самой манерой изложения. Всё это говорит за то, что Речь могла быть написана самостоятельно, хотя существование подобных речей могло быть известно, как было известно существование предсмертных Поучений, когда Владимир Мономах вполне самостоятельно писал свое завещание детям. О болгарском крещении в Повести временных лет есть краткое сообщение без имени Мефодия, хотя оно должно было быть упомянуто, будь речь Мефодия использована под именем Речи Философа. Летопись лишь кратко упоминает под 869 г.: «Въ лѣто 6377. Крещена бысть вся земля Болъгарьская».

По летописи Никона, после посылки послов и совета с дружиною, год проходит без изменения, и только последующее чудо заставляет его вспомнить о своем былом желании креститься. Это находится в противоречии с заветом древнейшей летописи — «не чудесами прельщать». Прошел год и Владимир в 988 г. идет на греческий город Корсунь. После битвы хочет взять его осадой, но, когда воины, по его повелению, стали насыпать песку к городским стенам, корсунцы подкопали стену и выкрадывали песок, так что насыпь не поднималась. Тогда один из корсунских жителей предал город, пустив стрелу с надписью: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир тогда посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, крещусь». Изнемогшие от жажды, жители сдали город. Владимир послал царям Василию и Константину требование выдать за него сестру их, греческую царевну, угрожая в противном случае поступить с Царьградом как с Корсунью. Цари опечалились и угрожали сестру поехать в Корсунь. Они поставили условием, чтобы Владимир крестился, так как христиане не могут выдать сестру за язычника. «Если не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя... Крестись и тогда пошлем сестру свою к тебе». Но он ответил:

«Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». Царевна, хоть и говорила, что едет будто в плен и что для нее это хуже смерти, должна была согласиться, так как братья уговаривали ее принести жертву, которою она спасет страну от войны, а русскую землю сделает дружественной. И едва принудили ее. Когда она прибыла в Корсунь, Владимир, по божественному промыслу, ослеп и был болен. Она послала сказать ему, что избавится от недуга, только если крестится, и Владимир, услышав это, сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский».

Таким образом в этот рассказ, как и в дополненный Никоном рассказ о хитростях Ольги с древлянами, введен сказочный канон троичности. Владимир трижды принимает решение креститься: после Речи Философа и совещания с дружиной, после взятия Корсуни благодаря предательству корсиянина Анастаса, пустившего стрелу с указанием местоположения колодцев, и, наконец, после внезапной слепоты. Эта троичность представляется нам лишним подтверждением того, что «корсуньская легенда» введена одновременно с дополнениями к рассказу о мести Ольги. Владимир как бы насильственно приведен к спасению путем кары слепотою. Он повелел крестить себя. Епископ корсуньский со священниками царицы крестил Владимира и когда возложил на него руку, тотчас прозрел Владимир, и сказал: «Теперь узнал я истинного Бога». С ним крестились многие дружинники, видевшие чудо прозрения. Никон добавляет точную топографию места: «Крестился же он в церкви св. Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят в Васильеве, а другие и по-иному скажут».

Вслед за крещением приводится Верую и молитва.

В Речи Философа выходит, что Римская церковь мало отличается от греческой, и нет ни слова укоризны

или осуждения. При введении Корсуньской легенды, появляются разъяснения, напоминающие «борьбу с латыною» позднейших памятников. После крещения князя Владимира его наставляют в христианстве, говоря: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя». И далее прямо: «Не премай же ученья от латынъ, их же ученье разъвращено». В Символе веры особенно подробно разбирается вопрос о Троице и исхождении Святого Духа от Отца и Сына, который послужил причиной разделения церквей. Дважды перечисляются вселенские соборы, сначала с указанием ересей, которые были на них осуждены, затем состава участников. И далее прямой переход к обвинениям Римской церкви: «Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же седьмого, последнего собора, Петр Гугнивый вошел с ними в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола Иерусалимского, Александрийского, Константинопольского и Антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение». Далее указываются примеры многобрачия священников и наставление заканчивается словами, обращенными к Владимиру: «Прощают же они грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого». Эта вставка против латинян, отличающаяся по своему тону от остального повествования, повидимому, относится к концу XI в., когда началась борьба с римской церковью. Безбрачие священников Римской церкви было введено в 1094 г.

В подтверждение достоверности Корсунского предания, приводятся свидетельства памятников: церкви, которую князь Владимир построил на горе, насыпанной посреди города из земли, взятой из городской насыпи, — и летописец добавляет, что церковь эта стоит и поныне; два медных идола и четыре медных коня, взятые Владимиром из Корсуни перед отъездом, «и сейчас стоят» за церковью Святой Богородицы (Десятинной) и невежды думают, что они мраморные. — Так свидетельства незыблемых памятников летописец укрепляет предание.

Князь Владимир возвращает Корсунь грекам, как вено за царицу, и вернувшись в Киев, предаёт разрушению идолов в кумирне, которую поставил ранее. Идолов режут и жгут. Перуну же назначают особую казнь за то, что в его образе бес обманывал людей: Перуна привязывают к хвосту лошади, волокут по Боричеву взвозу к Ручью и двенадцать человек бьют его жезлами. Летописец поясняет, что делалось это не потому, что дерево чувствует, а для поругания беса, чтобы принял возмездие от людей. Низвержение кумира показывает бренность славы: «Велик ты, Господи, и чудны дела твои — вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем». Владимир приставил людей, чтобы отпихивать Перуна от берега. «А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. В былине и летописи остались отзвуки того впечатления, которое было вызвано внезапным уничтожением и поруганием чтимых богов и появлением новых. Перун, отпихиваемый от киевских берегов, пристал к живописному месту, пройдя пороги, и был выброшен ветром на песчаную отмель — Рень, которая «и по сей час» зовется Перунья отмель или Перуня. В Новгороде его палицы хранились в церкви, чтобы обезвредить их, но в XVI веке их сочли необходимым сжечь. Толпа оплакивала Перуна, когда его влекли по Ручью к Днепру, чтобы сбросить в воду. Древняя летопись не приводит криков толпы Перуну: «Выдыбай, Боже», когда он плывет по реке, но они сохранились в других памятниках.

Владимир велит всем на утро быть на берегу.

«Если не придет кто завтра на реку, — будь то богатый или бедный, или нищий или раб, — да будет мне враг. Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: если бы это не было хорошим, не приняли бы это наш князь и бояре».

Летопись изображает великое утро крещения Руси. На зов князя сошло людей без числа: все вошли в воду, одни по шею, другие по грудь, молодые у берега, иные держали младенцев на руках. Летописец и тут вводит элемент корсуньской легенды. Владимир выходит на

Днепр со священниками царицы и с корсунскими, что подтверждает крещение Владимира в Корсунь и приезд оттуда крестивших его.

В сияющее радостью утро печалится только диавол, потерявший свою власть над душами на Руси, где соби-рался устроить свое жилище.

«Увы мнѣ, — стонетъ онъ, — И се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласа, а не отъ апостолъ, ни отъ муче-никъ, не имамъ уже царствовать въ странахъ сихъ». В трогательной молитве за новообращенный народ Влади-мир выражает смысл происшедшего: «Христе Боже, створивый небо и землю! Призри на новыя люди сия и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тебе, истиннаго бога, яко же увѣдѣша страны хрестыянскыя. Утверди и вѣру въ них праву и несовратьну и мнѣ помози, Господи, на су-противнаго врага, да, надѣяся на Тя и на Твою держа-ву, побѣжду козни его».

В молитве князя Владимира за себя и свой народ, указано новое положение Киевской Руси, вошедшей в семью христианских народов. Принятие греческого, а не римского, исповедания отразилось на всей судьбе России, вплоть до наших дней. Россия шла своим путем, отдельно от западно-европейских народов, принявших Римское исповедание. В пору крещения Руси, Византия была могущественным государством. Резкого расхож-дения между римской и греческой церковью еще не было, и это видно по Древнейшему своду.

Изображая величественную картину обращения в христианство, летописец сознает всё значение этого дня для судеб страны. Приняв в крещении имя Василия, Вла-димир построил своему святому церковь на холме, где раньше стоял Перун. Он велел уничтожить кумирни и идолов, и по всем городам и селам стали приводить лю-дей на крещение.

В Новгороде Владимир построил из дуба храм св. Софии с тринадцатью верхами. Он выписал греческих мастеров для постройки в Киеве собора св. Богородицы, занимавшего огромную площадь. На него употреблено

было столько мрамора, что он стал называться мраморным. Он рухнул при нашествии татар и осталось лишь его описание в речи святителя Илариона. С теми же греческими мастерами Владимир задумал возвести в Киеве храм св. Софии, но не успел привести своего плана в исполнение. Киевский Софийский собор был построен при Ярославе Мудром.

Для наставления в новой вере Владимир велел забирать детей у лучших людей и отдавать их в учение. Матери «плакахуся по нихъ, ...аки по мертвеци». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему соизволению и по милости своей помиловал их Бог. Так сразу в словах летописца христианство связывается с развитием просвещения на Руси.

Владимир закладывает город Белгород и собирает людей. Он всюду строит церкви. Когда был готов храм святой Богородицы, он молится: «Господи Боже, взгляни с неба и воззри, и посети сад свой». Он обещает храму святой Богородицы десятую часть своих богатств и церковь стала называться Десятинной. Он неустанно радуется своему крещению и объясняет после речи Философа: «Да аще кто, дѣеть, въ нашу вѣру ступить, то паки, умерь, въстанеть, и не умрети ему въ вѣки». (Если кто примет нашу веру, то, умерев, снова восстанет и не умереть ему во веки).

После удачных походов он устраивает великие пиры и угощает бедных. Таким вошел он в былины, которые часто начинаются пированьем на весь честной мир у Владимира Красное Солнышко. После победы над печенегами в 996 г. он дает обещание выстроить в Васильеве церковь Преображения и пирует с боярами и народом. Летописец особо подчеркивает: «бѣ бо Володимерь любя дружину» и всегда совещался с нею: об устройстве страны, о войне, о законах страны. О княжеских совещаниях с дружиною летопись никогда не забывает упомянуть. Значение дружины подчеркивается особой притчею: дружина, подвыпив на пиру, стала роптать, что, ложки деревянные, а не серебряные. Владимир велел выковать серебряные ложки, сказав: «Серебром и золо-

том не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото».

В противоположность Владимиру-язычнику, он показан ласковым и благостным ко всем.

Сказочный мотив входит в описание борьбы с печенегами. Так после похода Владимира на хорватов в 992 г. пришли печенеги с той стороны Днепра от Сулы. Владимир выступил против них и встретились у брода на Трубеже. Никто не решался перейти реку и остановились каждый на своей стороне. Тогда князь печенежский предложил: «Выпусти ты своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года: если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». Печенеги привели своего мужа, а со стороны русских никого не было. Тогда пришел к князю старик и предложил своего сына, руками раздирающего кожу. Сделали ему испытание, выпустив разъяренного каленым железом быка и юноша вырвал ему кусок из бока. После того его вооружили и выпустили против печенега, который рассмеялся, увидев его небольшой рост. Но когда они схватились и стали жать друг друга, юноша удавил печенежина до смерти. Печенеги убежали, русские гнались и убивали их. Владимир в память победы заложил город Переяславль на этом месте, так как перенял славу отрок тот. Кожемяка стал героем сказок. Самый мотив об отроке, выходящем для спасения родины на единоборство с великаном, взят из Библии.

Другой сказочный мотив связан с хитростями. Печенеги осадили в 997 г. Белгород, чтобы взять его измором. По совету местного старика, жители города выкопали два колодца и в один из них опустили кадку с киселем, а в другой кадку с медом. Затем послали сказать печенегам: «если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, посмотрите своими глазами». Печенеги пришли и, попробовав киселя и медовой сыты пресладкой, выпустили заложников и сняли осаду, поверив белгородцам.

Печенеги не играют в летописи страшной роли. По-

сле единоборства предлагают мир и жмут друг другу руки: «Буди ми другъ — Тако створю», — и меняются оружием в знак братания.

Владимир жил в дружбе с окрестными князьями после своих походов: с Болеславом Польским, Стефаном Венгерским, Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь. Жил Владимир по заветам отцов и дедов.

Княжение Владимира в летописи, как и в былинах, озарено миром и благостью. В описании крещения Руси звучит пламень молодой веры, которой едва исполнилось полвека ко времени составления Древнейшего свода. Славословия летописца исполнены искреннего пафоса и силы глубокого чувства. Призыв Начальной летописи к миру и единению князей, к дружбе с соседями и устроению земли на новых началах взаимной заботы, повторяется на протяжении удельного периода и составляет основную тему летописей. Задолго до татарского нашествия Начальный свод, в завещании Ярослава Мудрого, предупреждает князей: «погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ». Набеги кочевников летопись объясняет «ненасытством» князей и их раздорами. «Се бо на ны Богъ попусти поганя, не яко милуя ихъ, но насъ кажа (наставляя) да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ». Летописец напоминает о страданиях пленных: «стражюще, печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи, и въ жажи, и въ бѣдѣ, опустнѣвше лица, почернѣвше телесы; незнаемою странюю, языкомъ испаленымъ, ...другъ къ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города, и други — Язъ сея вси (села), тако съупрашаются со слезами»... Эта реальная картина бедствий военнопленных, голодных, жаждущих, с тоскою спрашивающих друг друга, из какого он города, написана так, что сохранила свою силу для более поздних веков.

Битвы играют большую роль в летописи, выработавшей особую технику описания боя, впоследствии вошедшую в воинские повести. Многие выражения повторяются целиком, переходя из одного сражения в другое. Летописец не устает возмущаться тем, что князья приводят кочевников себе на подмогу против своих братьев.

Уже Ярополку Варяжко советует бежать к печенегам и с ними идти на брата.

Сражения описываются подробно, с указанием местоположения и перипетий боя. Иногда вводятся шуточные эпизоды. Так изображена битва с польским королем Болеславом Храбрым, правившим с 992 г. по 1025 г. и воевавшим с князем Владимиром за надкарпатские города больше десяти лет с 981 г. по 992 г. Заключив с Владимиром мир, Болеслав отдал дочь за Святополка Владимировича. После смерти отца Святополк начал борьбу с братьями за старшинство. Болеслав пришел на помощь зятю. Он был тяжел и велик, так что едва мог сидеть на коне, и русские дразнили его: «Да то ти прободемъ трѣскою черево (чрево) твое толъстое». Раздраженный Болеслав пустился один через реку: «азъ единъ погыну». Воины последовали за ним и этот неожиданный маневр дал победу ему.

В диалоги вставлялись шутки, поговорки, меткие выражения, которые потом вошли в обиход, как ответ новгородцев князю, хотевшему послать к ним сына. «Если онъ о двухъ головахъ, то пошли его».

В 1011 г. умирает царица Анна и четыре года спустя умирает Владимир. Владимир, недовольный сыном Ярославом, готов был идти против него. Испуганный Ярослав, послав за море, собрал варягов против него. Но «Богъ не вдасть дьяволу радости». Владимир послал сына своего, Бориса, против печенегов, которые напали на Русь, а сам разболелся и 15 июля 1015 г. умер. Церковь причла его к лику святых и день этот теперь стал днем Владимира. Умер он в Берестове и утаили это, так как Святополк был в Киеве. Ночью разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю. Затем, положили на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую он построил. «И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем».

Рассказав о погребении, которое по обычаю было на санях, летописец говорит о нем, как о новом Константине: как тот крестился сам и людей своих крестил, так

и этот поступил так же. Летописец посвящает ему не торжественное славословие, как Ольге, а горестное прощальное поминание, говоря об его усердии в покаянии после прежних страстей и о сделанном им и кончая простыми и трогательными словами: «Пусть же Господь воздаст тебе по желанию твоему и все просьбы твои исполнит — о царствии небесном, которого ты и хотел». В искреннем, скорбном прощании с любимым князем нет ни метафор, ни высоких слов, ни даже большого числа цитат из Писания. Объясняя заслуги Владимира Святого, летописец заканчивает: «Вот почему чтут его русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют его молитвами, песнями и псалмами»...

Сказание «О уььеньи Борисовѣ», внесенное в летопись под 1015 г., позднее было выделено и дошло во многих списках числом до 170. Оно составляет драматическую повесть с ярко обрисованными фигурами героев, замечательными диалогами и монологами, и с быстрым развитием действия, которое держит читателя в напряжении. Написано оно в выдержанном стиле, с большим реализмом и простотою. Позднейшие варианты сказания значительно ниже древнего оригинала. Тема этой художественной повести связана с основной мыслью летописи. Борис готов на мученичество лишь бы не нарушить морального и юридического закона. Святополк идет на злодейство, чтобы захватить власть. Между этими двумя полюсами развивается трагическое действие.

Борис, бывший в походе против печенегов, горько оплакивал отца, у которого он был любимейшим из сыновей. Дружина предлагает ему идти вместе с нею на Киев и сесть на престол отца. Борис отказывается: «Не подниму руки на брата своего старшего», и дружина расходится, оставляя его одного с отроками. Святополк задумывает незаконное дело и зовет к себе Бориса, предлагая ему братскую любовь. Святополк ночью пришел в Вышгород и, вызвав вышгородских людей, послал их убить Бориса. Когда они подошли к его шатру, он пел заутреню и псалмы, ожидая смерти и прося дать ему

силы для страдания. Они просунули меч, напали на него, как звери дикие, из-за шатра, и вместе с ним пронзили его любимого отрока Георгия, который хотел прикрыть Бориса своим телом. Чтобы снять с шеи Георгия гривну, которую возложил за его службу Борис, они отсекали голову Георгию и отбросили — вот почему потом нельзя было опознать его тело. Бориса же завернули в шатер и повезли, хотя он еще дышал. Узнав о том, что он жив еще, Святополк послал двух варягов пронзить ему сердце. Летописец приводит имена убийц: «Суть же имена симь законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловить, Ляшько, отецъ же ихъ сотона». Далее объясняется чем человек хуже беса: бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы и креста Господня боятся, а злой человек и креста не боится.

Святополк же Окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса, как бы убить Глеба». И посылает сказать ему, что отец болен и зовет его к себе. Послушный Глеб тотчас выехал с малой дружиной, но в пути Ярослав успел предупредить его, что отец умер, а Борис убит Святополком. Глеб громко возопил, плача об отце, но еще больше о брате. Плач его написан в форме причитания: «Увы мне, Господи, лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом... Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину». И плач кончается повторением начальной фразы: лучше было бы мне умереть с тобой, чем в свете этом обманчивом жить. И когда он так молился, внезапно явились посланные Святополком погубить его, захватили корабль Глебов и обнажили оружие. Отроки Глебовы пали духом. Окаянный Горясер, один из посланных, велел тотчас зарезать Глеба. Повар же Глеба, Торчин, вынул нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. И Глеб вошел в царствие небесное, как жертва разумная, принесенная Богу, и принял венец и увидел там желанного брата своего, и радовался

с ним неизреченной радостью, которой достиг благодаря своему братолюбию.

Основная тема о братолюбии в пору раздоров между братьями указана в конце первой части об убийстве. Вторая часть посвящена воздаянию. Итак Глеб был убит и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

В сказание внесен акафист Борису и Глебу, которые «яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую, всегда тму отгоняща, являющася вѣрою неуклонною». И так соединились они телами, а также и душами, пребывая у владыки Царя всех и радости бесконечной...

Акафист с повторением слова «Радуйтесь» восхваляет их, как защитников всей страны: «Земля бо Руска благословися ваю (вашею) кровью», — и упоминает об исцелении больных и увечных и о творимых ими чудесах, которые были признаны после причтения их к лику святых и ведения списков их исцелений при церкви, построенной свв. Борису и Глебу.

Летописец окружает их имена, как фимиамом, рядом метафор: болящим исцеление, закованным освобождение, темницам открытие, печальным утешение, гонимым избавление. И, перечислив их деяния, заканчивает: «Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели... Радуйтесь, Борис и Глеб Богомудрые». Акафист следует с повторением восклицания «Радуйтесь» и цепью сравнений и перечислений их свойств: заслужившие недреманное око, явно для всех осиянные, весь мир обошедшие, бесов отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые... Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие». Молитва эта по стилю отличается и от панегирика княгине Ольге и от скромного плача по Владимире Святом, и приближается к позднему принципу цепи прилагательных и сравнений, до-

ходивших до двадцати и более. И в конце молитвы высказана основная мысль о даровании князьям жить в мире, единении и здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола... В летописи и в воинских повестях Борис и Глеб приходят на помощь правому делу в минуту опасности.

Святополк же Окаянный убил Святослава, послав к нему убийц в Угры (Венгрию), куда тот бежал. И стал Святополк думать: «Перебью братьев своих и стану один владеть Русской землею». Так думал он в гордости своей. Но Бог дает власть кому хочет. Мстителем за братьев становится Ярослав.

Несмотря на обилие вводных обращений, эпитетов, метафор, которые следуют за действием, основная тема продолжает развиваться в простом и реальном стиле, без придания Ярославу особенной безупречности. Напротив, в выступлении Ярослава подчеркнута его реальная мудрость: ему самому грозила участь братьев, он это знает: «Пожалуй и со мной то же сделает?».

Как раз перед выступлением против Святополка Ярослав начал борьбу с новгородцами: бывшие с ним варяги творили насилие новгородцам и женам их, новгородцы восстали, а разгневанный Ярослав обманом вызвал новгородцев с той же формулой княгини Ольги «мнѣ уже ихъ не воскресить», которая была принятой формулой отказа от родовой мести, — и заманив, перебил их. Когда же пришла весть о смерти отца и убийстве братьев, Ярослав раскаялся: «О, милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна».

Перипетии борьбы рассказаны спокойно, с вводными шутливыми эпизодами вроде насмешек над новгородцами, которых воины Святополка называют плотниками, или издевательств над тучностью Болеслава. Борьба идет с переменным успехом. Три месяца стоят войска обоих братьев по обе стороны, не решаясь вступить в бой, пока рассерженные насмешкой новгородцы не переходят в наступление, прижимают Святополка к озеру, лед подламывается и победа остается за Ярославом, а

Святополк бежит к тестю в Польшу, зовя на помощь Болеслава. На этот раз побеждает Святополк, а Ярослав бежит в Новгород. Троичность и тут играет роль. Только в третий раз победа окончательно остается за Ярославом. Встав на место, где был убит Борис, Ярослав взывает к Богу: «Кровь брата моего вопьеть къ тобѣ, Владыко!» — и он просит отомстить за Бориса, как отомстил Бог Каину за смерть Авеля. Летопись описывает решающий, последний бой: «Была тогда пятница, была сеча, какой еще не было на Руси, рубились в рукопашную и сходились трижды, так что по низинам текла кровь. К вечеру одолел Ярослав, а Святополк бежал». Смелый в злодействе, Святополк труслив, когда наступает возмездие. Его кости ослабели во время бегства, его несут на носилках и хотя никто не гонится за ним, он просит отроков спешить: «Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте. Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ» и так «прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы испроверже злѣ животъ свой».

«Ярославъ же сѣде Киевѣ, утеръ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великъ». С единым уцелевшим в усобице младшим братом, Мстиславом, он поделил земли: «Мстислав, от отца получивший княжение в Тмуторокани, взял Чернигов и земли к востоку от Днепра, а Ярослав владел Киевом и землями к западу от Днепра». Летописец благожелательно описывает Мстислава: «Был же Мстислав дороден телом, румян, с большими глазами, храбр был в бою, милостив, очень любил дружину, имущества для нее не жалел, ни в питье, ни в пище не ограничивал ее». Любовь к дружине всегда отмечается летописцем. Храбрость Мстислава показана в летописи.

Мстислав пошел на касогов. Касожский князь Редедя вышел навстречу ему и оба полка стали друг против друга. Редедя сказал Мстиславу: «Чего ради будем губить наши дружины?» — и предложил единоборство, но не оружием, а в кулачном бою. Редедя был силен и велик. Мстислав, изнемогая, воззвал к Богородице и Она дала ему победу. Он вернулся в Тмуторокань и заложил

церковь Богородице, которая «стоит и до сего дне». Певец Слова о Полку Игореве, перечисляя доблести князей, вспоминает Мстислава, который победил Редю перед полками касожскими.

Когда Мстислав, заболел на охоте, и умер, Ярослав стал единовластен. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. Лука Жидята будет одним из первых духовных писателей Киевской Руси. С большими подробностями описан под 1036 г. последний, решающий бой Ярослава с печенегами, после его возвращения из Новгорода. Указано расположение войск: варягов поставил посредине, на правой стороне киевлян, а на левом крыле новгородцев. А печенегов было без числа. Печенеги пошли на приступ. Сошлись противники на том месте, где стоит теперь церковь святой Софии, митрополия русская; а тогда было поле вне города. «И бысть съча зла! (И была битва жестокая) и едва одолѣ к вечеру Ярославъ». И побежали печенеги в разные стороны и не знали, куда бежать, убегая, тонули в Сетомли, иные в других реках, а остальные бегают неизвестно где «и до сего дне».

Так бесславно кончили печенеги. В описании битвы указано «митрополья русская». Летопись была связана с началом независимости русской церкви и окончательной победой над печенегами.

Отогнав врагов, Ярослав занимается устройением земли. Заложил Ярослав город большой, у которого сейчас Золотые ворота, заложил и церковь святой Софии, митрополью. При Ярославе христианство начинает распространяться и увеличивается число монастырей, которые были очагами просвещения. Летописец особо отмечает, что Ярослав любил читать: к книгам проявлял усердие, читая их ночью и днем.

«И собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо. И списаша книги многы, ими же поучащесе вѣрнии людье, наслажаются (наслаждаются) ученья божественаго... Съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей... Ярославъ же сей... любимъ бѣ

книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софѣи церкви юже созда самъ».

Летописец славословит книгу: «Велика бо бывает полза отъ ученья книжного; ...Се бо суть рѣкы напаяюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина, сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью... Аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящещи велику ползу души своей»... Он подтверждает это словами Соломона.

Под 1039 г. летописец Древнейшего свода снова отмечает независимость Киевской епархии, сообщая об освящении храма, поставленного Владимиром Святым, отцом Ярослава: «Священа бысть церкви святыя Богородицы... митрополитомъ Феопемптомъ».

Постройка Софийского собора, о которой сообщает летописец, была задумана еще Владимиром Святым, но осуществил ее Ярослав Мудрый. Строился собор почти двадцать лет с 1017 г. по 1036 г. и был увенчан тринадцатью куполами, двенадцатью по диагонали кровли и тринадцатым в центре. Киевский Софийский собор остается одним из самых замечательных памятников древнего русского зодчества. Он поражает своеобразием и красотой архитектуры, мозаиками, росписью на церковные темы, среди которых некоторые апокрифичны, и светскими на сюжеты охот и игр. В XIX в. были обнаружены под поздней росписью храма портреты семьи Ярослава Мудрого: по одну сторону на хорах изображены его жена и дочери, среди них Анна Ярославна, королева французская, а по другую сторону сыновья. Это древнейшие памятники русской портретной живописи, наряду с групповым портретом семьи Ярослава Мудрого в Изборнике Святослава. В Софии же находится мраморный саркофаг Ярослава Мудрого; он считается одним из лучших той эпохи.

При храме св. Софии была учреждена библиотека. Указание летописца устанавливает дату притока византийских книг, число которых непрерывно увеличивалось.

В Новгородской летописи приведен полностью текст Русской Правды, первого уложения законов, отменяв-

шего родовую месть и устанавливающего юридические нормы нового христианского общежития. Кроме своего исторического значения, Русская Правда представляет собою образец древнего языка официальных документов, который отличался большой чистотой.

При Ярославе наступила «великая тишина». Мирно поделившись с Мстиславом, Ярослав сохранил с ним братские отношения и избежал усобицы. Автор Древнейшего свода рисует просветительную деятельность Ярослава, прозванного Мудрым, учреждение школ, борьбу с язычеством, закладку собора св. Софии и учреждение библиотеки. Хвалою книги, славословием ее величию заканчивается древнейшая часть летописи, первого произведения русской письменности.

Ярослав Мудрый поддерживал отношения не только с Византией, но и с Западной Европой. Он был женат на шведской королеве Индигерд и через своих детей породнился со многими европейскими королевскими домами. Дочь его, Анна Ярославна, вышла замуж за французского короля Генриха I, и после его смерти была королевой-регентшей. На документе сына Генриха Первого, короля Филиппа I, посланного в аббатство в Суассон в 1063 г., стоит ее подпись «Анна Регина», четкими славянскими буквами. Она одна была способна подписать свое имя; король и придворные, за неумением писать, поставили вместо подписи кресты. Памятью о королеве Анне Ярославне остается близ Парижа городок Сенлис, где она собирала поэтов и трубадуров.

Другая дочь Ярослава, Елизавета Ярославна, была замужем за Гаральдом Норвежским, третья, Анастасия Ярославна, за принцем Андреем Венгерским. Сохранились стихи Гаральда Елизавете Ярославне, воспевающие ее красоту. Сын Ярослава, Всеволод, женился на греческой принцессе. Внук его, Владимир, был женат на дочери английского короля. Внучка Ярослава, Евдокия, вышла замуж за Императора Священной Германской Империи Генриха IV.

В первые века христианства на Руси, Византия и принявшая греческую веру Болгария были главными

источниками книг, сначала церковных, а затем и светских. Их влияние отразилось на устной и письменной литературе Киевской Руси, куда из Византии приходили иноземные сказания, жития, легенды, апокрифы.

Западная Европа получила наследие из Рима. Россия осталась в стороне от итальянского Ренессанса и получила свое наследие от «второго Рима» — Византии, хранившей эллинистические творения в нетронутом виде. Это определило разницу путей западно-европейской и русской литературы.

Наряду с остатками «двоеверия» и именами древних славянских богов появились в русских памятниках имена античных богов в их греческой транскрипции: не Венера, а Афродита в «Афродитиане», не Юнона, а Гера-Ира-Мария, рождающая сына от Солнца.

Дата собирания и переводов греческих книг при Ярославе Мудром является знаменательной датой начала русского Ренессанса, шедшего из греческих, а не итальянских источников. Гомер был знаком Киевской Руси с ранних времен; славянский язык был первым, на который Гомер был переведен, — в X в. в Болгарии; его имя встречается в самых ранних памятниках древнерусской письменности. Выделяя дату создания библиотеки и собирания книг, летописец проявляет большую прозорливость.

Собирание и перевод греческих книг не прекращались. София Палеолог при Иване III и Максим Грек были поражены богатством библиотеки при русском дворе.

В «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах», изданных в 1908 г., А. А. Шахматов, на основании огромного изученного им материала, изложил свою гипотезу последовательного развития русского летописания. Гипотеза эта была принята, полностью или с небольшими отклонениями, почти всеми исследователями и легла в основу дальнейших изысканий.

Возражая Шахматову, В. М. Истрин сохраняет прежнюю точку зрения, считая, что русская летопись возникла в середине одиннадцатого века на основании византийских хроник, главным образом хроники Геор-

гия Амартола, и «Хронографа по великому изложению», который вкратце составлен по хронике Амартола. По мнению Истрина, летопись получила с самого своего возникновения название Повести временных лет, и дальнейшие летописцы лишь продолжали ее, не внося изменений в предыдущий текст, к которому было сделано вступление и добавлены сведения об основании Киево-Печерского монастыря.

По схеме Шахматова, русское летописание развивалось следующими этапами:

В 1037-1039 гг. был составлен Древнейший Киевский свод, первая русская летопись. С начала шестидесятых годов одиннадцатого века игумен Киево-Печерского монастыря Никон принял на себя труд продолжения летописи.

Древнейший свод был переработан и продолжен до 1073 года в Киево-Печерском монастыре и получил название свода Никона. Свод Никона был продолжен в том же монастыре до 1095 г. и был назван Начальным Сводом, по предложению А. А. Шахматова. Начальный Свод был переработан в монастыре в 1110 г. и с ним связывается имя Нестора. Он получил название Повести временных лет, которая сохранилась во многих списках. Нестору, таким образом, приписывается создание первого Сказания об убиении Бориса и Глеба и акафиста им, которые послужили основанием для всех последующих вариантов жития Бориса и Глеба. Летопись Нестора была снова переработана в 1116 г. Мы видим пласты новых переработок на разнице стиля и на введении более сложных славословий.

События с 1084 г. по 1110 г., которым он был современником, Нестор передает по собственным впечатлениям, а старые предания со слов «памятухъ». Он иногда говорит и от своего имени, когда речь идет о событии, которому он был свидетелем или в котором он сам участвовал. Так он описывает набег половцев на монастырь, «намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени». Рассказывает, как очевидец, как после удачного похода на половцев в 1107 г. князь Святополк пришел в Печер-

ский монастырь на заутреню на Успенье святой Богородицы и братия приветствовала его радостью великою, говоря, что враги наши были побеждены молитвами святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия. Он добавляет, что таков и всегда был обычай Святополка придти поклониться гробу основателя монастыря, Феодосия. Нестор указывает и тех, от кого он слышит предания о старых делах. Упомянув о праведном старце Яне, добавляет: «от него и я много рассказов слышал, которые и записал в летописание сие».

Киевское государство, не имевшее природных границ и окруженное степной ширью, постоянно подвергалось угрозам со стороны кочевников. Когда удавалось замирить одних, появлялись другие. Первоначальная борьба происходила между славянскими племенами и отзвуки ее видны в летописи в сказаниях об убийстве Игоря и о мести Ольги древлянам; затем появляются указания, что русские князья, ограждая славянские племена от хазар, брали с них ту же дань, что и хазары. Первоначально летопись указывает отдельные славянские княжества: по смерти братьев (Кия, Щека и Хорива) потомство их стало держать княжение у полян, у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. Игорь уже получает дань с древлян и требует так много, что его убивают. Летопись разделяет тех, кто говорит по-славянски — и живут своим обычаем, не платя дани, и те не-славянские племена, которые платят дань. «А вот другие народы, дающие дань Руси — чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах».

Постепенно исчезали некоторые племена. Обры велики телом и умом горды. Они мучили славян, впрягали вместо вола или коня трех, четырех или пять жен и велели везти его — обрина. Так примучили дулебов, славян и за то Бог истребил их, не осталось ни одного обрина и есть на Руси поговорка «Погибоша аки обръ»,

их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги. Они играют в летописи большую роль.

Раньше печенегов летопись поминает хазар, как первых врагов, которым пришлось платить дань. Хазарский каганат занимал местность от Нижней Волги до Днепра и часть Северного Кавказа. Население вело полуседлый, полукочевой образ жизни и участвовало в обширной торговле, которая велась местными и приезжими купцами из Киевской Руси, Новгорода и из Средней Азии, Ирана, Кавказа. Среди городов главными считались Семендер и Итиль в районе современной Астрахани, и крепость Саркел.

Летопись упоминает набеги хазар и дань, которую они собирали со славян. Олег воевал против древлян и, покорив их, брал с них дань по черной кунице. Победив затем северян и возложив на них легкую дань, запретил платить хазарам. Затем послал спросить радимичей, кому они платят дань, и когда ответили — «хазарам» — Олег велел: «не давайте хазарам, но платите мне». Так постепенно, объединяя славянские племена, киевские князья оттесняли хазар. После победоносных походов Святослава, разрушившего хазарский главный город Итиль, в Хазарский каганат стал проникать славянский язык и в некоторых городах обосновалось славянское население, так что в XI в. арабский ученый ал-Бекри утверждал, что хазары говорили по-славянски не хуже, чем на севере. Константин Багрянородный писал и о печенегах, что в их язык проникли славянские речения. Распад Хазарского каганата начался в X в. и из летописи исчезает упоминание о них после походов Святослава.

По свидетельству византийского императора, Константина Багрянородного, печенеги кочевали между Волгой, Яиком (Уралом) по соседству с хазарами. В восьмом и девятом веках хазары упорно боролись с печенегами и с трудом могли обороняться от них. В начале десятого века печенеги кочевали уже между Доном и Дунаем, на расстоянии дня пути от Киевских земель. Летописец указывает в 915 г., когда «придоша печень-

зи первое на Русскую землю». Император Константин пишет, что печенеги грабили Русь и причиняли ей много вреда. Печенеги нападают на русских у днепровских порогов. Против печенегов Владимир построил ряд крепостей по рекам Десне, Осетру, Трубежу, Суле и Стугне, «такъ какъ была война съ печенегами. И воевалъ съ ними и побеждалъ ихъ». Несмотря на постоянную угрозу со стороны печенегов, русские старались поддержать с ними добрососедские отношения и вели с ними торговлю. С 915 г. по 1036 г. печенеги нападали на Русь шестнадцать раз, не считая мелких стычек. Князья приводили их на Русь: Святополк Окаянный в борьбе с Ярославом приводил печенегов.

Печенеги угрожали и Византии, соединясь с турками. Император Алексей Комнен обращался к Западу с призывом избавить Святейшую Империю греческих христиан от печенегов и турок, которые грабят, отнимают области и совершают неисчислимыя ужасы. Первый крестовый поход в 1099 году имел в виду угрозу и Византии от турок и печенегов. В русской летописи печенеги выступают в роли одураченных, как при осаде Белгорода, или готовых к дружбе, как в рассказе об обмене оружием и пожатия рук после сражения. Печенеги были замиренны Ярославом Мудрым, после чего «бысть тишина велика въ земли». На смену печенегам явились половцы, которые отразились в летописи грозными эпизодами и вызвали лучшее произведение древней письменности — Слово о Полку Игореве.

С 1061 г. по 1210 г. половцы совершили около 50 крупных набегов и множество мелких. Борьба со степью не походила на обычные войны, которые знала Западная Европа, с заблаговременным объявлением войны, с соблюдением установленных военных обычаев и с точным знанием границ государства, откуда можно ждать нападения. Киевская Русь могла ждать нападения отовсюду, без объявления войны и без соблюдения военных правил. Тихая ровная степь могла внезапно заколыхаться вражескими ордами, загреметь воинственными кликами и посвистом и окраситься кровью жесто-

ких боев. Степная конница могла внезапно появиться под стенами городов. На юге грозила степь, но и на севере постоянной угрозой были шведы, немцы, Литва. Отсюда настороженное отношение ко всему неведомому, непонятному, что могло обернуться бедою. Прежнее беспечное восхищение заморским Дюком, веселье гусяра Садко в неведомом царстве, сменяется недоверием, тревогою. Борьба со степью пробуждает острое чувство любви к родине, которое озаряет особым светом летопись. Печенеги и половцы не только сами совершают набеги, их приводят мятежные князья во время усобиц. Об этом призыве «поганых» на борьбу с братьями неустанно скорбит летопись.

Набеги половцев сменились татарским нашествием. Одновременно с походом Батыя на Киев северу пришлось отбиваться от внезапно напавших германцев и шведов. Победа новгородского князя Александра Невского над шведами была в том же 1240 г., что и осада Киева Батыем, а победа над немцами и знаменитое Ледовое побоище в 1242 г. Обе победы, оградившие русский север, помешали ему придти на помощь югу. Рыцарский Запад оказывался столь же опасным, что и степной Восток.

Древний период был героическим: при постоянных набегах врагов нужны были особые усилия для сохранения независимости. Киевской Руси удалось устоять благодаря непрерывной борьбе, тогда как Великая Моравия исчезла под давлением врагов. Эта неустанная угроза самой жизни страны вызвала расцвет устной поэзии и патетическую силу летописного сказания. Ни один последующий период древней Руси не дал такого подъема героической поэзии, устной и письменной.

В былине враги приняли образ сказочных чудовищ: Змея Горыныча, Идолища Поганого, Соловья-Разбойника. В летописи враги приобрели апокалиптический характер. Появление непонятных свирепых полчищ связывается с преданием о замурованных Александром Македонским в скалах «скверных народах». Сказание Патарского епископа Мефодия появляется в летописи

под 1096 г. применительно к тогдашним врагам-половцам.

Повествуя о нападении на монастырь половцев в 1096 г. и осквернении икон и храма, об убийстве монахов безбожными Измаильтянинами, летописец поясняет: «ищъли бо суть си отъ пустыня Етривьскыя межю востокъ и сѣверомъ; ищъли же суть ихъ колѣнъ 4: торкмене, и печенѣзи, торци, половци. Мефодій же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче». (8 колен побежали, когда изрубил их Гедеон, да 8 их бежало в пустыню, а 4 он изрубил). А Измаил родил 12 сыновей, от которых пошли торкмены, и печенеги, и торки, и команы, то есть половцы, выходящие из пустыни. И после этих 8 колен, в конце века, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским «нечистыя человѣкы». Это место в летописи непосредственно предшествует Пучению Мономаха, в котором выражена христианская государственная мысль.

Печенеги и хазары не принимают в летописи грозного облика, печенеги даже слегка дураковаты. Только половцы имеют черты апокалиптического зверя.

О половцах известно сравнительно мало. Они занимали южные степи от Днепра до Волги и за Волгу на Восток. Арабские и персидские историки называют эту область Дешт-и-Кыпчак, а ее обитателей кыпчаками. Византийские хроники называют их команамы, русские летописи зовут их половцами, а степи их половецкими. Средневековая латинская литература пользуется византийским термином команов. В XI в., ко времени их появления на Руси, половцы владели всеми землями Дешт-и-Кыпчак, ведя наполовину кочевой, наполовину оседлый образ жизни. Овладев степями между Днепром и Волгой, берегами Средней и Нижней Волги, и Крымом, половцы покорили и растворили прежнее хазарское население Поволжья. Из их многочисленных городов сохранился Судак, о котором упоминает в 1223 г. арабский путешественник Ибн-ал-Асир и в 1253 г. францисканский монах В. Рубрук, проехавший через Крым на пути

в Монголию. Ибн-ал-Асир писал: «Прибыли они к городу Судаку, это город кыпчаков, из которого они получают товары, потому что он лежит на Хазарском море, и к нему пристают корабли с одеждами»... В. Рубрук пишет о Судаке, к которому пристают купцы, едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, и те, кто едет обратно из Руси и северных стран в Турцию. Половцы имели метательные орудия; об этом сообщает Ипатьевская летопись в 1184 г., говоря о присутствии в армии хана Кончака мусульманина, метавшего огонь. Хазары же остались в половецких городах в качестве купцов и ремесленников и о них пишет Плано Карпини, проехавший в 1240 г. Дешт-и-Кыпчак на пути в Монголию. Они почти утратили свой язык и в XII-XIII в. нет отдельного упоминания о самостоятельной жизни хазар.

Виллиам Рубрук сообщает о половецких обычаях. Команы (половцы) насыпают над усопшим большой холм и воздвигают статую, лицом обращенную к востоку и держащую перед собой чашу. Для богатых людей они строят пирамиды или башни из кирпичей, а иногда из камней.

«Я видел одного недавно умершего, — пишет Рубрук, — около которого повесили на высоких жердях шестнадцать лошадиных шкур, по четыре с каждой стороны и поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо. ...Я видел другие погребения... большие, вымощенные камнем площади круглые и четырехугольные с четырьмя длинными камнями с четырех сторон. Когда кто-нибудь болен, над его домом ставится знак, чтобы никто не входил. Когда заболевает знатный человек, ставят сторожей вокруг двора, так как боятся, чтобы со входящим не вошел злой дух или ветер».

Каменные статуи, о которых говорит Рубрук, были найдены в половецких степях и назывались каменные бабы от прежнего «балабал», отсюда же и древнее название для идола — болван.

В описании событий летописец старается придерживаться исторической точности, приводит полностью тексты договоров, речи послов и подкрепляет сообщаемое

мые факты сохранившимися памятниками. Летопись сообщает сведения об истории человечества, приводит известия о происходящем в других государствах и является своего рода средневековой энциклопедией знаний. В то же время в погодной записи появляются и происшествия самого разнообразного характера.

Так, под 1065 г., сообщается, что было знаменье, кровавая звезда на западе и это было не к добру, после того было усобиц много и нашествие поганых. В это же время ребенок был брошен в речку Сетомль, рыбаки вытащили его в неводе и «мы рассматривали его до вечера и опять бросили его в воду: на лице у него были срамные части, а об ином и сказать нельзя срама ради». Всё это не к добру: при Антиохе в Иерусалиме в течение сорока дней являлись в воздухе всадники в золотых одеждах, полками являлись — и это предвещало нашествие Антиоха. При Маврикии-цесаре женщина ребенка родила без глаз и без рук, а к животу у него рыбий хвост прирос; и пес родился о шести лапах. В Африке же двое ребят родились, один о четырех ногах, а другой о двух головах. При Константине иконоборце было звездотечение на небе, а в Сирии земля дала расселину и из земли чудом вышел мул, человеческим голосом предсказавший нашествие иноземцев, что и случилось.

Эти сведения вносились в летопись из иностранных хроник.

Откровение Мефодия Патарского применяется ко всему непонятному. Под 1096 г. летописец сообщает о слышанном 4 года назад от новгородца Горюты Роговича. Его отрок был послан в Печору к людям, которые платят дань Новгороду. От них он пошел в землю Югорскую: «Югра же это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с самоядью, в северных странах». Югра рассказала новгородскому отроку: «Мы нашли дивное чудо, о котором не слыхивали раньше. Зайдя за луку моря, есть горы, высота их точно до неба, и в тех горах великий клич и говор, и секут гору, желая высечься (прорубить ход), и в этой горе прорублено малое оконце, и оттуда говорят, и нельзя понять их языка и

показывают на железо и помавают рукой, и если кто даст им нож или секиру, то за это отдают мехами. А путь до тех гор непроходим от пропастей, снега и лесов, потому мы не всегда к ним доходим».

В этом рассказе Югры о Самояди речь, повидимому, идет о меновой торговле с жителями крайнего севера, которые, за полученный ими от купцов товар платили соболями, куницей, белкой. Начиная с XI века, русские купцы развозили товары по многим странам, торговали в Западной Европе ювелирными изделиями, мехами. Пушнина служила для обмена и платежей. Купцы ходили северными путями, добывали пушнину. Сношения с севером велись издревле, путь в Сибирь был известен ранее похода Ермака Тимофеевича. Сношения с иностранными государствами усердно поддерживались. Из Киева ездили посольства в Западную Европу, в 1047 г. иностранные послы были в Киеве.

В ответ на рассказ новгородца: «Я же сказал Горюте: это люди, заклёпанные Александром Македонским царем, как рассказывает Мефодий Патарский». Летописец тут говорит от своего имени: «Я же сказал...» и приводит сказание епископа Патарского о том, как Александр Македонский, пойдя в восточные страны до моря, пришел в Солнечное место и увидел там людей нечистых из племени Иафетова, которые ели всякую скверну, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их. «Увидев это, Александр Македонский убоился, как бы они не размножились и не осквернили землю, и загнал их в полуночные страны, в горы высокие. И по повелению Божию сомкнулись за ними горы великие, только не сошлись на 12 локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазаны были сунсклитом, которого ни огонь не может сжечь, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут 8 колен из пустыни Етривской, выйдут и эти скверные народы, пребывающие в горах северных, по повелению Божию».

В этих пророчествах о конце мира, когда скверные народы рухнут на землю, слышится весь ужас внезапных набегов и опустошений. В седьмом веке ожидали

конца мира, который должен был просуществовать столько сколько длилось его творение: каждый день равнялся тысяче лет.

Откровение Мефодия, епископа Патарского, неоднократно поминается в летописи и в древних памятниках. Возникло Откровение в IV в. и без основания приписывалось Мефодию, епископу города Патар в Ликии, в Малой Азии, в III-IV вв. Оно известно было в двух переводах, сделанных в Болгарии. Откровение говорит об истории человечества от Адама до конца мира, которое должно было произойти в седьмой тысяче лет. В нашествиях кочевников летописцу представляется осуществление слов Мефодия Патарского о светопреставлении: «На кончину бо седьмыа тысяща разоритися царство Перьско, и тогда изыйдетъ племя Измаилево отъ пустыни Етрива, и ишедъше исъ пустыня соберутся вси вкупе... власти почнутъ до входа и до исхода сѣверного и до востока и запада и будутъ вси подъ властью ихъ... и престанетъ служба Божія и устанетъ всяка пѣсня церковная и будутъ жрецы аки людие въ время то, въ седьмый векъ»... Летописец считает восточные кочевые народы происходящими от сына Авраама, Измаила, и рабыни Агари, и потому называет их Измаильтяне или Агаряне. Из византийской хроники Георгия Амартола летописец знал, что у Измаила было 12 сыновей. Гедеон, один из судей израильских, по Библии победитель восточных кочевых племен. В «Откровении Мефодия Патарского» Гедеон изгоняет в пустыню 8 племен. «В послѣдняя дни на скончание мира излѣзетъ Гогъ и Магогъ... яже закова Александръ объ ону страну Сѣвера...».

Третья редакция составлялась уже не в Киево-Печерском монастыре, а в Михайло-Выдубецком, основанном в 1088 г. третьим сыном Ярослава, Всеволодом. Сын Всеволода, Владимир Мономах, является героем летописи.

Выдубецкая летопись составляет как бы энциклопедию тогдашних знаний. В ней приводятся сведения о строении земли, о чужих народах, о силах природы. Обильно цитируются византийские хроники. Приводятся

фантастические происшествия, вроде вытащенного из воды уродца и последовавшего затем затмения. На смену печенегам первоначальной летописи являются половцы. Описание битвы более подробно и уже выработался батальный стиль. Так, в битве 1111 г. с половцами: «В понедельник же Страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили русские полки. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и русские, и столкнулись полк с полком и точно гром раздался треск столкнувшихся рядов. И битва лютая завязалась между ними и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и при виде этого половцы обратились в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели, невидимо сносимые на землю... «И спасе Богъ люди своя». Слова эти сохранены в молитве: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Основные элементы этого описания будут повторяться в летописи и в воинских повестях: гром столкнувшихся рядов, жестокая битва, помощь ангела. Пленники говорили: «Как можем мы биться с вами, когда сверху ездил другие с блестящим и страшным оружием и помогали вам?».

Ангел летал над полком Владимировым, Владимиру ангел вложил мысль поднять братию против половцев, и на него указало знамение огненного столпа, поднявшегося над трапезницей монастыря, двинувшегося к церкви и оттуда к Городцу, недалеко от которого, в Радосыни, стоял Владимир.

Так летописец подчеркивает избранничество Владимира Мономаха.

В конце Выдубецкого списка летописец дает пояснение: знамение было в Печерском монастыре — «явился столп огненный от земли до неба, и молния осветила всю землю, а в небе прогремело в 1 час ночи, и все видели это. Этот же столп сперва стал над тра-

пезницей каменной, так что не было видно креста, и, постояв немного, передвинулся на церковь и стал над гробом Феодосиевым, а потом передвинулся на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом невидим стал. Но это был не огненный столп, а видение ангела: ибо так является ангел — то столпом огненным, то пламенем, ...ибо людям невозможно видеть естество ангельское».

Знамение предвещает событие. Летописец указывает на победу Владимира над половцами: «ибо на второй год не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», или еще: «Ангел твой будь с тобой!». Так в последних словах списка Выдубецкого монастыря указывается роль Владимира Мономаха, осиянного небесной милостью. Вслед за разъяснением, подкрепленным текстами Священного писания, следует подпись Сильвестра, и его заключительное обращение к читателю: «А кто читает книги эти, помолись за меня».

Нестор, копая могилу Феодосия вместе с другим монахом, видит огненный столп над местом, куда будут перенесены его мощи. Мотив огненного столпа повторяется в летописи и в повестях, вплоть до повести о падении Константинополя в 1453 г. Гибель Царьграда возвещается тем, что огненный столп выходит из окна св. Софии и возносится ввысь, знаменуя обреченность города, покинутого небесною силой. Данное в Выдубецкой летописи разъяснение смысла огненного столпа имеет значение для всех последующих сказаний. Устная поэзия и древняя письменность не знают видений в человеческом образе, но только голос или пламень показывают присутствие божественной силы.

Ангел сопутствует делам Владимира Мономаха и благословляет его путь. Перед битвой князь целует крест со слезами, и князь Владимир, едучи перед полком, велит петь тропари и кондаки Креста Честного и канон святой Богородицы. Описание битвы дано со всеми ее перипетиями и указанием действий отдельных участников. Решения принимаются совместно с дружи-

ной. «Нам бы следовало съехаться и подумать о том с дружиной», — говорит перед походом Святополк Владимиру. Летописец указывает место и расположение войск, «мужи разумные» призывают князей к единению: «Что вы ссоритесь между собою»... Летопись повторяет призыв: «Почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть... Да нонѣ отселѣ имѣемся въ едино сердце, и блюдемъ Рускыѣ земли»...

Ярослав Мудрый завещал сыновьям: «Вот я покидаю мир этот, сыны мои, живите в любви, потому что все вы братья... И если будете жить в любви друг к другу, Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших... Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобиях, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим».

Носителем завета братолюбия является Владимир Всеволодович, сын любимого сына Ярослава Мудрого. Всеволод Ярославич обряжает отца и «возложив его на сани», отвозит в Киев, где кладет его в мраморный гроб, похоронив в Софийском храме. Ярослав не был святым и летописец не провожает его славословием, как Ольгу и Владимира Святого.

Начало киевского княжения Владимира Мономаха возвещается знамением: «явилось знамение на солнце в час дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, вроде как месяц вниз рогами». Это знамение предвещало смерть Святополка. Скончался Святополк за Вышгородом, привезли его в ладье в Киев, убрали тело его и возложили на сани. На другой день стали звать Владимира на княжение в Киев.

Владимир Мономах выступает в озарении уже совершенных побед и небесных знамений. В центре Выдубецкой летописи стоит иконописный образ служителя родины — князя Владимира. Сравнивая изображение воина-завоевателя Святослава в Начальной летописи с изображением Владимира Мономаха в Выдубецкой, можно видеть как изменились нужды Киевской Руси.

Святослав собирал землю и отгонял врагов; Владимиру Мономаху нужно было не только побеждать врагов и сохранить включенные в Киевскую Русь земли, но и дать им прочное государственное устройство, основу которого дал Ярослав Мудрый. Речи Мономаха звучат спокойной мудростью правителя и христианина.

Владимир понимает опасность раздоров и стремится предотвратить их. Он печется о простолюдине: «Дивно мне, дружино, жалеете лошадей, на которых пашут, а того не думаете, что когда начнет смерд пахать, и приехав половчанин убьет его стрелой и лошадь его возьмет, а в село приехав, возьмет жену его и детей и все имение. Лошадь жалеете, а его самого разве не жаль?».

Владимир посылает Святополка против половцев в защиту русского пахаря; так в былине идет Илья Муромец

...служить за веру христианскую
И за землю российскую
Да и за стольный Киев град,
За вдов, за сирот, за бедных людей.

Тщетно летописец взывает к братолюбию. Краткие трагические эпизоды братоубийственных боев с призывом кочевников заполняют страницы летописи. Убийство Изяслава Ярославича, в битве между князьями, плач о нем Киевлян, который заглушал пение, сопровождается длинным дидактическим отступлением на тему «если кто говорит люблю Бога, а брата своего ненавижу, — это ложь»; дан и портрет Изяслава, всегда готового на мир с братьями: «Был же Изяслав муж красив лицом и велик ростом, незлобив нравом, лгунов ненавидел, любил правду». Убийство Ярополка в 1086 г. показано в быстро промелькнувшей, яркой картине вероломного нападения: «Когда Ярополк лежал там на возу, Нерадец с коня пронзил его саблею, 22 ноября. И тогда приподнялся Ярополк, выдернул из себя саблю и закричал громким голосом: «Ох, настиг меня враг». И летописец описывает торжественную встречу тела в Киеве, где с митрополитом и причтом вышел князь Всеволод, с сы-

новьями Владимиром и Ростиславом, — и воздаст хвалу миролюбивому убитого, которому Бог даровал за гробом «блага те, коих ни глаз не видел, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал Бог любящим Его».

Владимир Мономах выступает в трагический момент ослепления Василька. Игумен Сильвестр включает в Выдубецкую летопись повесть попа Василия, очевидца происшествия, — «и мнѣ ту сущю», — под 1097 г. Владимир заплакал, получив весть о случившемся: «И начнетъ братъ брата закалати и погыбнетъ земля Руская, и врази (враги) наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую».

Князья целовали крест на том, чтобы жить в мире. Но Давыд считает, что ослепление Василька является единственным путем к захвату власти. Он убеждает Святополка участвовать в преступлении, говоря будто Василько злоумышляет против него. Василько, застигнутый в Выдубецком монастыре, убежден, что братья не преступят крестного целования. Он беседует с Давыдом в ожидании Святополка, но Давыд сидит как немой; Давыд не отвечал и не слушал, ибо был объят ужасом и тайл обман в сердце. Тщетно на совещании братьев с боярами игумен пытался отстоять Василька, ложно обвиненного Давыдом. Его заковали в кандалы и заперли на ночь. В ту же ночь отвезли его на телеге в Белгород, в десяти верстах от Киева, и заперли в избе. Когда Василько увидел, что торчин точит нож, он стал с плачем и стенаньем молить, чтобы его не ослепляли. Когда убийцы приступили к нему, он сопротивлялся так отчаянно, что пришлось двум конюхам Давыда и Святополка, посланным на подмогу, разостлать ковер на полу и повалить его, но и тут он не поддавался. Тогда они взяли доску с печи и положив ее на грудь, сели на нее, придавив плечи, так что грудь захрустела, «и удавиша ѿ рамяно, яко персемъ троскотати». Торчин, по имени Беренди, овчарь Святополка, хотел ударить ножом в глаз, но ударил в лицо и у Василька осталась рана. «И посемъ удари въ око, и изья зѣницу, и посемъ в другое

око, и изья другую зѣницу. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ». Его положили на ковер и повезли во Владимир. Попадья, которой по дороге, остановившись для обеда, дали постирать окровавленную его сорочку, плакала над ним как над покойником. Василько пришел в себя и спросил, где он. Узнав о рубахе, он сказал, что предпочел бы в той кровавой сорочке предстать перед Богом. Подобно ослепленному Глостеру в «Короле Лире» Шекспира, Василько видит в своем несчастьи Божью кару за гордыню.

Повесть об ослеплении Василька написана с потрясающим реализмом. Давыд изображен злодеем, Святополк трусливым пособником, Владимир является судьей и мстителем за поруганное право.

Духовные очи заменяют Василько вырванные глаза. Подняв крест над головой, он ведет битву, напоминая о совершенном клятвopеступлении: «Сего еси цѣловалъ, се перьвѣе взялъ еси зракъ очью моею, а се нынѣ хочещи взяти душу мою. Да буди межи нами крестъ съ».

Когда сошлись полки, произошло чудо: «мнози челоуѣци благовѣрнии видѣша крестъ над Василковы вои (воинами) възвышьяся велми» и полки Святополка были разбиты.

Так же подробно описана битва Давыда с половцами и уграми в 1097 г. с обозначением расположения войск и хода сражения. Русские побии вражеские полки, которые превосходили их численностью: «сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваетъ галицѣ (галок)». Сравнение русских с соколами, а врагов с галками встречается в Слове о Полку Игореве и в других памятниках древней письменности.

До своего вступления на княжеский престол в Киеве Владимир играет главную роль в походах против половцев. Владимир «много пота утеръ за русскую землю» и «просвѣти русскую землю акы солнца лучи пуща». Слава «добрoго страдальца за русскую землю» сочетается с искусством полководца, знающего тактику врага. Владимиру помогает ангельское воинство, сражаясь на его

стороне. Этот мотив ангельского воинства, летающего над русскими полками и участвующего в сражении, появится и в воинских повестях.

Летопись сообщает, что Владимир получил из Константинополя Византийские бармы и венчался ими, потому и стал называться подобно императору Константину, Мономахом. Понятие верховной власти стало соединяться с византийскими бармами — шапкой Мономаха.

Владимир представлен идеальным князем в военном и государственном смысле. В Суздальскую летопись внесено Поучение Владимира Мономаха, дополняя образ «земли русской печальника» и «на вси дѣла челоуѣческа потребна». Поучение является первой автобиографией. До него писавшие монахи избегали говорить о себе и только Нестор упоминал о своем присутствии или участии в том или ином событии для доказательства достоверности своего повествования. По своему содержанию и форме, Поучение Владимира Мономаха является одним из наиболее замечательных памятников древней письменности. Как и летопись, дошло оно лишь в поздних списках. Пишет он «сѣдя на санехъ» и это выражение сначала принималось, как указание, что писалось оно в пути, во время его поездки на север для встречи с князьями, старавшимися склонить его к участию в нападении на Володаря и Василька Ростиславичей. О своей внутренней борьбе он говорит в Поучении. Выражение «сѣдя на санехъ» в действительности должно быть отнесено к мысли о смерти, так как был обычай хоронить в саях: умершего 15-го июля Владимира Святого «возложили на сани», несмотря на летнее время. «Возложише на сани» и тело Ярослава Мудрого. При рассказе о погребении князей всегда упоминается возложение на сани. «Сѣдя на санехъ» (сидя на саях) означало преддверие смерти.

Поучение Владимира Мономаха внесено под 1096 г. в Повесть временных лет, в том переработанном списке, который был составлен в Михайло-Выдубецком монастыре. Монастырь был построен в 1088 г. отцом Вла-

димира Мономаха, Всеволодом Ярославичем, и был таким образом связан со всем его родом. Возвышенностью мысли и художественностью формы Поучение Владимира Мономаха должно было подтверждать созданный летописцем исторический образ.

Предсмертное поучение было в обычае в Византии и в Киевской Руси. Летопись приводит предсмертное завещание Ярослава Мудрого детям жить во взаимной любви и не вести междоусобной брани: «Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои, имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери».

Предсмертное поучение Владимира Мономаха не только наставляет в мире и любви, но и дает широкую картину гражданских добродетелей и обязанностей князя. Он вносит, вопреки обычаю, автобиографический элемент и рассказывает собственную свою жизнь в простой и увлекательной форме.

При составлении своей «грамотицы» он пользовался византийскими образцами поучений и церковными книгами, Шестодневом Василия Великого, Псалтирью, Прологом, Постною Триодью, откуда приводит слова богослужения первой недели Великого поста.

Пучение носит самостоятельный характер. Говоря от своего имени и ссылаясь на свой государственный опыт, Владимир Мономах высказывает передовые государственные мысли. Пучение написано с большим блеском и ставит Владимира Мономаха на первое место не только как государственного деятеля, но и как писателя.

Озирая свою жизнь, сидя на санях, то есть ожидая конца пути, он вспоминает всё сделанное им и выводит правила государственной мудрости и христианской добродетели. Как и Ярослав Мудрый, он считает важным развитие просвещения, сближение с Западом и доброжелательное отношение к иностранцам. «Отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земля».

Он советует заботиться о простолюдине, пещись о стариках, убогих и нищих, и быть справедливым ко

всем. Он ставит себе в заслугу, что не давал «сильным обидеть худого смерда и убогую вдовицу». Сыновей он учит «не вдавайте силнымъ погубити человѣка» (не позволяйте сильным обижать человека), «всего же паче убогихъ не забывайте». К преступникам наставляет относиться милосердно и с снисхождением, — эта традиция навсегда сохранилась в народе, не забывающем подать милостыню «несчастному» каторжанину.

Владимир Мономах подтверждает запрет смертной казни, установленный в Русской Правде: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его. Аще будетъ повиненъ смерти, — а душа не погубляйте никакая же хрестьяны».

Этот завет прозвучал в XII в., когда во всем мире свирепствовали казни и пытки, а в самой России шли братоубийственные раздоры. Завет Владимира Мономаха навсегда укрепился в русском правосознании: русское уложение законов отвергало смертную казнь за уголовные преступления. Смертная казнь оставалась как бы вне закона, применяясь за политические преступления, как мера мести или гражданской войны. Она всегда осуждалась народным сознанием. Казни Ивана Грозного, свирепые расправы Петра I и следовавших за ним властителей должны были искать тщетного оправдания в необходимости защищать целостность государства. Народ принимал их так же, как «разбойничью» месть воеводам в пору казацких восстаний, но не как целесобразное государственное установление. То, что прощалось Людовику XI и не темнило образа Людовика XIV, не прощалось завоевателю Казани, Ивану IV, и создателю Российской империи, Петру I. Завет Владимира Мономаха не допускать смертной казни ни правого, ни виноватого и «не повелевать убити его, если будет повинен смерти» глубоко вошел в сознание и сохранился навсегда, несмотря на исключительную жестокость русской истории.

Владимир Мономах призывает спастись в миру, а не в монастырях, выполняя христианские требования: заботиться о знатных и простых одинаково, при объез-

дах земель не позволять слугам обижать население, навещать больных, быть ласковым к людям и молиться о мертвых: «надъ мертвеця идѣте яко вси мертвени есмы». Он учит всё делать самому, а не возлагать на слуг: «еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла на войне и на ловѣхъ ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя».

Мономах учит «не лѣнитесь»: «Лѣность бо всему мати». О себе он говорит, что «на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ» сам заботился о конях, о соколах и ястребах, был рачительным хозяином. Энергия Владимира Мономаха была богатырская. Он описывает, как до ста раз ездил из Чернигова в Киев, что по-тогдашнему составляло немалую поездку, а всех «путей», то есть походов, было у него до 83 больших, а малых не упомнить. Половцев он бил неоднократно, «и мировъ есмь створилъ с половечьскими князи безъ единого 20». Диких коней своими руками вязал в пущах, тур дважды его метал на рогах вместе с конем, олень бодал, два лося, — один ногами топтал, другой рогами бодал, вепрь на бедре меч сбил, медведь под коленку кусал, лютый зверь вскочил ему на бедро и опрокинул вместе с конем. Много раз он падал с коня, дважды разбивал себе голову и повреждал руки и ноги, «не блюда живота своего, ни щадя головы своея». Всё это не останавливало его «путей и ловов».

Образ великолепного воина-охотника, соединяющего силу с добротой и мягкостью, дополнялся его государственной мудростью.

Академик А. С. Орлов в своей книге о Владимире Мономахе сопоставляет нравственные заветы Мономаха детям со взглядами, выраженными в посланиях к Владимиру Мономаху митрополита Никифора, который называет его «устрояющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земле». Митрополит Никифор, грек, поставленный в Византии на Русь, участвовал в перенесении мощей Бориса и Глеба и святил Вышегородскую церковь. С Мономахом он был в личном общении в течение ряда лет и в своем По-

слании дал описание его жизни: «Больше на сырой земле спит, дому бегаёт, платье светлое отвергает, по лесам ходя, и сиротинскую носит одежду и только по нужде, входя в город, облачается в одежду властелинскую».

Мономах настаивает на честном соблюдении договоров, которые тогда нарушались часто. «Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи или к кому, ...и цѣловавше блюдѣте, да не приступни, погубите душѣ своеѣ». Он решительно стоит за святость права и отказывается от участия в неправедных делах. Братья, затеяв отнять волость у Ростиславичей, требовали его участия: «иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ», что повидимому означало тогда формулу отказа от союза. Мономах же «рѣхъ: Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы яйти, ни креста переступити». Он стал гадать по Псалтири и ответ был: «Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя?». Эти строки псалма вызывают у него размышления, составляющие прекрасную лирическую часть Поучения.

Мономах сокрушается, что братья приводят на русскую землю врагов, чтобы помогать в борьбе против своих. Он видит в этом угрозу целостности России. Когда Олег идет на него с половецкой дружиной, Владимир Мономах, несмотря на свою удачу в бою, предпочитает уступить Олегу, чтобы половцы не разорвали русской земли: «Съжаливѣси хрестьяных душъ и сель горящих и монастырь, и рѣхъ: Не хвалитися поганым! И вдахъ брату отца его мѣсто». — Чернигов, а сам ушел в Переяславль. Вопросы государственные, забота о целостности России побеждали у Мономаха стремление к власти.

Олег Святославич в Слове о Полку Игореве назван, по имени Рогнеды-Гориславы, Гориславичем за принесимое им горе: «мечѣмъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше». В новой распре из-за желанія овладеть городом семнадцатилетнего Изяслава Владимировича, Олег оказался виновником смерти его. Старший сын советует Мономаху не вести из-за этого междоусобной брани. Мономах принимает совет и пишет Олегу письмо,

которое внесено в летопись после Поучения. Старейший князь, удрученный горем, пишет Олегу: «Послушах сына своего, написах ти грамоту», хотя не знает, как ее примет Олег, с добром, или с поруганьем. Сын советует не нарушать мира: «Ладимься и смѣримся, а братцю моему судъ (смерть) пришелъ... но възложивъ на Бога, а стануть си предъ Богомъ, а Русьскы земли не погубимъ». Мономах утешается мыслью о Христе: «Господь наш был не человек, а Бог всей вселенной и мог всё сотворить в мгновение ока, но претерпел хуленье, и оплеванье, и удары, и на смерть отдался, — а мы что такое, люди грешные и злые? Сегодня живы, завтра мертвы, сегодня в славе и чести, завтра в гробу и забвении. Взгляни на отцов наших: что они взяли и на что им одежды?».

Мономах трогательно жалуется: «Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бяше, стояще надъ нимъ, вникнущи въ помыслы души своей: Увы мнѣ! Что створи?» (Когда же убили дитя мое и твое, у тебя на глазах, следовало тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, заглянув в свои душевные помыслы: Горе мне, что я сделал). Владимир Мономах напоминает Олегу, что он должен был бы покаяться и сказать самому себе: «Грех мой стоит передо мною». Он должен был бы написать отцу утешительное письмо и послать сноху, чтобы они вместе оплакали ее мужа, вместо песней, так как не был отец на свадьбе ее, не видел ее радости. Он просит прислать ее «да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ (сухом) древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ». Он поясняет: удивительное ли дело, что муж пал в бою? Так умирали лучшие из предков наших. Но не надо было зариться на чужое и вводить в печаль отца: «Да же еси велѣлъ дѣтяти: слися къ отцю, десятью я есмь послалъ» (Если бы приказал сыну моему — посоветуйся с отцом, десять раз я бы послал).

Скорбное письмо отца, преодолевающего горе во имя спасения родины от раздора, бросает новый свет на величественный образ Владимира Мономаха, который ломал тура руками, но сохранил в сердце неисчерпаемый запас нежности.

Под 1091 г. Нестор включил в Повесть временных лет рассказ об основании Печерского монастыря и жизни первых его игуменов и основателей, святых Антония и Феодосия. Составленное позднее житие св. Антония до нас не дошло и сохранилась лишь та его часть, которая приведена Нестором. Нестор ссылается на полученные им сведения о том, что было до его вступления в монастырь. О знамениях же, сопровождавших перенесение мощей св. Феодосия, свидетельствует: об этом расскажу не по наслышке, а как зачинатель. «Быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ (очевидецъ)». Игумен сообщил ему о перенесении мощей св. Феодосия, прося держать это в тайне. Нестор копал могилу Феодосия, а помогавший ему монах спал перед пещерой. Когда в ночи ударил колокол, монах, проснувшись, сказал: «удариша в било. Мнѣ же рекущу: прокопахъ уже». Когда же он докопался до тела св. Феодосия, то его взял ужас и он стал молиться. Два монаха, сидевшие в монастыре, смотрели в сторону пещеры Феодосия и увидели, «Егда удариша в било, видѣста 3 столпы, ако дугы зарны (точно светящиеся дуги) и стоявше придоша надъ верхъ церкви, идѣ же положенъ бысть Феодосий». Въ то же время игумен «видѣ въ своемъ манастыри чресъ поле зарю велику надъ печерою» (пещерой) и прискакал на коне со своим будущим заместителем, Климентом, так как думал, что уже начали переносить тело. И на пути видели великое сияние. «И яко придоста близь, видѣста свѣщѣ (свечи) многы надъ печерою», но никого не видали. Тогда взяли из пещеры тело Феодосия, положили на мантию и перенесли в церковь. Свет и пламень означали присутствие небесных сил.

В летопись внесено также повествование о братьях-апостолах, Константине-Кирилле и Мефодии, и о начале славянской грамоты.

Ежегодные записи скрепляются простыми словами «после того», и если летописец прерывает повествование каким-либо отступлением, он потом возвращается к прерванному «вернемся к прежнему».

Наряду с точным изображением сложной политической картины тогдашней Руси, летопись передает необычайные происшествия. Так в 1092 г. «предивно бысть чудо Полотъскѣ въ мечтѣ»: ночью слышался топот, бесы, точно люди, стелая, рыскали по улице. Если кто выходил из дома, желая увидеть, тотчас бывал невидимо уязвляем бесами раною и от этого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем бесы начали появляться на конях, и не видно было их самих, видны были только коней их копыта. Возможно, что так в воображении жителей объяснялась эпидемия, о которой под тем же годом упоминает летописец, добавляя, что «гробовщики говорили: продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста семь тысяч».

В Ладоге говорили, что «когда бывает здесь туча великая, находят дети наши, глазки стеклянные и маленькие, и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которых выплескивает вода». Летописец добавляет: «этих я видел более ста. Когда я дивился этому, они сказали мне: это не удивительно, живы еще старики, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, выросши расходятся по земле, а на другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и выросши расходятся по земле. Этому у меня есть свидетель Павел Ладожский, и все ладожане. Если же кто не верит этому, пусть почитает Хронограф».

Возможно, что так отразилось в фантазии очевидцев зрелище горных пастбищ, с лежащими на вершинах облаками, из которых спускаются вниз стада овец или же вырисовывается фигура оленя, снизу кажущаяся маленькой.

Предания причудливо вплетаются в основную ткань повествования и именно это заставляло некоторых исто-

риков считать летопись не только основой знания о первых веках России, но и самым полным собранием фольклора.

Забывая первоначальный завет «не чудесами прельщать», летопись упоминает и о чудесных исцелениях свв. Бориса и Глеба, и о небесных явлениях и о знаменьях, предвещавших то или иное событие, или являющихся карой за грехи. Вводит летопись и поэтические предания о других народах. Так под 1201 г. Волынская летопись рассказывает о победе над язычниками Романа Галицкого, который устремился на поганых «как лев, сердит был как пардус, губил их как крокодил, проходил землю их как орел и храбр был как тур». Упоминание о крокодиле, связывает его с легендой о Всеславе и со сказанием о змие. В лице внука летопись возвеличивает Владимира: Роман Галицкий «соревновал деду Мономаху, который погубил поганых измаильтян, называемых половцами, изгнал Отрока (половецкого хана) в землю обезов за железные ворота, а Сырчан (брат Отрока) остался у Дона. Тогда Владимир Мономах пил Дон золотым шлемом, захвативши всю землю и загнавши окаянных агарян. По смерти же Владимира остался у Сырчан гудец (музыкант-певец), и он послал его в Обезы, говоря: «Владимир умер, потому воротись, брат, приди в свою землю. И велел певцу: скажи ему мои слова, пой ему песни половецкие, и ежели не захочет, дай ему понюхать зелья именем емшан» (степную полынь). Когда же он не хотел воротиться, ни послушать, и тот дал ему понюхать. И когда Отрок понюхал, то заплакал, говоря: лучше лечь костью на своей земле, чем быть славну на чужой. «И он пришел в свою землю, и от него родился Кончак, который перешел Сулу, ходя пеш, нося котел на плечах».

Аромат травы родных полей играет роль волшебного приворота. В сказании о половчанине летопись выделяет свою заветную мысль о неизбывной любви к родине. Возможно, что сказание о емшан половецкого происхождения. Как и в Слове о Полку Игореве, аромат степей привораживает не только половчанина: лю-

бовь к степи, чувство ее неотразимой прелести уже успело коснуться русских и выражено в поэтической форме запаха емшан.

В рассказе об Отроке нет чувства к нему, как к врагу; он внушает симпатию своей привязанностью к родной степи. Совсем иное чувство вызывает татарин, выступающий в летописи вслед за половчанином.

Так же, как хазары были поглощены половцами, так что даже самое имя их не упоминалось более, так половцы были поглощены татарами.

Монгольская Империя занимала огромные пространства почти всей Азии. Темучин, позднее названный Чингис-ханом, родился в 1155 г. Его отец, Есугей-баатур (богатырь) умер, когда ему было десять лет; после смерти Есугея, семья его разорилась. Своими походами Темучин восстановил ее благосостояние. В 1206 г. Курилтай или собрание выдающихся представителей монгольской аристократии избрало его великим ханом всей Монголии и он получил имя Чингис-хана.

Организация монгольского государства была основана на родовом принципе, со строгим распределением обязанностей и привилегий. С 1206 г. только члены рода Чингис-хана могли наследовать престол. Царевичи рода Чингис-хана были военными вождями и имели право объявлять всеобщее ополчение. Армия была организована по десятичной системе, подразделялась на полки из десяти тысяч, тысяч, сотен и десятков воинов. Десять тысяч носили название «тьмы»; слово осталось в русском языке, обозначая множество. Тренировка войска проводилась посредством больших охот, на которые все должны были являться. Каждая семья должна была поставить определенное число людей с полным снаряжением вплоть до веревок, тот же порядок применялся и для сбора на войну.

Большая охота с участием хана производилась маневром окружения: определенная площадь оцеплялась охотниками, которые постепенно суживали круг, пока дичь не оказывалась согнанной в тесное пространство,

в котором она истреблялась. Тот же маневр окружения и «щипцов» монголы применяли на войне.

Менее чем в три года, с 1219 по 1221 г., Средняя Азия была покорена войсками Чингис-хана. Они прошли Северный Иран, разбили грузинскую армию на Кавказе и, двигаясь на север, пришли в землю аланов и кыпчаков-половцев, разбили их и придвинувшись к Крыму, взяли Судак. В 1223 г. монгольские командующие, Джеббе и Субэдей, разбили половцев в их степях и в том же году одержали победу при Калке над соединенными силами русских и половцев.

Монгольское нашествие перерезало половецкие торговые пути, которые были восстановлены лишь после ухода татар на Кавказ. Арабский историк, Ибн-ал-Асир, живший с 1160 г. по 1233 г. и бывший свидетелем событий, называет монгольское нашествие величайшим бедствием, когда-либо постигавшим человечество. Подобно русской летописи, он говорит, что татары не знали жалости, убивали стариков, женщин, детей и умерщвляли младенцев во чреве матери.

Чингис-хан умер в 1227 г. Внутренний быт и психология эпохи создания Монгольской Империи показаны в «Сокровенном Сказании», которое было написано в 1240 г. приближенными Чингис-хана на старо-монгольском языке, на основании официальных документов и личных впечатлений. Сказание составлено в виде хроники с погодными записями событий и приводит подлинные указы Чингис-хана, тексты документов. В действие введены слова Чингис-хана, диалоги и прямая речь. Сказание представляет собою замечательную по красоте эпическую поэму, в которой художественная проза чередуется с лирическими и героическими стихами. Колыбельные песни, о которых вспоминают герои, поэмы дружбы и любви, лирические описания природы — дают яркое представление о силе монгольского фольклора и о пафосе монгольской жизни в эпоху нашествия на Русь. Сказание восторженно описывает державный труд Чингис-хана, которого называет «отцом народов», рисует его отношения с «серыми соколами»-царевичами и при-

ближенными, которые могли давать ему советы и укрощать его гнев. Он любит правду и за правдивость приближает к себе прекрасную Хулан-хатун. Он говорит Наяя-нойону: «За правдивость твою я поручу тебе большое дело». Он готов простить царевичей, не давших ему его доли добычи, и принимает совет «не ссориться» с «серыми соколами», а послать их на Багдад.

Герою-завоевателю, Чингис-хану, противопоставлен герой-поэт, Джамуха, названный его брат и друг детства, который любил степь и вольную жизнь, противился замыслам Чингис-хана, восстал против него, был ему выдан и, отказавшись от предложенного Чингис-ханом прощения и дружбы, предпочел смерть, завещав сохранить о нем память. Фигура Джамухи одна из самых замечательных в эпической поэзии. Великолепна часть «Сказания», посвященная дружбе и разрыву Джамухи с Чингис-ханом и изобилующая лирическими отступлениями и песнями. Сказание воспевает отвагу и презрение к смерти.

Что смерть? Что страданье?
Не всё ли равно.

Это презренье к смерти особенно ярко в отношениях Джамухи и Чингис-хана. В поэтическом монологе Чингис-хан предлагает Джамухе прощение и прежнюю дружбу:

Вот и сошлись мы.
Так будем друзьями.
Пусть ты иными путями ходил,
Всё же ты другом священным мне был.
...Станем в одной колеснице оглоблями.

Джамуха отказывается от искреннего предложения Чингис-хана и вспоминает героические дни юности:

Некогда в юные дни
В счастливом Чжубуг-Хорхонаке
Братство свое мы скрепили..
Трапезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться.
Помнишь, одним одеялом с тобой
Ночью мы дружно делились...

Теперь судьбы у них разные и мечта Чингис-хана о все-

мирном владычестве чужда любящему свои степи Джамухе. Он отвергает все сильного хана:

Семьдесят три орлука на конях
Служат в дружине твоей...
Что тебе ныне от дружбы моей?
Мир пред тобою склонился.

Он сам избирает казнь и просит не забыть его речей и повторять их в память о нем. Все сильный Чингис-хан может победить мир, но безвластен над душой друга. Джамуха казнен, но память о нем благоговейно сохранена в «Сказании», как он сам того хотел.

Призыв гор и родных степей передан в поэмах Джамухи с большой силой.

Любопытно, что формула военной дружбы, «одним одеялом с тобой ночью мы дружно делились», пройдя века, возродилась в стихах К. Симонова «Смерть друга», памяти Евгения Петрова:

И рядом под одной шинелью
Не спит у печки жестяной.

В древних русских памятниках «Сокровенное Сказание» не упоминается.

«Сказание» дает точные сведения относительно организации и состава войск, установленного Чингис-ханом. Описание ведется со всеми подробностями согласно официальным документам и доведено до 1240 г., года похода на Киев. Хроника последовательного покорения царств, написанная приближенными Чингис-хана, описание всех крупных и мелких событий его царства, его характера, его царевичей, положения дружины и войска, рисуют полную картину того вражеского государства, которому суждено было обрушиться на неокрепшую Русь и впоследствии самому погибнуть от тех же внутренних раздоров, которые отдали Русь в его власть.

«Сокровенное Сказание» было открыто лишь в XIX в. востоковедом Палладием Кафаровым, но могло быть известно в Киевской Руси. Русские послы и князья, бывавшие в Орде и дома принимавшие баскаков, должны были понимать монгольский язык. Сказание могло

распеваться в татарских палатках. Русские могли слышать поэмы Джамухи и знать о «Сокровенном Сказании». Самое слово «богатырь» взято от монгольского эпического «баатур», вместо древне-русского обозначения «храбр», упоминаемого в летописи еще в описании битвы на Калке.

Чингис-хану наследовал Угэдей, правивший с 1229 по 1241 г. и организовавший огромную Монгольскую Империю. У Чингис-хана было четыре сына: Джучи, Чагатай, Угэдей и Тулуй или Тулай. Сын Джучи, Бату или Батый, повел наступление на Русь. Его воевода, Субэдей, отличившийся в битве на Калке, был одним из командиров в походе. В 1238 г. было взято Рязанское княжество и Владимир. «Повесть о разорении Рязани Батыем» описывает это событие.

В 1240 г. был взят Киев, в 1240-1242 гг. Батый опустошил Польшу, Венгрию, Далмацию и в 1242-1243 гг. вернулся в половецкие земли Дешт-и-Кыпчак, через Валахию и Молдавию. В результате своих походов Батый основал новое автономное государство Улус Джучи или Синяя Орда, в русских памятниках называвшееся Золотой Ордой. Оно сохраняло вассальную зависимость от Великого Хана всей Монголии, но управлялось самостоятельно. Персидский историк, Джувейни, умерший в 1283 г., описал государство Батыя. По его словам, Батый не следовал никакой религии и не был склонен почитать богов. Он построил новые кварталы в своей столице, Сарай, часто поминаемой в памятниках эпохи. При Батые Сарай превратился в большой богатый город. Восточные купцы привозили товары, и многочисленные ремесла процветали в городе, благодаря жителям покоренных стран. Во время правления брата Батыя и его преемника, Берке, властвовавшего с 1256 по 1266 г., была построена новая столица, Сарай-Берке, близ старой, которая стала называться Сарай-Бату. В русских памятниках обе столицы поминаются под именем Старого и Нового Сарая. Сарай-Берке или Новый Сарай был расположен около теперешнего Сталинграда, на месте города Ленинска, прежнего Царева. Старый Са-

рай или Сарай-Бату находился возле теперешней Астрахани. Раскопки, произведенные на месте обеих столиц, принесли ценные указания об их быте и искусствах. Во время царствования Узбек-хана с 1312 по 1342 г., после царствований Менгу-Тимура, Туда-Менгу, Тулабуга и Токты, столица была перенесена из Старого в Новый Сарай. Арабский путешественник, Ибн-Батута, посетивший Новый Сарай или Сарай-Берке в 1333 году, описывает оживленную жизнь города и великолепие дворцов, мечетей, мавзолеев. Узбек-хан поддерживал постоянно культурные и коммерческие сношения с Египтом. Он выдал одну из царевен из рода Чингис-хана, юную Тулунбай, замуж за египетского султана, ал-Мелика ан-Насира. Она вскоре умерла. Золотая Орда при Узбек-хане стала официально магометанской. По словам современников, Узбек-хан был мусульманином, отличался умом, красивой внешностью и ростом. Ему было тридцать лет, когда он насильственно захватил власть, отстранив законного наследника. Он украсил свою столицу, и путешественники описывали роскошь города, настолько большого, что нужно было потратить всё послеобеденное время, чтобы проехать верхом по его главным улицам. Он строил великолепные здания на Поволжье и в Крыму, и в Старом Крыму (Солхате) еще сохранилась мечеть с резным каменным порталом, с датой постройки и именем Узбек-хана, как о том сообщает В. Смирнов в 1886 г. в своей книге об Археологических раскопках в Крыму. Пути сообщения были установлены со времен Батыея. Почтовые станции были устроены по дорогам, с лошадьми и всем необходимым для путников. Впоследствии они были в России со станционными смотрителями для путешествий на перекладных.

Часть населения Орды вела оседлый образ жизни в городах и селах, занимаясь ремеслами и хлебопашеством. Аристократия вела кочевой образ жизни и составляла высший, военный класс. Их палатки ставились на повозки, некоторые прикреплялись к ним, другие на остановках снимались. В. Рубрук в XIII в. писал, что когда он в половецких землях Дешт-и-Кыпчак встретил

одного из родственников Батые, ему казалось, что целый подвижной город идет на него.

В монгольские города были завезены ремесленники из завоеванных стран. Среди них были русские ювелиры. Во дворце Чингис-хана в Каракоруме, столице Монгольской Империи, трон из слоновой кости с золотыми украшениями был сделан русским ювелиром Козьмой, чье имя упоминается в документах. В Сарае была русская церковь и при раскопках были найдены кресты русской работы.

В XIII-XIV веке Золотая Орда процветала, получая дань с покоренных народов и захватывая огромную добычу при набегах.

Население Киевской Руси платило дань согласно произведенной монгольскими чиновниками переписи. Дань собиралась специальными татарскими баскаками, но впоследствии русские князья взяли на свою ответственность сбор дани и сами отвозили ее хану в Золотую Орду.

Татары поклонялись солнцу, луне, огню, земле и воде. У них были идолы из шерсти, которых они кормили молоком и частью своей пищи. Язычество оставалось и после официального перехода в мусульманство при Узбек-хане — двоеверие было и в Орде.

Ханы Золотой Орды хотели заставить русских князей поклониться изображениям их богов. Так началось мученичество русских князей, о котором говорит летопись.

Плано Карпини, бывавший в Золотой Орде, пишет об обряде очищения огнем, которому подвергали приезжих.

«Зажигали два огня, рядом с ними ставили два копья и укрепляли на остриях копий веревку, протягивали ее между ними, к ней прицеплялись частички бухарана. Люди и животные должны были проходить под веревкой и бухараном. По обе стороны стояли две женщины, которые брызгали водой и произносили заклинания. Если повозки или что-либо другое падало и ломалось, волхвы

получали их. Если же кто-либо был убит молнией, весь народ, живущий в том месте, должен был пройти очищение таким способом».

Когда Плано Карпини прибыл в ставку Батыя, ему было сказано, что он должен пройти «между двух огней» — так назывался этот обряд очищения. Когда он стал возражать, ему сказали:

«Иди спокойно; если мы требуем, чтобы ты прошел между двумя огнями, то только затем, чтобы помешать тебе замыслить злое против нашего повелителя или против кого-либо иного, ибо пламень унесет зло. Мы ответили им: мы пройдем через это, чтобы не подвергаться подозрениям».

То же было предложено князю Михаилу Черниговскому, но он считал это отступничеством, отказался пройти между двух огней и поклониться идолу, и был в Орде умучен. Выражение «между двух огней» сохранилось, хотя смысл его давно забыт.

Высказывалось предположение, что русские летописи преувеличивали ужас татарских мучительств и их жестокость, с целью усилить национальное чувство и жажду освобождения. Но многочисленные свидетельства арабских и персидских историков и путешественников, которые сами не подвергались дурному обращению и даже были расположены к мусульманским ханам, подтверждают слова летописи о татарской жестокости.

Расцвет Золотой Орды достиг высшего предела при Узбек-хане, правившем с 1312 по 1342 г. Арабский историк XV века Ибн Арабшах писал, что караваны могли проходить в три месяца без страха и опасности от Хорезма, за Хвалынским (Каспийским) морем, до Крыма. В пути они не нуждались в проводниках, так как на всем пространстве проходили земли, густо населенные земледельцами и кочевниками. Они не брали с собой продовольствия, ни для себя, ни для лошадей, так как всюду в дороге могли его получить.

С 1342 г., когда стал царствовать Джанибек, началось падение Золотой Орды, хотя она продолжала вла-

деть землями и богатствами. Джанибек покорил Азербайджан с его столицей Тавризом, поставил своего сына, Бердибска, регентом и на обратном пути домой внезапно умер. Русские и восточные источники утверждают, что Бердибек убил своего отца по наущению эмира Тоглу-бая. Под 1357 г. русская Никоновская летопись отмечает: «в этом году усобицы не прекращались в Орде, но становились всё сильнее», — и рассказывает, как дурной советник, эмир Тоглу, шептал Бердибеку: «Тебе уже пора сидеть на троне, а отцу уйти». Царевичам и богатым людям были обещаны награды, так что им стало выгодным присоединиться к заговору: они вошли в палаты Джанибека и удавили его. Став ханом, Бердибек убил своих двенадцать братьев, подученный окаянным князем, своим наставником и другом, Товлубеем (Тоглу-баем), который советовал ему убить отца и братьев. Другие источники рассказывают, как те, кто не хотел присоединиться к заговору, были убиты тут же, «на том же ковре».

Бердибек сам был убит другим претендентом, Кульна (в русских летописях Кульпа) после трех или четырех лет правления.

Русская летопись следит за событиями в Орде и подробно их передает. Мамай, который не был из рода Чингис-хана и потому не мог быть ханом, имел большое влияние и от него зависел выбор хана. Эмир Мамай был женат на дочери хана Бердибека и управлял государственными делами при нем. Когда к власти пришел Тимур-Ходжа, Мамай был недоволен этим и поддерживал другого претендента, потомка Узбек-хана, Абдуллу. Сообщая об этом, Никоновская летопись добавляет: «В эти годы Мамай, князь и воевода Орды, поднял ненависть против царя и стал могущественен». Мамай пошел походом против Тимур-Ходжи, который бежал за Волгу и был убит. В то время, по словам летописи, была борьба и усобица в Орде. Никоновская летопись отмечает эти события под 1362 г. Она пишет о двоецарствии двух ханов одновременно и затем в 1370 г. «князь Мамай поставил во главе Орды другого хана, Мамат Сал-

тана». Таким образом, Мамай обладал реальной властью, располагая ханским тронном и ставил тех, кто был ему угоден.

Когда эти события происходили в Орде, князь Дмитрий, одиннадцати лет от роду, вступил в 1362 г. на великокняжеский московский престол.

Московская летопись отмечает под 1373 г.: «Начались усобицы, многие князья в Орде сражались между собой и много татар было убито: так Божий гнев пал на неверных».

Мамай решил напасть на Русь, чтобы разрушить силу молодого князя Дмитрия и увеличить собственную власть. В 1378 г. он напал на Нижний Новгород, взял его и разграбил, затем в том же году был разбит на реке Воже. Татары бежали, оставив много убитых на поле брани. Летопись сообщает, что Мамай тревожился и печалился и плакал о том, но его советники утешали его: «Ваша Орда обеднела и ваши силы разбиты, но если вы захотите, вы соберете большое войско фрязей, черкесов, яссов и других народов и отомстите за кровь ваших князей».

Мамай в течение двух лет подготовлял новый поход: «Царь Батый взял всю русскую землю, и владел всеми странами, и всеми ордами; Мамай тоже замыслил это, но больше по своему безумию». Он собрал огромную армию не только из тюрко-монголов, но и из иноземных воинов: «фрязей, черкассов, яссов и других с ними». Он был разбит в 1380 г. на Куликовом поле князем Дмитрием Ивановичем. Летописец отмечает весь смысл этого поражения татар, которые раньше считались непобедимыми. Сказание о Мамаевом побоище включено в Никоновскую летопись и представляет собою произведение большого исторического и поэтического значения.

С появлением Тохтамыша в Орде начинаются новые события. Тохтамыш был сыном Туй-Хаджи, влиятельного царевича в Золотой Орде, иначе называвшейся Ак-Ордой. Его отец был казнен Урус-ханом, и молодой царевич решает в 1367 г. бежать и искать помощи в Самарканде, у могущественного властителя Тимура,

прозванного Ленгу, то есть Хромым. В русской летописи он назван турецким его обозначением — Аксак. В других источниках его называют Тамерланом. Биография Тохтамыша рассказана персидскими авторами XV в. Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Али Иезди в их книге «Захар-Наме» или Книга Побед, которая представляет собою подробную официальную историю Тимура.

Арабский писатель Ибн-Арабшах, который был современником Тимура, пишет о Тохтамыше, и русские летописи также дают о нем сведения. Тимур дружески принял Тохтамыша, дал ему много золота, скота, палаток, оружия, снаряжения и лошадей, барабанов, знамен. Но в первой битве против хана Золотой Орды Тохтамыш был разбит и бежал. Несмотря на это, он снова был принят Тимуром-Аксаком и снова получил от него войско и снаряжение. Тохтамыш был вторично разбит. Он переплыл реку Сыр-Дарью и был ранен стрелой. Он укрылся, раненый и голый, в кустах, где его нашел случайно и привез домой посланный Тимуром. Этот эпизод из жизни Тохтамыша рассказан персидским историком XV в. В третьем сражении против хана Золотой Орды Тохтамыш был снова разбит и только быстрый его конь спас его, вынеся из битвы. В 1377 г. Тимур в четвертый раз послал Тохтамыша против Золотой Орды и на этот раз Тохтамыш победил и объявил себя ханом Золотой или Ак-Орды. Затем он двинулся к Волге и в 1379 г. взял Сарай-Берке и другие города Золотой Орды. Он решил завладеть всеми землями Орды, большая часть которых всё еще была во власти Мамай. Мамай занят был приготовлениями к битве против князя Дмитрия Ивановича, но в то же время угроза со стороны Тохтамыша постоянно висела над ним. После поражения на Куликовом поле Мамай собрал новое войско, чтобы отомстить русским. Но Тохтамыш внезапно, на той же реке Калке, на которой произошла первая встреча русских с татарами, напал на Мамай и разбил его; приближенные Мамай и князя перешли к Тохтамышу, Мамай искал убежища в Крыму и прибыл в Кафу с оставшимися сокровищами, но вскоре был убит и сокровища его были

разграблены. После победы над Мамаем Тохтамыш овладел всеми землями Золотой Орды и потребовал от князя Дмитрия Ивановича дани в прежнем размере, хотя окрепшая Русь уже не платила татарам с былой исправностью. Летопись описывает, как князь Дмитрий, поняв изменившееся положение, принял с честью послов Тохтамыша, уплатил им дань, которую тот требовал, и наградил послов подарками. В 1382 г. Тохтамыш всё же совершил набег на Русь и князь Олег Рязанский перешел на его сторону, опасаясь разгрома своего княжества. Тохтамыш с огромным войском перешел Волгу, и после осады, взял Москву и разграбил ее, в то время как князь Дмитрий Иванович был в Костроме. После этого Тохтамыш взял Хорезм в Азии и начал борьбу со своим прежним покровителем, Тимуром, но был им разбит, и Тимур взял огромную добычу.

Камень с надписью был недавно в Центральном Казахстане открыт у подножия горы Алтын-Чуку. Надпись была сделана по-арабски: «Во имя Аллаха милосердного и милостивого»... Конец написан на старом узбекском языке. В надписи было сказано, что Тимур идет против Тохтамыша с войском в двести тысяч человек. Этот «памятник Тимура» дает представление о численности участвовавших в походе войск и о пути нашего шествия.

Русские летописи, Софийская и Никоновская, передавая со всеми перипетиями события в Орде, проявляют ясное понимание их и значение борьбы Тохтамыша с Тимуром. После победы над Тохтамышем Тимур идет на Русь, разоряет Рязанскую землю, убивает князя Елецкого и предаёт русские города огню и мечу. Московский князь, Василий Дмитриевич, выступил со своим войском и стал на берегу Оки. Но Тимур не перешел реки, а повернул на юг, овладел Азовом, и вошел в Кубанские степи. Решив окончательно разорить Золотую Орду, он взял город Ходжи Тархан (теперь Астрахань) и Сарай. Было зимнее время, Ходжи Тархан не имел обороны со стороны реки и жители построили стену из ледяных глыб. Город всё же был взят, а вслед за ним был взят и предан

огню Сарай-Берке. При недавних раскопках были обнаружены следы пожарища на опаленных камнях Сарая. Этот поход 1395-1396 гг. обогатил Тимура и его воинов огромной добычей. Золотой Орде, чья мощь уже была подорвана поражением на Куликовом поле, был нанесен Тимуром окончательный удар, и она потеряла независимость. Для Киевской Руси наступило облегчение и в течение последующих двенадцати лет летопись упоминает татар только три раза.

В 1405 г. Тимур умер во время похода в Китай. Эмир Едигей решил поднять могущество Золотой Орды и в 1409 г. совершил набег на Русь, один из самых жестоких по свидетельству летописи. Летопись говорит о коварстве татар, которые обманули русских князей ложными словами о дружбе, восстанавливали их против своих соседей и затем воспользовались положением. Князь Василий Дмитриевич был предупрежден о военных приготовлениях Едигея, но не поверил предостережениям, думая, что Едигей готовит поход против Литвы. Ужас этого нашествия на Русь описывает летопись. Едигей сам был убит одним из сыновей Тохтамыша в 1419 г. Междоусобные войны и неустанное соперничество между ханами ускорило падение Орды. Хан Улуг-Мухаммед отложился и основал отдельное царство в Казани, которое существовало до Ивана Грозного. В 1449 г. хан Хаджи-Гирей основал независимое государство в Крыму. Пушкин посвятил Хаджи-Гирею поэму «Бахчисарайский фонтан». Хаджи-Гирей умер в 1466 г., оставив могущественную династию Гиреев, правивших Крымом. С установлением Казанского и Крымского ханств среднее и нижнее течение Волги и Крым были потеряны для Орды.

Все происходившие в Орде события были известны на Руси и обстоятельно излагались и пояснялись в летописи, которая вела повествование о горькой судьбе, тяготевшей над русской землей от времен Батыя до царствования Ахмеда. Сопоставив записи русской летописи с XIII в. до XV о Золотой Орде с тем, что известно о той же эпохе по другим источникам, можно видеть, как первоначальный ужас перед «неведомыми народами»

сменился точным и правильным осведомлением о делах монгольского государства и об их последствиях для Руси. Летопись упоминает о том, что князь Василий Дмитриевич был предупрежден о приготовлениях Мамай, но не поверил советам и был застигнут врасплох.

Отношения между Золотой Ордой и Московской Русью изменились. Когда хан Ахмед отправил своих послов к Ивану III в 1476 г., требуя дани и вызывая его в свою ставку, московский князь отказался ехать к нему. Казанский летописец подчеркивает положение: по его словам, «великий же князь ни мало убоясь страха царева и примъ басму лица его и плевавъ на ню (нее), низлома ея, и на землю поверже, потопта ногами своима». Хан Ахмед, собрав большое войско, перешел русские границы. Иван III вышел к нему навстречу со своим войском, но ни один из них не начал сражения, и битва не состоялась. Хан Ахмед навсегда покинул Россию, и татарское иго кончилось без боя. В 1481 г. хан Ахмед был убит на берегах Донца в сражении с монгольскими отрядами Айбека. Казанский летописец изображает отчаяние татар и поет хвалы величию русской земли и красе славного города Москвы.

Так постепенно меняется тон летописи, и возникшее на первых ее страницах малое княжество на берегах Днепра преобразуется в могущественное московское государство. По мере развития летописи, меняются появляющиеся на ее страницах враги-кочевники. С печенегами связаны, наряду с картинами боев, сказочные мотивы. С половцами появляются в летописи апокалиптические сказания, но отношения с ними не принимают характера непримиримой вражды: с ними ведут непрекращающуюся торговлю и воспевают аромат их степей. Единственное поэтическое произведение, связанное с половецкими набегами, появилось вне летописи и передает летописное известие о походе Игоря Святославича. С татарами связаны незабываемо-страшные события и в самой летописи появились повести и сказания, которые выделились потом в самостоятельные произведения.

Над Начальной летописью висит угроза «измаиль-

тян» — половцев и княжеских усобиц, о которых скорбит летописец. Но под 1223 г. появляется первое упоминание о татарах, «скверных народах». Битва на Калке, в которой погибли князья и воины, по-разному сообщается в летописях. Сначала летописец принимает татар, как Божью кару перебитых ими половцев: «потому что много зла сотворили эти окаянные половцы русской земле и потому всемилостивый Бог хотел погубить и наказать безбожных сынов Измаиловых, чтобы отомстилась им кровь христианская, что и случилось над ними беззаконными».

Сами татары непонятны летописцу:

«Бог же один знает их кто они и откуда вышли: их хорошо знают премудрые мужи кто разумно умеет книги: мы же их не знаем, кто они, но вписали здесь о них для памяти той беды русских князей, которая была от них».

Летописец пока не осуждает татар, считая их прежде всего освобождением от половцев: «мы слышали, что они попленили многие страны, ясов, обезов, касогов и избили множество безбожных половцев, а других загнали и так они вымерли, убиваемые гневом Божиим и Пречистой Его Матери».

Но разбитые половцы не даром говорили князьям: «если вы не поможете нам, то мы сегодня были изрублены, а вы будете изрублены завтра». И князья согласились, что «лучше нам встретить их на чужой земле нежели на своей».

Волынская летопись отмечает общность интересов русских и половцев в борьбе против татар: «Пришло неслыханное нашествие: безбожные моавитяне, называемые татарами, пришли на землю половецкую».

В ответ на свой призыв половецкий хан получил помощь от русских: набранное в Киеве ополчение было так велико, что «когда переправлялись через Днепр, вода закрыта была от множества ладей» — говорит летопись. Встреча с главными силами татар произошла на реке Калке и «была победа над всеми русскими князьями такой, какой не бывало никогда». Татары хлынули

дальше. Миротворительная «Русь не ведала их коварства, выходила к ним с крестами, они же избивали их всех». Нашествие толкуется как кара «за прегрешение христианское». Киевлян погибло до десяти тысяч: «здесь был убит Мстислав, старый добрый князь, и другой Мстислав, и семь других князей»... По Троицкой летописи, и Александр Попович был здесь убит с другими семидесятью храбрами. Летопись лишь перечисляет, считая цифры и факты достаточно выразительными и замечает, что «Бог вложил в нас недоумение», ...«а этих злых татар, таурмен мы не ведаем, откуда они пришли на нас и куда опять девались; только Бог ведает».

Татары впервые проявили на Руси свирепое мучительство, какое было неизвестно половцам и печенегам. Татары пировали на досках, под которыми клали русских князей, избивали жителей, грабили и сжигали города, «и погибло бесчисленное множество людей и были вопль воздыхание и печаль по всем городам и по волостям». Воспоминание о претерпенном сохранилось до сих пор в обиходных выражениях: «будто Мамай прошел», «незванный гость хуже татарина».

Разграбив землю, натешившись над жителями, татары ушли так же внезапно, как появились, и летописец принимает претерпенное со смирением: «Ожидая (от Руси) христианского покаяния, Бог обратил татар назад в землю восточную». Их возвращения не ожидали, и все вернулись к обычной мирной жизни, приняв их за кару небесную. Татары, разорив болгарские земли на Волге, вернулись на Русь, заняли Рязань, убив князя и уничтожив села, монастыри, церкви, потом пошли дальше: «а людей перебили от старца до сосуща младенца». Взяв Суздаль, сожгли княжий двор и монастырь, «чернецов и черниц старых, и попов, и слепых, и хромых, калек и больных, и всех людей перебили, а молодых чернецов, и черниц, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей их, всё это полонили в свой стан», а сами двинулись дальше, громя и уничтожая всё на пути. Это вражеское нашествие, при котором работоспособное население уводилось в плен, опи-

сано простыми реальными красками, сохранившими свое значение и для позднейших времен.

Летопись старается не дать пошатнуться вере в милосердие Божие: «за умножение наших грехов и беззаконие напустил Бог поганых не потому, чтобы он их миловал, но наказывая нас, чтобы мы отстали от злых дел». Враги «есть батог Его, чтобы мы опомнились и отстали от своего злого пути». Этот мотив станет основным и будет укрепляться при новых бедствиях, создавая, вместо прежнего культа вольной удали, культ терпения и прития скорби, как наказания за грехи.

Летопись подтверждает это ссылкой на Писание: «превращу ваши праздники в плач и ваши песни в рыдания». Рыдание стояло по всей русской земле. Татарское нашествие было таким бедствием, что память о нем заставляла содрогаться через века. Оно остановило мирный расцвет страны, помешало развитию просвещения, постепенно уничтожало зачатки народоправства, и совещания с дружиной, привело к московскому единодержавию, чуждому заветов Владимира Мономаха, и разрубило татарским мечом историю России на две части — до и после.

Простота слов летописи усиливает впечатление. Через четыре года после битвы на Калке Батый вернулся на Русь, взял Козельск, отчаянно защищавшийся несметным татарским полчищам, и подошел к Киеву. По словам Ипатьевской летописи, он «удивился его красоте и величию». Киев считался первым по великолепию «греческим» православным городом. Батый предложил князю сдаться и получил отказ. В 1240 г. Батый с новыми силами осадил Киев: «и был Батый у города, и слуги его окружили город, и ничего не было слышно от скрипа его телег, от рева множества его верблюдов, и от ржания его конских стад; и русская земля была полна врагами».

В близких выражениях описывает былина приход Батыя к Киеву.

Татары били Киев стенобитными орудиями, но когда, несмотря на отчаянную защиту, татарам удалось

ворваться в город, русские встретили их «копейным боем», укрепляясь внутри города. Бой на улицах города длился сутки и возобновился на другой день: «стрелы помрачили свет побежденным». Татары были поражены мужеством защитников и, взяв в плен раненого князя Дмитрия, оставили его в живых. Сопrotивление русских городов, застигнутых врасплох, обладавших значительно меньшими по численности полками, и не имевших вооружения, смутило победителей. После всех побед и захваченных городов, Батый, по словам летописи, поверил совету киевского тысяцкого: «не медли долго в этой земле; если же промедлишь, то земля эта сильная, соберутся на тебя и не пустят в свою землю». Батый последовал совету и отступил в свою землю.

Лаврентьевская летопись кратко отмечает под 1240 г.: «татары взяли Киев, и Святую Софию, и все монастыри разграбили, и людей от мала до велика убили мечом».

Одновременно с битвой под Киевом в 1240 году шведский полководец Биргер во главе крестоносного войска, действовавшего в Финляндии против финских язычников, решил идти на Новгородскую землю, дошел до Невы при ее впадении в Ижору, но был отбит молодым новгородским князем Александром, получившим за эту победу имя Невского. Через два года немецкие меченосцы подошли к Новгороду и были отбиты в бою на Чудском озере, прозванном Ледовым побоищем: многие утонули, многие приведены были пленниками. В 1245 г. возникает угроза Литвы, которую отражает Александр Невский. Север остался свободным и от тройной европейской попытки захвата, и от татарского нашествия.

После взятия Киева Батый ушел, но прислал чиновников из Орды за данью. Иногда князья вызывались в Орду. Летопись под 1243 г. упоминает, как великий князь Ярослав поехал к татарам к Батыю, в 1244 г. князья с дружиною поехали к татарам, и почти под каждым годом появляется краткое «поидоша въ Орду» без пояснений.

Появились новые мученики: князь Михаил Черниговский был подвергнут мучительной смерти в Орде за отказ пройти «между двух огней» и поклониться идолам. Той же смертью погиб кн. Михаил Тверской. Князья предпочитали лучше умереть, чем «поклониться кусту». Когда в 1250 г. кн. Даниил Галицкий едет в Орду, ему советуют покориться: «брат твой Ярослав кланялся кусту, и тебе кланяться». Даниил готов лучше принять смерть. Слыша, что князей водят в Орде вокруг куста и заставляют поклоняться солнцу, луне, дьяволу и находящимся в аду мертвецам, Даниил думает, что едет на верную гибель. Он «сильно скорбел душою», ездил в Выдубецкий монастырь, прося молиться за него. Но в Орде от него не потребовали отступничества и даже предложили ему вино, присланное для него татарской великой княгиней. Батый требовал от князей пить кумыс: «ты уже наш татарин, пей наше питье».

Слова, «ты уже наш татарин», в которых русские князья и летопись видели оскорбление, татары не считали обидой, а, может быть, даже выражением дружбы с их стороны, так как они приравнивали князей-данников к себе. Кумыс, перебродившее кислое кобылье молоко, составляет и до сих пор любимый и единственный напиток татар в ковыльных степях Приволжья, на месте былой Орды. Теперь туда ездят со всех концов России «на кумыс», который считается лучшим лечебным средством против всех видов туберкулёза и малокровия. В татарских степях попрежнему взывали муэдзины с мечетей и попрежнему не забываем аромат степных трав и цветов. Предлагая кумыс, татары выражали свое гостеприимство, но отказ или недовольство сменяло ласку на жестокие муки. Отказ от предлагаемого кушанья или питья и до сих пор считается татарами в приволжских степях, где хранится древний обычай, оскорблением хозяину.

Тон летописи меняется. Патетическая скорбь окрашивает повествование о русской земле, об унижении русских князей, которым в Орде приходилось сидеть по-татарски, (скрестив ноги), — «на коленях», как гово-

рит летопись, — пить кумыс и исполнять татарские обычаи. Иные отъезжали с честью, и даже с «великою честью». Батый сказал Ярославу: «Ярослав, будь ты старше всех князей в русском народе», и Ярослав вернулся с великою честью. Летопись упоминает о том, как Батый, узнав о несогласии князей, «рассудил их». Междоусобицы прекращаются, их заменяют интриги в Орде. Татары по-своему разрешают княжеские споры. На место Киева возвышается Москва, князя которой умеют снискать расположение татар.

Летописец скорбит о необходимости ездить в Орду и там получать либо муки, либо честь. Подобно певцу Слова о Полку Игореве, он перебирает воспоминания былой славы: «Некогда Даниил Романович бывал великим князем, обладал русской землею, Киевом, Владимиром и Галичем, и с братом своим иными странами, а ныне сидит на коленях и холопом называется, и дани от него хотят и жизни не чают и грозы приходят. О, злее зла честь татарская! Отец его был царь в русской земле, покорил половецкую землю и воевал все другие страны, а сын не получил его чести: и кто же другой может получить ее? Потому что их (татар) злобе и коварству нет конца: Ярослава, великого князя суздальского, уморили зельем; Михаил, князь Черниговский, не поклонившийся кусту, и с боярином его Феодором, зарезаны были ножом... и принял венец мученический, и многие другие князья и бояре убиты. Когда же князь пробыл у них двадцать пять дней и был отпущен на волю и пришел в свою землю, и встретил его брат и сыновья, и был плач его обиде и большая была радость о его здравии».

Этот пламенный отрывок из летописи ярче всего рисует Русь XIII в. под татарским игом. Летописец употребляет слово «царь» применительно к Роману Галицкому, вместо слова «князь», хотя русские великие князья приняли царский титул только при Иване Грозном.

Князья вызывались в Орду по разным поводам и не

знали, «что отвечать в Орде... Тогда были князья русские в воле татарской».

Татары совершали набеги на Русь, разоряли города учиняли «землю пусту». Выражение это стало впоследствии применяться к петровской эпохе, когда, недовольные реформами, пророчествовали о Петербурге: «быть пусту» городу. Возможно, что отсюда идет и бранное «чтоб тебе пусто было».

Лаврентьевская летопись отмечает под 1283 г.: «И бяше видѣти дѣло стыдно и велми страшно, и хлѣбъ въ уста не идяшетъ от страха».

Летописец говорит как бы вполголоса о самом страшном: о потере независимости. Не высказывая общих суждений, летописец дает понять свое отношение к поведению князей в Орде: с почитанием отмечает гибель, с большой сдержанностью «честь».

В составе летописи появляются и потом выделяются особо моменты татарского ига: нашествие Батыя, Мамаево побоище, Куликовская битва. Мамай остался бранным словом, означающим бесчинство.

Погибшие в Орде окружаются легендами, пишутся о них жития. Вокруг татарского нашествия возникает целая литература, устная и письменная: повести воинские, жития исторические, как житие Михаила Черниговского, Михаила Тверского, жития легендарные, как житие св. Меркурия Смоленского, Петра Ордынского, сказания о чудесах, сказания об иконах, проповеди. Созданные устной поэзией легенды записываются в летописи.

Всё созданное в ту эпоху, в устной поэзии и в письменности, горит чувством гнева и боли за Русь. Казалось, вся Россия лежала умученная, подобно князьям, под досками, на которых пировали татары. Князья перед смертью выражали надежду, что «Бог освободит от Орды» и увещевали детей, жить в согласии, дабы «не перестала память родителей наших и наша, чтобы свеча не погасла». Об этой «неугасимой свече» думали летописцы, заносая новые события в книгу жизни России. Устное сказание и письменность должны были под-

держивать неугасимым пламенем веру и волю народа к освобождению. Эта надежда, что «Бог освободит от Орды», стала содержанием литературы того времени, светской и церковной.

Если Древнейший Свод мог бы быть назван Сказанием о распространении христианства на Руси, то его продолжение в Повести временных лет могло бы быть обозначено, как «не хвалитися поганымъ» и сосредоточено на призыве: «Да нынѣ отселѣ имѣмся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли». Призыв летописца не был услышан, земля не была соблюдена. И третья часть может быть названа «Чтобы свѣча не погасла», чтобы в страшную пору татарского ига сохранилась воля к освобождению. Вся летопись татарского периода одухотворена этим единым стремлением.

Юные князья, готовые бесстрашно умереть мучительной смертью, чтобы не поступиться своею верою, невольно внушали уважение татарам, которое отразилось в некоторых эпизодах сказаний того времени. Подобно мандаринам Аннама, которые обрекли в XIX в. юного миссионера, святого Теофана де Венар, на долгое мучение и публичную казнь, но в то же время восхищались его мужеством, — татары были привлечены бесстрашием русских князей. Уже через двадцать лет после взятия Киева в Сарае была основана православная епархия для пребывающих в Орде русских, и учреждена Сарайская епархия. Татары, иногда именитые, переходили в христианство. Поклоны кусту требовались не как подлинное отступничество, а как выражение покорности. Князья это знали, но, подобно первым христианским мученикам, не хотели сделать даже условного жеста, который мог бы быть сочтен за отступничество, и шли на жестокую татарскую смерть. Это невольно привлекало татар. Несмотря на набеги и убийства, происходило взаимное сближение, которое помогло татарам впоследствии войти в русскую жизнь, оставшись на старых местах под властью московских царей, а татарским царевичам дало место при царском дворе.

Русь принимала от татар их административную

практику освоения пространства громадных владений. Татары привыкали к русскому обычаю. Ужасы нашествий сменялись периодами мирного сожительства. Орда, давившая Русь, испытывала на себе ее влияние. После битвы на Куликовом поле в 1380 г., когда Дмитрий Донской разбил Мамай, стало ясно, что время татарской непобедимости миновало и что близится освобождение. Тохтамыш, разбив русские силы в 1382 году, восстановил власть Орды над Русью, но вернуть время Батыя не смог. Власть Орды была внутренне поколеблена, русские готовы были дать отпор, и только вековой страх еще сковывал князей. Татары чувствовали растущую силу Руси, объединившейся под властью Московских князей. События в Орде, которые были известны в России и комментировались летописью, изменили отношения: дань уже не платилась так исправно, князья не ездили со страхом в Орду.

Под 1481 г. Софийская летопись описывает нашествие хана Ахмеда, когда русские силы встретились с татарскими, но битва не начиналась, «был страх на обоих, одни других боялись». Великий князь Иван Третий решил отступить, боясь татарского прихода и слушаясь злых людей, «сребролюбцев богатых и брюхатых», предателей христианства, «пonorовников бесерменских», которые говорили: «пойди прочь, не можешь с ними стать на бой». Летописец с иронией говорит о том, как удивительно было видеть, как одни от других бежали, никем не угрожаемые. Первым побежал Ахмед, хотя «никто не гнался». Убежав, уже не вернулся на Русь. Татарское иго кончилось в этой битве без боя. Подобно Батыю, ушедшему из-под Киева, хан Ахмед, после веков одинокой доблести, проявленной русскими в Орде, и их подвигов при татарских набегах, боялся сражения и предпочел уйти. Летописец насмешливо относится к князю, который сам готов был бежать, подобно Ахмеду, и к «предателям христианским», «толстобрюхим» царским советникам. Спасение он приписывает заступничеству Божией Матери.

На смену печенегам, половцам и татарам, появи-

лись новые враги, на этот раз оседлые сребролюбцы брюхатые.

Миротворящий тон Древней летописи, патетический тон средневековой летописи времен татарского ига, сменяется, в неофициальных записях, гневом к «брюхатым». Теперь они представляют опасность государству, ибо готовы были вновь покориться Ахмеду. Летописец высказывает свою мысль с полной определенностью: брюхатые сребролюбцы хозяйничают на русской земле не хуже татар, представляя собою новое бедствие. Великая княгиня, бежавшая из Москвы при приближении татар, вернулась лишь после исчезновения опасности: ее образ далек от великолепной силы княгини Ольги, трогательной верности Ярославны, решительности и мужества княгини Евпраксеи: жена Ивана III постыдно бежала от несуществующей опасности.

«Вернулась великая княгиня из бегов, потому что она бегала от татар на Белоозеро, и с боярынями, и не гонимая никем, и по которым странам она ходила, там стало пуще татар от боярских холопов, от христианских кровопивцев, — воздай же им, Господи, по делам их».

Резкий тон летописи относительно царских приближенных отличается от величавой скорби при нашествии иноплеменных, и нет признания своих грехов при этом новом бедствии. Молитва «воздай же им, Господи, по делам их» раздается накануне борьбы с боярами Ивана Грозного, «воздавшего им», может быть, судя по былинному эпосу, при тайном одобрении молчаливых свидетелей. Бунты против «сребролюбцев брюхатых» будут сопутствовать историческому развитию Московского государства.

С древнейших времен зарождения русской земли летопись доводит свое сказание до эпохи сложившегося Московского государства. Подчинены были вольные города, Новгород и Псков. Исчезли областные деления, и уделы остались лишь по имени. Изменился порядок престолонаследия, и не брат, а сын наследует князю. Летопись, начатая в независимом Киево-Печерском монастыре, перешла в московский Приказ для продолжения

записи событий. И прежде всего началось собирание и систематизация древних списков, которые включались в новые своды. При Иване IV митрополитом Макарием были начаты работы по составлению летописных и житийных сводов. Софийский Временник, Патриаршая летопись и другие своды имели исходным пунктом Повесть временных лет, которая включалась во все новые собрания. Государственная идея древней летописи была признана руководящей и вдохновляла последующие записи. Московские своды имеют особую ценность, так как у тогдашних собирателей были рукописные древние летописи, не дошедшие до нас и сохранившиеся лишь благодаря позднейшим сводам XV и XVI веков. Летопись продолжала вестись в Посольском Приказе, приняв официальный характер.

Приказное делопроизводство, сменившее свободную летопись, заносит в книгу документы посольского приказа и события, почитавшиеся достойными памяти, или же мелкие происшествия приказной жизни, вроде бегства служащего. Придворная летопись заносит всё, относящееся к придворной жизни, и из нее мы узнаем о зачатках театра в России, о царских делах и настроениях. Записи лишены всякой литературной цели и носят чисто деловой характер. Самостоятельного отношения к событиям у автора записей быть не может. Наряду с этим вырастает новая литература исторических книг, составленных с определенной тенденцией на заданную тему и пользующихся для этой цели официальными документами: такова «Степенная книга», «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», в которой собраны памятники царствования Ивана IV.

Из этой приказно-хронографической литературы вырабатывается новый стиль исторического описания, давшего в семнадцатом веке замечательную книгу Посольского приказного Георгия Котошихина о царствовании Алексея Михайловича. Таким образом дело летописцев не прекращалось, но приняло иной характер.

В то же время были собраны по всей России сохранившиеся древние летописные тексты. Так была со-

ставлена при дворе московского митрополита в 1409 г. Троицкая летопись, которую пользовался Карамзин при писании «Истории государства Российского». Карамзин открыл ее в библиотеке Троицкого монастыря; она была «харатейной» — пергаментной. Начата была Троицкая летопись при митрополите Киприане и закончена составлением после его смерти. В Троицкой летописи были найдены указания на другие московские своды. Под 1392 г. в ней говорилось: «и аще хочещи распытовати, разгни книгу: Летописец Великий Русьский и прочти от великого Ярослава и до сего князя нынешнего». «От великого Ярослава» был Древнейший свод, начатый при Ярославе Мудром, и дополнявшийся до «сего князя» в позднейших сводах. «Летописец» доводит записи до 1389 г. В Троицкую летопись к основному источнику были добавлены митрополичьи и княжеские областные летописи: ростовская митрополичья, рязанская, тверская, суздальская княжеская, новгородская, смоленская, летопись Троицкого монастыря, давшая ей название, и летописец князя Владимира Серпуховского. Троицкая летопись сгорела вместе с другими рукописями при пожаре Москвы в 1812 г. М. Д. Приселков сделал попытку ее восстановить по выпискам из нее Карамзина, по найденной Шахматовым в 1900 г. Симеоновской летописи и по составленным по ней вариантам подготовлявшегося и сгоревшего издания Лаврентьевской летописи.

Софийский Временник включал первую древнейшую Новгородскую летопись и киевскую Повесть временных лет. По мнению Шахматова, составление его относится к XV веку. Другие исследователи, как Д. С. Лихачев, считают, что она была составлена в XII в. и потом постоянно дополнялась.

Тверской свод был составлен в XV в. В 1442 году серб Пахомий Логофет составил Русский Хронограф, который отражает новый стиль, введенный в русскую письменность этой эпохи.

В начале XVI в. был составлен при митрополичьем дворе московский свод, названный Никоновским, так как

принадлежал список Патриарху Никону. Так скромный труд, начатый во исполнение «завещанного Богом долга», стал памятником национального значения.

Московские своды имеют огромное научно-историческое значение, так как благодаря им были сохранены тексты исчезнувших древних сводов, и путем сопоставлений и исследований они дали возможность восстановить правильное чтение текстов.

Позднейшие своды основывались на летописях, которые велись «от Ярослава и до князя сего времени». Дальнейшие записи велись в Посольском Приказе или составлялись по типу Хронографа.

Характер древних памятников, включенных в своды, указывает на общность русских интересов, на стремление к единству русской земли.

Летопись велась сменяющимися авторами в течение пяти столетий, но представляет как бы цельное произведение единого автора, чей стиль лишь менялся с годами. Она одушевлена основным чувством морального долга и стремления к истине. На фоне исторических событий и повседневного быта перед читателем проходит множество людей различных классов и мест и разного исторического значения, и каждый хранит свой способ выражений и личный характер. От возвышенного славословия, государственной мысли или текста Писания летописец переходит с полной свободой к какой-либо уличной сцене, обманному волхвованию, или рождению уродца; трагическое описание битвы или рассказ об усобицах сменяется комическим эпизодом. Для каждой, возникшей под его пером сцены летописец с поразительным искусством находит подходящий тон. Летопись приводит не только писанные документы, договоры, послания, но и прямую речь, которая заменяла во многих случаях грамоту. В композиции большого произведения, каким является летопись, искусно выделены главные герои и второстепенные персонажи. Патетическое, страшное и забавное, дидактическое и историческое, сменялось на страницах летописи, поддерживая внимание читателя.

Стиль летописи с ее эмоциональной сдержанностью, реализмом, стремлением к правде, меткостью в изображении людей и событий, обилием вводных персонажей, влиял на русский роман вплоть до Льва Толстого.

С освобождением от татарского ига к концу XV в. и укреплением московского государства, тема летописи кончалась. История возникновения юного государства на берегах Днепра, его первых борений с многочисленными врагами, пытавшимися удушить его в колыбели, его роста в муках и борьбе «чтобы свеча не погасла», заканчивается победой над бежавшим Ахмедом. Древняя летопись и эпос умолкают почти одновременно, оставив последующим поколениям целую сокровищницу поэтических сказаний, художественных образов и возвышенных мыслей.

Глава V — Духовные книги

Первой заботой после крещения Руси было дать новообращенным богослужебные книги на понятном для них языке. Они нужны были для укрепления христианской веры.

Славянская азбука и первые книги пришли в Киевскую Русь из южно-славянских стран. В Древнейшем своде летописи под 6377—869 есть краткое указание: «Крещена бысть вся земля Болъгарьская». И далее рассказано под 6406—898 г.:

«Симъ бо первое преложены книги, моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣхъ дунайскихъ. Словѣномъ живущимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ (наставил), и поучалъ насъ, и протолковалъ святыхъ книги. Не разумѣемъ бо ни гречьску языку, ни латыньску; ...тѣмъ же не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ». И далее сообщается о братьях Константине и Мефодии, об их миссионерской деятельности и о созда-

нии славянской грамоты, перешедшей в Русь: «А словенский языкъ и руский одно есть, отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаа рѣчь бѣ. Поляни же прозвани быши зане в поли сѣдяху, а языкъ словенски единъ».

Славянские языки в ту эпоху почти не различались, и язык, на который были переведены Константином и Мефодием богослужебные книги, был понятен всем.

Константин и Мефодий родились в городе Солуни в Македонии, где отец их занимал видную должность. С детства они хорошо знали славянское македонское наречие, так как в Солуни или Фессалониках жило много славян. Греческое население города исповедывало христианскую веру по византийскому обряду.

Константин родился в 826 г., получил образование в Царьграде, причем одним из его наставников был знаменитый патриарх Фотий. Приняв духовный сан, он занял кафедру философии в университете. Существует предание о том, что он ездил в Азию для диспута с магометанами. Он был в хазарском каганате для религиозных диспутов. Возвращаясь от хазар, он обрел вблизи Херсона мощи епископа первого века, св. Климента, и впоследствии привез их в Рим, где был торжественно принят папою. Мечтавший о независимости, моравский князь Ростислав обратился к византийскому Императору с просьбой прислать такого наставника в христианской вере, который «учил бы на нашем языке». Император послал обоих братьев, Мефодия и Константина: «вы оба солуняне, а солуняне говорят по-словенски».

Константин, за свое высокое образование прозванный Философом, прежде всего считал необходимым для проповеди иметь церковные книги на славянском языке. Между тем славянской азбуки не было. Константин «сложи письмена» — составил азбуку, для каждого звука дав отдельный знак. Знаки или буквы были им созданы под влиянием отчасти армянского, отчасти коптского, египетского, грузинского и еврейского. Некоторые знаки встречаются лишь в славянской азбуке и изобретены Константином. При создании новой азбуки

по принципу соответствия каждому звуку отдельного знака, Константин проявил себя выдающимся филологом. Он знал шесть языков, включая коптский и египетский. Созданная им азбука называлась глаголицей от слова глагол — слово. Все буквы писались отдельно и не было промежутков между словами.

Этой новой славянской азбукой — глаголицей — были написаны первые переводные книги. Константин перевел евангелие — и первыми словами, написанными на славянском языке, были: «Искони бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово», которыми начинается евангелие св. Иоанна.

Глаголица была настолько совершенна, принадлежала творчеству одного только человека, что есть предположение о работе Константина над нею ранее его намерения ехать в Моравию.

Язык, на который Константин перевел церковные книги, принадлежал к группе южно-русских и ближе всего подходил к древне-болгарскому или болгаро-македонскому. Македонское славянское наречие было знакомо братьям с детства и при малой разнице между тогдашними славянскими языками могло быть понятно всем.

Вопрос о том, каким надо считать язык, на который переводил Константин, до сих пор вызывает споры. Немецкий ученый, А. Лескин, в своих работах по славянской филологии и в своей славянской грамматике, считает, что язык переводов Константина был близок к Болгарскому той эпохи и потому должен называться древне-болгарским. Того же мнения держится американский ученый, проф. Менгес. Другая группа ученых считает, что Константин пользовался солунским диалектом, который был ему привычен, и ввел в него элементы моравского языка, для удобства своей миссионерской деятельности в Великой Моравии.

Так как этим языком пользовались при богослужении, его называли церковно-славянским. Последователи теории Лескина называют его древне-болгарским.

При создании нового богослужебного языка возник

спор о праве пользоваться им для церковных нужд. О нападках на Константина по этому поводу пишет в его житии брат его, Мефодий. Древнейший свод русской летописи сообщает о том же, может быть, пользуясь житием. Константину возражали, что только три языка — еврейский, латинский и греческий, — могут быть допущены при богослужении, так как на этих трех языках была сделана надпись на кресте. «Но кто сделал надпись?» — спрашивал Константин. — «Пилат», — отвечали ему. — «Значит вы последователи Пилата, а не Христа». — И противники славянского богослужения были названы пилатовцами, последователями Пилата. В житии Константина, написанном Мефодием, рассказывается, как он был окружен «людьми трех языков», будто воронами, и как он отвечал на их обвинения: «Разве солнце светит не для всех? Разве дождь идет не для всех людей? Разве Бог так немилостив, что не дает всем? Все народы могут хвалить Господа и на всех языках». Константин говорил, что не иметь книг на своем языке всё равно, что не иметь света или не вдыхать запаха цветов. Худшее, что может быть, по его словам, это душа без языка, то есть невозможность обратиться к Богу на своем родном языке.

Летопись говорит о том же, называя язык болгарским: «Костянтинъ же възратився въспять, и иде учить болгарьскаго языка, а Мефодий оста в Моравѣ», что как бы подтверждает теорию о древне-болгарском языке, на который переводил Константин.

Летопись приводит возражения «ропщущих»: «Не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ еврѣи, и грекъ, и латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа». Папа Римский вступился, по летописи, за Константина, сказав: «Вси възъглаголють языки величья Божья яко же дасть имъ Святыи Духъ отвѣщевати», и пригрозил отлучением противящимся.

Мефодий, ранее имевший светскую должность, присоединился к своему брату, Константину, в его миссионерской деятельности.

Братья приехали в Моравию в 863 г. и пробыли там сорок месяцев, обучая духовных лиц и введя в литургию славянский язык, третий после греческого и латинского. Это вызвало противодействие римско-католического духовенства. Братья отправились в Рим, чтобы заручиться поддержкой Папы. Путь шел через славянское княжество Паннонию на Блатенском озере в древней Паннонии, в 830 г. перешедшей под власть немцев и бывшей в церковной зависимости от Зальцбургской епархии. Житие Мефодия говорит, что Константина «на пути принял паннонский князь Коцел и очень полюбив славянское письмо, дал ему пятьдесят учеников, дабы научиться ему». Князь Коцел думал ввести богослужение на славянском языке. Для подготовки клириков братья остались некоторое время в Паннонии и когда приехали в Рим, папа Николай уже умер. Папа Адриан принял Константина, привезшего мощи св. Климента, с почетом и, по преданию, в римских церквях была отслужена литургия на славянском языке. Ученики Константина были посвящены в священники. Согласно житию, Мефодий только тогда принял священство. Константин заболел и вскоре умер в Риме в 869 г. приняв незадолго до кончины монашество под именем Кирилла. После смерти брата Мефодий вернулся в Паннонию, но, несмотря на признание Папы, Мефодий был посажен зальцбургским епископом в тюрьму, откуда был освобожден лишь после получения особой епистолы от Папы, через три года. Когда Мефодий вернулся в Моравию, положение успело сильно измениться: князь Ростислав был в 870 г. низложен своим племянником Святополком, отрицательно относившимся к деятельности Мефодия. Мефодий стал участвовать в борьбе против немецкого духовенства, причем Папа то поддерживал его, то отвергал славянское богослужение. Со смертью Мефодия в 885 г. Святополк изгоняет его учеников, отменяет славянское богослужение, и германизация Моравии и Паннонии освобождается от помехи, какую представляла славянская церковь.

Мефодий написал житие Константина-Кирилла. Жи-

тие Мефодия было написано Климентом. После смерти обоих братьев, названных преподобными, дело их продолжали их ученики, не боясь преследований. Согласно житию Мефодия, братья перевели Евангелие, Апостол, Псалтирь и богослужебные книги. С помощью писцов священник Мефодий, после смерти брата, перевел Ветхий Завет за исключением книги Маккавеев. Кроме того, он перевел со своими учениками Номоканон, книгу правил Восточной церкви, и Патерик, жития св. отцов. Из Библии Мефодий повидимому успел перевести только читающиеся во время богослужения книги — по-гречески паримия, по-славянски паримийник.

Первыми были переведены Новый Завет и Псалтирь. Из Нового Завета было переведено Четвероевангелие, чтения по воскресным дням и праздникам. Деяния Апостольские и Послания были переведены сначала тоже лишь в трех частях, какие читаются во время богослужения .

Экзарх болгарский Иоанн приписывает Константину, в монашестве Кириллу, лишь перевод Евангелия и Апостолов.

Из Моравии ученики славянских братьев-апостолов были изгнаны после смерти Мефодия и ушли в Болгарию, где в то время был на троне царь Борис, принявший в 864 году христианство греческого исповедания. Наиболее замечательным из славянских учеников Кирилла и Мефодия был Климент, обосновавшийся в Западной Македонии. Рукописи Константина-Кирилла и Мефодия частью пропали, частью дошли в копиях скорописью. Работы скорописцев упоминаются в житии Константина-Кирилла. Сохранились немногие рукописи, писанные глаголицей, но не датированные. Всего дошло до нас 14 текстов, написанных глаголицей, из них Зографский кодекс, Саввина книга по имени священника Саввы, Супрасльская рукопись, найденная в монастыре Супрасльском, Киевские листки, Синайский требник, Паримийник Григоровича, Апостол. Тексты эти древнейшие и представляют научный интерес для истории языка.

Царствование сына царя Бориса, Симеона, длив-

шеся с 893 г. по 923 г., считается «золотым веком» Болгарии. В царствование Симеона был не только расцвет военного могущества Болгарии, но и процветание литературы и культуры. При царе Симеоне было сделано много переводов греческих книг и создавалась богословская церковная литература на славянском языке. Трудная для написания глаголица была заменена кириллицей, названной по имени создателя славянской азбуки. Из Болгарии книги пришли в Киевскую Русь после ее крещения. Глаголица постепенно вышла из употребления и до нас дошло лишь очень немного рукописей, писанных глаголицей, которая теперь известна лишь филологам. Кириллица вошла в обиход и ею до сих пор написаны церковные славянские книги. Славянские братья-апостолы, Кирилл и Мефодий, чтятся в России, как создатели славянской азбуки, книжного славянского языка и славянской литературы.

Кириллица или кирилица была близка к греческому торжественному «уставному» письму, с добавлением особых знаков для чисто славянских звуков. Ко времени создания славянской азбуки в языке еще сохранились носовые звуки, большой и малый юсы; носовые звуки постепенно исчезали в X-XI вв., но написание их сохранилось, хотя произносились они потом уже несколько иначе. В кириллице, как и в глаголице, буквы писались отдельно и не было промежутка между словами.

Для перевода на славянский язык греческих церковных книг Кирилл должен был создать не только символы звуков — азбуку, но и язык, способный передать новые понятия. По принципу, впоследствии примененному в XVIII в. для перевода на русский язык естественно-научных сочинений, славянские братья-апостолы создавали при переводе с греческого равнозначные слова на славянском. Язык, составленный таким образом, в России назывался церковно-славянским, и поныне употребляется в церкви при богослужении. Церковные слова были взяты Кириллом и Мефодием с греческого без изменения, как аналой, елей, ладан, фимиам; другие же были лишь слегка изменены. Отвлеченные

слова были переведены, как вселенная, добродетель; получились составные длинные слова, оставшиеся в русском языке до сих пор. Кирилл и Мефодий старались заменять греческие слова соответствующими русскими, создавая их по аналогии: так были переведены греческие слова демократия, риторика и многие другие. В XIX в. некоторые из этих греческих слов вернулись в русский язык, составив синонимы для прежних: так созданное по аналогии русское слово «народоправство» постепенно было вытеснено в XIX в. греческим словом — «демократия». Были созданы слова для определения грамматических понятий, которыми пользуются и сейчас. В то же время вошли и греческие слова: василёк, тетрадь, скамья, блин, баня, канава и другие общеупотребительные выражения. Церковно-славянский язык, которым пользовались в богослужении и проповедях, постепенно влиял на разговорную речь, и в нее вошло много церковно-славянских слов.

Сокровищница оригинальных и переводных книг была собрана в Болгарии в «золотой век» ее культуры, и впоследствии перенесена в Киевскую Русь. В X веке был переведен на славянский язык Гомер, который стал известен в Болгарии и в Киевской Руси, и часто цитировался в ранних памятниках.

Одною из первых книг был Апраксос — недельное евангелие, составленное из чтений на целый год.

Рождение русской литературы из церковных книг имело значение для ее будущих судеб. Вся древняя русская литература была «Словом», которое было обращено «к Богу», слившись при своем рождении с носительницей откровения — церковью. Древняя русская литература была напоена христианскою мыслью, была призвана служить бывшему «искони» слову. Суетное и мелкое должно было, по мысли зачинателей письменности, отступить перед великим и вечным. Темою литературы было возвышение и очищение человеческого духа вечными истинами Слова, — и этой теме служила русская письменность вплоть до Достоевского и Толстого. Языческое, «поганое» изгонялось из литературы и про-

никало в нее лишь косвенными путями. Борьба за целостность русской земли окрашивала ее первые века особой духовной напряженностью.

Церковно-славянский язык, пришедший с появлением письменности, стал на долгие века основой литературного языка на Руси. В торжественный стиль иногда проникали обыденные слова из разговорной речи. Но до XVIII в., а отчасти и позже, высокие материи излагались на церковно-славянском языке. В поэзии и в художественной прозе славянские речения употреблялись и в XIX в., а иногда ими пользуются и теперь.

Первые книги пришли из Болгарии. Церковно-славянский язык, знакомый каждому христианину-славянину, оставался близок болгарскому. Участие болгарских книжников в работе над составлением и переводом книг укрепило первоначальную связь между древне-русской и древне-болгарской письменностью. В царствование царя Симеона, наряду с произведениями болгарских писателей, появлялось много переводов с греческих книг, которые потом проникали в Киевскую Русь.

Позднее явилось влияние сербских книжников. Еще позднее играло роль польское влияние, влияние польских школ и польского силлабического стихосложения. Через Польшу проникло влияние латинской культуры и европейского Ренессанса. Таким образом все славянские народы в начальные века были объединены общими истоками письменности, а славянские народы греческого православного исповедания были сближены общностью церковного языка и церковных книг. Галич и Волынь сохраняли связь и после того, как откололись от Киевской Руси. Болгары и сербы участвовали в переводе книг. Чехия и Польша служили связью с латинской культурой Запада, Церковь и византийские книжники скрепляли связь с эллинской культурой, хранившейся в Византии.

После первых книг, переведенных Кириллом и Мефодием, — Апраксос, Четвероевангелие и Псалтирь, поток книг увеличивался непрерывно. С конца XI в. на Афоне был русский монастырь, ставший средоточием

совместной славянской работы над составлением и переводом книг. Одновременно шла работа в других монастырях Афона и Византии. На Афоне сообща работали русские, южно-славянские и греческие книжники. Книги оттуда шли в Киевскую Русь.

От первых веков письменности уцелела лишь незначительная часть книг. Они погибали от пожаров, усобиц и войн. Трудно установить, какие именно относятся к первоначальной эпохе учреждения библиотеки Ярославом Мудрым. Датирование затрудняется тем, что первые века были как бы «без хронологии», и книги разных веков от XI в. до XIV в. имели одинаковое хождение. С полной достоверностью можно установить даты лишь тех книг, которые упоминаются в древних памятниках или носят подпись составителя или князя, при котором они были составлены.

Древнейшей рукописью «апраксосного» Евангелия было Остромирово Евангелие, являющееся одним из ценнейших памятников первоначальной эпохи Киевской Руси. Оно было переписано в 1056-1057 гг. диаконом Григорием для новгородского посадника Остромира, по имени которого и получило свое название. Оно является кратким апраксосом, составленным из евангельских чтений на воскресные и праздничные дни. Рукопись списана с болгарского, но диакон Григорий внес в нее выражения из разговорной речи. Такое внесение повседневных выражений в богослужебные книги считалось возможным. Рукопись является таким образом памятником новгородского языка XI в.

Случалось даже, что переписчик помечал на полях рукописи свои личные впечатления или мысли, иногда не относящиеся к тексту, вроде того, что он нездоров или что монахи спали на утрени. Такие пометки являются драгоценной находкой для филологов, находящих особенности диалекта или черты быта данной эпохи.

Остромирово Евангелие было рукописью «лицевой», то есть украшенной ликами евангелистов, орнаментом, заставками.

В дополнительной пометке к Остромирову Евангелию посадник Остромир назван родственником князя Изяслава. Новгородский посадник не мог быть князем или княжеского рода. Прозоровский указал, что Остромир был сыном Константина, новгородского посадника, который был сыном новгородского посадника Добрыни, дяди князя Владимира. Владимир был сыном сестры Добрыни, Малуши. Шахматов нашел запись и считал, что ее надо читать так: «Ярослав, идя в Киев, поставил Константина Добрынича посадником Новгорода». Запись эта сохранилась в росписи князей новгородских и в поздних новгородских сводах.

Родственную связь Добрыни с князем Владимиром указывает Повесть временных лет под 970 г. Добрыня упомянут в Лаврентьевской летописи в рассказе о Рогнеде-Гориславе. Малуша, ключница княгини Ольги и мать князя Владимира, была сестрою Добрыни, «отец же бѣ има Малѣкъ Любечанинъ». Шахматов указал, что Малк, отец Добрыни, был сыном воеводы Свенельда, часто упоминающегося в Повести временных лет. Так Остромир связан и с князем Владимиром и с героем эпоса Добрыней Никитичем, дядей Владимира и с игравшим большую роль воеводой Свенельдом.

В Ипатьевской летописи под 1064 г. упомянут «Вышата, сын Остромира»: «Бежал Ростислав Владимирович, внук Ярославов, в Тьмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского». Д. С. Лихачев предполагает, что этот Вышата встретил Никона в 1064 г. и был источником сведений для свода Никона. Сын Вышаты, Ян Вышатич, упомянут под 1106 г. в Повести временных лет: «Въ се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ; ...Отъ него же и азъ многа словеса слышахъ еже и вписахъ в лѣтописаньи семь, отъ него же слышахъ».

Ян был героем летописного рассказа о бунте волхов. Летописец воздает ему хвалу: «Жил он по закону Божию, не хуже был он первых праведников... муж бла-

гой, и кроткий и смиренный, избегал всяких тяжб». Похоронен он был в Печерском монастыре в притворе.

Ипатьевская летопись упоминает его брата, Путятю, который, по мнению Всеволода Миллера, был отцом Запавы Путятишны, племянницы князя Владимира. Упоминаемый в летописи в числе павших на поле брани при Калке «храбрах» Алеша Попович в былине спасает Запаву Путятишну от Змия. Высказывается предположение, что многие родственники Добрыни выступают в былинах под несколько измененными именами. Д. С. Лихачев приходит к выводу, что три поколения Киево-Печерских летописцев были в дружеских сношениях с Вышатой и его сыном, Яном Вышатичем, с 1064 по 1106 гг. А. А. Шахматов в своих Изысканиях дает подробный разбор рода Свенельда и его сына, Мстиши. Он считает, что сведения летописи о Добрыне были взяты из устного предания. В итоге тщательных исследований выясняется, что Остромир, давший свое имя древнейшему памятнику письменности в Киевской Руси, был тесно связан и с эпическим преданием, и с древней летописью, как член семьи, игравшей видную роль в событиях.

Древнейшим списком Четвероевангелия считается Галицкое Евангелие 1144 г. Древнейшим сборником полусветского характера был Изборник Святослава 1073 г. и 1076 г. Изборники были списаны со сборника, составленного для царя Симеона, лишь с заменой имени князя и небольшими изменениями в тексте. Первый Изборник 1073 г. был составлен дьяконом Иоанном для князя Святослава Ярославича и украшен портретом князя Святослава с семьей, первым русским произведением портретной живописи. В состав Изборника входили сочинения св. отцов и «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита, византийского писателя VII в., имевшее большое распространение и влияние на позднейшие памятники.

Особый интерес представляет в Изборнике 1073 г. греческий учебник поэтики Георгия Хербоска, византийского писателя IX в., в котором приведены и разъяснены 27 риторических фигур, не только таких, как аллегория, метафора, плеоназм, гипербола, но и более сложные.

Теория поэтики повидимому читалась и принималась во внимание, так как в памятниках XII в. мы находим многие из описанных в Изборнике риторических фигур.

В Изборник 1076 года вошли, кроме отрывков из творений св. Отцов, выписки из житий, книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, славянское «Слово некоего Калугера о чьтѣи книгъ», поучительное «Слово отца к сыну», «Наказание богатым» и сто изречений, приписываемых константинопольскому патриарху Геннадию, под названием «Стословец Геннадия».

«Слово некоего Калугера о чьтѣи книгъ» определяет отношение ранней эпохи Киевской Руси к просвещению, выраженное и в летописи об Ярославе Мудром. Калугер советует не торопиться, а читать внимательно, стараясь всё понять и возвращаясь трижды к той же главе для полного ее уяснения: «Красота воину оружие, кораблю ветрила, так и праведному почитание книжное».

Остромирово Евангелие и Изборники Святослава написаны «уставом», каким писались древние книги. Каждая буква выписывалась отдельно правильными, крупными начертаниями. Своей неслитностью и тщательностью они предвосхищали печатные книги.

Слова не были отделены, и буквы писались на равном расстоянии. Знаков препинания не было, кроме точек. «Ряды» или строчки отмерялись циркулем и помечались на равном расстоянии; посредине, между двумя столбцами текста, оставлялось небольшое пустое пространство. По краям были поля, и для выделения особо важных мест на полях была нарисована указующая рука.

С конца XIV в. устав заменяется «полууставом», который тоже писался отдельными буквами. Но буквы были меньше, не так отчетливо вырисованы. При появлении книгопечатания образцом был взят полуустав.

С конца XVI в. появляется скоропись, постепенно вытесняющая и устав, и полуустав. В скорописи буквы писались свободнее.

Рукописи украшались художественными заставками в виде вязи, сплетения букв в сложный узор. Переписывались рукописи во славу Божию с особым стара-

нием. На стиль художественной отделки рукописей влияло византийское искусство, а позднее персидские миниатюры. Эти влияния перерабатывались русскими переписчиками самостоятельно. Так постепенно создавался собственный стиль.

Переписывались рукописи на пергаменте из телячьей кожи и назывались «грамотою на телятине» или «харатейными списками» от слова хартия. В XIV в. через Новгород стала привозиться бумага. Первая русская бумажная фабрика была основана при Иване Грозном.

Для писания употреблялись гусиные перья, а для наиболее важных мест рукописи павлиньи; «павье перо» особо отмечалось тогда переписчиком. Для раскраски подбавлялась в чернила киноварь. Заставки изображали сказочных зверей, стилизованные человеческие фигуры. В XVI в. вместо прежнего греческого квадратного рисунка появился «травный» орнамент, изображающий цветы, причудливые растения, сплетенные узоры трав, отчего и получили свое название. «Травный» орнамент впоследствии вошел и в печатные книги.

Украшенные миниатюрами рукописи назывались «лицевыми». Они представляют образец раннего художественного мастерства. Если писец не был артистом, то для украшения рукописи приглашались особые «знаменщики». Рукописи иногда из усердия переписывались князем или княгиней для спасения души, и тогда помещалось их имя. Это показывает высокую грамотность людей той эпохи. «Харатейные списки» представляли собою сложенные пополам и сшитые бичевкою листы пергаменты, иногда покрытые тканью или металлической чеканной обшивкой на корешке.

Одним из наиболее ранних переводов церковных книг считается перевод устава, поучения и житие игумена константинопольского Студийского монастыря Феодора, относимого к восьмому-девятому веку. Перевод был сделан в XI в. при св. Феодосии, основателе Киево-Печерского монастыря, который высоко чтит Феодора Студита и взял его устав в основание устава своего монастыря.

С X в. начинается борьба с «латыною», вызывающая сочинения русских иерархов, направленные против попыток влияния Рима. В конце X в. второй русский митрополит, грек Леонтий или Лев, написал послание против латинской веры. К середине XI в. относится «Состязание с латыною» Георгия. В конце XI в. известны сочинения Иоанна I, прозванного «пророком Христа» и пользовавшегося огромным авторитетом: «книгами святыми утѣшая печальные», говорит о нем летопись. В XIII в. появились послания Никифора против латинян.

Почин Ярослава Мудрого, собиравшего писцов и переводчиков, имел продолжение: много книг приходило из Византии, Болгарии, с Афона, но много составлялось и на Руси.

Глава VI — Учительная литература

Деятельность учеников Кирилла и Мефодия при царе Болгарском Симеоне связана с именем болгарского экзарха Иоанна. Отчасти при Мефодии, отчасти кружком Иоанна экзарха, на славянский язык были переведены книги Священного Писания и учительная литература св. Отцов.

На основании Шестоднева Василия Великого был в переработке экзарха Иоанна составлен Шестоднев, дававший сведения о строении вселенной и о населявших землю народах. Вплоть до XVI в. Шестоднев был одною из наиболее читавшихся в России книг.

Василий Великий, живший от 303 г. до 379 г., родился в Кесарии Каппадокийской и там провел почти всю свою жизнь. Он учился в Константинополе, слушая там лекции знаменитого софиста Либания, а потом в Афинах, центре философского образования. В 364 г. Василий стал помощником епископа каппадокийского, Евсевия, а после его смерти в 370 г. преемником его. Еще будучи священником, Василий Великий произнес девять «Бесед» о шести днях творения, которые впослед-

ствии и составили Шестоднев, имевший огромное влияние и распространение. Шестоднев долгое время был руководством по всем вопросам знания. Слова и поучения аскетического характера дошли в списках XIV-XVI вв., но многие из его сочинений могли быть утрачены. Многие сочинения Василия Великого, пользовавшегося большим уважением у древнерусских книжников, были переведены на славянский язык и читались на Руси.

В Изборнике Святослава 1073 г. были помещены некоторые главы из философского трактата Иоанна Дамаскина «Диалектика». Иоанн Дамаскин, умерший около 749 г., провел большую часть жизни в Иерусалиме. Он пользовался славой поэта, автора церковных молитв, и философа, отличавшегося большой ученостью. Незадолго до смерти им был написан философский трактат «Источник знания» в трех частях, из которого первая, «Диалектика», была известна полностью в славянском переводе в XV веке. В Диалектике излагались принципы философии и знания, устанавливались, по Аристотелю, основы логики. Вторая часть трактата была посвящена истории христианских ересей. Третья давала христианскую догматику в сложной религиозно-философской форме. Иоанн Дамаскин сообщает также физические теории строения мира и объясняет явления природы. Экзарх Иоанн выбрал для перевода 48 глав из ста и, предпослав переводу пролог с пояснением, составил «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина, которое было известно на Руси и дошло до нас в списке XIII в. Любопытно, что Логика Аристотеля и основы философского знания, благодаря Изборнику Святослава, проникли в Киевскую Русь в XI в.

С XI в. были известны произведения Григория Назианзина, жившего с 329 по 389 или 390 г. Он получил образование в школах Кесарии Каппадокийской и в Афинах и в 380 г. был назначен Константинопольским епископом. Он был учеником александрийских и афинских софистов, блестящим поэтом и ритором, ученым богословом и философом, имевшим большое влияние. От его многочисленных произведений осталось около 45 речей

и около 245 посланий и поэтических собраний стихов; дидактических поэм, гимнов, элегий, и сатирических произведений. На славянский язык произведения Григория Назианзина были переведены в IX-X вв. В житии Константина говорится, что он изучал Назианзина и заучивал наизусть. Сохранилась рукопись XI в., повидимому, переписанная русскими писцами: в нее вошло тринадцать стихотворений Назианзина, среди которых его надгробное слово на погребение Василия Великого, которое могло служить образцом эллинской риторики, его обличительная речь против Юлиана Отступника, его похвальные слова на церковные праздники с антитезами, повторениями, риторическими фигурами. В знаменитых Словах Кирилла Туровского на двенадцатые праздники можно видеть отзвук влияния этих поэтических произведений Назианзина. В найденную рукопись XI в. вошли и его богословские речи. В Изборнике было помещено его стихотворение «Богословьца отъ словесъ» с перечислением канонических книг Священного Писания. В списке XII в. известен «Гранеса алфавитарь» с краткими стихотворениями, расположенными по буквам греческого алфавита.

Произведения византийских отцов церкви рано распространились в Киевской Руси и имели большое влияние. Сборник «Златоструй» творений Иоанна Златоуста оставил глубокий след в устной и письменной литературе киевского периода. Уже с XI в. в Киевскую Русь проникли образцы эллинского искусства.

Иоанн, прозванный Златоустом, родился в Антиохии около 344 г. Он получил образование в школе знаменитого софиста Либания и изучал античных авторов и философию. С 386 г. Иоанн с огромным успехом применял свои знания и свое необычайное красноречие в еженедельных проповедях в городском кафедральном храме. Его проповеди собирали множество слушателей и провозглашались рукоплесканиями, исключительными по сравнению со всеми другими церковными ораторами. После смерти константинопольского патриарха Нектария в 397 г. Иоанн был назначен, по желанию императора,

патриархом. За нападки в проповедях на распущенность нравов Византии он был, по настоянию императрицы, смещен, и в 403 г. отправлен в ссылку, но тотчас же возвращен из опасения угроз его сторонников. В 404 г. он был снова низложен, изгнан в Армению в город Кукуз, затем в город Пициус на берегу Черного моря, и на пути туда умер в 407 г.

Иоанн Златоуст был представителем блестящего риторического искусства школы софистов. Он был настолько выдающимся оратором, не знавшим соперников, что его учитель Либаний готов был назначить его своим преемником, «если бы его у нас не отняли христиане». В своих проповедях он в блистательной ораторской форме затрагивал наиболее серьезные этические вопросы о воспитании детей, об уничтожении рабства, о труде. Подобно римскому писателю Тертулиану, он восставал против тогдашних цирковых представлений, которые были противны христианскому духу. Он проповедывал необходимость труда, устройство семьи, и создание христианской общины на основах любви и братства. Его проповеди и поучения были переведены при царе Симеоне и повидимому тогда же названы были «Златоструй». Златоструй был расположен по темам: о лихоимстве, об убогих и богатых, о вскармлении детей. Тема «Златоструя» о злых женах часто приводилась в старых памятниках и вызвала ряд рассказов и легенд.

Поучение в «Златоструе», «О казнях Божиих» повлияло на летописца, в его наставлениях по поводу нашествия половцев в 1068 г., которое толкуется, как кара за грехи. Другой сборник с 80 творениями Златоуста дошел в списке XII в. Епископом болгарским Константином в IX-X в. был переведен сборник бесед Златоуста на темы евангелиста Матфея и Иоанна. На основании этих бесед было составлено епископом Константином «Учительное Евангелие». Сборник речей Иоанна Златоуста по поводу низвержения императорских статуй дошел лишь в списке XVII в. Важно отметить, что в Супрасльской рукописи XI в., одном из древнейших памят-

ников письменности, имеются двадцать слов Иоанна Златоуста на церковные праздники. Панегирики и Слова на церковные праздники явились источником вдохновения для «второго Златоуста», Кирилла Туровского. Во вступлении к славянскому переводу «Златоструя» при царе Симеоне царь Симеон сравнивается с Птоломеем «не по вере, а по страсти к книгам».

Большим влиянием пользовались творения Ефрема Сирина, великого сирийского поэта, писавшего свои гимны и поэмы в уединении гор. Родился он в Месопотамии и в юности жил с отшельниками в горах, изучая Библию. В 363 г., после взятия Низибии персами, он переселился в Эдессу. Его поэзия проникнута аскетическим идеализмом и призывает к покаянию и очищению грехов. Красота молитв Ефрема Сирина, вошедших в русское богослужение, их поэтическое и духовное совершенство вдохновляли позднейшую гимнографию и произведения не только церковные, но и светские. Его гимны писались силлабическим семисложным стихом, которым он пользовался в большинстве своих произведений; этот размер получил большое распространение, благодаря величю поэзии Ефрема Сирина. После его смерти в 373 г. осталось 300 мириад или десять тысяч стихов, на догматические и аскетически-моральные темы. Творения Ефрема Сирина были переведены на греческий, армянский, коптский, арабский и эфиопский языки. Сборник речей Ефрема Сирина «Паренесис» или «Увещание» в отрывках имеется в рукописях XII века. Полный его список относится к XIII в. В годы бедствий особенное впечатление производили Слова на эсхатологические темы с потрясающими картинами светопреставления: «Слово о втором пришествии Христа», «Слово о Антихристе».

Морально-аскетического характера был известный в X-XI вв. в переводе на славянский язык сборник «Лествица» Исаака Синайского, умершего в 649 г. Сборник состоит из тридцати глав в виде тридцати ступеней восхождения к духовному совершенству.

Из византийских источников XI в. в Киевскую Русь

перешел сборник поучений и изречений «Пчела». Название это удержалось для подобных книг поздней эпохи. Пчела собирала мед из разных книг и располагала по темам: о лжи и клевете, о луне, о смерти. Так впоследствии располагал свои размышления на разные темы поэт XVIII в. Сумароков.

«Пчела» была переведена в XIII в. Начинаясь она поучениями на тексты Священного Писания и святых Отцов. Но во второй части были приведены «разуми внѣшнихъ философъ» мысли, цитаты из Эсхила, Софокла, Эврипида, Геродота, Ксенофонта, изречения Демосфена, Диогена, Сократа, Пифагора, Плутарха. Получалась хрестоматия древних авторов. К этому добавлялись рассказы о жизни Эллады, рисовавшие быт, нравы, характеры героев. Мысли Платона о том, что «бессмертна есть душа», идея Божьего Промысла у Сократа, — «аще ли Богъ печется тобою, чему ты ся печеши», в их близком к христианскому толковании, роднили эллинский мир с новым и таким образом оправдывали интерес христианина к античной культуре.

Анекдоты о древних философах, остроумные ответы Диогена плешивому или царя Дионисия гудцу-музыканту, давали в занимательной и легкой форме сведения об исторической жизни Греции. Слова Пифагора «в огонь впасти и в жену равно есть» могли быть сопоставлены с изречениями христианских богословов «о злых женах».

В главе о семи мудрецах Пчела подбирала афоризмы на тему «познай самого себя» и, наряду с христианскими изречениями, приводила слова Платона: «Начало разуму разуменье невежества своего».

Таким образом в недрах богословской учительной литературы указана близость философской Эллады к христианству, и в строго церковную письменность вносился интерес к эллинской языческой культуре, оправдывая изучение не только философских и духовных, но и исторических авторов, как Фукидид, Ксенофонт, и трагиков — Эсхила, Софокла. Отцы церкви сами были учениками греческих философов, наследие которых было

передано им в школах софистов. Изречения Сократа, Пифагора, Платона сопоставлялись с христианской мудростью и выяснялся про-христианский смысл их философии.

Читатель, уже знавший из других книг об Аристотеле, Демокрите и других авторах древней Эллады, уже вкушивший риторического искусства софистов через их учеников — святых Отцов, получал из Пчелы представление о мире, в котором они жили, и рождался с Элладой через Византию.

Знакомство с древним миром, в наиболее высокой и чистой форме греческой философии и поэзии, началось в Киевской Руси таким образом задолго до итальянского Ренессанса, и совсем в ином направлении. Мед, собранный Пчелою и другими памятниками, дал крепкую связь с Элладой, наследие которой было получено Киевом из Византии и узаконено церковью. Ранним наследием Эллады, полученным Киевской Русью с первых веков письменности, объясняется то, что французский классицизм не мог привиться в России, несмотря на старания поэтов XVIII в.

Направление русской литературы определялось восприятием античной культуры через ее первоисточник — Элладу, ее поэтов, ее философов, ее риторов. Путь проникновения античного мира на Русь через строгий эллинский источник имел решающее влияние на будущее направление русской литературы, не соприкасавшейся в первые века своего развития с тою светскою римскою литературой, которая оплодотворила Ренессанс. Не Апулей и Петроний, а Пифагор и Платон были крестными отцами зарождавшейся русской литературы и это наложило строгий, полуаскетический отпечаток на русское писательство, которому с самого его рождения были предъявлены требования подвижничества и самоотверженного служения высшим целям.

Русский Ренессанс на два века старше итальянского Ренессанса, вышедшего из латинских истоков. Только века татарского ига помешали ему развиваться. Славянские народы были надолго отброшены назад, на-

сильственно остановлены в поступательном культурном движении. Скопленные Киевской Русью книжные богатства были разграблены и уничтожены, погибли в огне и брани. Осталась лишь незначительная часть в поздних списках.

Моравия, достигшая расцвета при князе Ростиславе, была, как и Паннония, лишена самостоятельной жизни. Болгария, после золотого века царя Симеона, замерла надолго, стараясь лишь сохранить национальную жизнь, и уже не достигла прежнего расцвета. Византия пала в XV в. и потеряла свое значение передового культурного центра, сохранившего наследие Эллады. Киевская Русь, получившая импульс греческого Ренессанса и быстро достигшая высокого культурного уровня, была задержана борьбой с кочевниками, веками сопротивлялась половцам и татарам и могла оправиться лишь к XV веку, когда снова начала быстрый культурный подъем.

Но данный в первые века толчок и накопление культурных богатств в тайниках монастырей не были забыты и помогли продолжать прерванный путь.

Даже герои, воспетые древними сказаниями, пришли на Русь не из Рима, а из Эллады. Не Цезарь, а Александр Македонский становится героем сказаний и упоминается в летописи. Не римлянин Марсий, а грек Девгений воплощают образ Непобедимого, бесстрашно готового сразиться с самой Смертью.

Не Лукиан и Вергилий вдохновляли Русь, а Гомер, под именем Омира, появляющийся в древнейших памятниках.

Византийское крещение Руси явилось источником греческих вдохновений, которые рано сблизили Киевскую Русь с миром Эллады. Творения св. Отцов принесли в Киевскую Русь вместе с возвышенными христианскими мыслями восходящее к древности поэтическое искусство и великолепную науку эллинского мира.

Но не только отвлеченная философия и риторика были принесены в нарождающуюся русскую письмен-

ность. Творения св. Отцов приносили и тогдашние знания о мире и ранние теории физиков.

При царе Симеоне болгарском был составлен сборник житий святых, распределенных по дням их празднования. Сборник был переведен с греческого и назван Минеи от греческого слова «мен» — месяц. По ошибке переводчика, принявшего вступление — Пролог — за название жития, отдельные жизнеописания святых стали называться прологами. Минеи появились раньше житий, названных прологами. Из древних житий дошли до нас новгородские служебные Минеи на осенние месяцы от сентября до ноября, датированные 1095-1097 гг., и несколько Минеи без даты. Первый Пролог был совместно переведен русским и болгаринном.

Словенский епископ Климент составил «Торжественник», словарь греческих слов, относящихся к праздникам и дням святых.

В XII в. была переведена русским монахом «Кормчая книга» церковных установлений и канонов греческой церкви. С русского она позднее была переведена на сербский.

В Киевской Руси рано появились книги Ветхого и Нового Завета, поучения и проповеди святых Отцов, Толкования Священного Писания, богослужбники, требники, книги житий, Триоди — книги церковных установлений. Читались они и церковными и светскими людьми. По Псалтири и церковным книгам учились грамоте вплоть до второй половины XVIII в.

В 1499 г. был сделан полный перевод Ветхого Завета, известный под именем Геннадиевой Библии. До того были известны с ранних времен читавшиеся в церкви отрывки из Ветхого Завета, собранные под именем паримии или паримийника. Были переведены Пятикнижие, книга Судей, книги Пророков. Ветхозаветные книги сопровождалась аллегорическими толкованиями для пояснения их связи с Новым Заветом, — или поучительными пояснениями для указания превосходства Нового Завета перед Старым. Книги с такими разъяснениями назывались Толковыми.

Особым распространением пользовалась Псалтирь. Псалтирь была первым источником поэтических вдохновений. Переводы псалмов увлекали поэтов вплоть до XIX в. Для решения вопроса о преимуществах ямба или хорей для русского стихосложения поэты восемнадцатого века перевели псалмы, соперничая в удаче при применении разных размеров. Так переведено было в XVIII в. 150 псалмов. Псалтирь отвечала на мысли и сомнения; по ней гадали, открывая наудачу. Владимир Мономах находит ответ своим сомнениям в Псалтири.

В XI-XII вв. появились в Киевской Руси жития византийских святых Николая Мирликийского, Косьмы и Демьяна. К этому же времени относятся переводы византийских хроник, неоднократно упоминающихся в Повести временных лет, Георгия Амартола, Георгия Синкелла и Иоанна Малалы Антиохийского.

Глава VII — Исторические произведения

Греческий текст хроники Малалы сохранился в единственном неполном списке XII в. в Оксфордской библиотеке, в Бодлеянском кодексе.

Малала означало по-сирийски ритор, проповедник, и отсюда выводят заключение, что Иоанн Антиохийский был священником. Предполагается, что он жил в эпоху Юстина I и Юстиниана I и пережил воцарение Юстиниана II в 565 г. Хроника Малалы состоит из восемнадцати книг и предисловия, в котором Малала приводит перечень использованных им авторов и объясняет пользу пересказа исторических сочинений. При сопоставлении славянского перевода с сохранившимся Оксфордским текстом, выяснилось, что сделан был перевод с более сохранного и полного древнего текста. В предисловии Малала сообщает, что история Византии с последней четверти пятого века рассказана им по устному преданию, независимо от перечисленных источников. Хроника Малалы начинается с Адама и библей-

ских сказаний до Вавилонской башни и рассеяния народов, затем переходит к истории Востока, — Ассири-Вавилонии, Египта, Персии и Греции. Пятая книга излагает историю Троянской войны. Далее следует, начиная с седьмой книги, история Рима, Великой Римской Империи, причем много места уделяется родине Малалы, Антиохии Сирийской. Затем передается история Византии вплоть до Юстиниана I, и хроника кончается обзором международных событий. План хроники Малалы повлиял на план первоначальной русской летописи, начинающейся с расселения народов. Малала цитирует многих авторов, древние ветхозаветные апокрифы, греческие легенды, эллинскую мифологию, сказание об Орфее с описанием его культа, легенды о Данае и о Мелеагре, об Эдипе, об Ипполите и Федре. Он цитирует Гомера, Эврипида, Плиния, Ливия, Геродота, Вергилия, Лукиана. Лукиан приводит отрывки из Афиня и других авторов, и таким путем они могли влиять на хронику. Изображение Орфея, «цевнических гуслей сказителя, премудрого и славного книжника» в хронике Малалы заставляет нас вспомнить стих, приводимый Лукианом из Афиня: Гомер или кто-то из гомеровидов в гимне Аполлону говорит: «Аполлон, с кифарой в руках, прекрасно играл, шествуя красиво и величественно». Малала связывает олимпийских богов с Ветхим Заветом; Крон становится старшим сыном Ноя: «Родился от первого сына Ноева человек гигантска рода, именем Крон». У Крона сын Пик или Зевс, и дочь Ира, которая в апокрифах будет символизировать Марию. Адам тоже гигантского рода, и его размеры в точности приведены: Адам ростом от головы до пят 96 вершков, кисть руки 12 вершков, рука до локтя 20 вершков. Малала сообщает греческие мифы о Персее, Геракле, сказание о Трое, историю Цезаря и Клеопатры. Таким образом в Киевскую Русь с первыми переводами Малалы было занесено богатство греческой мифологии и поэтических сказаний античного мира. Хроника Малалы была переведена на славянский язык при царе Симеоне, и переводчик свободно излагал текст, повидимому хорошо

зная греческий язык. Болгарский перевод, как и древний оригинал, утеряны. Из русских списков не дошло ни одного полного, но в нескольких хронографах приводятся отрывки из Малалы. Отрывки из Малалы имеются в хронографе «Еллинский и Римский летописец» XII-XIII вв., причем в нем отсутствуют первые две части хроники. Отдельные отрывки включены в Иудейский хронограф 1262 г. На основании этих двух источников В. М. Истрин сделал попытку восстановить хронику, составив сводный текст. В XIV в. в кратком Хронографе хроника Малалы была использована в сокращенном виде. Цветистый стиль Малалы, богатство его исторического и мифологического материала имели большое влияние на письменность. Его влияние видно в Повести временных лет и в Галицкой летописи XIII в., вошедшей в Ипатьевский список.

Хроника Георгия Синкелла, монаха VIII-IX в., чье имя «синкелл» значит личный секретарь патриарха, начинается с сотворения мира и доводит повествование до 284 г., времени царствования Императора Диоклетиана. Непосредственными источниками хроники считаются александрийские историки Панодор конца четвертого-начала пятого века и его ученик Анниан начала пятого века. Хроника велась погодно и помечались даже пустые годы, как это впоследствии было принято и в русском летописании.

Хроника Синкелла была позднее включена в компилятивные хронографы. Есть указания, что история Иосифа Флавия в некоторых местах была изменена в русском переводе, применительно к ее толкованию Георгием Синкеллом. В. М. Истрин высказывал предположение, что русский перевод был сделан с краткой редакции хроники Синкелла, позднее переработанной им самим в более пространный текст. Истрин считал, что оригиналом для русского перевода послужила найденная им в Парижской Национальной Библиотеке краткая редакция и доказывал это последовательным сопоставлением русского переводного текста с греческой рукописью Библиотеки.

Для русской письменности наибольшее значение имела хроника Георгия Амартола, которая часто приводится в летописи: «Георгий говорит». Летописец русский иногда пользовался и «Хронографом по великому изложению», отчасти составленным из сокращенных и измененных отрывков Хроники Амартола. Оригинал «Хронографа по великому изложению» XI века утерян.

«Амартолос» по-гречески означает грешный или монах. Георгий Амартол, или Георгий Грешник ничего не сообщает о себе. О нем известно только, что он был монах и жил приблизительно во второй половине девятого века, так как в предисловии он называет последним царем Михаила III, царствовавшего с 842 года по 867 г. «Грѣшный инокъ» в послесловии признает свою неспособность: «неумѣтель есмь не точью словомъ, но и разумомъ», и перечисляет всех использованных для своего труда авторов.

Хроника Георгия Амартола разделена на четыре части: «пременьшая книжица» первой части ведет повествование от Адама до смерти Александра Македонского; вторая излагает историю еврейского народа, начиная тоже с Адама; третья представляет собою историю Римской Империи, четвертая же, составляющая почти половину Хроники, «Временник христианских царей», — от крещения Константина Великого в 324 г. до современных хронике событий. Возможно, что именно эта часть Хроники Амартола могла повлиять на решение первого киевского летописца, анонимного инока, составить Древнейший свод киевской летописи, выделив крещение Ольги и Владимира в виде Временника христианских князей на Руси. Ссылки на Амартола и на византийскую хронику особенно часты в древнейшей летописи. «Положить числа» могла помочь хроника Малалы или Амартола.

Хроника Амартола доводит события до 842 г., после которого в греческих текстах есть указание: «конец хроники» или «до сих пор хроника Георгия, после этого произведение Логофета», т. е. книжника-проповедника,

который доводит рукопись до 948 г. в иных текстах, а в других до 1071 г., до 1081, а в одном рукописном тексте до 1143 г. Таким образом, рукопись Амартола доводила свое повествование до того времени, когда начиналась летопись Древнейшего свода, и все предыдущие события Византии могли быть указаны киевскому летописцу Хроникой «Грешного» Георгия. Летопись Георгия Амартола окрашена религиозным монашеским чувством, осуждает язычников, но не нападает на Иудейскую религию Ветхого Завета, Амартол основывает свое повествование главным образом на предшествовавшей ему хронике Малалы.

Изложение Георгия Амартола имеет ввиду главным образом историю церкви Византийской, потому и назван Временником христианских царей. В нем имеются догматические рассуждения и полный список всех вселенских соборов с их составом и речами участников, которым мог воспользоваться русский летописец в своей вставке против «латыны» в рассказе о крещении Владимира. Амартол обличает ереси. Там же мы находим указание на «Божий гнѣвъ мозолный, чермная нежитовница», которая постигла «еретика» Константина; подобная болезнь окажется у еретика Папы в новгородском сказании о Белом клобуке более позднего времени. В хронике Георгия Амартола сообщаются небесные знамения, падения звезд, явления комет, предвещающие бедствие, наводящие ужас: такие же упоминания затмений и небесных предзнаменований находим в киевской летописи. Многочисленные отступления и обсуждения богословских вопросов в хронике Амартола могли повлиять на подобные же богословские отступления в Повести временных лет. При переводе с греческого введено около шестисот новых составных словообразований, то есть слияние двух понятий в одном слове вроде премудролюбие, единовластец или же ногомывальница для омовения ног. Из них около трехсот появляются и в других славянских текстах того времени. Прием этот был обычен и многие из этих созданных слов сохранились. Самый метод подобных словообразо-

ваний продолжал применяться и именно таким же способом создано современное слово: крестословица.

В измененном виде труд Георгия Амартола вошел в утерянный для нас «Хронограф по великому изложению» XI в., из которого были сделаны заимствования в «Еллинском и Римском летописце» и в «Иудейском Хронографе», в свою очередь повлиявших на составление Толковой Палеи. Таким образом след хроники Георгия Амартола, как и других хроник того времени, остался длительным в древней русской письменности. «Хронограф по великому изложению» был дополнен сведениями о Киевской Руси, и дошел лишь в отрывках, включенных в другие памятники. Любопытно отметить, что в древнейшей киевской летописи отношение к церкви не влияет на изображение героя. Так Святослав, насмешливо относившийся к уговорам княгини Ольги и не желавший креститься, изображен в летописи во всем великолепии его замечательных подвигов. Но в позднейшей летописи уже отмечается с хвалой или порицанием благочестие или равнодушие к церкви изображаемых героев. Такое отношение существовало в хронике Георгия Амартола, который в описании византийских императоров на первое место выдвигал их отношение к церковным вопросам.

В Киевской Руси был также известен «Летописец вскоре», составленный при патриархе Нисефоре, и византийская хроника Иоанна Зонары XII в., которая дошла в переводе в списке XV в., хотя предполагается, что была переведена в Болгарии в раннее время. Зонара прославляет красоту мира и мудрость творения земли в возвышенном и сложном стиле.

Большое литературное влияние имела византийская хроника Константина Манассии, отразившаяся в некоторых местах Слова о Полку Игореве.

Длительное влияние имела «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, отразившаяся на стиле батальных описаний и в летописи, и в воинских повестях.

Иосиф происходил из священнической семьи, родился всего через четыре или пять лет по Распятии Хри-

ста и, пройдя аскетический искус, примкнул к Фарисеям. Он был членом посланного в Рим посольства и был назначен губернатором в Галилее. В войне с Римом в 66-70 гг. он был главою Национальной обороны. Когда Веспасиан покорил Палестину, Иосиф сдал ему последнюю крепость Иотапата, будучи одним из двух оставшихся в живых защитников, тогда как другие предпочли умереть. Вследствие удачного пророчества о грядущей славе Веспасиана и его сына Тита, он не только спас свою жизнь, но и получил особую честь называться Флавием по имени императора Тита Флавия. Иосиф был под покровительством трех императоров, Веспасиана, Тита и Домициана. Иосиф Флавий получил римское гражданство, жил в Риме, написал много трудов, среди которых наиболее знаменитым стала «История Иудейской войны», и при его жизни ему была воздвигнута статуя. Умер он в середине второго столетия. Его произведения высоко ценились римлянами и греками, которые сравнивали его с Титом Ливием, а иногда с евангелистом Иоанном и Климентом Римским.

Оригинальный текст Истории был написан на арамейском языке. Вторая, греческая версия, несколько различающаяся от первого оригинала, послужила источником для славянского перевода. Истрин считал, что изменения в греческом тексте были сделаны самим Флавием. В русском переводе Флавия встречаются христианские идеи и уверенность, что разрушение Иерусалима было карой за распятие Христа. Такие мысли могли вряд ли возникнуть у верующего фарисея и потому явилось предположение, что они были введены переводчиком, в свободном изложении текста. Сцену, когда он предлагал товарищам сдать крепость римлянам, Иосиф Флавий излагает в драматической форме с диалогами и наводящими вопросами. Так же диалогически изображены и некоторые другие эпизоды Истории. Иосиф отличается замечательной живостью изложения и яркостью описания битв, которая повлияла на русскую письменность. Мысль Иосифа Флавия, что Иудея погибла вследствие отсутствия внутреннего единения, привле-

кла русских авторов, которые могли извлечь предостережение для Руси. Впоследствии таким примером служила Византия, наказанная за грехи.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия состоит из семи книг, начинаясь с взятия Иерусалима Сирийским королем, Антиохом Епифанием в 167 г. до Р. Х. и кончаясь взятием крепости Масады в 72 г. по Р. Х. и полным поражением Иудеи. В Киевской Руси известностью пользовалась последняя часть, которая дала свое имя всему произведению в русском переводе: «Повесть о пленении и конечном разорении Иерусалима».

Другим историческим произведением, известным в раннюю эпоху Киевской Руси, были «Троянские Деяния» Диктиса и Дарета. Диктис был грек с острова Крита, товарищ Идоменея, участника Троянской войны. Рукопись Диктиса была похоронена вместе с ним и открыта гораздо позже, когда могила разверзлась во время землетрясения при Нероне. Рукопись сохранилась только в латинском тексте, и история ее происхождения представляется недостоверной. «Троянские Деяния» послужили источником для пятой книги Хроники Малалы, озаглавленной «О Троянских временах». Малала полемизирует с Гомером и Эврипидом, но превозносит правдивость писаний «премудрого Диктиса», бывшего свидетелем событий. В средневековой литературе рядом с записками Диктиса ставилось произведение жреца Дарета. Дарет был среди защитников Трои и упоминается Гомером, как жрец Гефеста. Предполагалось, что он был автором другой Илиады, которая описывала войну с Троянской точки зрения.

Сочинения Диктиса и Дарета были в числе первых печатных книг в конце XV века. В 1907 г. был найден отрывок сочинений Диктиса, написанный на папирусе в третьем веке.

Латинская версия произведения Дарета была использована Бенуа де Сен Мор в его романе, который вдохновил итальянского автора XIII в., Гвидо де Колумна: «*Historia destructionis Trojae*».

В древнюю Русь Троянская История проникла через хронику Малалы. Русская версия Троянских Деяний породила «Притчу о кралех», имевшую широкое распространение. Старейший ее текст был помещен при славянском переводе хроники Манассии, после собственного его рассказа о Троянской войне. Вместе с хроникой Манассии, «Притча о кралех» вошла в сокращенной форме в русские хронографы и существовала в отдельном виде во множестве списков. Впоследствии она имела распространение под новым названием «Повесть о создании и по пленении тройском и о конечном разорении, еже бысть при Давиде царе иудейском». Разрушение Трои было объяснено тем, что Бог смиряет гордых и разоряет гнездо нечестия. Дидактическое толкование было то же, что в Истории Иосифа Флавия. Такое же толкование Троянских событий было дано в Российском Лупидарии позднейшего времени.

Текст Притчи о кралех существует в кроатской версии и написан глаголицей. Вопрос о происхождении Притчи о кралех окончательно не разрешен. Востоков находил сходство с сербской Александрией и предлагал латинский источник. Веселовский предполагал романский источник. Миклошич, после исследования текста пришел к заключению, что это перевод с греческого, но, по мнению Веселовского, сама греческая версия могла быть взята с латинского. Первая часть о юности Париса схожа со средневековыми западно-европейскими повестями, вторая же существует лишь в славянской версии и предполагается, что автор использовал Овидия. Веселовский высказал интересное предположение, что первый славянский оригинал идет с берегов Далмации: сходство стиля и тенденции, а также фонетические особенности не позволяют отделять ее от «Александрии», которую Ягич относил к Боснии и Северной Далмации, а также к сербским оригиналам белорусских повестей Тристана и Бовы. Именно в этой местности Византийское и западное течение скрещивались, создавая переводную литературу, которая шла из Болгарии в Русь. Веселовский предполагает, что на этом пе-

рекрестке и создалась славянская версия Троянских сказаний или Деяний.

Глава VIII — Повести

Из исторических светских повестей, пришедших в раннюю эпоху на Русь, наибольшей популярностью пользовалась повесть об Александре Македонском — «Повесть о жизни и деяниях Александра, царя Македонского» или «Александрия». Она приписывалась современнику Александра, Калисфену или лже-Калисфену, так как авторство его оспаривалось. «Александрия» была переведена на латинский, арабский, греческий и на восточные языки. В Византии Александр был чтим за свою борьбу с Востоком и приобрел черты почти христианские. Первая часть «Александрии» говорит об его рождении и юности. Когда Олимпия, жена Филиппа Македонского, почувствовала приступы родовых болей, волхв, изучавший положение небесных светил, советовал ей отсрочить рождение ребенка: если он родится в этот час, он будет рабом и пленником. Когда она стонала, он советовал ей: «Сдержись, если не хочешь, чтобы он был робким и нищим». Но когда небесные светила приняли благоприятное положение, он торопил Олимпию: «Теперь кричи, чтобы он родился, он будет царем». Так в ясной форме показана зависимость судьбы человека от времени его появления и обстоятельств его рождения: Александр родился во-время, чтобы стать легендарным героем. У Александра была львиная грива, символ храбрости, и грозные глаза, из которых один был темный, а другой светлый. Аристотель учил его философии, а музыкант игре на флейте. В «Александрии» рассказано, как он укротил Буцефала и встретил Скифов. Эта встреча часто упоминается в русской литературе, так как скифы, «тавро-скифы», как их называли византийцы, связываются с происхождением русских. Этой идее Александр Блок посвятил поэму «Скифы».

Вторая часть «Александрии» говорит о легендарных подвигах Александра и его походах. Третья часть повествует об его походе на Восток в тоне, напоминающем «Одиссею». Александр видел там гигантов с шестью руками и шестью ногами, видел «песьеглазцев» — людей с песьими головами, птиц с человеческими головами, что, вероятно, отражает впечатления от шестируких индусских богов и египетских священных изображений божественных животных. Александр видит кентавров и «дивьих» — диких — жен. Он поднимается на крылатом грифе к небу, опускается в стеклянном ящике на дно морское. Он попадает на Счастливые Острова, где в наготе и невинности живут люди, не знающие первородного греха. Он встречает нечистые «скверные народы», Гог и Магог, и заключает их в скалу, из которой им суждено выйти перед светопреставлением. Этот эпизод «Александрии» часто вспоминается в летописи со ссылками на Откровение Мефодия Патарского. Он подходит к стране, где мучаются грешники, и доходит до «реки-Окиана», которая, по топографии Космы Индикоплова и по апокрифу Агапия, является пределом земли. Александр хочет проникнуть в рай, как Агапий, но его останавливает ангел с огненным мечом. Что позволено схимнику Агапию, не дано царю-воину. «Александрия» была переведена на латинский, греческий, арабский и восточные языки. Отрывки из «Александрии» впервые были напечатаны в 1857 г. А. Н. Пыпиным в его работе о древних повестях, которая, несмотря почти на столетие, истекшее со времени ее появления, сохраняет свое значение до настоящего времени.

Большое место в устной и письменной литературе занимает «Девгениево деяние». Византийская поэма X в. о Василии Девгении Акрите была переведена с греческого на русский в XI-XII вв. Византийский оригинал был утерян, но близкий к нему греческий текст был впоследствии найден. Русская рукопись «Деяние и житие Девгениево Акрита» находилось в том же сборнике, что и Слово о Полку Игореве и сгорела вместе с ним в 1812 г.

Остались лишь отрывки, приводившиеся Карамзиным. Основной текст считался бесследно утерянным. В 1856 г. в Публичной библиотеке, в Погодинском собрании рукописей, Пыпин открыл копию «Девгениева деяния», которую опубликовал в 1857 г. в своей книге. Позднее Тихомиров нашел другую копию. Пыпин указывал, что найденная им копия, повидимому, относилась к XVII-XVIII в. и после веков прохождения через руки книжников потеряла отчасти свою древность и впадает в тон русской книжной сказки. Исторические указания времени и некоторые героические и фантастические подробности были добавлены к старому тексту. Византийский текст дошел лишь в списках XV в.

Акритос означает по-гречески пограничник, Девгенис — двоеродный, так как Василий был двойственного происхождения: от сирийского эмира Мусура и от гречанки-христианки. Византийский цикл песен о подвигах акритов-пограничников говорил об охране ими азиатских границ от набегов мусульман и разбойников-апелатов. Василий Дигенис или Девгенис является героем этих песен. Род его связан издавна, с седьмого века со славянами. Прапрадед Дигениса, сарацин Амброн в союзе со славянами бился против греков. С X в. потомки Амброна, ставшие христианами, охраняли границы греческих мало-азиатских провинций. Есть предположение, что русская летопись, упоминая под 941 г. «деместика Панфира» в греческом войске во время похода Игоря, говорила о Девгении, носившем двойное имя Панфира-Василия. Прозвище «аниктос», что значило Непобедимый, породило русское сказание об Анике-воине. Самая тема охраны границ от нападения мусульман и разбойников была близка русскому эпосу, воспевавшему подвиги Ильи и дружины по охране Руси от «поля» и набегов кочевников. Любопытно и то, что начало дошедшего списка XV в. схоже с заповкой Слова о Полку Игореве и с началом «Одиссеи», выражавшей желание воспеть подвиги героя.

Первая часть «Девгениева деяния» посвящена любовной истории его родителей. Амир влюбляется в пре-

красную дочь греческой вдовы знатного происхождения: ее мать была вдовою Андроника Луки, знатного вельможи в царствование Феодора и Леона Мудрого. Амир нападает на страну и похищает девушку. Мать посылает в погоню за ним трех сыновей: идите и изгоните царя Амира и отберите у него вашу прекрасную сестру, а если не сможете, то сложите ваши головы. Доблестные братья начинают свой подвиг на границе, кося охрану, как траву. Своими мечами они поднимают палатку Амира, но соглашаются на его предложение решить спор единоборством. Трижды жребий падает на младшего брата, близнеца девушки. По обычной символике повестей, палатка Амира, когда он одевается к бою, темна, а палатка брата девушки озарена светом. Амир побежден. Он предлагает принять христианство и жениться на девушке. Братья находят ее в роскошной палатке, куда никто не смел входить, а сам Амир мог приближаться лишь раз в месяц, чтобы издали взглянуть на нее. Она говорит братьям, что не может желать лучшего мужа, чем Амир, который «славен славою, силен крепостью, мудр мудростью и богат богатством», пользуясь любимым сказочным приемом тавтологических повторений. Амир говорит своей матери, что отправляется «пакости творить» в Греческую землю, что в древних повестях означало воевать. В Греческой земле патриарх крестит Амира, и свадьба справляется с большой пышностью. Мать Амира, догадавшись об обмане, посылает трех сарацин на трех волшебных конях — Ветре, Громе и Молнии, приказывая вернуть в Сарацинскую землю Амира и девушку. Тут опять играет роль сказочный канон троичности. Юная жена Амира, «прекрасная царица-девица», в вещем сне видит, как три ворона нападают на сокола. Мудрецы разгадывают сон. Три сарацина схвачены, во всем сознаются и принимают христианство, а волшебные кони достаются трем братьям. Приключения родителей служат вступлением к основному рассказу о родившемся от них «прекрасном Девгении». Он растет не по дням, а по часам. Он очень красив: лицо его бело как снег и румяно как мак, во-

лосы подобны золоту, глаза как чаши. С юности он проявляет необычайные способности: голыми руками разрывает оленя, ломает челюсти медведю, мечом разрубает надвое льва. Подобно Ахиллу, он неуязвим. Он говорит, что ничья человеческая рука не может его ранить. В числе его подвигов рассказана победа над четырехглавым змием.

Мужеподобная Максимиана, дочь Филипата, шлет ему коварное письмо, приглашая приехать. Он подозревает обман, но привлечен славою о красоте и доблести Максимианы и принимает приглашение. Когда на него нападают, он один побеждает всю армию Филипата. Тогда тот сообщает о могущественном рыцаре Стратиге, у которого четыре сына и одна дочь, прекрасная Стратигона, храбрая, как муж: много королей и принцев тщетно добиваются ее руки. Взглянув в волшебную книгу, Девгений узнает, что если он женится на Максимиане, он проживет всего шестнадцать лет, а если женится на Стратигоне, то тридцать-шесть. Он оставляет Филипата и Максимиану в их доме и отправляется на поиски Стратигоны. Пыпин указывает, что, судя по выпискам Карамзина из старой рукописи, можно предполагать, что Девгений побеждает Стратига и женится на Стратигоне. Чтобы ее пленить, он ездит перед ее окном на коне с такими звонцами, что ум человеческий может «исхититься», а всему войску велит играть на разных инструментах.

Старейшая рукопись была разделена на три части: «Дѣяние прежнихъ временъ храбрыхъ челоѡкъ о бръзости и о силѣ и о храбрости», «Сказание о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ» и наконец «Аще думно есь слышати о свадьбѣ Девгеевѣ и о всѣхищении Стратиговнѣ». Пыпинская рукопись без окончания. Рукопись, найденная Тихонравовым, доводит повествование до похищения Стратиговны. Византийскую повесть о Василии Девгении легко было применить к русской жизни: охрана границ богатырями подобно Акриту, борьба с мужеподобной Максимианой — подобна встрече богатырей с поляницами, борьба Василия голыми руками с диким

зверем — подобна «ловам» Владимира Мономаха; змееборец Василий напоминает победителя змея, Алешу Поповича. Царь Амир, подобно Илье Муромцу при встрече с Дюком, спит в палатке, когда является иноземец. Таким образом Девгениево деяние легко привилось и всё больше и больше отдаляясь от греческого текста, становилось ближе к России.

Стиль повести, описания героев, изображение битв похожи на характер письменности тогдашней эпохи. Девгений Непобедимый стал образцом героя.

В Псковской летописи подвиги князей сравниваются с деяниями Акрита, который один победил всю армию Филипата. В повести об Александре Невском его называют непобедимым подобно Акриту.

Наряду с византийскими повестями, в Киевскую Русь проникали восточные сказания, из которых древнейшими и наиболее распространенным было индусское сказание о Сиддарте, который принял имя Будды и, основав религию, умер в 543 г. до Р. Х. В индусском сказании король Капилавасту видит в пророческом сне, что его сын будет владеть миром или последует религиозному призванию, достигнув духовной высоты. Король решает отделить сына от мира, окружив дворец высокой стеной: ни печаль, ни смерть не должны быть ведомы принцу. Томясь за оградой, принц просит разрешения на прогулку и, выйдя за ворота сада, видит больного, старого и мертвого человека, и таким образом сразу узнает о печалях человеческой жизни. Неземные силы внушают дворцовым женщинам петь ему о тщете всего земного. Божественный странник приносит ему откровение духовного пути. Сиддарт оставляет дворец и, под именем Будды, уходит странствовать, проповедуя свою религию, которая привлекает много последователей и, наконец, самого короля.

Эта основная тема повторяется в повести о Варлааме и Иоасафе, но применяется к христианству, воспевая отшельничество и пустынное житие. Из индусских же источников введены в повесть притчи о бренности жизни. Яростный носорог гонится за человеком,

который, спасаясь от него, падает в пропасть, но успевает ухватиться за ветку склонившегося над нею дерева. Повиснув над пропастью, он видит на дне ее змия, разинувшего пасть в ожидании, когда он свалится вниз. Он замечает также, что две мыши, белая и черная, поочередно грызут корни дерева, за которое он держится. Но он видит, что с дерева капаят капли меда, и жадно ловит их, наслаждаясь их сладостью и забывая о пропасти, змие и мышах. Эта притча имеется в книге «индусского Эзопа», Бидпай, в Калиле-и-Димне, откуда перешла в средневековые «Gesta Romanorum».

История жизни Будды была пересказана египетским или сирийским монахом применительно к христианскому идеалу аскетизма.

Существует две версии этой повести: одна, в переводе на арабский, относится к VI-VII вв., другая названа Грузинской, так как предполагается, что в VIII в. она была переведена в грузинских монастырях Сирии. Грузинская версия, под названием «Мудрость Балавара», была в XI в. переведена на греческий. Имя Балавара было переделано в более привычное имя Варлаама и происхождение повести было разъяснено в заглавии: «Благочестивая повесть, принесенная в Священный Город из глубины Ефиопской земли, называемой Индия, Иоанном, честным и добродетельным мужем, иноком монастыря Саввы». Имя Иоанна послужило причиной ошибки: повесть приписывали Иоанну Дамаскину.

Славянский перевод был сделан повидимому в XI в. с этой греческой версии, и в XII-XIII вв. во вступлении была включена болгарская версия. До нас дошел лишь список XIV в. Повесть о Варлааме была широко распространена по всему свету и ее генеалогическое дерево может служить примером странствования одной темы среди многих народов. В XII в. был известен латинский перевод, с которого был сделан Рудольфом Эмским немецкий перевод; были французский и провансальский варианты; с французского был сделан в XIV в. итальянский вариант; с немецкого — шведский вариант народной повести и исландская сага; от латинского произошел

испанский, а позднее польский и чешский варианты. В XV в. повесть о Варлааме была в числе первых печатных книг. Так индусское религиозное сказание о жизни и учении Будды обошло весь свет, всюду приняв своеобразный национальный характер, и было переделано в духе монашеских идеалов христианских стран. Повесть была переведена тщательно с греческого на славянский без изменений и включена в число священных книг. Она имела во многих частных и официальных книжных собраниях. В каталоге библиотеки Патриарха Никона, в описи книгам митрополита Павла Сарского, в списке монастырских книг имела повесть о Варлааме и Иосафе. В семнадцатом веке она была издана дважды: в 1637 г. за счет Кутеевского монастыря и в Москве с иллюстрациями Симона Ушакова в 1680 г. В обоих изданиях в конце была помещена песня или молитва «святого Иосафа в пустыню входяща», впоследствии вдохновившая духовный стих. Отдельно распространялись притчи из Повести о Варлааме и Иосафе, с пометкой «из болгарских книг», повидимому взятые из болгарской версии повести. Притча о трех советах послужила темой стихотворения Майкова. Соловей, пойманный охотником, обещает открыть путь к счастью, если получит свободу. Он сообщает три правила счастливой жизни: не гоняться за тем, что недоступно, не жалеть о том, что потеряно, и не верить лжи. Когда охотник выпускает его из силка, соловей, взлетев на дерево, открывает ему, что в желудке у него алмаз величиной с яйцо строфокамила. В отчаянии от своей оплошности охотник гонится за птицей и таким образом сразу нарушает все три правила: гонится за недоступным, жалеет об утерянном и верит лжи, так как птица меньше строфокамила и яйцо не могло бы поместиться в ее желудке.

В русской версии повесть сосредоточена на внутренней борьбе религиозно-философского характера, происходящей в душе юноши. У царя Абеннера единственный сын необычайной красоты и прелести. Отцу было предсказано, что он посвятит себя славе христи-

анского учения, которое ненавистно отцу. Царь держит его в стороне от света, за решётками дивного сада, откуда юноше запрещено выходить. Упросив выпустить его на прогулку, он сразу встречается с прокаженным, слепым и престарелым человеком и видит похороны. Он узнает горести человека и ищет их разрешения. По небесному соизволению отшельник Варлаам узнает о нем и отправляется во дворец Абеннера под видом странствующего купца. Он предлагает драгоценный камень, который имеет чудесное свойство озарять душу истиной, исцелять слепых и глухих, изгонять бесов, но может быть зрим только чистому душой и телом человеку. Варлаам испытывает Иоасафа; прежде чем показать дивный камень, он сообщает ему евангельские и восточные притчи и легенды. Затем он крестит Иоасафа, дает ему власяницу и возвращается в пустыню. Когда об этом узнает царь, Варлаам уже вне его досягаемости. Царь приглашает языческого проповедника, чтобы отвратить Иоасафа от христианства, но по Божьему Промыслу, тот сам становится христианином и удаляется в пустыню. Кудесник, который должен прельщать Иоасафа земными радостями, так же оказывается сам обращенным в истинную веру и становится отшельником. Царь, желая соблазнить властью, отдает сыну половину царства. Иоасаф крестит свой народ; эта часть повести должна напомнить крещение Руси Владимиром. Наконец, сам царь обращается в христианство и умирает в святости. После нескольких лет своего правления Иоасаф передает власть приближенному, надевает власяницу и уходит в пустыню, где бесы пытаются помешать ему найти путь к Варлааму. После двух лет блужданий встреченный отшельник направляет его на верную дорогу и Иоасаф проводит тридцать пять лет с Варлаамом, хоронит Варлаама и затем умирает сам. Тот же отшельник снова является, чтобы похоронить Иоасафа, и тогда весть таинственным образом достигает столицы. Новый царь в сопровождении свиты отправляется в пустыню, чтобы перенести нетленные мощи Иоасафа и Варлаама в свое царство.

Повесть воспевает прелести пустыни и отшельнического жития. На основах повести создан духовный стих, который распевается до сих пор.

Нравоучительна была повесть о Синагрипе и премудром Акире, рано занесенная в Киевскую Русь. Царь Синагрип имел премудрого советника Акира, который, будучи бездетен, воспитывал сына сестры, Анадана, сделал его своим наследником и представил ко двору. Дьявол внушил Анадану мысль оклеветать своего благодетеля перед царем, так что Акир был приговорен к казни. Верный слуга прячет Акира. Между тем египетский фараон просит царя прислать мудреца, который мог бы построить дом между небом и землей: если это удастся, фараон обещает быть данником Синагрипа, если же не удастся, то Синагрип должен будет платить ему дань. Синагрип горюет, что велел казнить Акира, который мог бы разрешить задачу, и счастлив, когда узнает, что Акир жив. Акира царь посылает в Египет, где он выполняет поручение, приучив двух орлов летать с веткой в клюве: сидя на ветке, мальчик требует камней и известки, таким образом создавая впечатление, будто в воздухе строится дом. Вернувшись с почетом домой, Акир наказывает неблагодарного Анадана. Мораль повести, — «не рой яму другому, сам в нее попадешь», — вошла в обиход. Тема трудного поручения, хитроумно исполняемого мудрецом, часто встречается в восточных легендах и сказках. Популярность повести об Акире доказывается множеством списков. В седьмом веке до Р. Х. в Ассирии-Вавилонии действительно правил с сыном своим, Саркадумом, царь Сеннакериб, имя которого превратилось в повести в Синагрипа. Советник Ахикар обратился в Акира, местные черты, во время векового странствия повести, утратились. Русская версия была, повидимому, взята с греческого, чему доказательством служит некоторое сходство в деталях и чудо св. Николая Мирликийского, относимое к тому же Синагрипу. Царь Синагрип, застигнутый в море бурей, обратился, по совету Акира, к св. Николаю, обещая ему свечи и пиршество. Св. Николай усмирил

море и благополучно довел корабль до пристани. Царь Синагрип построил ему церковь и пригласил на пир епископа Халкедонского, Феоктириста, который мог вызвать св. Николая. Св. Николай явился в зримом образе, и Феоктирист встретил его со свечью и фимиамом, но не выдержал искуса смирения. Св. Николай сказал, что получил немного муки за чудо успокоения волн. Феоктирист ответил, что не сделал бы и трех шагов за такую малую награду. Св. Николай укорил его за гордость, несовместимую с его саном, и хотел уйти. Тронутый раскаянием Феоктириста, он всё-же остался на пиршестве, но за слова о трех шагах, имя Феоктириста празднуется лишь в високосные годы, а св. Николай три раза в год. Другое доказательство существования греческой версии состоит во введении некоторых элементов повести в воображаемую биографию Эзопа, написанную византийским монахом в XIV в.; повесть о Синагрипе предполагается существовавшей по-гречески уже в X в. Многие афоризмы и поговорки вошли в повседневную речь из повести об Акюре премудром. Повесть о Синагрипе почти совпадает со сказкою из «Тысячи одной ночи».

Глава IX — Книги о строении мира

В XII-XIII вв. стала известна в Киевской Руси «Христианская Топография Козьмы Индикоплова», александрийского купца, совершившего в VI в. путешествие на Восток и потом принявшего схиму.

Топография обладает поэтической прелестью фантастического сказания о земле. Земля, по Индикоплову, имеет удлиненную форму подобно Ноеву Ковчегу или Скинии Завета. Козьма Индикоплов опровергает теорию Птолемея о шарообразности и о вращении земли: будь земля не плоской, антиподы оказались бы стоящими вниз головой, что невозможно. «Если ноги одного человека противопоставить ногам другого... то разве не окажется, что один будет стоять вверх головой, а дру-

гой, против природы, вниз головой? И если случится дождь... то на одного он станет падать сверху, а на другого снизу», — разъясняет Индикоплов. Птолемею теорию он считает «бабьими баснями» и в доказательство приводит тексты Священного Писания. Но, возражая, он всё же приводит основы Птолемеевой теории и сообщает системы строения мира элинских древних философов.

Топография была написана в 547-549 гг., а путешествие свое Козьма Индикоплов предпринял в 530 г. Топография разделена на Слова или главы, украшена пояснительными рисунками и заканчивается признанием, что вместо золота и драгоценностей, автор «собрал богатство, не исчезающее вовеки. Всё земное тленно, вечно одно лишь слово».

По Индикоплову, земля укреплена на неподвижном «небесном столпе», омыта океаном, который огражден прикрепленной к нему стеной. Вокруг земли движутся небесные светила, которые заходят за северные горы. Когда, на четвертый день творения, были созданы небесные светила, к ним были приставлены «одаренные умом» ангелы, к каждому светилу отдельный ангел. Они зажигают светила, как свечи, водят их по небу и, в должное время, тушат и уносят их. Когда время кончится и настанет конец света, звезды падут на землю.

На приложенном рисунке изображены концентрические сферы вокруг небесного столпа и несущие небесный дозор ангелы со светильниками-звездами. Козьма рассказывает строение мира и человека. Он описывает неведомые страны, Индийский Океан, остров Цейлон, деревья и диких зверей — слона, носорога, онагра, верблюда, «водяного коня». Отрывки из Топографии приводились в летописи и других памятниках древности.

Схожее представление о строении мира дает Палея, от греческого названия Ветхого (palaiā) Завета. Палея происходит из византийских источников и включает библейские сказания, апокрифические легенды и средневековое описание строения земли. Во многих от-

ношениях она совпадает с Шестодневом экзарха Иоанна. Бог сотворил ангелов ранее земли и их ранг основан на «небесной иерархии» Диониса Ареопагита: ангелы имеют девять степеней или рангов, а десятый «обратился в демонов». Бог посылает ангелов на землю для исполнения разных служб: есть ангелы облаков, мороза, молнии, льда, грома, тьмы и четырех времен года. Земля плоска и, по Божьей воле, укреплена твердо. Под землей нет планет и стихий. Иные праздномыслящие говорят, что солнце и луна проходят под землей ночью; на таких людей влияют древние люди, которые полагали, что земля кругла; всё это неверно, небо неподвижно, как это показывает Священное Писание. Небесные тела движутся ангелами и св. Павел сам видел этих небесных слуг, день и ночь двигающих звезды; когда при конце света, Бог освободит их от этой работы, звезды падут на землю. Экзарх Иоанн описывает семь небесных кругов, на которых укреплены планеты. Затем он сообщает о дивных птицах и рыбах, о фениксе, алконосте, змее аспиде и рыбке екини, которая может остановить корабль среди моря. Эти птицы и звери описаны и в Шестодневе Иоанна Экзарха и в творениях Св. Отцов.

Палея давала богословское толкование и называлась тогда Толковой Палеей. Хотя Палея была рекомендована церковью для чтения христиан, она включала много апокрифических сказаний. Палея, с ее разнообразным и увлекательным материалом, была любимым чтением мирян и церковных людей. До издания Геннадиевой Библии в 1499 г., т. е. до составления Геннадием полного списка славянского перевода библейских книг, Толковая Библия заменяла русским людям Библию и даже называлась Библией. Как указал Тихонравов, Толковая Палея сохранила свой авторитет до начала восемнадцатого века. Протопоп Аввакум в письме к царю Алексею Михайловичу ссылался на Палею, как на Священное Писание.

Палея начиналась с Шестоднева, в котором строение мира излагалось по шести дням творения. Шесто-

дневы писались византийскими отцами церкви, дававшими богословское толкование всем явлениям. Шестодневы писались с первого века, но наиболее ранними из них, дошедших до нас являются Шестодневы Оригена третьего века и Лактанция около 304 г. Дошли Шестодневы четвертого века — епископа антиохийского Евстафия, Ефрема Сирина, Василия Великого, Амвросия Медиоланского, Григория Нисского, Григория Назианзина; и IV-V вв. Шестодневы Иоанна Златоуста, Севериана Гевальского, епископа Иппонского Августина; Шестодневы седьмого века Георгия Писиды и Анастасия Синаита и, наконец, вторая книга Иоанна Дамаскина «Уверие» или «Слово о правой вере» VIII в., приводимое в летописи XII в.

Наиболее чтимым и распространенным в Киевской Руси был Шестоднев Василия Великого, состоящий из девяти бесед и полемизирующий с эллинской философией познания мира, которая готова была считать творимое совецным Творцу: «то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели в одну славу с естеством непостижимым и невидимым».

На основах Шестоднева Василия Великого и Севериана Гевальского был составлен Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, дошедший в сербском списке 1263 г. и имевший с XI в. большое распространение на Руси. Наряду с Отцами церкви Экзарх Иоанн пользуется Аристотелем и поминает «Аристотеля философа и иных» в своем вступлении к Шестодневу. «Иными» были, повидимому, Григорий Богослов, Василий Кесарийский, имена которых он указывает, Феодорит Кирский и Иоанн Дамаскин.

Иоанн Экзарх вступает в полемику с греческой натур-философией. Он цитирует сочинения о происхождении мира Пармениды, Фалеса, Демокрита, приводит слова Платона и в особом Слове возражает против мыслей трактата Аристотеля о зоологии. Таким образом, благодаря полемике, греческая философия, с обильными цитатами из главных сочинений, излагается в Шестодневах и подобных сочинениях. К моменту со-

ставления первых Шестодневов язычество еще было действенным, древние философы не утратили своей власти над умами, и сами Отцы церкви учились в философских школах софистов.

Благодаря Шестодневам, опровергавшим и в то же время излагавшим системы греческой философии, знание ее проникло в Киевскую Русь с раннего времени.

Наряду с богословскими толкованиями и описаниями дней творения, Шестодневы сообщали исторические и естественно-научные сведения. Шестоднев экзарха Иоанна рассказывает о быте славян и хазар, объясняет разницу между тогдашним славянским и греческим языком, описывает дворец царя Симеона и обычаи того времени. В лирических описаниях природы, он утверждает радость бытия и мудрость Божию: одной уже травы достаточно для того, чтобы вознести твою мысль на высоту, если ты вникнешь, с каким искусством она создана... Он изумляется мудрости творения пшеничного колоса, с коленчатым стеблем, чтобы он мог выдержать тяжесть зерна, окруженного иглами для защиты от птиц.

Из жизни природы, из свойств животного царства Иоанн Экзарх выводит правила добродетели для людей, ибо даже ехидна, однажды приняв супруга, уже не может разлучиться с ним. Когда морская птица алконост, свивающая гнезда на берегу моря, сидит на яйцах, море утихает и в «алконостные» дни не бывает бурь. Горлица становится образцом вдовьей верности, так как, потеряв супруга, она уже не берет другого.

Шестоднев отразился во многих древних памятниках и рано проник на Русь. Старейший список Шестоднева, дошедший до нас, относится к XV в. Богословские толкования не удержались в народной памяти, но поэтические образы чудесных зверей влияли на поэзию, на орнамент и живопись.

Физиолог представлял собою энциклопедическую сводку сведений о мире. Он появился в Египте, а Александрии. В него вошли античные и талмудические ле-

генды и египетские сказания о священных птицах и зверях. Из Египта Физиолог перешел в Византию, откуда в XIII в. появился в славянском переводе на Руси. Древнейший его список относится к XV в., но упоминания, доказывающие его раннее появление на Руси, встречаются в других памятниках. Физиолог составлен из 49 рассказов, снабженных богословскими и моральными разъяснениями.

Лев спит с открытыми глазами, подобно сказанному Соломоном: «аз сплю, а сердце мое бдит». Львенок рождается мертвым, и на третий день лев вдует в него из своих ноздрей жизнь, что соответствует воскресению на третий день. Убегая, лев замечает следы.

Орел слепнет, дожив до ста лет. Клюв его так вырастает, что он не может клевать. Тогда, искупавшись в воде, орел взлетает к самому солнцу и бросается с высоты вниз, при падении отламывая конец клюва. Искупавшись в золотом озере, он недвижно сидит на солнце, пока старые перья, подобно змеиной коже не спадают с него, и он снова становится птенцом. Так человек, духовно поднимаясь на высоту, «ветхие одежды совлекохомся», — и в лучах божественного света обретает младенческую душевную чистоту.

Феникс царственно обут, сверкает самоцветными камнями и носит на голове венец. Пятьсот лет он проводит без пищи на ливанских кедрах, а следующие пятьсот лет его крылья наполняются благоуханием. Тогда звон колоколов раздается в солнечном граде. Тысячелетний феникс садится в церкви у алтаря и сгорает, обращаясь в пепел. На утро из пепла возникает птенец, на третий день принимающий вид феникса. Возрождение феникса толковалось как символ воскресения.

Пеликан-неясыть убивает своих детей, которые при рождении клюют его. На третий день мать открывает свои ребра и кровью своею воскрешает детей, — символ божественной крови, воскрешающей в вечную жизнь. Единорог кроток и тих, но никто не может к нему приблизиться кроме чистой девушки: к ней он подходит, касается рогом ее груди и следом за ней входит

в дом. Н. Гумилев ввел единорога, покорно идущего за чистою Пери, в свою поэму «Дитя Аллаха».

Метафорами и сравнениями с дивными птицами Физиолога пользовались в литературе до наших дней.

Физиолог описывает сказочные свойства зверей: мудрость змеи, хитрость лисицы, которая притворяется бездыханной, чтобы поймать доверчивых птиц, кита, поглощающего мореплавателей, принявших его за остров.

Глава X — Апокрифы

Из Византии же пришли апокрифы, принеся под покровом церковности обилие новых тем: талмудические легенды, греческая мифология, восточные сказания сплетались в упоительную повесть. Церковь заметила соблазн и начала долгую безуспешную борьбу с «ложными», «отреченными» книгами, которых не должны были читать истинно верующие. Составлялись списки книг недозволенных. Первый такой «индекс» помещен в Изборнике Святослава 1076 г. и содержит 26 названий «неистовых сказов», которыми следует «не прельщаться». Индексы возрастали, иногда в них вносились книги, ранее внушавшие почтение. Несмотря на старания церкви, апокрифы попадали в разрешенные книги и даже в летопись. В списке Кормчей XIII века апокрифы делились на совершенно запретные и такие, какие можно было читать, им не доверяя: «недостойно всем являти за тайны сущия в них». С XI в. по XIII дошло в списках одиннадцать апокрифов.

В Изборнике Святослава помещено Житие пророка Иеремии с «ложными» дополнениями. От XI в. дошло в отрывке апокрифические Деяние Павла и мучение Феклы. В Прологе XII в. имеется апокрифическое Сказание о пророке Данииле и трех отроках в печи огненной, которое приводится в Златоструе. На тему этого апокрифа Симеон Полоцкий написал драму в семнадцатом

веке. В Успенском сборнике XII в. имеется три апокрифа: Повесть о пленении Иерусалима, Хождение Агапия в рай и Видение Иоанна. В Торжественнике XII века имеется апокрифическое Слово Иоанна Богослова о покое Богородицы и отрывок из апокрифических обходов апостольских Петра и Андрея. Хождение апостола Андрея по Руси служило для полемических споров о правах русской церкви. Оно приведено в Повести временных лет. В Троицкой Лавре хранилось апокрифическое Хождение Богородицы по мукам, имевшее влияние до наших дней. В рукописи XIII в. сохранилась «Афродитиана», в которой слились греческие и евангельские сказания. В Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и в хрониках Малалы и Георгия Амартола приведены отрывки апокрифов, которые переходят оттуда в древние русские памятники. Привлекая своей поэтичностью и свободным подходом к теме, апокрифы проникали в наиболее чтимые книги.

«Афродитиана» повествует о рождении Христа. В языческой кумирне богини Иры в ночное время идола играют на гусях и поют, славя рождение Христа. Они празднуют радостную весть о том, что Ира вновь обрела жизнь под именем Урании-Марии; она обещана в замужество плотнику, но сына родит не от плотника, а от возлюбившего ее «великого солнца». Царь приходит в кумирницу, слушает рассказ жреца и видит, как стали ночью «гусли густы», стали летать серебряные и золотые птицы, каждая на свой глас воспевая славу; крыша открылась, над нею засияла звезда, незримый голос восславил «матерь старейшую всех чинов» и все идола пали на землю и поклонились Ире-Марии. Мудрецы сообщили царю, что в Вифлиеме родился сын Вседержителя и что звезда привела к нему на поклонение волхвов. Новорожденный младенец уже сидит на земле и в ответ на поклонение волхвов радостно смеется и хлопает в ладоши; Мария же «высока телом», «кругловата лицом» и имеет блестящие волосы. Сказание, по словам рукописи, было записано персидскими мудрецами, спрятано в золотых ковчегах у царя и таким образом стало

известным. — В этом сказании символически изображено преемство христианской религии, заменившей прежних греческих богов: Гера стала Марией, идола пали и поклонились новой звезде. Рождение Христа сплетено с языческой легендой о Деве, которую возлюбил Солнце; серебряные и золотые птицы, воспевающие хвалу на разные голоса, соответствуют серафимам и херувимам, поющим «Свят, свят, свят, Господь Саваоф», Ангелы с лирами в руках изображены в старых храмах Италии, Португалии, Испании. Фра Анжелико изображает ангелов с музыкальными инструментами.

Картина персидской кумирни с ликующими идолами, которые завершают свою власть на земле поклонением Деве, возрождало для русского читателя картину киевского крещения и княжеской кумирни, откуда идола были сброшены в реку.

Древнейший список Афродитианы, которая была переведена с греческого в Киевской Руси, восходит к XIII в.; предполагается, что были более ранние списки.

Среди апокрифов, изображавших адские мучения и имевших влияние на живописные изображения Страшного Суда на древних иконах, наибольшее влияние имело Хождение по мукам Богородицы, появившееся на Востоке в пятом веке, переведенное с греческого и пришедшее на Русь из южно-балканских стран. Древнейший русский список относится к XII в.

Архангел Михаил приветствует Деву Марию, сошедшую в ад для того, чтобы видеть муку небесную и земную. Мария спрашивает, сколько мук для христиан, и архангел отвечает: «неизрекомыи суть муки». По его повелению отверзается ад, и Дева Мария видит язычников, — по русскому списку веровавших не только в силы природы, но и в славянских богов Трояна, Хорса, Велеса и Перуна. Далее погружены в вечную тьму еретики-несториане, которые предлагали звать Богородицу только Христородицей. «Не знали вы, что имя Мое чтит все создание», — говорит им Мария. Проходят чредою все грехи: проклятые родителями, людоеды, лжецы,

кошунствующие, ложно клянущиеся, все они погружены в огненную реку; ростовщик, поедаемый червями, подвешен за ноги; сплетница повешена за зубы и из ее рта вылезают и язвят ее тело змеи; на огненных ложах лежат проспавшие обедню лентяи; клеветники подвешены за язык на железных крючьях.

К этому основному циклу некоторые списки добавляют плясунов и скоморохов, другие — волхвов и чародеев, воров и разбойников. Во время раскола староверческая рукопись внесла тех, кто курят и кто детей учит по латыни. Вносились всё новые грехи, и списки поучительны в этом отношении. В эпоху крепостничества в ад попали злые помещики и бояре, немцы-управители, прикащики, «которые оброк собирают, на барскую работу посылают», а затем и «судьи неправедные», которым читается наставление: «судили вы суд не по праведному, правого раба виноватили, виноватого раба ставили праведным, брали с них казну неисчисленную и с правого и с виноватого». В аду оказывались и «господа купечество», нищим не подававшие.

Так, в связи с изменениями быта в Киевской и Московской Руси, увеличивалось население ада, куда народное сказание отсылало своих врагов и угнетателей. Богородица в своем хождении по мукам сквозь долгие века видела все пороки, угнездившиеся на Руси, и скорбь Ее возрастала. По апокрифу, Она молила Сына дать грешникам отдых от мучений и по ее молитве Он разрешает от мук в Пасхальные дни даже тягчайших грешников: тогда иссякают огненные реки и грешники отдыхают от терзаний. Когда на земле звонят колокола и всё живущее славит Воскресение Христово, тогда и в аду тишина и радость.

Хождение по мукам Богородицы, зародившееся в виде церковной легенды, постепенно стало долгим, идущим сквозь века списком грехов, которые жгуче ощущало народное сознание. Самый образ Богородицы, взвешивающей на греховный пламень, постепенно приближался к образу скорбной России, ходящей по мукам. И, может быть, оттого образ «милостивой Матери», приходящей

облегчить страдания грешников, постепенно обретал более суровый лик. Проходя мимо иных, она говорит без сострадания: «Яко же есть сотворил, так и приемлет».

В описании ада «Хождение по мукам Богородицы» указывает грехи общественные против родины и ее благосостояния. Это становится всё более очевидным по мере удаления русского текста от первоисточника и добавления русскими переписчиками всё нового населения в аду. Это прежде всего были виновные перед церковью язычники и еретики. Затем несправедливые судьи, корыстолюбивые купцы, клеветники и сплетники, вредные для общежития, злоупотребляющие властью помещики, злые управители — все те, кто в государственной жизни России играли вредоносную роль. В русской картине ада, пополнявшейся веками, отсутствуют грехи личные, не нарушающие общей жизни. Это ясно из сопоставления с адом Данте. В аду, который показывал Ангел скорбным глазам Богородицы, всё более принимавшей облик России, не было кающихся любовников Данте, но были только те, кто причиняли зло другим и мешали росту страны.

Рай был делом личного спасения, личной радости, — и мечты о рае не создали памятника, равного по значению Хождению по мукам.

Даже в народной сказке счастье лишь финальное избавление от прежних тягот унижения и бедности, и сказать о нем в сущности нечего. Так же и о рае, где тишина, благолепие, обилие, сказать мало что было. Длярая не было на земле подходящих элементов, тогда как в аду можно было показать знакомые бытовые фигуры.

«Сказание отца нашего Агапия» служило для сомневающихся непреложным свидетельством очевидца: Агапий сам был в раю и говорит о нем с такою же точностью, как Косьма Индикоплов о своем путешествии. Раньше Агапия близко отрая был Александр Македонский, видевший гигантов — Адама и Еву: об этом было рассказано в «Александрии».

Апокриф «отца нашего Агапия» был переведен с

греческого и стал известен на Руси в XII в. В нем есть отзвук эллинских представлений о реке забвения, — Стиксе, и о Хароне, на своей лодке увозящем в страну небытия.

Агапий молит Бога указать, ради чего люди принимают схиму, и получает повеление следовать за орлом, который приводит его на берег, где ждет лодка.

Интересно сопоставить это начало апокрифа с драмой испанского монаха Тирсо де Молина, «Осужденный за маловерие», где отшельник, желающий узнать, какую награду получит он за свое подвижничество, получает ответ не от Бога, а от дьявола, и в сомнении покидает схиму, уходит в город, предаётся наслаждениям и, подобно Фаусту, уносится дьяволом в ад.

В лодке Агапий погружается в сон, символизирующий смерть, и просыпается среди неведомых плодов и цветов. Ему является Христос и велит подняться по стене, которая высится до неба, как в Христианской Топографии Козьмы Индикоплова.

Поднявшись по стене, Агапий видит воочию райскую красу, возлежит на украшенном самоцветными камнями ложе, вкушает райских плодов, любуется неземным светом. Вкусив меду, который слаще земных медов, Агапий отправляется в обратный путь, унося с собою лишь кусок райского хлеба, символ питающей человека мудрости. Этим хлебом он насыщает в море путников, приобщая их к райскому блаженству, и в пути воскрешает ребенка. Ангел, ожидающий его по возвращении, указывает ему «хлевину», где Агапий проводит отшельником сорок лет, питаясь лишь «укрухою» райского хлеба. Там он записывает всё виденное и вручает рукопись корабельщикам для передачи патриарху.

В пятнадцатом веке, когда тверичи и новгородцы спорили о том, исчез ли земной рай при грехопадении и остался лишь «мысленный», или же сохранился рай, указанный в священных книгах, — архиепископ новгородский привел в доказательство реального существования рая свидетельство очевидца Агапия.

Апокрифическое Первоевангелие Иакова рассказы-

вало о детстве Богородицы в ее семье. На одной из фресок киевской св. Софии изображено моление бесплодной Анны о даровании ей ребенка: на других фресках изображены некоторые сцены из Первоевангелия.

Апокрифы попадали в летописи. В Киево-Печерской летописи XII в. рассказывается апокрифическое сказание волхвов о сотворении человека.

В Лаврентьевской летописи волхвы отвечают на вопрос о вере, что они веруют в антихриста, который сидит в бездне.

Апокрифы делились на ветхозаветные, новозаветные и апокрифические жития святых. Среди ветхозаветных апокрифов особенное значение имели суды Соломоновы, вызвавшие ряд повестей позднего времени.

В «Повести о плаче и рыдании пророка Иеремии и о запустении Иерусалима» появляется мотив чудесного сна, который имелся и в восточных сказаниях.

Юного Авимелеха посылают из Иерусалима за смоквами. Набрав смокв, он засыпает под деревом и просыпается через семьдесят лет со свежими сочными смоквами в руках. Он возвращается в Иерусалим, не находит своих друзей, узнает о постигшем бедствии и о пленении Иеремии и пытается его спасти.

Мотив этот появлялся в германских и голландских сказаниях, откуда перешел в рассказ Вашингтона Ирвинга о Рип ван Уинкле, заснувшем перед войной за независимость и проснувшимся в свободной Америке.

Во Франции в семнадцатом веке сказание об Авимелехе было взято темой придворного балета, в котором главную роль должен был исполнять король Людовик XIII. Заснув перед началом балета, он во сне почувствовал себя настоящим Авимелехом и стал громко звать на помощь.

В России Алексей К. Толстой в XIX в. использовал мотив чудесного сна для сатирического изображения русской истории: Поток богатырь, устав от пляски в гриднице князя Владимира, засыпает и, просыпаясь от времени до времени в течение веков, высказывает свои

здравые суждения о происходящем. Александр Блок в XX в. посвятил теме чудесного сна одну из лучших своих поэм.

«Сказание о Древе Крестном» имело хождение вплоть до наших дней, перейдя в духовный стих. Адам перед смертью просит ветку райского дерева. Ангел, по просьбе Евы, дает ей ветвь райского дерева познания, из которой Адам делает свой смертный венец. Из ветви прорастает дерево. При постройке Соломонова храма дерево переносят вместе с головой Адама в Иерусалим. Соломон насыпает над головой Адама холм — Голгофу. Из дерева Пилат велит сделать кресты. Кровь Спасителя, просочившись на голову Адама, искупает его первородный грех. Отвлеченная идея греха и искупления тут представлена в поэтической форме райского дерева и Голгофы.

Глава XI — Проповедническая литература

Рано появились в Киевской Руси сборники поучений, проповеди и наставления, которые давались в форме метких афоризмов, потом повторявшихся в различных памятниках древности.

«Наказание Исихия пресвитера Иерусалимского», творения Нила Синайского пятого века вошли в Изборник Святослава 1076 г.

«Премудрость Иисуса сына Сирахова», тоже вошедшая в Изборник, читалась вплоть до XIX в., когда над суровостью ее правил стали шутить: «Иисус Сирахов навел много страхов».

«Стословец» Геннадия вошел не только в Изборник, но и в другие книги как Измарагд, Златая Цепь. В краткой удобопонятной форме он говорит об обязанностях христианина относительно церкви, общества, ближних, советует не стыдиться бедности, а наслаждаться ею, помнить о терпящих лишения.

Творения древних авторов, приводившиеся византийскими и русскими богословами и проповедниками,

носили суровый аскетический характер. Они требовали строгой жизни во имя служения Богу и людям. Эти заветы глубоко вошли в нарождающуюся письменность.

Духовная близость учения Сократа и Платона к христианской этике была понята с начала христианства на Руси. Во многих древних книгах толкование христианских священных книг сплетено с цитатами из эллинских риториков, поэтов, философов. Для книжников и духовных лиц знание греческого языка было обязательным, и они могли в оригинале читать произведения древних авторов. Через посредство книг, учение Сократа и Платона, философия Аристотеля стали в извлечениях известны на Руси. Влияние эллинских авторов и их византийских последователей заметно в памятниках древности. Стиль Гомера, с его повторяющимися эпитетами и многообразием метафор и сопоставлений, мог влиять на ранние произведения русской письменности. Лаконизм некоторых древне-русских авторов быть может явился под влиянием Сократа.

Ранний русский Ренессанс XI-XII вв. под влиянием эллинских древних авторов, несмотря на насильственную остановку татарским нашествием, оставил семена и дал поздний цвет, во многом определив характер литературы последующих веков.

Искусство Эллады было государственной задачей, соединялось с воспитанием юношества, было подчинено жрецам и весталкам, следившим за чистотой его целей. В государственных школах Спарты не дозволялось обучать детей песням и танцам, не установленными законами правилами. Искусство было строго определено канонами. Так число струн было указано правилом, и когда, по свидетельству Артемона, музыкант Милезий выступил с многострунной лирой, спартанцы обвинили его в нарушении древней музыки и потребовали удаления «лишних» струн; Милезий спас свою лиру, указав на Аполлона с лирой, у которой было столько же струн. Когда спартанец Терпандр прибавил одну струну на своей лире, эфоры осудили его и прибили преступную лиру к стене. Во времена Лизандра Тимофей кифарист

вышел на играх с семиструнной лирой, вместо признанной пятиструнной; один из эфоров подошел к нему и, держа в руках нож, спросил, с какой стороны предпочитает он, чтобы были срезаны нарушающие закон струны. Легенда о фригийце Марсии, наказанном за введение флейты наряду с Аполлоновой лирой, рисует ту борьбу, которую пришлось выдержать за новый инструмент. Его изобретателя Апулей называет — «отвратительным варваром, с безобразной наружностью, с всклокоченной бородой». У Плутарха Алкивиад разбивает флейту, «устыдившись» безобразия, которое она придает лицу. В борьбе против новизны инструмента принимают участие и боги: Афина с гневом отбрасывает флейту — «погибни, искажающая лицо флейта», а Аполлон разбивает не только инструмент, но и его творца — Марсия.

Искусство в Элладе служило воспитанию общественных добродетелей. «Те, кто лучше других почитают богов», — в проявлениях искусства, «оказываются лучшими в бою», — утверждал Сократ применительно к пластическим упражнениям юношей. Платон говорит: «Установим нерушимым правилом, что как только общественная власть определит и обозначит в законе песни и пляски, которые приличествуют юности, то никому не будет дозволено петь или плясать иначе, как не дозволяется нарушать другие законы. Кто будет верен этому правилу, тому нечего бояться, но если кто его нарушит, то блюстители закона, жрецы и жрицы, подвергнут виновного каре».

Строгое отношение Эллады к канону перешло в Византии на книги, которые делились на дозволенные и недозволенные, — «отреченные», по-гречески апокрифы. Составленные в Византии индексы «отреченных» книг переходили на Русь, создавая почти одновременно с самым появлением книг понятие книг запретных, за чтение которых ждет наказание сначала церковное, а позднее и государственное. Церковь влияла на отбор книг и определила суровый взгляд на подвижническую задачу писателя.

Одним из старейших поучительных произведений оригинальной русской письменности было «Слово Поучение Иерусалимское» Луки Жидяты, архиепископа новгородского, правившего епархией с 1036 г. по 1061 г. При Ярославе Мудром, Лука Жидята был поставлен в архиепископы после грека Иоахима, вместо грека Ефвраима, указанного Иоахимом в завещании, и явился первым иерархом русского происхождения. Поучение к братии было составлено для нужд епархии и представляло собою ясное и понятное изложение евангельских истин, написанное древним новгородским языком, доступным для всех прихожан. В краткой проповеди, идущей к сердцу простого, еще близкого язычеству слушателя, он учил христианскому нравственному закону и тому, как должен жить христианин. Слово, чуждое витийства и книжности, свободное от догматизма и дающее основы христианского учения, пользовалось большой популярностью.

Таким же простым, даже бытовым языком написано поучение другого новгородского епископа, несколько позднее Жидяты. Новгородский священник церкви св. Власия, Илья был поставлен во епископы новгородские в 1165 г. и в первый же год своего пастырства написал поучение в форме простого обращения к мирянам и священству. Он просил не обижаться на указание пороков, а принять это с любовью, ибо он принял сан не по своей воле, а раз оказался во главе епархии, то как пастырь не может молчать. Он убеждал священников не предаваться пьянству, которое «душе грех, телу болезнь, от людей укор», не брать много за требы и не налагать чересчур суровых епитимий. Просит также облегчать беременным женщинам правила поведения в церкви, не допускать беременных женщин класть земные поклоны, что вредно для их положения; такая забота удивительна со стороны священника того времени, когда всякое проявление церковного усердия считалось лишь полезным. Он остерегает женщин от хождения к волхвам. Учит мирян не драться, не играть в кости, избегать вспышек гнева, почитать родителей и свои

свободные сожителства обращать в церковные браки. Священников он убеждает не позволять мирянам святочные игры в «тура» и «лодыги». Слово архиепископа Ильи написано как пастырское увещание, без цитат и ссылок на догматы, а с простым упоминанием вреда здоровью и нравственного долга. Он убеждает не прибегать по всякому поводу к клятве и целованию креста, чем грешили многие. Слово Ильи написано простым языком и дает картину быта Великого Новгорода XII в.

Григорий Философ, епископ белгородский, оставил яркие обличения пьянства, сравнивая его с огнем, который наполняет человека. Пьяницу, который, упившись, «лежит как мертвый от пьянства», сравнивает с болваном-идолом — «уста имуще и язык — не глаголющ, очи имуще — не видяще, нозе имуще — не ходяще». Философ изображает человека, который «налил чрево свое до горла» вином и валяется, не будучи в силах подняться к обедне. Старейший список поучений Григория Философа относится к XIII в.

Древним же считается «Слово некоего христолюбца, ревнителя по правой вере», дошедшее лишь в поздних списках. Оно обличает двоеверие христиан, продолжающих выполнять языческие обряды и в то же время верить в языческие божества, лишь получившие христианские имена. «Слово» перечисляет славянских богов, упоминает о принесении им жертв, об языческих обрядах на свадьбах, о ритуалах жертвоприношений и дает таким образом ценный исторический материал о древних языческих обрядах.

«Девять поучений на Четырдесятницу», в которых предписываются пост и строгие правила поведения, вошли в сборник «Златоструй».

«Почтение Георгия черноризца Зарубского» обращено к духовному чаду, по всей вероятности к послушнику. Старейший его список относится к XIII в. Оно интересно указанием борьбы со всеми древними играми и развлечениями. Оно запрещает слушать скоморохов и гуслиаров, ибо всё это языческое, а не христианское.

В Повести временных лет под 1051 г. упоминается,

что Ярослав Мудрый поставил в русские митрополиты священника села Берестова, под Киевом, о. Илариона. Иларион недолго пробыл во главе русской церкви: через четыре года летопись упоминает митрополита Ефрема, византийца. О дальнейшей судьбе Илариона высказывались предположения, не подкрепленные бесспорными доказательствами. На основании сопоставления стилей предполагалось, что Иларион, оставив киевскую митрополию, постригся, приняв имя Никона, в Киево-Печерском монастыре, и был летописцем Никоном. Илариону же приписывалось участие в составлении Изборника Святослава 1076 г. Ему же приписывалось замечательное «Слово о законе и благодати», древнейшее произведение торжественно-богословского характера. По некоторым признакам, как упоминание киевской церкви Благовещения и великой княгини Ирины, Слово должно быть отнесено ко времени между 1037 г., годом закладки церкви, и 1050 г., годом смерти великой княгини.

Темой слова является преимущество Нового Завета, основанного на благодати, перед Ветхим Заветом, построенным на недвижимом законе. Автор славит приобщение Руси к Новому Завету, приведшему на Русь благодать и воздает славу князю Владимиру за крещение Руси. Слово построено триптихом, распадаясь на три части: первой устанавливается преимущество перед законом, Нового Закона перед Ветхим. Эта часть изобилует цитатами из священных книг и обнаруживает большую ученость автора. Библейские события толкуются символически, как это принято в православной церкви. Эта часть завершается хвалою Христу и Его благодати: «вера благодатная распространилась по всей земле и дошла до нашего народа русского... евангельский источник наводнился, покрыл всю землю и пролился на нас». Во второй части воспевается хвала князю Владимиру: «похвалим же и мы... нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли Владимире, внука старого Игоря, сына же славного Святослава»... Владимир сравнивается с византийским императором Константином Великим и призывается взглянуть из гроба

на дело своей жизни, на процветание крещеной Руси. Эта прекраснейшая часть Слова написана с подлинным вдохновением: «Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего! Встани, отряси сонъ нѣ си бо умерлъ, но спиши до общаго всѣмъ вѣстаниа... Отряси сонъ, возведи очи, да видиши какая тя чести Господь тамо сподобивъ и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ»... Перечислив достоинства сына его, Ярослава, в христианстве Георгия, снохи его, Ирины, и внуков его, Слово заканчивается торжественной хвалою Киеву: «Виждь же и градъ величествомъ сияющъ, виждь церкви цвѣтущи, виждь христианство растуще, виждь градъ иконами святыхъ освѣщаемъ блистающесе и тимиамомъ обѣухаемъ и хвалами и божественными пѣнии святыми оглашаемъ. И, си вся видѣвъ, возрадуйся и возвеселися и похвали благаго Бога, всемъ симъ строителя». Последние слова служат переходом к молитве за Русь «от всея земли нашея», которую творит вместе с восставшим ото сна Владимиром. Слово заканчивается великолепным финальным аккордом общей молитвы: «Тобою прозрѣхомъ на свѣтъ тресолнечного Божества... Ты правдою бѣ облеченъ, крѣпостию препоясанъ, истиною обуть, смысломъ вѣнчанъ и милостынею яко гривною и утварью златою, красуясь». Пусть он помолится «о сынѣ, каганѣ Георгии, чтобы онъ въ мирѣ и здравии проплылъ пучину жития и въ пристанище небесного завѣтрія присталъ, сохранивъ безъ ущерба душевный корабль-вѣру и богатство-добрыя дѣла». Средневековая метафора жизни, как плавания по морю на духовном корабле, повторяется в последующих памятниках русской письменности вплоть до XVII в., когда мы встречаем ее в житии протопopa Аввакума и XVIII в., когда Симеон Полоцкий в славословии царевичу пишет об его «плавании» до гавани.

«Слово о законе и благодати» является одним из наиболее блистательных ораторских произведений древне-русской эпохи, сочетая ученость, знание риторских приемов, подлинный творческий дар и религиозный возвышенный пафос. Финальная молитва за Русь переписывалась и читалась отдельно. Существует предполо-

жение, что Слово было впервые произнесено в Десятиной церкви у гроба кн. Владимира в присутствии князя Ярослава и его семьи. В Слове отстаивается идея независимости русской церкви от Византийской и благодатное значение христианской веры для национального величия.

«Слово» утверждает, что Владимир принял христианство не по мысли Византии, а по собственному желанию, убедившись в преимуществах православия. Убедился же он, не видя ни чудес, ни Апостолов, которые не были на русской земле, а лишь возгоревшись духом, услышав о «благоверной земли Греческой, христолюбивой и сильной верою». У первых русских святителей и проповедников чудесам не придавалось первенствующего значения. Летописец осуждает людей, которые считают праведниками лишь тех, чье тело сохранилось нетленным. В «Слове» утверждается, что никто из Апостолов не бывал на Руси, в противность апокрифическому сказанию о хождении апостола Андрея, введенному в Повесть временных лет Нестором. «Слово» прославляет Владимира, как основателя христианства на Руси, но воздается хвала и его языческим предкам, Игорю и Святославу. Святослав прославил землю за пределами ее «не в худѣ бо и не в невѣдомѣ земли владычествоваша, но в русской, яже вѣдома и слышима есть вьсѣми конци земля». В прославлении Владимира соединены все черты идеального князя: Слово называет его другом правды, просветителем, заступником бедных, строителем церквей, милостивцем, убегающем лести и держащим совет с епископами, как после крещения установить христианский закон. После смерти он молится за Русь об избавлении ее «отъ всякоѣ рати и плѣнения, отъ глада и всякоя скорби» и сохранении «в мирѣ и благовѣрии».

По красоте Слово занимает одно из первых мест в древней письменности. Оно влияло на ряд последующих произведений. Стилистические его приемы вошли в русскую литературу: оно пользуется сопоставлениями, сравнением благодати с «солнцем евангельским», Вет-

хого Завета с лунной тенью и холодом. Оно применяет метафоры «милостыни гнездо», «смыслу место», пользуется антитезами, повторениями и приемом нарастания: «Христось побѣди, Христось одолѣ, Христом воцарися, Христос прославися».

Располагая всеми приемами образного стиля, Иларион не перегружает речи, одушевляя свои образы пламенностью природного таланта. По тому, что «Исповедание веры», в одном из поздних списков, помещенное вместе со «Словом о законе и благодати», подписано: «мниха и пресвитера Илариона», — и по тому, что в обоих произведениях употребляется слово каган, а не князь, — «Слово о законе и благодати» приписано Илариону. «Исповедание веры» принадлежит ему бесспорно, так как авторство его указано на рукописи. «Слово о законе и благодати» великолепием своим затмевает «Исповедание», обладающее благородством стиля, чистотой и искренностью христианского чувства. Современники определяли Илариона как человека огромной начитанности, великого оратора, одного из лучших книжников, окружавших Ярослава Мудрого. Летопись называет его «мужа блага и книжника и постника». Он был подвижником, выкопал пещеру в лесу на берегу Днепра и жил там отшельнической жизнью. В этой пещере Илариона впоследствии поселился преподобный Антоний, положивший начало Киево-Печерскому монастырю. Если принять гипотезу, что после ухода с митрополичьей кафедры, Иларион постригся в Киево-Печерском монастыре, то он окажется первым зачинателем монастыря. Никаких биографических сведений о нем не сохранилось, и даже авторство «Слова о Благодати» можно доказывать лишь предположительно сличением стиля.

Летопись упоминает о Клименте Смолятиче, который «бысть книжникъ и философъ такъ, яко же въ русской земли не башеть, бѣ зело книжен и учителен и философъ велий» и, «много писания написавъ, предаде». Сохранилась рукопись одного из его посланий пресвитеру Фоме: «Послание написано Климентом митрополитом руским

Фоме прозвитеру, истолковано Афонским мнихом». Оно является частью полемической переписки Климента Смолятича с обличавшим его Фомою.

Монах Зарубского монастыря, Климент, был в 1147 г. поставлен в митрополиты собором русских епископов, а не константинопольским патриархом, и князь Смоленский не признавал его избрание законным. На этом завязался обмен посланиями. Оскорбленный Климент отстаивал свою правоту, священник Фома обвинял его в тщеславии. Климент пишет, что он не из тех, что «прилагают дом к дому и села к селом». Он отвергает укоры в том, что, желая прослыть философом, он пользуется эллинскими авторами для толкования священных книг и пишет не от творений Св. Отцов, а «от Омира (Гомера), и от Аристоля (Аристотеля), и от Платона» и других эллинских философов древности. Толкование, по словам Климента, дается духовным опытом, раскрывающим смысл Писания. Укоры Фомы в том, что Климент пользуется не столько творениями св. Отцов церкви, сколько произведениями Гомера, Платона и Аристотеля, подтверждает нашу мысль о том, в какой степени древне-греческая литература в лучших ее образцах была известна в Киевской Руси ранней эпохи. Об этом же свидетельствует похвала летописи Клименту, как «философу», дважды повторенная для усиления: философу «какого не бывало на русской земле».

С самого начала своего существования Киево-Печерский монастырь стал центром просвещения. После Илариона, имя которого можно связывать с началом монастыря, прославился своей просветительной деятельностью св. Феодосий Печерский, игумен монастыря после преподобного Антония, его основателя. Житие св. Феодосия было впоследствии написано монахом Нестором, не летописцем. Написанная в XI в., возможно ко дню памяти «великого в отцех» святого, Похвала св. Феодосия Печерского рисует канонический образ ревнителя веры, сопоставляя его с Владимиром Святым. Часть Похвалы подобна акафисту, с повторением слова «Радуйся». К святому обращена молитва об ограждении от

врага — «от языка незнаема, от языка немилостива». Его заступничеству приписывалось спасение монастыря во время нашествия половцев в 1096 г., когда монахи были застигнуты спящими в кельях.

Упомянутый в летописи монах Киево-Печерского монастыря, Иаков Мних, составил житие свв. Бориса и Глеба, Похвалу Святому Владимиру в форме жития и послания. К той же эпохе относится «Слово о князьях», в котором князья призываются оставить мздоусобицы и говорится о страданиях Бориса и Глеба, которые «претерпѣсте брату своему не токмо отъятие власти, но и отъятие живота», а для поучения рассказывается как в 1123 г. умер черниговский князь Давид Святославич: во время его погребения солнце остановилось на небе и зашло лишь тогда, когда тело князя было предано земле. Князь был кроток, держал свято свое крестное целование, прощал обиды и потому все его уважали, а во время его кончины разверзся потолок, и светлый голубь сел ему на грудь, и комната наполнилась благоуханием. Этим примером миролюбца, взысканного на небесах, неизвестный автор Слова пытается вразумить борющихся за власть князей.

Под различными заглавиями дошло апокрифическое «Слово святыхъ апостолъ, иже отъ Адама во адѣ къ Лазарю», относимое к XII-XIII вв., неизвестного автора. «Слово» написано на богословскую тему о том, должны ли оставаться в аду ветхозаветные пророки и праведники, которые не могли признать Христа, так как умерли до его пришествия на землю. Лазарь, умерший и воскресший, избирается послом ко Христу.

Царь Давид играет на гуслях, воспевая рождение Христа. Адам обращается ко всем пленникам ада: «придете, пророци и вси праведници, послѣмъ вѣсть к владыцѣ с слезами, на живой онъ вѣкъ, хошетъ ли насъ от муки избавити». Пророк Исаий и Иеремия напоминают, что некому нести весть, ибо «врата мѣдная, веря железная, а замцы каменны твердо запечатано». Давид сообщает, что скоро придет с земли Лазарь, друг Христа, и сможет передать весть. Адам, бия себя в грудь, укоряет Бога

за весь род человеческий, созданный по Его подобию и обреченный мукам: «Светлый друг Христов Лазарь, поведай от меня владыке: на то ли ты меня, Господи создал, чтобы на короткий век быть на этой земле, а вот и меня осудил мучиться многие годы в аду; для того ли я наполнил землю, а вот мои возлюбленные внуки сидят во тьме, на дне адовом, мучимые Сатаной, скорбью и тугой сердце тешат и слезами очи и зеницы омывают... На малое время я был царем всем Божиим тварям, а ныне на многие дни стал рабом аду и бесам его — пленником... Я сотворен по Твоему образу, а ныне дьявол мне ругается»... Адам спрашивает, что совершили и за что мучатся ветхозаветные патриархи и праведники — Авраам, Ной, Моисей, Давид, Енох, Илия. Во втором Слове — «Слове в субботу шестую поста на воскресение друга Божьего Лазаря», — рассказывается, как Лазарь, воскресши, исполнил просьбу Адама. В Слове замечателен вызов: «Я сотворен по Твоему образу, а ныне дьявол мне ругается», который мог быть распространен и на земные бедствия людей.

Богословский вопрос, поставленный Адамом в Слове: «то грѣхъ ли ради нашихъ не хочещи насъ помиловати или своего времени ждещи» — разрешен в пользу ветхозаветных пророков и праведников, сопричтенных ко Христу, хотя они и не знали Его. Открытым оставался вопрос о язычниках, о языческих философах, чье ученье близко Христу, хотя и лишено Христовой благодати. Вопрос этот не разрешался прямо, но решение его можно угадать косвенно: в учительных книгах церковного характера обильно цитировались древние философы, чья этика созвучна христианству. В «Пчеле» приведены изречения семи греческих мудрецов пятого века до Р. Х. на тему «познай самого себя» в главе «разумѣй о себѣ» сопоставлена с Христовым «что смотришь на сучок в глазу брата своего». Там же комментируется изречение Платона: «Начало разуму разуменье невежества своего». Учение Платона о бессмертии души «бессмертна есть душа» приводятся в учительных древних книгах в сопоставлении с христианством. Цитиру-

ются советы Сократа о воздержании применительно к церковным христианским наставлениям. Во многих древних учительных книгах имена Платона, Сократа и других древних философов приводятся наряду с изречениями отцов церкви. Мысль древних церковников, знавших греческий язык и могших ознакомиться с древними авторами в оригинале, несомненно склонялась к тому, чтобы, подобно пророкам и праведникам Ветхого Завета, эллинских философов сопричесть ко Христу за их этико-философское предвидение. Это доказывается обильным их цитированием в учительной церковной письменности. Такая мысль совпадала и с апостольским допущением оглашения и крещения язычников непосредственно, без перехода чрез иудейский обряд, как это делалось вначале. Разъяснение Апостола Павла в Послании к Римлянам, допуская прямой переход из язычества, уравнивает оглашенных язычников с теми, кто до крещения исповедывал учение Ветхого Завета. Расширив его толкование, можно считать, что в «Слове» об Адаме и Лазаре из ада вместе с ветхозаветными праведниками будут освобождены и философы, ибо и наиболее чтимые византийские Отцы церкви были учениками софистов-язычников. Таков должен был быть взгляд древне-русских книжников.

Среди церковных писателей XII в. наибольшей славой пользовался Кирилл Туровский, чьи писания включались в сборники наряду с творениями византийских Отцов церкви. Стиль Кирилла Туровского имел длительное влияние в церковной письменности. Кирилл Туровский смиренно говорит о себе, что он сам не творит, а только собирает колосья — «клас»: по его словам, он не творец, а «класособиратель» и проповедует «от книг», заимствуя свои поучения из книг Отцов церкви Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других. Можно легко видеть зависимость его от первоисточников, сопоставив его Слова о двенадцатых праздниках с соответствующими произведениями византийских авторов.

Кирилл Туровский составлял свои произведения в возвышенном книжном стиле с риторическими фигура-

ми и аллегориями, употребляя сложный, малодоступный язык, но оживляя его силою чувства и искусством драматического изображения. В его Словах на двенадцатые праздники, после лирического вступления, он изображал, иногда в диалогической форме, празднуемое событие, оживляя евангельские лица силою своего вдохновения. Часто он сопоставлял евангельские события с явлениями природы. В «Слове о расслабленном» он сравнивал неизмеримость небесной высоты и подземной глубины с неизмеримою силою Божьего Промысла. В знаменитом «Слове на Фомину неделю» он сравнивает весеннюю радость природы, когда «солнце, красуясь в высоте, радостно согревает землю» — с тем, как «Христос, праведное солнце» воссиял из гроба, спас верующих и растопил «лед Фомина неверия». Кроме не дошедшего до нас послания князю Андрею Боголюбскому, Кириллом Туровским было написано более двадцати молитв, читаемых и ныне в церкви, покаянный канон, воскресные проповеди, Слова на праздничные дни, притчи, из которых обличает ростовского епископа, пожелавшего учредить независимую епархию в Ростове.

Кирилла Туровского называли «вторым Златоустом», «учителем паче всех воссиявшим». Произведения его переписывались, включались в Торжественник, и имели огромное влияние. Современников поражал пламень его патетической возвышенной речи, исполненной славянизмов, украшенной сложными метафорами, сравнениями, притчами, всем риторическим византийским мастерством, унаследованным от греческих софистов. Этим риторическим богатством он пользовался с большим искусством, иногда переходя в ритмическую речь. Его проповеди, овеянные суровой аскетической мыслью и пламенем веры, увлекали слушателей.

Кирилл Туровский был сыном состоятельных родителей, рано отказался от мира, принял схиму и затворился в столпе, стал столпником. С юности он любил книги, обучался византийскому «тонкословию», знал ухищрения «византийства». Чтению духовных книг он предавался в столпе. Слава его распространилась. По требо-

ванию народа он был назначен Туровским епископом и оставил затвор. Будучи епископом, он продолжал изучать византийских авторов. Кирилл Туровский сыграл видную роль в изменении прежнего простого тона проповеди на сложный и патетический. Сказанное им «говорю не от себя, от книг» вызвало у его последователей желание говорить только от книг.

Глава XII — Слово о Полку Игореве

Военные повести светского содержания, без христианского толкования событий, не могли с особым усердием переписываться и сохраняться в монастырях. Многие из них были, подобно Слову о Полку Игореве, окрашены двоеверием, что тоже мешало заботе о них церковников. Из героических песен древней эпохи дошло лишь Слово о Полку Игореве только потому, что оно было включено в рукописный сборник «Хронограф».

Екатерининский вельможа, просвещенный любитель древностей, граф А. И. Мусин-Пушкин купил Хронограф около 1791 г. Об обстоятельствах покупки он сообщает 31-го декабря 1813 г. К. Ф. Калайдовичу в ответ на его письмо: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата, остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено Слово о Полку Игореве». — Рукопись Слова «писана на лощеной бумаге, в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века». Впоследствии рукопись была отнесена к XVI в. Рукопись заключала в себе «Хронограф», давший название всему сборнику, «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Рускыя»,

«Сказание об Индийском царстве», «Синагрип, царь Адаров Иналивския страны» или повесть об Акире премудром, Слово о Полку Игореве и «Девгениево Деяние». Слово стояло в сборнике на предпоследнем месте. По словам Мусина-Пушкина, он несколько лет занимался переложением Слова на современный язык, но разбор его был труден, «потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления». Он обратился к заведывавшему Архивом Коллегии Иностранных Дел, Н. Н. Бантыш-Каменскому, служившему в Архиве с 1762 г. до своей смерти в 1814 г., и к его сотруднику, А. Ф. Малиновскому, который всю жизнь прослужил в Архиве и написал несколько исторических трудов. С их помощью было издано в 1800 г. в Сенатской Типографии в Москве Слово о Полку Игореве. На титульном листе значилось: «Ироическая Пѣснь о Походѣ на Половцов Удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». В книге был воспроизведен оригинал Слова и дан перевод с примечаниями.

В 1839 г. в «Сыне Отечества» было напечатано интересное свидетельство типографщика С. А. Селивановского о подготовке к печати первого издания Слова. Селивановский говорил Р. Ф. Тимковскому: «Корректуру держали: А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать корректуру».

Граф Мусин-Пушкин, начавший службу в артиллерии, после долгой служебной карьеры в различных ведомствах, был в 1791 г. назначен обер-прокурором Святейшего Синода. К этому времени относится начало его собирания рукописей. В 1794 г., сохраняя обер-прокурорское место, он получил в управление Академию Художеств и в 1796 г., уже будучи тайным советником,

стал ее президентом; в следующем, 1797 г. он был освобожден от обер-прокурорских обязанностей и переведен в Сенат, а в 1799 г., за год до издания Слова, ушел в отставку с чином действительного тайного советника. Он сохранял близость ко двору. Екатерина Вторая проявляла большой интерес к его собранию: она пожертвовала ему многие из находившихся в ее кабинете ценных бумаг и пергаментных рукописей; по ее приказу была для него куплена после смерти Болтина его коллекция книг и бумаг.

Через посредство своих комиссионеров граф Мусин-Пушкин скупал древние монеты, среди которых были редчайшие, и покупал рукописи. В его собрании находились купленная им Лаврентьевская летопись, Псковская летопись, Никоновская летопись, Книга Большому Чертежу, Литовский Статут 1586 г., Исторический лексикон Татищева, коллекция автографов. К нему же перешли книги и бумаги А. А. Барсова и завещанное ему собрание И. П. Елагина. Им были куплены бумаги петровского комиссара Крекшина.

Митрополит Евгений дает краткий очерк собрания Мусина-Пушкина, напечатанный в 1868 г. в Сборнике Отделения Российского Языка и Словесности Академии Наук. Карамзин, пользовавшийся собранием Мусина-Пушкина, говорил, что рукописный материал его так велик, что его не только прочесть, но даже пересмотреть в короткое время было невозможно, и приблизительно в тех же словах отзывался о нем Болтин. Собрание Мусина-Пушкина помещалось в доме его на Разгуляе, где бывали члены Общества истории и древностей российских и работавшие в этой области ученые и писатели. Музейное собрание древних рукописей было действительно исключительным по богатству и значению. Там же хранились и экземпляры первого издания Слова о Полку Игореве; копия с рукописи была сделана для императрицы Екатерины и была найдена в ее бумагах лишь в 1864 году академиком П. П. Пекарским в Государственном Архиве.

Предполагается, что копия была также послана Хе-

раскову и издателю В. С. Сопикову, но копии эти не были найдены и доказательства их существования нет. Предполагается также, что выписки в «Истории государства Российского» были сделаны из Слова Карамзиным по сборнику с оригинала. Если бы такое предположение можно было установить с несомненностью, то самый спор о подлинности Слова о Полку Игореве отпал бы.

Дом графа Мусина-Пушкина на Разгуляе со всеми несметными рукописными сокровищами, которых не успели даже «пересмотреть» знатоки, сгорел в 1812 г. и в пожаре погиб оригинал Слова, с которого было сделано первое несовершенное издание. По странной случайности, поэма, говорившая о бедствиях нашествий и войн, пережив набег половцев и татар, погибла от нашествия французов. Рукопись сгорела до снятия с нея научной выверенной копии и сохранилась лишь в издании 1800 г. с ложночтениями, неразобранными темными местами и орфографическими неточностями. Внучка гр. Мусина-Пушкина кн. С. Б. Мещерская в своих Воспоминаниях рассказывает, что ее дед, уезжая из Москвы, спрятал свои коллекции и рукописи в подвал со сводами и замуровал его. Вернуться в Москву он уже не смог, а без него нельзя было вывезти коллекции из подвала вместе с другими, отправлявшимися к нему вещами. Дом был занят французами. Оставшиеся слуги выболтали о существовании склада, и французы, в поисках ценного оружия, пробили стену и тогда было «всё разграблено, а позже окончательно погибло в пожаре».

Исчезновение рукописи создало ряд вопросов, связанных с чтением темных мест. Путем сопоставления копии, сделанной для Императрицы, и издания 1800 г., с помощью филологических изысканий пришлось восстанавливать оригинал. Под поздними наслоениями, внесенными переписчиком XVI в., повидимому, в Пскове, и ошибками московских ложночтений XVIII в. приходилось воскрешать древний текст XII в. На этой работе, которую в течение почти полутора столетий совершают совместными усилиями историки, географы, археологи,

лингвисты, филологи, диалектологи, тюркологи, выросла и окрепла русская филология, которая в эпоху открытия Слова была еще в начальной стадии развития. Взвешен каждый звук, исследована каждая черта, выверены на всем пространстве России спрятавшиеся, перекочевавшие с юга на север и на восток особенности речи и произношения, произведена охота по следу отдельных слов, разысканных после семи веков совсем в другой местности, изучены занесенные половцами тюркские слова, произведена поистине необычайная работа над памятником, но хотя основные вопросы разрешены и ложнотечения устранены, на поле Слова о Полку Игоре, еще производятся работы и кипит битва между разномыслящими.

Слово о Полку Игоре было написано в Чернигово-Северской области около 1185 г. и было приурочено к возвращению Игоря из плена: об этом свидетельствует его концовка со славословием.

Анализом бумаги, отдельных слов и орфографии можно было установить, что найденный Мусиным-Пушкиным оригинал был переписан в XVI в. в Псковской области, на что указывает запись произношения на Ш.

Из Северной области, через Псков и Рязань, путешествуя из одного хранилища в другое, Слово о Полку Игоре вошло в Хронограф, как историческое сочинение, и сохранилось в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря, где оно может быть лежало бы до сих пор, если бы его не нашел Мусин-Пушкин.

Спасо-Преображенский монастырь был упразднен в 1788 г. и рукопись была куплена после этого. Болтин написал историко-филологические примечания к первому изданию и умер в 1792 г. Таким образом устанавливаются предельные даты находки между 1788 г. и 1792 г. Предполагается, что рукопись Слова была найдена в 1791 г., когда Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Синода и начал свою деятельность по собиранию рукописей.

Первое косвенное упоминание о Слове было в февральской книжке журнала «Зритель», издававшегося

П. А. Плавильщиковым, А. И. Клушиным и И. А. Крыловым, в статье П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве дум российских»: «Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писанные законы, ученость имела свою степень возвышения, и даже во дни Ярослава, сына Владимирова, были стихотворные поэмы, в честь ему и детям его... Существуют еще эти драгоценные остатки в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной... Россия вскоре их увидит»...

В поэме «Владимир» во втором томе сочинений Хераскова, вышедшем в 1797 г., поэт упоминает о Слове о Полку Игореве в своем описании битвы:

Но битвы описать нет силы у меня,
Хотя б я полон был Гомерова огня,
И Ломоносову хотя бы был подобен,
Поведать страшну брань не сделался б удобен.
О древних лет поэт, полночный Оссиан!
В развалинах веков погребшийся Боян!
Тебя нам возвестил неведомый писатель,
Когда б он был напевов подражатель,
Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер своим стихам:
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины;
Ты может быть, Боян, тому свидетель был,
Когда Владимир в Тавр приять закон ходил,
Твой дух еще когда витает в этом мире,
Води моим пером, учи играть на лире.

В сноске к «Владимиру» Херасков поясняет слово Боян: «Недавно отыскана рукопись под названием «Песнь о полку Игореве», неизвестным писателем сочиненная, кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Боян, российский песнопевец».

В «Бахариане» в 1803 г. Херасков снова говорит об Игоревой песне:

...песни, петой когда-то Игорю
Песнопевцем неизвестным нам...
...вот для нас достойный образец,
Как дела героев воспевать.

Важный в нем Гомер и Оссиан
С Ломоносовым сливаются.
А Боян еще важнее был,
Песнопевцем прославляемый,
Соколам уподобляемый.

В том же году, когда о находке рукописи Слова упомянул Херасков, Карамзин в Гамбургском «Le spectateur du Nord» в 1797 г. известил о том европейскую читающую публику. Он сопоставил Слово с «лучшими местами поэм Оссиана». Чтобы приблизить древне-русскую поэму к пониманию иностранного читателя, он описал ее красками, схожими с модным в то время Оссианом: «чувства величайшего героизма», «изображения, внушенные ужасами природы», восклицания «Увы, сознаю, что кисть моя слаба», каких нет в Слове, ибо сравнение поэзии с живописью в XII в. не применялось. В предисловии к первому изданию Слова, вкратце изложены легшие в его основу исторические факты и добавлено: «Любители Российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов; следовательно и наши древние герои имели своих Бардов, воспевавших им хвалу». В конце предисловия воздается должное стараниям издателя и описывается рукопись: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего, ...Г. Действительному Тайному Советнику и Кавалеру Графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. В его библиотеке хранится рукопись она в книге, писанной в лист, под № 323. Книга сия содержит следующие, по их оглавлениям, материи:

1) Книга глаголемая Гранаграф (Хронограф), рекшь начало писменом царских родов от многих летописец; прежде о бытии, о сотворении мира, от книг Моисеевых и от Иисуса Навина, и от Судей Иудейских, и от четырех Царств так же и о Ассирийских Царех, и от Александрия, и от Римских Царей, Еллин же благочестивых, и от Русских летописец, Сербских и Болгарских.

2) Временник, еже нарицается летописание Русских Князей и Земля Рускыя.

- 3) Сказание о Индии богатой.
- 4) Синагрип Царь Адоров, Иналивския страны.
- 5) Слово о Полку Игореве, Игоря Святъславля, внука Ольгова.
- 6) Деяние прежних времен храбрых человек о брѣзости, и о силе, и о храбрости.
- 7) Сказание о Филипате, и о Максиме, и о храбрости их.
- 8) Аще думно есь слышати о свадебе Девгееве, и о всъхищении Стратиговне.

Три последние названия обозначают части «Девгениева Деяния».

В «Московских ведомостях» в № 97, 99, 101 в 1800 г. было дано объявление о первом издании, в котором повторяется ссылка на Оссиана: «любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства».

В 1798 г. в части XX журнала «Приятное и полезное препровождение времени» появились «Песни Владимиру киевских баянов» В. Т. Нарезного. В 1801 г. Карамзин упоминает Бояна в «Пантеоне российских авторов». Сближение Слова с Оссианом вдохновляет «Песни петые на состязаниях в честь древних славянских божеств» Д. Н. Редина. Перепев Плача Ярославны появляется в «Сельском препровождении времени» П. Львова. Вскоре же появляются стихотворные переводы Слова на современный язык И. Серебрякова в 1803 г., А. Палицына в 1807 г., Н. Язвицкого в 1812 г., И. Левитского в 1813 г. Стихотворное «Переложение Слова о Полку Игореве» В. А. Жуковского известно в копии, приблизительно датирующейся 1817-1819 гг. и хранящейся вместе с бумагами Жуковского в Ленинградской Публичной Библиотеке. На другой копии, сделанной переписчиком и посланной Пушкину, имеются поправки рукою Пушкина. Среди многочисленных позднейших стихотворных переводов Слова наиболее известны перевод И. Козлова, помещенный в «Дамском журнале» в 1821 г., и часто

цитируемый перевод А. Н. Майкова, изданный в 1827 г. Козлов посвящает «Плач Ярославны» княгине Зинаиде Волконской. Известны переводы Минаева, Николая Гербея, Л. Мея и многих других. На тему Слова написана опера Бородина «Князь Игорь».

Первым переводом на другой славянский язык был чешский в 1808 г. Вскоре появился польский. Библиография, составленная В. П. Адриановой-Перетц и С. К. Шамбинаго, указывает переводы на 28 языков. Немецкий перевод появился уже в 1803 г. Поэма стала известна Я. Гримму. В недавнее время был сделан перевод на английский язык Самуэлем Кроссом, на французский Анри Грегуаром, на польский поэтом Юлием Тувимом в стихах. Недавно опубликованы стихотворные переводы современных поэтов И. А. Новикова, В. И. Стеллецкого и Н. А. Заболоцкого, и прозаический перевод Романа Якобсона.

Мнение, будто в раннюю эпоху Киевской Руси только южно-славянские языки были близки русскому, было опровергнуто сличением языка Слова с западно-славянскими. Изучались способы письма и произношения в разных областях. За упоминаемой в Слове «зегзицею», которую в первом издании неправильно перевели «горлицею», гонялись по всей России, пока это слово, употреблявшееся в эпоху Игоря в Черниговской области для обозначения кукушки, не было разыскано на Севере и в Прикарпатской Руси. Научная работа разъяснения «темных мест», восстановления текста оригинала путем сличения первого издания с Екатерининской копией, условно называвшихся копией П (Пушкина) и копией К (Катерины), раскрытия исторических намеков, которые были понятны современникам Слова в XII в. и не всегда были ясны людям XIX века, — производились в условиях борьбы за признание подлинности Слова. Исчезновение оригинала осложняло работу. Снятие первых копий было сделано в зачаточный период филологической науки в России и изобиловало ошибками и ложночтениями. По поводу позднейших исправлений Пушкин писал: «Толкователи наперерыв затмевали неясные выражения

своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными». Разбор текста сопровождался полемикой со скептиками, отрицавшими подлинность рукописи, и ученые оказывались в положении героев Слова, вынужденных отражать неустанные набеги противников. Гибель оригинала лишила защитников неуязвимой крепости и они вели борьбу в «чистом поле», без укреплений.

Сравнение, сделанное Херасковым и Карамзиным с песнями Оссиана, имело непредвиденные последствия. Исчезновение рукописи в пожаре Москвы сравнивали с отсутствием рукописи поэм Оссиана. Поэмы Макферсона были изданы в 1760 г. в Эдинбурге под названием «Отрывки из древних поэм, собранные в Гейленде и переведенные с гаэльского или эрзийского языка Джемсом Макферсоном», тогда еще молодым и малоизвестным поэтом. Во вступлении Макферсон сообщал о находке старинной рукописи, содержащей песни шотландского барда Оссиана, сына Фингала из Гейленда, последнего представителя рода, погибшего в неравной борьбе. В 1762 г. вышло второе издание, дополненное 39 песнями Оссиана. В 1765 г. вышло исправленное издание в двух томах. Необычайный успех поэм Оссиана отразился и в России: Озеров написал трагедию «Фингал», и несколько «оссиановских» стихотворений написал лицеист Пушкин.

Макферсон не опубликовал рукописи, о находке которой писал в своем вступлении. Это вызвало сомнение в подлинности его поэм. Было создано Оссиановское общество для выяснения этого вопроса.

В 1780 г. появилось два сборника подлинных шотландских поэм, по духу близких к оссиановским. Гейлендское патриотическое общество занялось изысканием происхождения поэм Оссиана, изданных Макферсоном.

Макферсон умер в 1794 г., ничего не сообщив, и в оставшихся после него бумагах не было найдено подлинной рукописи Оссиана. В 1796 г. были посмертно опубликованы две эпопеи Макферсона «Фингал» и «Темора», и одиннадцать поэм на гаэльском языке.

говорил о Слове, как лучшем выражении древней славянской поэзии.

На рубеже XIX в., при тогдашнем состоянии науки, не могло найтись человека, в таком совершенстве знавшего древне-русский язык, чтобы быть в состоянии восстановить самый голос киевского дружинника времен Святослава и ввести тюркские слова, разысканные лишь значительно позднее в монгольских и алтайских наречиях. Бантыш-Каменский должен был бы быть действительно «вещим», чтобы предвосхитить открытия филологической науки чуть ли не за век вперед. Открытие Задонщины XV в., опубликованной в 1838 г., подтверждало подлинность Слова наличием в ней ряда образов и выражений, заимствованных из Слова. Открытие Апостола 1307 года с пометкою писца на полях, в которой были выражения и образы из Слова, явилось уже в более позднее время, новым и несомненным доказательством его подлинности.

В «Истории русского народа» Н. Полевого, вышедшей в 1830 г., он сопоставляет Слово со скандинавскими сагами. Схожее с этим мнение высказывает Погодин в письме к Шевыреву, напечатанном в 1840 г. в «Москвитяине». В третьем томе собрания сочинений М. Максимовича, выпущенном в Киеве в 1880 г., помещены его статьи о связи Слова с украинской устной поэзией, написанные уже после прочтения в 1835 г. специального курса о Слове в Киевском университете. Любопытно, что работа Пушкина над планом статьи о Слове, и его поправки, сделанные в переводе Жуковского, относятся к 1834 и 1836 гг., то есть приблизительно в ту же пору, когда он усиленно интересовался собиранием фольклора, связанного с походами Разина, и яицких песен и легенд, так что его называли поэтом-этнографом. К сороковым годам относится издание Слова с подробными комментариями Дубенского, который сопоставлял Слово с древними памятниками, — и большой труд Буслая, который дает подробный разбор Слова на основании материала по древней мифологии и устной поэзии разных наций. Позднее, сравнительное изучение фольклора

различных народов вызвало теорию странствующих или «бродячих» мотивов, блестяще развитую Александром Веселовским.

Находка екатерининской копии Слова в 1864 году академиком Пекарским и новые издания Слова в 1866 и 1868 гг. Тихонравовым дали новый толчок к его изучению. Тихонравов датирует рукопись Мусина-Пушкина концом XVI в., и эта дата окончательно утверждена. Целый ряд трудов появился в семидесятых годах. П. П. Вяземский в «Замечаниях на Слово о Полку Игореве», вышедших в 1875 г., и в «Исследовании о вариантах Слова», в 1877 г. сближает его с эллинской поэзией, а Бояна с Гомером, который был рано известен в Киевской Руси. В том же 1877 г. Вс. Миллер во «Взгляде на Слово о Полку Игореве», сближает его с византийской поэзией и в особенности с «Девгениевым деянием», по болгарским источникам. В 1887 году Александр Веселовский в статье «Новый взгляд на Слово о Полку Игореве», помещенной в Журнале Министерства народного просвещения, развивает мысль о роли древне-славянских языческих верований в изображении мифических божеств, появляющихся в Слове; упоминание Трояна он связывает с «Троянскими деяниями» Дарета и Дактиса. В позднейшей работе Вс. Миллера в третьем томе его «Очерков русской народной словесности» он стремится установить связь Слова с устной поэзией.

Вышедшая в 1878 г. работа Потевни «Слово о Полку Игореве, текст и примечания» указывает ряд параллелей с народной поэзией, но усматривает и книжные элементы. Потевня первый поднял вопрос о том, что распределение текста было произвольно сделано переписчиком, не знавшим, как разместить пометки и вставки, оказавшиеся на полях черновой рукописи. Потевня предлагает устранить некоторые такие вставки, которые, по его мнению, были приписками на полях, сделанными автором или прежним переписчиком, и переставить отдельные места рукописи, а также внести поправки. Эти предложения о перемене композиции Слова и об удалении того, что казалось вписанным с

полей переписчиком, раздавались и позднее, хотя в действительности композиция Слова динамична и внутренне обоснована.

Итоги проделанной до 1876 г. работы были подведены в книге А. Смирнова, вышедшей в 1877 году в Воронеже, а в позднейшем выпуске 1879 года была сделана попытка изложить прежние толкования и предложить новые исправления. Наиболее значительным был трехтомный труд Е. Барсова, «Слово о Полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси», написанный с большим увлечением и дающий обильный материал. Барсов первый обратил внимание на роль «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия при выработке стиля воинских повестей древней Руси. Барсов начал также работу по лексикологии Слова, оставшуюся незаконченной им. Намеченные в XIX в. темы, связанные с изучением Слова, были разработаны в ряде трудов, посвященных ему и составляющих огромную библиографию, попутно захватывающую ряд важных вопросов общего характера, нужных для понимания развития древней письменности и фольклора. Детальный труд о Слове был опубликован на украинском языке В. Н. Перетцем в 1926 г. Увлекательную и в то же время представляющую большой научный интерес работу о Слове напечатал в 1938 г. ныне уже покойный академик А. С. Орлов, давший перевод, комментарий и поэтическую картину того фона, на котором развертывалась эпопея Слова.

Сомнения относительно Слова давно исчезли, а знакомство с древней литературой раннего периода показало, что Слово не являлось уединенным памятником в пустыне, а было тесно сплетено со всей культурной жизнью своей эпохи и вряд ли представляло собою единственное произведение этого рода, хотя одно только и уцелело. Но не будь случайного включения Слова в сборник Хронографа и не успей Мусин-Пушкин снять с него копию, Слово исчезло бы так же бесследно, как и другие, быть может существовавшие, произведения этого рода.

На смену русским скептикам, чьи нападки давно умолкли, явились иностранные слависты, отрицавшие подлинность Слова и считавшие его подражанием «Задонщине». Проф. Андре Мазон собрал свои возражения против Слова, которые он высказывал ранее в лекциях и статьях, в книгу, вышедшую в Париже в 1940 г. На одном из его докладов в Париже, П. Н. Милюков выступил с блестящей импровизированной речью, впоследствии напечатанной, в которой он опровергал доводы докладчика. Проф. Андре Мазон называл Слово подделкой XVIII в., которую выполнило несколько образованных людей, группировавшихся вокруг Мусина-Пушкина, «льстецов не менее чем патриотов, обративших свое вдохновение на службу своего национализма и политики Императрицы». Будь это предположение справедливо, не только Бантыш-Каменский и Малиновский, но и вся наука XIX-XX вв. оказалась бы в роли «льстецов не менее чем патриотов», обративших свое вдохновение на службу политики национализма. Русская наука, в лице своих лучших представителей, так тесно срослась с вопросом о Слове, что в случае поражения, был бы поколеблен ее престиж. Мнения проф. Мазона более чем тридцатилетней давности, и несколько французских ученых примкнули к его теории отрицания. При изучении Слова, при выяснении его внутренней связи с многими памятниками эпохи, близости его отдельных мест с риторическими фигурами хроники Манассии, связи его с теорией поэтики, помещенной в Изборнике Святослава, сложного орнамента его аллитераций, и особенностей его языка, сомнения в его принадлежности Киевской Руси XII века отпадают.

Вопрос о подлинности Слова представляет интерес более общий, нежели спор о дате произведения. Слово о Полку Игореве оказалось единственной светской воинской повестью, уцелевшей от наследства древней Руси. Оно дает представление о литературном стиле до-монгольской эпохи. Изучению Слова посвятили свои силы целый ряд выдающихся русских ученых.

Недавно умерший академик Орлов, приводя вы-

держки из статей проф. Мазона и возражая ему, добавляет, что «добросовестность русских ученых не отклонит пересмотра вопросов о Слове... Но дело в самом его существе, в способе его выполнения, в компетенции производящих пересмотр». Он обращает внимание на то, какую роль играет лингвистика в определении подлинности Слова. «Язык — самое опасное, чем играют без понимания и дискредитируют памятник». При тщательном изучении языка памятника, сомнения «ссыпятся сами собой, как ничем не оправданная выдумка» и «кончится беспринципная дилетантская игра». Он считает, что «необычайная красота, внутреннее напряжение и цельность памятника» не могли быть созданы в XVIII в. и явственно говорят о создавшей его Киевской Руси XII в. «Чтобы создать подобную языковую связь искусственно, надо быть гигантом лингвистом, угадавшим чуть ли не на столетие состояние науки о языке и в частности истории русского языка». Для защиты Слова, А. С. Орлов, незадолго до смерти, считал необходимым «и нам, русским ученым, сработаться с зарубежными силами». Он ссылается на работу авторитетного ученого Академии Наук, который пришел к такому выводу: «Употребление тюркизмов в тонком и точном, по нашим теперешним научным данным, фонетическом звучании древнего времени и с их старыми значениями, может быть вполне отнесено ко времени XII в., ко времени составления Слова о Полку Игореве. Я не могу себе представить, чтобы можно было впоследствии выдумать кому-либо эти слова или восстановить их давнюю природу, так как для этого понадобились бы громадные тюркологические знания, о которых ничего неизвестно в истории тюркологии. Невозможно было выдумать так правдоподобно и наукообразно эти слова, над которыми столь много задумывались ученые востоковеды».

К аналогичному выводу пришел американский тюрколог, профессор Менгес в своей недавней работе «Восточные элементы языка в Слове о Полку Игореве». Проф. Менгес дает генеалогию сорока слов восточного происхождения, встречающихся в Слове, указывая их

истоки из древних тюрко-алтайских наречий, пришедших в древнерусский через посредство куманов-половцев.

Печенеги, угрожавшие даже Константинополю и в то же время находившиеся с Византией в постоянном общении настолько, что существует предположение, будто византийцы подослали их убить Святослава, говорили на тюркском языке. Летопись описывает их отношения с древней Русью, то вражеское, то дружеское, и даже приводит диалоги русских с печенегами, что доказывает понимание печенежского языка. Дружинник князя Бориса предлагает ему привести против Святополка Окаянного печенегов из Тьмуторокани. Летопись часто отмечает, как князья ходили «в печенеги». Всё это доказывает, что тюркский язык печенегов не был незнаком русским в первую пору Киевского государства. Но сведений о печенегах сохранилось настолько мало, что лингвистическое изыскание проникших слов становится невозможным. Поглотившие печенегов половцы играли значительную роль в течение долгого времени, вплоть до нашествия татар в XIII в., и, подобно печенегам, приводились князьями на Русь в пору усобиц. Половецкий хан Кобяк долгое время жил в плену у русских, о чем свидетельствует летопись и упоминает Слово о Полку Игореве. Половцы бывали в плену у русских, как и русские в плену у половцев, о чем тоже говорит летопись. Были и брачные связи не только среди княжеских семей, как женитьба Владимира Игоревича на Кончаковне, но и среди воинов. Через половцев проникали в русский язык тюрко-алтайские слова и верования. В Слове о Полку Игореве дева Обида плещет лебедиными крылами и лебедь выступает в Слове как птица враждебная русскому. Это объясняется тем, что лебедь был «тотем» — священной птицей алтайских народов. По древнейшему преданию, тюрки происходили от четы, у которой один сын был быком, а другой лебедем. Отсюда и русские сказания о волшебниках, обращающих девицу в лебедь.

Из тюркских языков древней эпохи язык куманов-

половцев известен и может быть исследован благодаря Кодекс Куманикус 1303 г., сохраняющемуся в Biblioteca Civica в Венеции и когда-то принадлежавшему Петрарке. Францисканцы Венеции проявляли особый интерес к восточным областям и этим объясняется составление кодекса. Самое имя половцев было дано куманам русскими от слова «половый», желтоватый цвет их волос. Большой интерес представляет лингвистический разбор слов тюрко-алтайского происхождения встречающихся в Слове и доказывающих появление поэмы в эпоху половецких набегов XII века. Значение и генеалогия их изучены только теперь и не могли быть известны кружку Мусина-Пушкина в конце XVIII в. Существует упоминание в X в. о сыне умершего в 927 г. болгарского царя Симеона, Бояне — в византийской транскрипции. Этот Боян мог обращаться в волка или в иное животное, и упоминание в начале Слова о превращениях Баяна или Бояна таким образом могло быть вызвано воспоминанием об этом сыне царя Симеона. В то же время легендарными предками Монголов считались Дубун-Байан или Дубун-Буйан. Слово Боярин или болярин взято с тюркского «бойла» с прибавлением суффикса коллектива Р и славянского «ин». Так же тюркского происхождения является «босой волк» от «бусовый» серый, постоянный эпитет волка, который был священным «тотем» животным, и с этим эпитетом появляется в Слове. От печенегов и половцев остались наименования рек и мест. Указание Слова «на рѣцѣ Каялѣ», без склонения, является чисто тюркской формой слова «кайалы» — скалистый. Проф. Шефтель считает, что это современный Калмий с водопадами, академик Орлов отождествляет с Калкой от арабского «халка», проф. Фастер и проф. Менгес считают это скалистым потоком, Кайалы. Упоминаемый хан Кобяк и сын его Даниил Кобякович получили имя от «кобяк», обозначающего «собака», по османски-турецкому «копак». Слово «кобяк» известно и в других тюркских племенных группах. У монголов собака — нохай, откуда название племени Ногай в степях Кубани и Терека. Возможно,

что собака была «тотем» — священным животным. Этим может объясняться и то, что в былине татарин сам говорит «Я собака Калин царь», переводя слово «кобьяк».

Каган — титул алтайский. В «Слове о благодати» святителя Илариона XI в., Владимир Святой и сын его Ярослав названы каганами, но это наименование не применяется к князьям позже XI в. В Слове о Полку Игореве, «время каганье» означает время древних князей. Слово каган, как указывает проф. Менгес, применяется к хронике древней Франконии к вождям Аваров VII в. и имеется в алтайском применении в старых надписях; позже оно употреблялось монгольскими властителями. Через посредство тюрков было заимствовано русскими слово «жемчуг», китайского происхождения. Путем лингвистического анализа раскрываются тюркские имена Кончак и Гза в Слове о Полку Игореве. «Меч» мог перейти из кавказских языков, помимо тюрков. В языке сохранились некоторые слова, уцелевшие от Аваров-Обров, упоминающихся в летописи и впоследствии ушедших в долины Дагестана. В связи с ними впервые упоминается в летописи слово «телега», в которую Обры впрягали женщин славянского племени дулебов. «Телега» алтайского происхождения взято монголами через посредство тюрков и на Русь пришло от Аваров. Семитским было слово «сабля», из славянского перешедшее в германский. Сапог был алтайским словом. Название реки Сула было тюркским обозначением обильных вод. Интересна генеалогия названия Тамани — или Тьмуторокани, схожее с происхождением Астрахани. Вопрос о значении слова «харалужный» меч разбирался многими филологами, и обозначает мечи каролингские, то есть франкские, славившиеся в ту эпоху. От аваров пришло старо-монгольское слово «хоругвь». Тюркским было слово «япончица», впоследствии епанча, и от тюрков же заимствована «яруга» для обозначения оврагов. «Чолка» может происходить из семейства алтайских языков.

В своей книге о восточных элементах Слова, проф.

Менгес дает тщательный анализ каждого из слов тюркского и монгольского происхождения, появляющихся в Слове, устанавливая их древнюю форму и значение, и с несомненностью доказывая, что они могли появиться в древнерусской поэме лишь во времена близких сношений с куманами и другими тюрко-алтайскими племенами в до-монгольскую эпоху в XI-XII в. Таким образом он определяет появление Слова концом XII века, временем похода Игоря. Этот анализ слов — веское и неопровержимое доказательство подлинности Слова.

Вопросу о времени создания Слова о Полку Игореве уделено много места в книге, выпущенной «Эколь Либр» в Нью-Йорке в 1948 г. В статье «Подлинность Слова» проф. Роман Якобсон дает подробный разбор языковой структуры Слова, и свое толкование «темных мест». Исторический комментарий дает М. Шефтель и исторические доказательства появления Слова в XII веке приводит Г. Вернадский. Спор, разрешенный в русской науке, продолжает таким образом вестись теперь против иностранных славистов.

Средневековая поэзия воспевала героев не за победу, а за проявленную ими доблесть в бою. В русской литературе Слово о Полку Игореве занимает то же место, что «Песнь о Роланде» во французской литературе.

Песнь о битве на Коссовом поле в 1389 г., когда соединенные силы Сербии, Кroatии и Боснии были разбиты турками, поет славу побежденным за проявленное ими мужество. Германская Песня о Нибелунгах говорит о «Гибели Богов», о смерти героев, а не об их торжестве. Но и в эллинском эпосе погибающий Гектор и побежденный Приам вдохновляют Гомера более, чем торжествующий Агамемнон.

Между «Песнью о Роланде» и Словом о Полку Игореве можно найти сходство, что объясняется их принадлежностью к той же эпохе. Отвага Роланда, который не хотел протрубить в рог, чтобы вернуть Карла с его войском, сходна с храбростью Игоря, который не хотел сообщить Святославу о своем походе. Соратники Роланда погибли, как и дружина Игоря. Слова укора,

обращенные другом Роланда, Оливье, к нему за гибель отряда, перекликаются с «золотым словом» Святослава о пагубных последствиях своевольного похода Игоря. Слова Роланда в начале битвы «я предпочитаю смерть позору» соответствуют словам Игоря «лучше быть убитым, чем плененным». Роланд и Игорь ведут смертный бой в чужом краю: мысль Роланда и его соратников стремится к «милей Франции», как в Слове о Полку Игореве: «О Русская земле, уже за шеломенем еси». Как и в Слове о Полку Игореве, в «Песне о Роланде» две битвы, и первая у обоих победная, вторая же несет войску героев смерть. Затмение предвещает гибель Роланда в Песне, и неудачу похода в Слове. Подобно Святославу, Карл имеет смутное видение, возвещающее несчастье его племянника. Как Ярославна в Слове, прекрасная Од ждет героя: «где Роланд, клявшийся взять меня в жены?» спрашивает она у Карла. Услышав об его смерти, она отвергает предложение Карла выйти замуж за его сына, наследного принца Людовика; «Богу было б неугодно и его ангелам, если бы после Роланда я осталась жива» — и падает мертвой. Так в «Песне о Роланде», поминальной о герое, вместе с ним умирает и его возлюбленная. В Слове, славящем возвращение Игоря, Ярославна празднует вместе с ним его освобождение. В обеих поэмах, посвященных самоотверженной доблести героя, любящие женщины разделяют его судьбу в жизни и в смерти.

Между обеими поэмами существует не только сходство в теме, объясняемое общностью эпохи. Судьба их рукописей также имеет некоторое сходство. Подобно Слову, «Песнь о Роланде» сохранилась лишь в единственной рукописи позднейшего происхождения, хранящейся в Оксфордской библиотеке. «Оксфордская копия — это единственное, несомненное, подлинное наше достояние», — пишет Жозеф Бедье. После ста лет тщательного изучения этой единственной рукописи, в ней как и в Слове, остаются «темные места», составляющие предметы научных исследований и разногласий. Перечисляя двенадцать изданий со времени первого издания 1837 г., Жозеф

Бедье пишет: «Несмотря на то, что все эти ученые имели единственную, казалось бы простую, задачу наилучшим образом издать тот же текст с той же самой рукописи, их издания поразительно разны... Если собрать все поправки и все гипотезы, предлагавшиеся в течение восьмидесяти лет комментаторами и в Филологических журналах, то получилось бы издание «*Variogum*», в котором разночтения были бы так же обильны, как в подобных изданиях *Variorum* Од Горация. Таким образом, несмотря на наличие рукописи, положение сходно со Словом, с единственной разницею, что рукопись Слова сгорела. Причина трудности установить правильное чтение текста тоже схожа в обоих случаях: это ошибки позднейших переписчиков.

«Это просто объяснить. Оксфордская рукопись работы англо-норманского переписчика, а текст, предлагаемый этим переписчиком, является чистейшим образцом французского языка, на котором говорили и писали в Англии через сто лет после завоевания, около 1170 г. Но поэт написал «Песню о Роланде» гораздо ранее, на полвека ранее, и ничто не заставляет нас думать, что он, подобно переписчику, когда-либо жил в Англии. Таким образом Оксфордский текст с первого взгляда представляется поздним переложением на островной французский написанного ранее на другом наречии произведения». Это положение близко к тому, в каком оказался текст Слова о Полку Игореве, сгоревший в 1812 г.: подобно Оксфордской рукописи «Песни о Роланде» это была позднейшая копия XVI в. произведения XII в., и псковский переписчик не знал всех особенностей древне-русского языка Чернигово-Северской области, на котором был написан первый оригинал. «С другой стороны, продолжает Жозеф Бедье, если принять во внимание, что передача многих переписчиков и компиляторов могла вольно изменять первоначальный текст, по обычаю того времени, то мы должны предполагать, что более или менее крупная, вероятно очень крупная разница разделяет копию, которая перед нашими глазами, от первоначального текста, собственноручно на-

писанного поэтом». Это утверждение может быть отнесено и к дошедшему до нас тексту Слова о Полку Игоре, тоже прошедшему много этапов сменявшихся переписчиков, прежде чем попасть в Хронограф. Вопросы, которые ставит Жозеф Бедье относительно «Песни о Роланде», также ставятся относительно Слова, лишь с очень небольшими различиями. Бедье: «Как измерить расстояние (от текста Оксфордского до исчезнувшего первоначального оригинала)? Кем был поэт? Норманом или французом из Франции? В какую эпоху была написана Песнь? Было ли это около 1100, как многие (и в том числе Жозеф Бедье) утверждают? Или это было, как думают другие около 1080? Или же только около 1125? На каком языке была написана Песня? На наречии Нормандии или на каком-либо наречии страны Капетингов? Или на каком-либо литературном языке, более или менее окрашенном особенностями какого-либо наречия? Различные ответы объединены в несколько систем». Те же вопросы задаются относительно Слова о Полку Игоре. Кем был поэт? Дружинником, участвовавшим в походе Игоря и воспевавшим павших товарищей? Профессиональным скальдом, подобно Бояну, которого он упоминает несколько раз? Или же, как предполагает академик Орлов, галичанином, приехавшим в свите Ефвросинии Ярославны, жены Игоря и дочери Ярослава Осмомысла Галицкого? На каком наречии было Слово написано первоначально? В какое время написано? В 1185 г. к возвращению Игоря или в 1187 г. по случаю свадьбы Владимира Игоревича с Кончаковой? (что впрочем наименее правдоподобно, ввиду нелестных эпитетов Кончака, отца невесты). Где было оно составлено? Было ли оно произнесено или пелось и при каких обстоятельствах? Ответы на это так же различны, как и относительно «Песни о Роланде».

Подобно Слову, страдавшему от разноречивых поправок, исправляли Песнь: «со времени Теодора Миллера и по его примеру, пишет Жозеф Бедье, все редакторы старались изменять Оксфордский текст соответственно той или иной системе, чтобы приблизить,

как они говорили, к первоначальному оригиналу». Тут опять сходство со Словом, испытанным разными системами толкований и чтений, предложенных комментаторами. В Песни старались удалить черты англо-норманского диалекта, в Слове наносные элементы псковского наречия и ошибки поздних переписчиков. Любопытно, что относительно Слова и Песни, возникали те же сомнения, были ли они написаны первоначально прозой или стихами. Труверы XII в. и XIII в. для удобства декламации и с целью приблизить ее ко вкусу новых поколений, переписали «Песнь о Роланде» от начала до конца и это было печальной платой за ее распространение. Мы совершенно не знаем судьбы Слова между датой его создания в XII в. и предполагаемой датой составления копии, найденной Мусиным-Пушкиным, но не исключена возможность его перепева и переделок за три истекших столетия до текста сборника «Хронограф». Кроме Оксфордской копии «Песни о Роланде» были другие: венецианская рукопись с ассонансами, парижская рукопись с рифмами, немецкое стихотворное переложение Конрада, всего семь копий, отличающихся от древнейшего Оксфордского текста и могущих быть разделенными на две, три, четыре основных группы, которые дошли разными путями от общего первоисточника. Сличив их с Оксфордским, Жозеф Бедье пришел к заключению, что правилен только Оксфордский, а другие являются переложениями. После работы долгих лет, научное издание ученойшего специалиста по «Песни о Роланде», Жозефа Бедье, изобилует темными местами и разночтениями. Иногда он предлагает свое решение, иногда ставит вопросительный знак для обозначения того, что правильное решение не найдено пока. Он признает, что из шести его изданий Оксфордского текста с 1922 г. по 1937 г. нет двух одинаковых, потому что за истекшие пятнадцать лет между ними, он следил за открытиями других ученых в этой области и старался добавить собственные. Он приводит шесть изданий текста различными учеными с 1923 до 1936 г. с предложением новых систем чтения Песни, и собственный его труд по

этому вопросу. И всё же остается много «темных мест» в «Песни о Роланде», до сих пор не нашедших правильного разрешения. Таково положение современного Слова текста, который тщательно изучался наиболее компетентными учеными в течение ста лет при наличии подлинной старой копии Оксфордской библиотеки и нескольких позднейших версий. Никто не высказывал сомнений в подлинности Песни, благодаря наличию Оксфордской рукописи, «единственного нашего несомненного достояния», как определяет ее Жозеф Бедье. «Темные места» и ложночтения «Песни о Роланде» не подвергаются нападкам, как доказательство его ложного происхождения, но справедливо объясняются историческими условиями. Но то, что признано нормальными следствиями древности произведения, когда дело идет о «Песни о Роланде», выдвигается, как доказательство его подделки, когда дело идет о «темных местах» и ложночтениях Слова. «Единственное достояние» — рукопись «Хронографа» — была сожжена при нашествии французов, а другие копии Слова или современные ему древнерусские произведения погибли в пожарищах половецких и татарских нашествий. Рыцарские песни распевались трубадурами по всей Европе, и язык «Песни о Роланде» был знаком всем. Светские военные песни Киевской Руси исполнялись при княжеских дворах до-монгольской эпохи и не могли, по незнакомству с древнерусским языком, проникать за пределы страны. Но рукопись Слова в течение пятнадцати лет находилась в доступном для всех доме Мусина-Пушкина, и слух об ее открытии разнесся очень скоро, так что можно предположить, что ее видели многие из тех ученых и писателей, которые посещали собрание рукописей екатерининского вельможи. Текст Слова представляет те же трудности для правильного понимания, как и его старший современник: если датировать «Песнь о Роланде» между 1080 и 1125, а Слово 1185-1187 гг., то разница между ними составляет лишь около шестидесяти лет. Сравнение между ними и между обилием «темных мест» в обоих текстах, которое делается впервые нами, пока-

зывает, что неясность отдельных мест текста никак не может служить основой для подозрений в его подлинности.

По стилю и характеру Слово о Полку Игореве близко многим памятникам Киевской Руси, но остается единственной дошедшей до нас светской поэмой. Певец Слова не объясняет несчастий, постигших Игоря, карою Божьей и не ссылается на необходимость церковного покаяния. Певец Слова указывает на реальные причины удачи набегов кочевников и предлагает устранить их политическим объединением князей. Высота мастерства, проявленная автором Слова, доказывает, что подобные произведения существовали и до и после него, но не дошли до нас. Слово дошло лишь случайно и всё же рукопись погибла; если это могло произойти в XIX в., при всеобщем интересе к древним произведениям, при наличии библиотек, собирателей, ученых, то как легко могли затеряться среди усобиц и нашествий светские рукописи в древности, не хранимые в монастырях. Даже чтимые произведения, как летописи и церковные книги, дошли до нас лишь в поздних копиях, ибо оригиналы погибли в не прекращавшихся бедствиях страны. Дошли же до нас поздние копии чтимых книг только потому, что с них делалось много списков.

* * *

В Ипатьевском своде Киевской летописи говорится о походе потомков Олега Святославича, которого автор Слова о Полку Игореве называет Гориславичем, по имени его матери Гориславы-Рогнеды, за его смуты.

В 1183 г. киевский князь Святослав Всеволодович совершил удачный поход на половцев, разбил их и увел в плен половецкого хана Кобяка после битвы у Днепровского притока, Ереля, в 1184 г. летом.

Ольговичи надеются затмить победу киевского князя, разбив половцев в их собственных землях, и дойдя до Тьмутарокани. 23-го апреля 1185 г. выступает в поход Игорь Святославич, князь Новгород-Северский. Он берет с собою сына, князя Владимира Путивльско-

го, и к ним присоединяются другие Ольговичи, потомки Олега Черниговского: курский князь Всеволод, брат Игоря, и рыльский князь Святослав, племянник Игоря. Об этом походе говорит и Лаврентьевская летопись. О своем выступлении Игорь не предупреждает великого князя киевского.

Летопись сообщает дурное предзнаменование: Игорь взглянул на небо и увидел, что солнце стояло как месяц. Дружина советовала вернуться: «Княже! Се есть не на добро знаменіе се». Князя всегда принимали, по летописи, советы дружины. Но Игорь возразил: «Братья и дружино! Тайны Божія никто же не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и всему міру своему», — и переправился через Донец. Он ждет у Оскола своего брата Всеволода, который идет из Курска. Разведчики приводят «языка», который сообщает о большом скоплении половцев и советует либо напасть немедленно, либо вернуться вспять. Игорь считает, что вернуться без боя будет позором хуже смерти: «Оже ны будетъ не бившиися возворотитися, то соромъ ны будетъ пущей смерти».

Встретились с половцами у реки Сюурлия. Игорь обратился к своим воинам: «Братья, сего есмы искалѣ, а потягнемъ». «Пустивше по стрѣлѣ», половцы не выдержали натиска и бежали. Игоревое войско захватило богатую добычу и пленных. Игорь хотел вернуться назад ночью, но Святослав Рыльский просил переночевать на месте, так как кони его были измучены погоней и не выдержали бы дороги. По Лаврентьевской летописи, Ольговичи стояли «веселясь» три дня и похвалялись: «Мы есмы ци не князи же?» и сравнивали свою победу со Святославовой: «Братья наша ходили с Святославомъ великимъ княземъ билися с ними зря (смотря) на Переяславль... А мы в земли ихъ есмы и самехъ избили... А нонѣ поидемъ на нихъ за Донъ и до конца избьемъ ихъ. Оже ны будетъ ту побѣда, идемъ по нихъ у луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши. А возьмемъ до конца свою славу и честь». Похвальба всегда карается. На утро половцы окружили их «акы борове» (как лес). В

битве все дерутся пешими, чтобы не покидать воинов: «Оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будетъ грѣхъ сихъ выдавше, поидемъ; но или умремъ или живи будемъ на единомъ мѣстѣ».

Так Игорь повторяет формулу древнего Святослава. В бою Игорь ранен в руку. Сеча отделила Всеволода от Игоря, войско дрогнуло под натиском врага. Желая остановить бегущих, Игорь бросился им наперерез, сняв шлем, чтобы воины могли его узнать. Половцы, окружают его и уже пленный, он молит души своей смерти, чтобы не видеть падения Всеволода. Князья тоже попадают в плен, войско бежит, многие убиты, другие утонули в реке Каяле и испили шеломом Дон, но уже не победно. От неведомого человека Беловода Просовича, встреченного на дороге, князь Святослав киевский узнает о случившемся «и нелюбо бысть ему... Святославъ же слышавъ и вельми вздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «О любя моя братья и сынове и мужѣ землѣ Рускоѣ! Далъ ми Богъ притомити поганья, но не воздержавше уности (юности), отвориша ворота на Русьскую землю». Хан Кончак идет на Киев, а хан Гза на Черниговскую область, оставленную Игорем без прикрытия, разоряет Путивль и снова уходит в степь, другой отряд идет на Рим (Ромны Полтавской губернии) и грабит его. Игорю, из-за его «воеводства», в плену предоставляется некоторая свобода. Крещеный половчанин Овлур или Лавр помогает ему бежать: Игорь «вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонился образу Божию и кресту честному... и возмья на ся крестъ, икону и подойма стѣну» палатки, «вылѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть (считали) спяща». Одиннадцать дней укрываясь от погони, Игорь пробирается на Русь. Под 1187 г. Лаврентьевская летопись отмечает, что Владимир Игоревич «приде ис Половецъ с Кончаковною и створи свадьбу Игорьъ сынови и вѣнча его»; остальные князья также возвращаются из плена. Лаврентьевская летопись сообщает кратко: «И по малыхъ днехъ ускочи Игорьъ князь у Половецъ». Так, с некоторой разницей в подробностях, сообщают Ипатьев-

ская и Лаврентьевская летопись о походе Игоря. Эти исторические события послужили темой эпопеи Слова.

Рукопись Слова о Полку Игореве не была разделена на главы и была напечатана в первом издании 1800 г. без подразделений. Но оригинальность ее композиционного плана вызвала мысль разбить ее на части для более легкого понимания и изучения. Барсов предложил деление на три части. Истрин предложил разделить на четыре части со вступлением и эпилогом: в первой части отъезд Игоря, битвы и поражение; во второй — сон и «золотое слово» князя Святослава в Киеве; в третьей — Плач Ярославны в Путивле, в четвертой — бегство; и возвращение — в эпилоге. Шамбинаго предлагает то же деление, но на три части, соединив сон Святослава и плач Ярославны в одну. Были предложены некоторыми исследователями перестановки отдельных частей Слова, которые будто бы были неправильно распределены переписчиками. Но при ближайшем рассмотрении Слова мы убедимся, что композиция его представляет не внешнюю, а внутреннюю непогрешимую логику.

Автор называет свое произведение тремя разными наименованиями; каждое из них имеет связь с характером поэмы. В заглавии он называет его Словом, как дидактическую проповедь, Повестью — во вступлении, Песнью — в тексте. Слово о Полку Игореве, действительно, имеет все три свойства: оно может быть названо Словом за поучительную мысль о необходимости единения князей для спасения родины и за свой призыв к нему; оно является в то же время Повестью об исторических событиях и в этом отношении перекликается с летописью; оно отличается музыкальным ритмом и поэтическим стилем, которые свойственны Песне. В английском переводе Самуэля Кросса оно названо Повестью.

Поэтические свойства Слова о Полку Игореве, его сложная аллитерация и ассонансы, его внутренние рифмы и перебои его ритма в соответствии с настроением изображаемых событий, заставили думать некоторых исследователей, что оно является не прозаическим, а

стихотворным произведением. Эта мысль впрочем возникает у современных исследователей относительно многих древних произведений, которые отличаются ритмической стройностью. В последнем академическом издании Слова о Полку Игореве 1950 г. текст напечатан со стихотворным расположением строчек, коротких и длинных, в зависимости от ритма.

Слово о Полку Игореве начинается указанием темы и героя, подобно «Илиаде» Гомера и греческой поэме о Дигенисе Акрите, герое русского «Девгениева Деяния». Запевки во всех трех поэмах схожи. Запевка греческой поэмы о Дигенисе гласит:

Хочу, о друг, повествовать о многих я деяньях,
О подвигах бесчисленных и о войны трофеях,
Которыми прославился герой Акрит Дигенис,
Достойный удивленья всех за то, что совершил он.

Запевка «Илиады» построена так же, сообщая о герое и теме.

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный который Ахейнам многие беды содеял.

Композиция заправки Слова та же:

«Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми
словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря
Святъславича»...

Герой и тема указаны по классическому образцу в первых же словах песни. Вместо обращения к «другу» или «богине», Слово обращается к «братии», перед которыми может быть и исполнялось оно. «Трудныхъ повѣстій» соответствует «бесчисленным подвигам» Акрита и «грозному» гневу и «бедствиям» начала «Илиады».

Сообщив тему своей песни, автор Слова обсуждает методы исполнения. Он отказывается от художественных приемов прежних авторов героических поэм, от замышления и поэтической вольности их, и обещает придерживаться современных ему приемов реализма — «по былинамъ сего времени», что было важно ввиду политической идеи произведения.

Описание приемов Бояна в Слове соответствует

описанию приемов Гомера в византийской хронике Манассии, широко известной в Киевской Руси. Боян не только автор, но исполнитель и музыкант, игравший на «живых струнах» своих гуслей. Связь Слова с народной поэзией подсказывает отрицательный параллелизм в сравнении десяти пальцев Бояна, накладываемых на струны гуслей, с десятью соколами, выпущенными на стадо лебедей. Эта связь с устной поэзией видна на всем протяжении поэмы в ряде образов и художественных методов.

Старые героические песни рокотали славу князьям, но тема Слова свободнее и шире: автор сохраняет за собой право не только рокотать хвалу, но и сурово укорять князей за эгоизм и непонимание грозящей родине беды. Боян поминал «първыхъ времянь усобицѣ» и пел хвалу «старому Ярославу», боровшемуся против княжеской розни, и «храброму Мстиславу иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожскими». Об единоборстве между Мстиславом и Редедей, которое определило исход битвы между русскими и касожскими полками, говорит летопись, и оно было известно каждому слушателю Слова. Отсюда прямой переход к теме так называемых «отступлений» Слова, его исторических ссылок на события, приведшие к своевольному походу Игоря и на былые усобицы: «Поминемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимирера до нынѣшняго Игоря», то есть сделаем обзор всего периода княжеской розни. Игорю воздается хвала за мужество и за любовь к родине: «Наплънився (Наполнився) ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы (полки) на землю Половѣцькую за землю Руськую». Боян избирал тему в зависимости от вдохновения: возлагая пальцы на струны, он пел то, что подсказывала ему фантазия; символически это изображалось погоней сокола за лебедем; «которые дотечаше, та преди пѣснь пояше». Но певец Слова поет не по замыслению, а по былинам того, что подсказывает ему понимание связи современных бедствий со всей предшествовавшей эпохой усобиц. Игоря влечет в поход страстное желание, охота отвесть великого Дона

это заслонило ему знамение солнечного затмения. «Хошу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкого съ вами, Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону». По древнему обычаю победа обозначалась тем, что герой мог испить из шлема воды покоренной реки. Храбрость Игоря так восхищает певца, что он на помощь зовет фантазию соловья Бояна, которая умела возноситься ввысь, «летая умомъ подъ облакы», «свивая славы оба полы сего времени», — прошлое с настоящим. Он приводит запевки Бояна, искусно подготавливая собственное музыкальное вступление. Певец Слова часто пользуется музыкальными образами вместо живописных и начинает свой рассказ о походе звуковой прелюдией: «Трубы трубятъ въ Новѣградѣ» после звуков Бояна: «Комони (Кони) ржутъ за Сулю, звенить слава въ Киевѣ». Набрав дыхания, певец начинает мажорным трубным звуком и рисует картину братской любви, сразу располагающую к героям. «Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ: Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя». Эта братская любовь подчеркивается на протяжении всей поэмы, и свет ее противопоставляется братской розни других князей. Певец по очереди выводит на сцену участников похода: первым появляется в поэме Игорь, за ним Всеволод, затем, озаренная тем же лучом славы, выступает дружина: «А мои ти Куряни...». Их описание, одно из лучших мест Слова, вдохновило Рылеева. В «Задонщине» XV в. оно повторено почти дословно, но применено к участвовавшим в походе Дмитрия Донского князьям, так как дружина уже не играла отдельной роли.

Боевые товарищи Игоря и Всеволода, дружинники показаны легендарными рыцарями чести, более чистыми и бескорыстными, чем обуреваемые личными страстями князья.

Когда все участники похода, князья и дружина, показаны певцом, начинается действие: «Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣха по чистому полю». Вступить в золотое стремя — было метафорическим

обозначением начала похода в древней поэзии. И в ответ на движение Игоря вся природа предупреждает его: солнце не светом, а «тьмою путь заступаше», а тьма во всей древней литературе была знаком поражения и неправильного поступка. Пробудились, взволновались звери и птицы: «свистъ звѣринъ» поднялся, «нощь стонуци ему грозою птичь убуди». Со времени Слова изменилось птичье и звериное население степи, и мы не знаем, свистели ли Игорю предупреждением суслики или сайги», степные козы того времени. Гроза пробудила не только птиц, она подняла сочувствующих половцам языческих богов, и вся степь тревожно оживилась: «Дивъ кличетъ врѣху (верху) древа: велитъ послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ (Волге) и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блѣванъ (болван)». Вместе с трепетом и волнением природы, проснулись и дремавшие было божества, предупреждая далекие страны, крича своему сородичу, идолу Тьмуторокани, которою мечтал овладеть Игорь. Мрак и жуть ночи переданы быстрыми, будто спешащими, словами.

Сразу же, как бы в ответ кликам Дива, спешат «неготовыми дорогами» половцы, и скрип их телег, словно лебеди распущенные, смешивается с птичьими и звериными шумами. Беды его ждет — птица на дубе, волки грозу возбуждают по оврагам, орлы зовут своим клекотом зверей «на кости» воинов в грядущей битве, враждебные лисицы брешут на червленые щиты русских. Всё это не дома, среди родных лесов и нив, а за чертой холмов пограничных, и тут впервые у певца вырывается стон, который будет сопровождать Игореву эпопею: «О Руская земле! уже за шоломянемъ еси!». Против Игоря обернулась его мысль выйти за пределы родных холмов, сразиться среди половецких степей. И так же через несколько десятков лет двинутся русские князья навстречу татарам в ту же степь, чтобы пасть на берегах Калки.

Игорь исполнен решимости. Он строит воинов в боевую позицию и «русские сыны» в безбрежной степи поля перегородили щитами. Тьма не уступает: «Длѣго ночи

мръкнетъ заря!» (долго ночи меркнет заря). Когда же заря зажгла свет, Игореве войско, напав врасплох на половцев, громит их лагерь, уводит в плен половчанок, мостит топкую грязь драгоценными половецкими тканями, и в буйном молодечестве воины рассыпаются «стрѣлами по полю». Игорю досталось победное знамя, — красна челка на серебряном древке. Но эта победа описана кратко, и певец напоминает о беде: «дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо: далече залѣтѣло». И в предвестии несчастья начинает причитание над воинами: «Не было оно обидѣ порождено (рождено в обиду) ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный (черный) воронъ, поганый Половчине». На этот плач по убиенным певца Слова в годину поражений, ответит через несколько веков автор «Задонщины», повторяя те же слова в победном их значении после разгрома Мамаея войсками Дмитрия Донского.

Утро рисуется зловеще. Ханы бегут серым волком, один другому прокладывая путь к Дону, вся природа на реке Каяле дышит бедою, с моря идут черные тучи, хотят прикрыть четыре солнца, четырех князей. Этот образ повторится в вешем сне Святослава в Киеве. Снова звучит горестным припевом напоминание о далекой родине. «О Руская земле! уже за шоломянемъ еси!». И тотчас начинается битва, описанная во всей ее ярости: ветры, внуки Стрибога, несут стрелы, гудит земля, замутили реки.

Среди битвы вырастает образ ярого тура Всеволода, израненного, окруженного врагами, сражающегося один против многих: куда ты, тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом поблескивая, там лежат поганые головы половецкие. Тут в первый раз встает женский образ любви, который сыграет решающую роль в поэме: в смертном бою Всеволод вспоминает милой любви своей, красной Глебовны, свичаи и обычаи и это дает ему новые силы в борьбе. Вспоминает он и золотой отцовский престол, оставленный им для похода, и это становится для певца поводом вернуться к основной идее о вине усобиц. Скользя видениями, реют над бит-

вой, какой «не слышано» было, образы прежних князей, раздорами своими губивших землю и вот к чему привели распри Гориславича: с раннего утра до вечера идет страшный бой, гибнут воины Игоря, сорван зеленый покров степи: черная земля под копытами костями посеяна, и кровью полита, горем взошли они по русской земле. Эта картина появится потом во многих повестях и песнях. Но певец не позволяет отдаться безысходной печали. Он напоминает, в противовес прошлым братоубийственным грехам, братскую любовь обоих своих героев. И как при начале похода, прибегает к музыкальной фразе: «Что ми шумить, что ми звенить? давеча рано предъ зорями. Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода». Нет, не всё еще пропало, если эти двое так крепко связаны братской любовью; надо только, чтобы все следовали тому же. Это последняя встреча братьев в бою. После трехдневной битвы пали стяги Игоря, разлучились и братья: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ (берегу) быстрой Каялы». Тут дается сравнение пира с битвою, крови с вином, а врагов со сватами на свадьбе воинов со смертью. Сравнение это войдет и в устную поэзию и в письменность: «ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». И природа, встретившая их неприязнью, теперь оплакивает их смерть: никнет трава от жалости, дерево горестно к земле приклонилось.

«Отступления» автора отнюдь не являются случайными, как казалось некоторым исследователям, готовым либо выпустить их, либо переставить. Каждое из отступлений является как бы итогом предыдущего, подчеркивая основную идею Слова, что неудача Игоря являлась логическим следствием предыдущей политики княжеской розни. «Лѣта Ярославля» противопоставляются походам Олега: «Тѣй (тот) бо Олегъ мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше». Знакомые современникам Слова события проходят быстрыми намеками, и бывшие князья появляются чредой, будто тени на экране. Олег вступает в золотое стремя в Тьмуторокани, начи-

ная оттуда поход и ведя чужую рать. «Бориса же Вячеславлича слава на Судъ приведе и на кавылу зелену паполому постла за обиду Олгову»... Суд означал смерть, которую сулила ему слава, разостлав погребальную пелену-паполому на зеленом ковыле, который в древней поэзии был символом гибели, ибо связан был с мыслью об угрозах степных боев. Живописная картина похорон старого князя, увозимого сыном на ковре между двумя венгерскими иноходцами, нарисована одною фразою: «Съ тоя же кавылы Святоплѣкъ полелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко святѣй Софїи къ Кіеву». Тут существует разночтение: Роман Якобсон читает «кавылы», Д. Лихачев «Каялы»: «съ тоя же Каялы». Певец указывает виновника: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшетъ усобицами, погыбашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишась». Русские люди снова названы внуками Дажьбога, их век сокращают княжеские ссоры. Мысль эта будет далее высказана с еще большей резкостью, после описания бедствий Руси из-за усобиц: тогда по русской земле редко пахари покрякивали, но часто вороны каркали, деля трупы. Напомнив об этом, певец, по методу древних летописцев, возвращается к повествованию: «То было въ ты рати и въ ты плѣкы (походы), а сицеи (такой) рати не слышано». Как бы пеленой покрывается поле, на котором лежат доблестные воины, так великолепно описанные вначале: после боя «уже пустыни силу прикрыла». Скорбным стоном отзывается русская земля на гибель воинов; подобно греческим фуриям, несутся стенания в великолепной картине: «за нимь кликну карна, и желя поскочи по Руской земли», размыкивая огонь в пламенном роге. Подготавливая плач Ярославны, жены русские восплакались, говоря: уже нам о своих любимых ни мыслью ни промыслить, ни думою ни продумать, ни глазами ни повидать... И застонал, братья, Киев от горя, и Чернигов от напастей, тоска разлилась по русской земле... Те, к кому обращался певец, хорошо знали значение упоминаемых божеств, чье появление определяло характер момента;

двоеверие еще не было забыто. Обида дева торжествует победу: «въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону» и, плеская, прогнала времена обилия. Мысль, указанная перед концом битвы, теперь выступает более отчетливо: усобица князей погубила борьбу с погаными: «Княземъ на поганяя победа погыбе» и стал брат говорить брату: «се мое, а то мое же», князья сами на себя стали ковать крамолу, «а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». Основная мысль Слова тут сказана с полной ясностью, на основании предпосланной картины прежних усобиц и вызванных ими бед. Певец исполняется жалости к молодым князьям: «О! далече зайде (залетел) соколъ, птицъ бья (бия), къ морю!». Появляется новый мотив скорби о гибели доблестной дружины, повторяющей древнюю формулу отказа от мести: «А Игорева храброго плъку (полку) не крѣсити! (не воскресить)».

Безрассудство Игорева похода погубило дело Святослава Киевского, который своими сильными полками и «харалужными» франкскими мечами потрепал половецкие полки, «а поганого Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ (полков) Половецкихъ яко вихрѣ выторже» и упал Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святослава. Так искусной ассоциацией, певец приводит нас во дворец киевского князя, которому поют славу немцы и венецианцы, греки и моравы, упрекая князя Игоря, который погрузил времена изобилия на дно Каялы. А Игорь князь пересел из золотого походного седла в «сѣдло кощіево», рабское, потерпев худшее наказание за своеволие. Не только природа, но и камни загрустили: уныли у городов стены, и веселье поникло.

Реальные картины описанных событий переключаются в символические образы сновидения: Святослав пьет во сне вино, смешанное с уксусом, из пустого колчана сыпят ему на грудь жемчуг, в древней поэзии означавший слезы; он видит крышу без князька, слышит клекот ворон, и бояре толкуют ему сон, пользуясь образами устной поэзии: князья сравниваются с соколами, их крылья подрезаны саблями поганых, их опутали же-

лезными сетями, померкли два солнца, а с ними два месяца, на реке на Каяле тьма свет покрыла. Как выводок пардусов, половцы растеклись по русской земле, и готские девы, звеня русским зодотом, поют на берегу моря. Певец больше не корит Игоря, не плачет о погибших дружинниках, он думает лишь о спасении земли от нового набега осмелевших половцев. После «золотого слова» Святослава, в котором укор смешивается со снисхождением, раздается призыв к совместной борьбе за русскую землю. После первого повторного стога «О Руская земле! уже за шоломянемъ еси», и второго поминального: — «А Игорева храброго плъку (полку) не крѣсити», встает третий повторный зов: «вступита, господина, въ злата стремени за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!». Снова проходят чредою русские князья, но уже не в воспоминаниях крамолы и бед, а в осиянии славы их подвигов и озарении их мощи. Так вероятно славили на пирах княжеских знатных гостей. Призывается великий князь Всеволод, который может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Призывается и Галицкий князь Ярослав Осмомысл, отец жены Игоря. Певец дает великолепный образ Игорева тестя, высоко сидящего на златокованном престоле, подпирая Угорские горы своими железными полками, загородив путь королю, затворив Дунаю ворота.

Каждому князю посвящает строфу своей оды певец Слова, разнообразя свои живописные краски, находя черты, отличающие каждого. И каждую строфу кончает призывом встать «за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». Он описывает грозящие беды, «уже бо Сула не течетъ сребреными струями граду Переяславлю», напоминая бывшее горе, взывая к чести и мужеству. В этом обращении можно видеть распределение сил князей Руси XII в. Он зовет их на общее дело, воспевая их дружины и их мощь, напоминая картины былых сражений, когда на Немиге снопы стелют головами, молотят цепями харалужными, на току жизнь кладут, отвевают душу от тела. Слыша в ответ только

молчание, он переходит к новым укорам: ибо они своими крамолами стали приводить поганых на землю русскую, из-за раздоров стало насилие от земли Половецкой.

Но не двигается ни Осмомысл со своего высокого, подпирающего горы престола, ни другие, с гневом и страстью призываемые князья. Тогда он переходит к безнадежной горести: «О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей. (О стонать Руской земле, помянув первые времена и первых князей). Того стараго Владиміра не лзѣ бѣ (нельзя было) пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ». Теперь никто не заботится об единении: «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидови», врозь у них развеваются знамена. — Так в гневе и горести умолкает призыв певца.

В наступившей тишине, слышится нежный голос «кукушки» на путивльской стене, зовущей своего ладу, голос верной хранительницы очага, Ярославны. Пусть только «копіа поють» у князей, пусть рознь и крамола среди них, она хранит основу жизни — любовь. Новый припев появляется в Слове: каждая строфа начинается тем же: На Дунае Ярославны глас слышится, кукушкой незнаемо утром она кукует. Ярославна не зовет князей на помощь, она не обращается к людям, она призывает ветер и солнце откликнуться на силу ее любви, она сама хотела бы полететь к другу. Ее песня любви и верности, написанная в форме традиционного плача, построена в виде триптиха, с тремя нарастающими строфами обращений к животворящей природе, к ветру, к Днепру, к Солнцу. Певец-дружинник не забывает в Плаче Ярославны своих погибших товарищей, как не забывает он их на протяжении всей поэмы: в поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны затянуло. Мольба Ярославны о спасении Игоря в то же время становится плачем по убиенным воинам, судьбу которых она чувствует глубоко, описывая страдания дружины. Голос ее разбивает мрак, разрушает оковы бед, и тон поэмы меняется: нет больше укоров прошлому, нет мыслей о вине Игоря, певец перестраивает свою песню на мажорный лад. В ответ на голос Ярославны

заплескало море в полночь, идут смерчи туманами, Игорю путь кажет из земли Половецкой в землю русскую, как если бы зов ее и впрямь дошел до Дона, раскрыл Игореву темницу. Бегство Игоря описано в радостных красках ласково сочувствующей ему природы, которая поит, кормит и укрывает его в прибрежных камышах. Он спит и не спит, ожидая призывного свиста, он мыслью размеряет поля от великого Дона до малого Донца. В пути во время погони Игорю снова дан белый цвет чистоты в метафорических его превращениях, которые рисуют приключения бегства: Игорь князь поскакал горностаем к тростнику, белым гоголем пал на воду, соскочил с коня босым волком, и по мере приближения к родной земле, снова становится соколом, избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину. Овлур, следуя за ним, не принимает одинаковых с ним образов и между ними всегда есть расстояние.

Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая с травы студеную росу, и певец поясняет: ведь надорвали своих борзых коней. В бегстве Игоря певец избегает прямых указаний, сохраняя песенный иносказательный лад, и мы узнаем, что он достиг Донца, по тому, что с рекою ведется диалог. Донец приветствует Игоря и первый воздает ему хвалу, заставляя забывать о поражении: О князь Игорь, немало тебе величия, Кончаку досады, а русской земле веселия. Игорь в ответ благодарит реку за дружескую помощь и в этой своей речи описывает косвенно свой побег: О Донец, немало величия тебе, качавшему князя на волнах, постилавшему для него зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками в воздухе. Так раскрывается картина бегства, когда приходилось спасаться вплавь, спать на траве под покровом туманов, бить дичь для питания. Игорь вспоминает гибель Ростислава на реке Стугне, которая «уношу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ» (заклЮчила юного князя Ростислава на дне у темного берега), заставив

природу горевать вместе с его матерью. Гибель Ростислава описана подробно в Киевском Патерике: направляясь вместе со своим братом, Владимиром Мономахом, в Киево-Печерский монастырь, Ростислав позволил своей дружине насмехаться над чернецом Григорием, мывшим сосуд церковный на реке. В гневе Григорий пророчествовал, что они все потонут в реке, но Ростислав не поверил, зная свое умение плавать, и рассерженный, не пошел в монастырь: при отступлении перед половцами, он утонул вместе со своими отроками, переплывая реку Стугну. Игорь вспоминает о коварстве Стугны: уныли цветы от жалости и деревья приклонились к земле, — повторяющийся мотив, который был применен раньше к дружине.

В Игоревом бегстве участвуют светлые, сияющие белизною звери. Погоню за ним Кончака и Гзы сопровождают злые черные птицы, торжеству которых пришел конец: тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, по веткам ползали, только дятлы стуком кажут путь к реке. Ханы более не страшны, бегство Игоря сделало их смешными. Победила любовь и радость, наступает возвещенный соловьиной песней рассвет. Под соловьиный рокот ханы толкуют о любовных путях: если сокол к гнезду летит, а мы соколенка опутаем прекрасною девицею, предлагает Кончак. Но Гза возражает: не будет у нас ни соколенка, ни прекрасной девицы, и станут бить нас птицы в степи половецкой.

«Свивая славы оба полы сего времени», певец снова обращается к Бояну, песнотворцу Святославу, и вспоминает его запевки: хоть и тяжело голове без плеч, беда ведь и телу без головы, — и применяет это к Игорю: так тяжело русской земле без Игоря. Вся земля ликует при вести о возвращении его из плена: девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева. Игорь идет благодарить Божью Матерь: Игорь едет уже по Боричеву к Святой Богородице Пирогощей. Страны рады. Города веселы.

Языческие божества, сопровождавшие его поход и

сочувствовавшие половцам, исчезли; о них нет больше упоминания. Раздернулась завеса, и в сиянии счастья явилась Божья Матерь, которая привела Игоря домой, как в былине о Садко. Поэма завершается хором радостного славословия Игорю, и брату его, Всеволоду, но певец славит и дружину, величая павших героев и тех, что вернулись домой. Концовка носит чисто христианский характер, и самая борьба с половцами становится битвою христиан против язычников. Величают только героев похода, без упоминания старых князей, и певец дает тому пояснение: певши песнь старым князьям, потом и молодым надо петь. Величание носит характер хора, как если бы оно возглашалось в гриднице перед князьями и дружиной: Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу — и кончается прямым обращением к присутствующим: Будьте здоровы, князь и дружина, борясь за христиан против поганых полков. Слава князьям и дружине. Аминь.

В композиции Слова о Полку Игореве, отличающейся удивительной внутренней логичностью, отдельные части готовят последующее развитие основной темы. Кажущиеся «отступления» и «вставки» на самом деле «свивая... оба полы» былых княжеских крамол с описываемыми событиями и подкрепляют мысль автора о необходимости сплочения всех русских сил на защиту родины. Голос певца раздался за полвека до татарского нашествия, к которому Русь оказалась неподготовленной из-за внутренних усобиц. Певец Слова пользуется сложной техникой поэтических приемов. Обращаясь к князьям и дружине, для которых ясен каждый намек, он проявляет необычайное искусство изображения целой картины в одной меткой фразе. План его композиции настолько непогрешимо логичен, что был бы нарушен перестановкой хотя бы единой фразы. «Отступления», рисуя былых князей и былые события, создают как бы второй план действия, на котором яснее выступает основной смысл событий. «Вставки» о прошлом служат как бы вступлением к дальнейшему развитию описы-

ваемого действия. Поэма построена как симфония, с мастерской оркестровкой, звуковой прелестью ассонансов и аллитераций, вступлением как бы отдельных инструментов при появлении новых героев или событий, искусными вариациями основной темы, ведущей к финальному катарзису. Она рисует не только всю обстановку действия, но и картину Руси XII в. и самый запах степи, знакомый певцу, который повидимому был участником похода.

Русь, которая является Прекрасной Дамой поэта, и которой он посвящает свою песнь, показана во всей ее неотразимой красе лесов, полей, рассветов и закатов. Слово о Полку Игореве является первой эпической поэмой, в которой описание природы играет большую роль. В «Илиаде» и «Одиссее» природа показана лишь как место действия, и также она не играет роли в «Песне о Роланде» и в «Девгениевом Деянии». В Слове о Полку Игореве Русь, которой грозит опасность от княжеских раздоров и крамол, описана как подлинная героиня поэмы: среди безбрежных пространств, рисуются ее полноводные реки, ее богатство зверей и птиц, овраги и холмы, высокие травы, с которых стряхивает утреннюю росу пробегающий среди них волк, семьи пардусов, испугнутых лебедей, стук дятла и клекот орлов. Давно заселены описанные в Слове местности, изменилась топография «яругов», высохли и изменили русло реки, вывелись звери, но и сейчас в песне поэта сохранили свою живую прелесть далекие просторы «чистого поля» древней Руси, за которую певец призывает бороться.

«Поле чистое», степь Половецкая от Дуная до Дона и Волги, было изрыто оврагами, местами холмилось, перерезывалось отрогами далеких кряжистых гор, широкие реки текли к теплым морям и душистые травы одевали его шелковой пеленой. Певец находит любовные слова для описания ее прелести. По этим просторам пролагались караванные пути, «неготовые дороги». Набеги кочевников перерезали жизненные пути молодого государства: «и уже у нас Греческий путь изотнимают,

и Соляный, и Залозный». Игорь ищет выхода к морю и певец готов его оправдать. Зов Дива символически определяет теплую гавань: у входа в нее «тьмутороканский болван» стоял как бы на страже — огромные две статуи бога Санерга и богини Астарты, поставленные в третьем веке до Р. Х. Комоссарией, женою Босфорского царя Парисада, высились там до XVIII века.

Одной из поэтических особенностей Слова являются аллитерации, мастерство и изящество которых можно было бы сопоставить с травным орнаментом лицевых рукописей. Звуковая сторона играла большую роль в Слове, которое предназначалось для устного исполнения — пения или декламации. Автор Слова пользуется всеми звуковыми художественными приемами: аллитерациями, ассонансами и гармониями, построенными на преобладании отдельных гласных или согласных. Он составляет их, повинувшись художественному инстинкту, а не звукоподражательным сигналам. В этом отличие и от од XVIII в., искусственно построенных на выделении одного выразительного звука, как «Ф» в «Оде ко Гордости» Сумарокова, и от аллитераций недавнего времени, как выделение «В» для ветра в стихах Бальмонта. Звуковая сторона Слова скрыта и придает тексту его игру красок и светотени. Аллитерации разнообразны: иногда совпадения первой согласной или первого слога — ПОроси ПОля ПОкрывают, ПЯток ПОтопташа ПОганья ПОЛкы ПОловецкья, — иногда же совпадают последние слоги, что создает впечатление стихов. Аллитерации иногда смежны, иногда расположены сложным узором, перевиваясь с другими и проходя в середине фраз. Иногда путем расположения одинаковых согласных, создается подобие аккорда. Иногда целая группа фраз, объединенных общей картиной и создающих как бы отдельную строфу, построена на преобладании одной или нескольких согласных.

В зависимости от желаемого впечатления выбираются либо ласкающие Л, либо вихревые свистящие С Т, но без звукоподражания. Аллитерации и ассонансы даны не только в начале слов, но пронизывают всю

речь, сплетаясь в узоры двойных и тройных ассонансов и создавая своеобразную гармонию. Наряду со смысловым значением создается звуковая мелодия. Чтобы ее раскрыть, мы прибегли к подсчету гласных и согласных в каждой группе фраз, объединенных общностью мысли или образа. Результат получился разительный. Там, где чувство обостряется или где передано драматическое действие, звуковой состав выступает отчетливо; но там, где дается простое сообщение, звуковой состав не выделяется.

Несколько аллитераций иногда составляют как бы аккорд. Так в описании битвы наряду с начальной аллитерацией на «П», дана в середине аллитерация на «Т»: ПЯТок ПОТоПТаша ПОЛки ПОловецкья, или на «С» с переходом «З»; Се ли СтвориСте моей Серебряной Седине, или Сабли иЗоСтрены Сами Скачуть аки Серьи волци.

При произведенном нами подсчете, закон мелодической структуры определяется явственно: под сурдинку в обычных строфах, напряженно — в драматических. Так в первой строфе, дающей тон всему повествованию, аллитерация, построенная на губных Б П и на сплетении С Т, очень богата: БяшеТЬ БраТие, Старыми СловеСы, Повести — Полку, и через всю строфу проходит гласная О. Из 46 согласных первой строфы тринадцать падает на С Т. Во второй строфе о Бояне преобладает носовое Н, как бы давая распев на закрытой ноте. Замечательны ассонансы и аллитерации третьей строфы о художественных приемах Бояна: начинаясь повторным Б с созвучием на Щ, вступает аллитерация на Т с ассонансами в конце слов: ТвориТи То, растекашеТЬ и близкое к нему Д — Древу, и в нее вплетены созвучия на С: раСтекашетСя мыСлю, Серым волком по Землеи. Обилие Л смягчает всю строфу. Она увита ассонансом на О, который проходит сквозным звуком.

В строфах о Доне две заканчиваются его именем, оно отделено от финала прилагательным «великого», что создает интересный рисунок. Да позрим синего Дону, искусити Дону великого, испити шеломом Дону.

Последняя из них, выражающая тягу к Дону, дает яркую аллитерацию, которая перевивается через разделяющие слова: КоПие Приломити Конець ПОля ПОловецкого. Еще разительнее следующая строфа о Бояне с аллитерациями на С, Л, В; СоЛовию Старого... ты Сие-Скачя... СЛавию леТая Свивая СЛавы Сего време... и контрапункт дан на П, К, С с сохранением звучания на Л В; ПолКы УщеКотал сКачя Под облаКы и простая аллитерация на тро: ТРОпу ТРОяню. Тут дана сложная оркестровка в переплетающихся аллитерациях. Подсчет согласных дает соответствующую картину определенного преобладания некоторых согласных и отсутствия других. Если сопоставить с равными строфами без яркого действия, в которых согласные распределяются поровну и ассонансы почти отсутствуют, то становится ясным роль звуковой ткани в композиции Слова.

Разбор аллитераций, ассонансов и преобладания тех или иных согласных в разных строфах Слова, проделанный нами, показал, что оркестровка звуков в каждой строфе соответствует ее настроению, причем певец пользуется подбором согласных чрезвычайно искусно, нигде не нажимая педали, не выделяя только одну согласную, не подчеркивая мелодической темы, а давая ее не сразу заметным узором, со сложным расположением, с контрапунктами нескольких одновременных аллитераций, которые никогда не являются звукоподражательными. Среди русских поэтов он является искуснейшим симфонистом в этой области.

Из исторических событий, отразившихся и в летописи, — вылилась песня о «далеко залетевших» русских воинах с такою силой, с такою страстной любовью к родине, с такою печалью о непрерывных ее бедствиях, и верой в грядущую радость, и в то же время с таким глубоким поэтическим чувством притягательной силы Поля, что и через семь с половиной веков Слово о Полку Игореве сохранило свою первоначальную юношескую свежесть, выделяясь в равной красе других древних памятников, как голос солиста в глубоком распеве хора.

Глава XIII — Памятники эпохи начала татарского ига

Несмотря на раздробленность сил и отсутствие единения между удельными князьями, Киевская Русь могла с переменным успехом отбиваться от Поля, пока «скрипели телеги» неорганизованных кочевников. Под могучим напором татарских орд, шедших с востока, Русь потерпела на Калке решительное поражение, была разорена и стала данницей ханов. Это событие, как бы шопотом, не в полную меру ужаса переданное в летописи, отразилось в произведении XIII в. в «Слове о погибели руския земли».

Слово было найдено Х. М. Лопаревым в Псковском Печерском монастыре в списке XV в. и опубликовано им в Памятниках древней письменности в 1892 г. Предполагается, что неизвестный автор Слова жил в Переяславском княжестве в тридцатых годах XIII в. и таким образом был современником нашествия Батыея. В рукописи Слово было соединено со сказаниями «О смерти Ярослава» и «О житии великого князя Александра». От первого сохранилось лишь заглавие, поставленное непосредственно вслед за заглавием Слова. Житие Александра Невского сохранилось полностью. От Слова о погибели руския земли осталось только вступительных сорок-пять строк, описывающих бывшее могущество Руси. Это славословие прошлому повидимому охотнее переписывалось и включалось в рукописи, чем описание трагического настоящего, в котором могли заключаться укоризны виновникам «погибели». Лопарев отмечает ритмичность Слова: «Строки, посвященные восхвалению красот Руси, разделяются на стихи, с определенным почти размером: вероятно их и пели в старое время народные певцы...». Лопарев считал, что Слово было вступлением к первой части трилогии, в которой говорилось о могуществе и о гибели Руси; вторую часть должно было составлять сказание «О смерти великого князя Ярослава» (Всеволодовича), последовавшей в 1247 г., третья же включала слово «О житии великого

князя Александра». Н. И. Серебрянский и В. Максикка считали Слово вступлением к житию. Высказывались также предположения, что заглавие «О смерти великого князя Ярослава» было искажено при переписке и что следует читать Александра Ярославля. В таком случае это относилось бы к Александру Ярославичу и было бы заглавием жития Александра Невского, сына Ярослава. Это могло бы объяснить, почему нет отдельного заглавия жития. Но для такого предположения нет никакого объективного доказательства. Правдоподобнее было бы считать, что рукопись первоначально содержала только Слово о гибели руския земли и сказание «О смерти великого князя Ярослава», а что житие было присоединено позднее и потому в заголовке не указано.

В Слове о гибели руския земли об Ярославе говорится как о «нынешнем»: от великого Ярослава и до Володимера и до нынешнего Ярослава и до брата его Юрия, князя володимерского. Следовательно, написано оно было при его жизни, то есть до 1247 г., даты его смерти. Ярослав Всеволодович княжил в Переяславле Суздальском до 1238 г. Упоминается и его старший брат, Юрий Всеволодович, великий князь Владимирский до 1238 г. Поэтому Слово должно быть отнесено к тридцатым годам 13-го века. К тому же князю Ярославу Всеволодовичу обращено и Моление Даниила Заточника. На этом основании Лопарев считал возможным приписывать Слово тому же Даниилу. Но различие стиля и внутреннего смысла обоих произведений делает это предположение маловероятным.

Слово о гибели руския земли допускает анахронизмы и преувеличения. Между смертью Владимира Мономаха в 1125 г. и битвой на Калке в 1223 г. прошло почти столетие, и для современника нашествия Батые время мирного княжения Мономаха было окутано легендой и рисовалось потерянными раем. Хотя Мануил Комнен взшел на византийский престол в 1143 г., почти через двадцать лет после смерти Владимира Мономаха, а Русь в то время была в церковной зависимости от Византии, в Слове Мануил Комнен оказывается современником Владимира и боится его. Страх перед могуществом киевского князя приписывается не только византийскому императору, но и всем народам, которые

были в сношениях с Киевской Русью. Преувеличения и анахронизмы, подчеркивая славу прошлого, усиливают печаль настоящего и в этом отношении напоминают летописное сетование об унижении Даниила Галицкого в Орде после величия его предков. Под именем Эммануила Эммануловича Михаил Комнен вошел в былинку, где он принимает послов Владимира Киевского, приехавших для сватовства его дочери, и потом делается тестем Владимира. Лопарев считает, что того же византийского Мануила надо предполагать в песнях о князе Романе. В записанной Киршей Даниловым песне, Эммануил Эмманулович, дочь которого сватает Владимир Киевский, изображен язычником, королем Золотой Орды. Слово о гибели русская земля оплакивает былую красу вольной Руси и, перечисляя соседние народы, как бы очерчивает ее границы:

«О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля русская! и многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми (колодезями) мѣсточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, польми (полями) дивными, звѣрьми различными, птицами бещисленными, города великими, селы дивными; винограды обительными (садами монастырскими), дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими! всего еси исполнена земля руская, о правовѣрная вѣра християнская!».

Русь озарена христианством, в противоположность поганым татарам. Самая краса ее не только в ее природе, но и в монастырях и церквах. При перечислении ее жителей, князья названы «грозными», как впоследствии именовался Иван IV; упоминаются вельможи и бояре, но нет дружины, которая в прежних памятниках ставилась наряду с князьями, ревнуя о своей чести и об их славе. Далее очерчиваются границы:

«Отселѣ до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до нѣмецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до устьяга, где тамо бяху то имици (Тоймицы) погании и за Дышючимъ моремъ (Ледовитымъ Океаномъ), от моря до болгарь, от болгарь до буртасъ, от буртасъ до чермисъ от чермисъ до мордѣви, то все покорено было Богомъ християнскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду,

отцю его Юрью князю кыевскому, дѣду его Володимеру и манамаху, которымъ то половци дѣти своя ношаху в колыбѣли».

Это совпадает с летописным упоминанием о том, что русские князья «ласкою своею многие от неверных царей детей их и братию принимали к себе и обращали в истинную веру» и что «князь ятвагов Даниил посылал послов, детей и дань». Всё ранее претерпенное от половцев забылось при татарском нашествии и казалось, что все были покорны: «а Литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердыху каменныи города желѣзными вороты, абы на ни великый Володимеръ тамо не высѣхалъ. А нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ; бургасы, черемиси, вяда и мордѣва бортьничаху на князя великого Володимера».

Тоймицы жили повидимому на Сев. Двине, болгары и бургасы на берегах Волги, а вядь у финского залива. Вяда — приток р. Великой, а «и жюръ Мануиль царегородский опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Царя города не взялъ». Былое величие погибло от татар: «И в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья князя Володимеръска».

На этом Слово о гибели русскыя земли обрывается, как бы не в силах говорить о наступивших бедствиях. «Болезнью» могли быть усобицы, которые губили русскую землю, как о том с укором поминают древние памятники. Но если судить по церковным поучениям той же эпохи, «болезнь», о которой говорит Слово, заключалась в грехах, за которые была ниспослана кара в виде татарского нашествия. Татары представлялись племенем неведомым и непонятным, вышедшим из каких-то замкнутых ущелий, куда некогда загнал их Александр Македонский, и где они должны были ожидать конца света. За грехи они и были выпущены на русскую землю. Погибель была не случайной: причиной ее была «болезнь», источившая силу русской земли. Об исцелении от нее, о покаянии говорят церковные проповеди.

Скорбь о гибели русской земли передана неизвестным автором в удивительной по простоте и преле-

сти картине ее былой красоты. Отдельные черты древнего пейзажа даны в Поучении Владимира Мономаха и в Слове о Полку Игореве. Но цельное изображение русской земли в ее нетронутом очаровании передано в Слове о погибели и является наиболее ранним описанием природы в древней литературе. По сжатости, силе изобразительности, патриотическому чувству, Слово о погибели русских земель представляет собою один из самых замечательных памятников Киевской Руси.

Житие Александра Невского включено в найденную Лопаревым рукопись Псковского Печерского монастыря и непосредственно следует за заглавием исчезнувшей второй части. Было даже высказано предположение, что Слово о погибели являлось вступлением к утерянному тексту светского жизнеописания князя.

Житие Александра Невского повидимому было написано первоначально в виде воинской повести вскоре после его смерти в 1263 г. Этот начальный текст, относящийся ко второй половине 13-го или к началу 14-го века, дошел только в отрывках, включенных в Лаврентьевскую и Псковскую летописи. Сохранился полностью лишь позднейший список, написанный в стиле XVI века с признанием собственной неспособности передать столь возвышенный образ святого, с детских лет обнаруживавшего свое высокое призвание.

Житие начинается с указания темы и признания собственного несовершенства: «Скажемъ мужество и житие его. О Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ Сынѣ Божии и язъ худый и грѣшный и недостойный начинаю писати житие великаго князя Александра Ярославича, внука Всеволожа. Понеже слышахъ отъ отецъ своихъ и самовидецъ есмь возрасту его и радъ быхъ и исповѣдалъ святое житие и честное и славное». В пояснение приводится текст из Священного Писания. Пишущий житие недостоин своей темы: «Аще и грубъ есмь умомъ, молитвою Святыя Госпожи Богородицы и поспешениемъ святаго князя Александра Ярославича начать положюсь». Князь поставлен был Богом и отмечен от рождения:

«Той бѣ князь Александръ Ярославичъ Богомъ роженъ отъ отца благочестива и нищелюбца, паче жъ кротка великаго князя Ярослава, отъ матери благоче-

стивыя Феодосеи. Якожь рече Исаия пророкъ: «Тако глаголетъ Господь, князи язъ учиняю, священни бо суть, азъ ввожу во истину». Установив Божественное участие в назначенной свыше княжеской власти, автор жития дает внешний его образ позднейших житий и совпадающий с ними почти дословно: «Безъ Божиа бо повелѣниа не бѣ княжения его, но княжения князя Александра Ярославичя Богомъ благословенно». Далее следует его описание: «Но возрастъ его паче инѣхъ чловѣкъ, а гласъ его яко труба въ народѣ, а лице его яко лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его Егупетски (Египетский) царь втораго царя во Египте. Сила жъ бѣ ему часть бѣ отъ силы Самсона, и премудрость бѣ ему Соломона, далъ Богъ храбрость же ему царя Римскаго Евсписиана (Веспасиана), сына Нерона царя, иже плѣнилъ есть землю Июдѣйскую. Иногда ополчився гражане Атупату хотя приступити, шедше гражане побѣдиша полкъ его, и оста единъ и взя си градъ ихъ до вратъ градныхъ и посмѣся дружинѣ своей и укори а урокомъ и рече: «Оставьте мя единаго».

Автор ссылается на взятие императором Веспасианом Иудейской крепости Иоатапата, при котором были перебиты все защитники, до сдачи ее Иосифом Флавием. В этом тексте, несомненно позднейшего времени, любопытно отношение к дружине, столь различное от прежних памятников до-татарского периода: князь побеждает один, собственным мужеством и смеется над малодушной дружиной, которая оставила его одного. Так же самостоятельно по этому позднему тексту действует и русский князь: «Тако жъ князь Александръ Ярославичъ побѣждаа непобѣдимъ». Это вступление утверждает Божественное установление княжеской власти, единоличное действие князя и второстепенную роль дружины, — и вполне соответствует официальной мысли Московского периода. Далее следует описание событий, прерываемое текстами Писания и церковной молитвою.

Из западных стран пришел некто именем Андрѣйашъ «хотя видѣти дивный возрастъ его» как в древности «царица Южская приходила къ Соломону царю». Возвратившись к своим Андрѣйашъ признал, что хотя и видел раньше многие страны и народы, но не видал такого «ни во цари царя, ни во князѣхъ князя». Услы-

шав это, король полунощных, то есть северных стран, тотчас решил: «Пойду, поплению землю Александрову». И, пылая ратным духом, наполнил свои корабли многими полками. Пройдя реку Неву, «шатаяся безумиемъ», отправил в Великий Новгород послов сказать князю: «Аще можеш ми противитися, уже есмь здѣ, поплению землю твою». Услышав это, князь пошел в церковь св. Софии, пал на колени и стал со слезами молиться: «Боже хвалный и праведный, Богъ крѣпки и велики, Боже вѣчный и сотворивый небо и землю, море и рѣки, и постави прѣдѣлы языкомъ и повлѣ (повеле) жити, не преступая въ чужая части земли». Напомнив, таким образом, о беззаконии нашествий, попирающих чужую границу, он просил у Бога рассудить их распрю: «Суди, Господи, обидящимъ мя и возбрани борющихся со мною, прими оружие и щитъ и стани въ помощь мнѣ». Кончив молитву, он встал, поклонился архиепископу, архиепископ Спиридон благословил его и отпустил.

Таким образом, схватка с врагом является делом Божьего суда, в котором князь, благословляемый церковью, действует единолично.

Утирая слезы, князь выходит из церкви и созывает дружину, напоминая ей: «Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ», и приводя слова «пѣсньсловъца Давида» из Писания. Тут использован часто встречаемый в древней повести прием переноса действия на другое лицо: «Жалостно слышати, яко отецъ его Ярославъ честный, великий, не бѣ вѣдалъ таковаго востания на сына своего милого великаго князя Александра Ярославичя, ни оному бысть вѣсть послати ко отцу во градъ Киевъ уже бѣша приближися ратнии», и князь спешил в поход, не дождавшись помощи. Эта первая часть действия заканчивается поминанием тех святых, чья память чтилась, в день начала похода.

Действие переносится на сторожевой пост, где старейшина Ижорской земли Боглусичь или Белгусич, а по другим вариантам Пелгуй, перешедший из язычества в христианство, держит утреннюю стражу морскую. Вступительные слова этой части предваряют нас: «Имѣяше жъ вѣру велику ко святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу». Боглусичь получивший при крещении имя Филиппа, жил богоугодно, в среду и

пятницу соблюдая пост. И Бог сподобил его видеть «видѣние страшно, скажемъ же силу ихъ вкратце». Он бодрствовал всю ночь, чтобы видеть вражьи станы и рати идущие против князя Александра Ярославича и сказать ему о них.

На заре он услышал «шумъ страшень по морю» и увидел лодку, посреди нее, в червленых одеждах Бориса и Глеба, а гребцы сидели, одетые мглою. Борис сказал Глебу: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему, великому князю Александру Ярославичю». Видя и слыша это, Боглусичь затрепетал. Видение скрылось и вскоре пришел князь. Когда он услышал рассказ о видении, он велел никому о том не говорить. Была великая сеча и множество врагов было убито «и самому королеви возложи печать на лицу острымъ своимъ копьемъ».

В противность технике воинских повестей, битва не описывается, а только сообщается об ее результатах. Описываются отдельные эпизоды в виде особой похвалы шести мужам храбрым и сильным, «мужествовавъ крѣпко». Гаврило один, именем Алексич, взѣхав до самого короля, был брошен с конем в море, но Божьею благодатью оттуда вышел невредим «и паки наѣхавъ бися съ самимъ воеводою крѣпко среди полку». Другой новгородец, именем Збыслав Якуновичь, наезжая много раз, бился «единымъ топоркомъ не имѣяша страха въ сердце своемъ», и многие пали от топорка его. «Подивившася князь Александръ Ярославичь силѣ его и храбрости его». Третий же, Яков полочанин, был ловчим у князя, «сей наѣхавъ на полкъ съ мечемъ и мужествовалъ, и похвали его князь». Четвертый новгородец, именем Миша, со своею дружиною «погуби три корабли Римлянъ». Пятый был из отроков князя, именем Сава. Наехав на королевский шатер великий златоверхий, он подсек шатерный столп. Полки великого князя, увидев падение королевского шатра, возрадовались. Шестой же был из княжеских слуг, именем Ратмир. Он был пешим и его обступило много врагов и от многих ран он скончался. Автор добавляет, что всё это слышал от князя и от иных участников боя.

Это перечисление особо отличившихся храбров вероятно восходит к первоначальному тексту. Новгородец

Сбыслав Якунович упомянут в Новгородской летописи под 1229 г.: он был одним из послов, сопровождавших князя Михаила Черниговского в Орду. Новгородец Миша также упомянут в летописи. Остальные четверо в других памятниках не упоминаются. Хотя в летописи нет точного указания имен и действий упоминаемых воинов, нам представляется вероятным, что эта часть вполне исторична и написана современником для воздания хвалы отличившимся в бою товарищам.

В битве принимали участие небесные силы. Подобно тому, как ангел уничтожил в бою полки ассирийского царя Сенахирима, шедшего на Иерусалим, так и при победе Александра Ярославича, на другом берегу Ижоры, оказались трупы врагов, умерщвленных Архангелом. Александр же вернулся домой, хваля Бога и славя «Творца, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь». На этом молитвенном обращении кончается повествование о битве со шведами.

На второй год по возвращении князя пришли западные соседи и построили город свой на его земле. Александр разрушил этот город до основания, а их самих избил, иных же взял с собою, а иных отпустил, так как был свыше меры милостив. На третий год он пошел в зимнее время на землю немецкую. Псков был взят немцами, но Александр освободил город, взял множество пленных, а других убил. Тогда враги решили: победим князя Александра Ярославича и возьмем его руками. Но князь ополчился против ратных и пошел на Чудское море. Отец его послал к нему на помощь брата меньшого, Андрея, с большой дружиной. У князя Александра, как у царя Давида, было много храбрых мужей, крепких и сильных. Они исполнились ратного духа, а сердца у них были львиные. Они сказали Александру: «О княже наш честный, драгий, нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя». Князь же воздел руки к небу и молился: «Суди, Господи, разсуди прю (распрю) мою», прося избавить от врага и помочь, как Моисею против Амалика в древности и как прадеду Ярославу против Святополка Окаянного. Описание побоища повторяет формулы воинских повестей, но не земля, а лед орошается людскою кровью: «восходящу солнцу, сступишася обои и бысть сѣча зла и трускъ (треск) отъ копей и

ломление и звукъ отъ мечнаго сѣчениа, якожь морю мерзшу двинути: не бѣ видѣти леду, покрылося бяше кровию»

Со слов очевидца, сообщается далее: «Видѣхомъ полкъ Божий на воздухе пришедши на помощь Александру Ярославичю». Они победили с Божьей помощью, а вражеские войска бежали. Воины Александра «сѣчухуть и гонящи яко по яйеру (воздуху) не бѣ имъ камо убѣжати. Здѣ же Богъ прослави великаго князя Александра Ярославича предъ всѣми полки, яко Иуса Навгина (Навина) во Ерихонѣ». Так исполнилась молитва Александра Ярославича о небесной помощи как в битве Владимира со Святополком. После этого никто не противился ему во брани. Он возвратился с великою славою, ведя пешими возле их коней пленных, «ижъ именуетца рыдели» рыцари. Когда он подошел к Пскову, навстречу ему вышли с крестами игумены и священники в ризах и народ, воздавая хвалу Богу и «поюще пѣснь и славу государю, великому князю Александру Ярославичю: Пособивый, Господи, кроткому Давиду побѣдити иноплеменники и вѣрному князю нашему Александру оружиемъ крестнымъ освободити градъ Псковъ отъ иноязычныхъ рукою Александровою». И, укоряя невегласов, забывших Бога, повествование о Ледовом побоище заканчивается славою Александра, о котором стало известно по всем странам до моря и до гор Аравийских, до страны Варяжской и до Рима.

В то время размножились народы Литовские и начали «пакостить», то есть делать набеги на владения Александра. Но он выехал и побил семь полков ратных и множество князей и воевод избил, собственными руками беря их. Других же привязывали к хвостам коней своих. И его стали бояться.

Восточный царь сильный, слыша о храбрости и славе Александра, захотел его видеть, говоря: «Богъ покори мнѣ многия языки, ты ли одинъ не хочещи покоритися силе моей, но аще хочещи съблюсти землю свою, то скоро приди ко мнѣ и узриши честь царства моего». По смерти своего отца Александр приехал во Владимир и был его приезд грозен. Весть о нем прошла до Волги и жены Моавитские пугали им своих детей: «ѣдетъ князь Александръ Ярославичъ». Епископ Кирилл благословил его.

Когда царь Батый увидел его, то подивился и сказал своим вельможам: «Во истину ми повѣдоша, нѣсть подобна ему князя во отечествии его». И отпустил его с великою честью. Тут видна гордость новгородцев перед другими областями, как в новгородских сказаниях о белом клобуке и Тихвинской Божией Матери.

Царь Батый разгневался на его меньшого брата Андрея и послал своего воеводу Невруя, который опустошил Суздальскую землю. Князь Александр взял в плен Невруя или Новрюя, восстановил церкви, освободил город и собрал разбежавшихся жителей. Славословие рисует идеальный образ князя того времени, согласно словам пророка Исаии: «князь благъ во странахъ тѣхъ, увѣтливъ, кротокъ, смиренъ, по образу Божию есть, не избираетъ богатества, не зря кровѣ праведничя, сиротѣ и вдовице въ правду судя, милостийлюбець, благъ домочадномъ своимъ и внѣшнимъ странамъ, сиротамъ кормитель, богомоленъ, Ангиломъ любителю, человѣкомъ щедръ ущедряетъ, показуетъ на мире милость свою».

Папа, услышав о том, что «земля твоя славна и велика» и что сам он «честна и дивна», присылает к нему своих послов и предлагает ему послушать их учения. Александр же отвечает, что ему ведомо всё от Адама до первого и седьмого вселенского собора, перечисляет основные события Библии и рече: «Первый отъ васъ учения не приймаем. Они жь возвратишася восвояси».

Великому князю Александру умножились дни бытия его, был же он любитель церкви и монахов, митрополита и епископов чтил. Но пришла «нужда велика отъ поганныхъ» и ему пришлось поехать в Орду, чтобы отомолить людей от беды. Брата Ярослава и сына Дмитрия он послал с Новгородцами в западные страны и они пленили Юрьев Немецкий и возвратились восвояси с великою честью, приведя много пленных. Сам же он на обратном пути от иноплеменников был мало здоров и, дойдя до Новгорода, разболелся. Повествование прерывается горестным воплем: «О горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеша написати кончину господина своего, како не испадета ти (выпадут твои) зѣницу со слезами вкупѣ (вместе)! Какое ли не расседетя (расколется) сердце отъ горкиа тугы (печали)!». Отца человек мо-

жет забыть, а доброго государя не может забыть, «аще бы живъ съ нимъ во гробѣ влѣзлъ».

Великий князь Александр Ярославич принял схиму, восприял ангельский образ монашеского жития и скончался 14 ноября в день святого апостола Филиппа. Митрополит Кирилл сказал народу: «Чада моя, разумѣйте, яко уже зайде солнце земли Суздальскыа». Игумены, священники и дьяконы, черноризцы, богатые и нищие, и все люди возопили: «Уже погибаемъ!». Святое же тело его понесли во Владимир. Митрополит со всем чином церковным, князья и бояре и весь народ, большие и малые встретили его в Боголюбове со свечами и кадилами. «Бысть же плачь великъ зело и кричание много, яко николи же тако, но токмо яко земли потрястися».

На погребении было чудо: по окончании отпевания митрополит Кирилл хотел разогнуть его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же сам, как живой, простер руку и взял грамоту из руки митрополита, и был страх и ужас на всех при виде этого. Погребен он был в день Рождества Богородицы, 23 ноября с псалмами и песнями «славяще Отца и Сына и Святаго Духа, святую Троицу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь».

Так заканчивается житие Александра Невского, в котором замечательным образом сплетаются элементы воинской повести, новгородского сказания и княжеского жития.

Великий Новгород избежал разрушения и сохранил свое значение после падения Киева. Он продолжал вести торговлю с Западом, платя Орде дань, которая не была разорительной для богатого города. Среди областных литератур эпохи татарского ига Великий Новгород занимает видное место, утверждая свое моральное главенство и доблесть своих граждан в ряде легенд, повестей и в своей летописи. В этом отношении житие Александра Невского очень показательно.

В дошедшем до нас позднем списке жития Александра Невского видна установившаяся во время татарского ига иерархия. Князь уже не совещается с дружиною перед принятием решения и не складывает голову вместе с нею в бою, как старший между равными, он не

спешивается с коня вместе с дружиною, чтобы не оставлять простых воинов в беде, как это было во время борьбы с печенегами и половцами. Татары устанавливают новые отношения: они не знают дружины, они знают только князя, представителя своей области. Он один ответ дает перед ханом. В памятниках эпохи татарского ига дружина не играет более той самостоятельной роли, какая отведена ей в начальной летописи и в памятниках Киевской Руси до татарского нашествия. Предчувствие строгой московской иерархии ощущается уже в повестях начала татарского ига.

Киев теряет свое значение, главенство переходит к городу Владимиру, а затем к Москве, которая и становится столицей Руси до Петра Первого.

Эпоха татарского ига отразилась в устной поэзии, в летописи, в областных легендах и повестях. Народный быт эпохи передан с большой правдивостью в дошедших до нас проповедях начала татарского ига, среди которых выделяются пять проповедей епископа Серапиона Владимирского.

Дошедшие до нас церковные проповеди той эпохи определяют «болезнь», поразившую христиан и отдавшую их во власть «поганных». В Правиле, читанном в 1274 г. на соборе во Владимире, митрополит Кирилл призывает христиан к исцелению, к исправлению грехов, явившихся источником несчастья:

«Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ, оставльше божия правила? Не разсѣя ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяти ли быша гради наша? Не падоша ли сильнии наши князи остриемъ меча? Не поведени ли быша въ плѣнъ чада наша? Не запусѣша ли святыя божия церкви? Не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожныхъ и мечистыхъ поганъ?».

Из дошедших до нас памятников этой эпохи исчезает всякий след языческого двоеверия, столь сильного в Слове о Полку Игореве. Под влиянием постигшего всенародного бедствия во всех последующих памятниках твердо и нераздельно исповедуется христианская вера. В противовес врагу, Русь является землей христианской: «земля русская, о православная вера христианская». Сельские жители называются христианами, в народном произношении крестьянами. Защитники земли

православной исполняют церковный завет охраны веры и уподобляются святым. Святыми признаются и те, кто претерпел во время усобиц, подобно Борису и Глебу. Именно в эпоху татарского нашествия увеличивается ревность к писанию житий святителей и мучеников. После крещения водою при Владимире Святом Русь принимает крещение кровью при татарах. Из этого второго крещения она должна выйти очищенной и укрепленной. Об исцелении от грехов, о покаянии перед лицом страшного бедствия, ниспосланного в наказание, говорят памятники той эпохи. Проповеди носят обличительный характер.

Не только у поселян, но и у дружинников еще сохранялось почтение к старым языческим богам, о чем с достаточной ясностью свидетельствует Слово о Полку Игореве. Среди народа еще хранилось суеверное почитание прежних богов и вера в мудрость волхвов, которая видна и в Начальной летописи и в Слове о Полку Игореве, когда мудрые бояре толкуют Святославу его вещий сон. Гадания, толкования снов, суеверия, волхования были широко распространены. Многие из них дожили до нашего времени в форме примет, которым хоть и не следует верить, но всё же лучше соблюдать. Об этих суевериях и грехах говорят поучения епископа Серапиона Владимирского.

Серапион был архимандритом Киево-Печерского монастыря. В 1274 г. киевский митрополит Кирилл поставил его епископом во Владимире, Суздале и Нижнем Новгороде. Он пробыл в епархии всего год и умер в 1275 г. Летопись говорит, что он был «учителень зѣло въ Божественномъ писании». Его поучения включены в сборники, как Измарагд, Златая Цепь.

Грехи, перечисленные епископом Серапионом, те же, что и в апокрифическом Хождении Богородицы по мукам: неправедные суды, ростовщичество, «всякое грабление», воровство, разбой и «иные дела сатанинские». В первом поучении О казнях Божиих и о ратех он говорит о знамениях Божьего гнева:

«Колко видѣхомъ солнца погибша и луну померкъшую и звѣздное премѣнение! Нынѣ же земли трясенье своима очима видѣхомъ, земля отъ начала утвержена и неподвижима, повелѣнемъ божиимъ нынѣ движеть-

ся, грѣхы нашими колѣблется, беззаконья нашего носити не можетъ. Не послушахомъ еуангелья, не послушахомъ апостола, не послушахомъ пророкъ, не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рку: Василья и Григорья Богословца, Иоанна Златоуста, инѣхъ святитель святыхъ, ими же вѣра утвержена бысть... и тѣ учаще ны беспрестани, а мы едина беззаконья держимся... Се уже наказаетъ ны Богъ знаменьи... Ныне землю трясетъ и колѣблетъ: беззаконья, грѣхи многия отъ земля отрясти хочетъ, яко лѣствие отъ древа. Аще ли кто речеть: преже сего потрясения бѣша же; аще бѣша потрясения, рку: тако есть; но что потомъ бысть нам? не гладъ ли, не морове ли не рати ли многыя? Мы же единако не покаяхомся, дондеже приде на ны языкъ немилостивъ, попустившю Богу, и землю нашу пусту створиша, и грады наши плѣниша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашу избиша, матери наши и сестры наши въ поруганье быша. Нынѣ же, братъе, се вѣдуще, убоимъся прещенья сего страшнаго и припадемъ Господеву своему исповѣдующеся...». Он упоминает о землетрясении, бывшем в 1230 г.

Во втором поучении епископ Серапион начинает скорбного признания, что божественные семена, которые он хотел посеять в сердцах, не дали всхода. Он говорит об ужасах нашествия и об иге, которое длится вот уже сорок лет, что позволяет установить приблизительную дату поучения. Он напоминает о грехах, которые вызвали Божий гнев и были наказаны:

«Страшно есть, чада, впасти въ гнѣвъ божий. Чему не видѣхомъ, что приде на ны, въ семь житии еще сущимъ?.. Какія казни отъ Бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? не взяти ли быша грады наши? не вскорѣ ли падоша отци и братья наша трупиемъ на землю? не ведены ли быша жены и чада наши въ плѣнъ? ...Се уже къ 40 лѣтомъ приближается томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади, морове животъ нашихъ, и въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ, и въздыхание наше и печаль сушить кости наша. Кто же ны сего доведе? Наше беззаконье и наши грѣси, наше неслушанье, наше непокаянье... Не погубим, братъе, величая (величества) нашего...».

Он снова возвращается к упрекам в нераскаянности

и к описанию постигших в наказание бедствий в третьем поучении:

«Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лють, языкъ не щадящъ красы уны (юной), немощи старецъ, младости детей; двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего»... И он дает яркое описание состояния страны в первые полвека после татарского нашествия:

«Разрушени божественныя церкви; осквернени быша сосуди священни, потоптана быша святая; святители мечю во ядь быша; плоти преподобныхъ мнихъ (монахов) птицамъ на снѣдь (на съедение) повержени быша; кровь и отецъ и братья наша, аки вода многа, землю напои; князий нашихъ воеводъ крѣпость исчезе; храбрии наши, страха наполнѣшесе, бѣжаша; множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наше смѣрися... земля наша иноплеменникомъ въ достояние бысть; въ поношение быхомъ живущимъ въскрай земля наша; въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень... Не бысть казни, кая бы преминула насъ...».

В этой эпической картине порабощения и разорения русской земли с большим мастерством дано нарастание ужаса, ведущее к заключительному призыву покаяться. В поучениях епископа Серапиона имеются все основные мотивы проповедей и воинских повестей эпохи татарского ига. Только народное покаяние может спасти землю: «Гнѣвъ Божий престанетъ... Мы же въ радости проживемъ въ земли нашей».

Четвертое и пятое поучения направлены не против общего беззакония, а против определенных грехов, которые епископ Серапион описывает с бытовой яркостью. Четвертое поучение было сказано по реальному поводу: сожжения и потопления волхвов, обвиненных в плохом урожае. Волхвов бросали в воду, а тех, кто не тонул, сжигали, так как в воде его поддерживал диавол. Епископ Серапион считал виновными не только тех, кто участвовал в убийстве, но и тех, кто волхвов не спасал и таким образом потворствовал убийству. Он спрашивает паству, как Священное Писание научило их, что волхвы могут вызвать недород или обильный урожай. Но если волхвы такой властью обладают, то зачем

сжигать их: «Чтите их, приносите дары, ведь мир строят, дождь пушают, тепло приводят, земле велят плодить». Если же их моления об урожае не отвратили голода, то волхвов нельзя за это сжигать: «Печалень есмь о вашемъ безумии, молю васъ, отступите дель поганьскихъ».

Слова эти раздались во второй половине 13-го века, когда по всему миру горели ауто-да-фе и после пыток сжигали обвиненных в сношениях с дьяволом. Епископ Серапион обличает паству в ее суеверии в 13-м веке. Между тем еще в 17-м веке при дворе Людовика XIII французский поэт Анри Малерб описывает в письме к другу «бесовские проделки» в королевском дворце и сожжение на костре придворной дамы, обвиненной в сношениях с чортом. Он выражает сожаление, что тот не видал ее «в самых блестящих одеждах», то есть в огне. При Людовике XIV Расин едва избежал обвинения в сообществе, когда лечившая его возлюбленную знахарка была обвинена в близости с дьяволом, созналась под страшными пытками и была сожжена. Тем более знаменательно, что попытка сжечь волхвов за чародейство вызвала резкую отповедь епископа Серапиона, в ранние века средневековья.

Еще резче и определеннее говорит об этом пятое поучение О маловерии: где се есть в Писании еже человекомъ владеть обилиемъ или скудостью, подавати или дождь или теплоту? О неразумные! Всё Бог творит, как хочет: беды и скудость посылает за грехи наши и наказывая нас, приводя на покаяние.

А маловерные ищут причины в утопленниках и удавленниках, выкапывают их из земли, чтобы прекратить засуху. Даже «поганые» татары могут быть поставлены в пример, как ни горько это признать. Не зная закона Божьего, они всё же «не убивают своих единоверцев, не ограбляют, не клеветают, не взведут поклепа, не украдут. Брат поганый своего брата не продаст, но если постигнет беда, выкупят и дадут на промысел». Перечень гражданских добродетелей татар вызывает у епископа новый взрыв негодования; при сравнении с деяниями паствы: «А мы, считая себя верующими, во имя Божье крещены, и заповеди Его слыша, всегда исполнены неправды, и зависти, и немилосердья: братию свою

ограбляем, убиваем, в погань предаем обидами, завистью; еслибы можно было, съели бы друг друга. О безумие злое! О маловерие! Полни еси зла исполнена, о том не каемся».

Поучения епископа Серапиона, горящие искренним возмущением, простые по тону и доступные по теме, лишены всякой книжности и написаны разговорной речью так, чтобы никакие метафоры, отступления, и сравнения не затрудняли понимания даже самого темного человека. Поучения епископа Серапиона доносят до нас голос вдохновенного проповедника, возвышенного сына церкви, далеко опередившего свой век. Он дает нам картину тогдашней Руси, терзаемой татарами, измученной голодом, в отчаянии ищущей жертв, которые «пускают недород». Рисуют они и беззакония и общественные грехи, о которых говорят также другие памятники. Епископ Серапион имеет в виду не только свою смиренную паству. В поклепах, желании съесть друг друга, «продать в погань» татарам виновны были и князья, которые искали в Орде удовлетворения своим тщеславным стремлениям, предавая братьев и за их счет стремясь к возвышению. Прямая борьба, выражавшаяся в усобицах, сменилась коварной и тайной борьбой за власть с помощью Орды. Тех, кто честно и гордо выдержали испытание, древние памятники пронесли в сиянии через века, но те, кто приняли честь татарскую, отмечены прямым укором или обличающим молчанием.

Поучения епископа Серапиона, из которых до нас дошло только пять, замечательны не только своей выразительной силой, но и описанием положения страны. В них отразилась глубокая вера в то, что стоит только стряхнуть с себя грехи, отказаться от темноты суеверий, — чтобы вернулась прежняя сила, и гнев Божий прекратился. Именно так была понята первая победа над татарами, одержанная Дмитрием Донским в 1380 г. Призыв к пробуждению гражданских добродетелей, отказу от «зависти» и взаимной вражды раздается с немолчной силой, сменив прежний призыв к единению удельных князей. Отказ от общественных грехов в виде неправедных судов, ростовщичества, интриг, ограбления и разбоя во всех его явных и тайных формах, становится основным мотивом церковной проповеди.

На первый план выдвигается не догматическая сторона христианства, а его духовная и нравственная сила... С амвона указываются те душевные свойства, какими должен обладать христианин. Через все памятники татарского ига проходит тема духовного обновления, необходимости отречься от разъедающих общественную жизнь пороков. Лишь чистому дана победа. Борьба становится святым делом защиты веры и ратным кличем является «за веру христианскую». Русь скрепляется общей бедою и ужасом.



О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От автора	5
Глава I — Устная поэзия	9
Глава II — Сказки	35
Глава III — Былины	71
Глава IV — Древняя письменность	167
Глава V — Духовные книги	277
Глава VI — Учительная литература	291
Глава VII — Исторические произведения	300
Глава VIII — Повести	309
Глава IX — Книги о строении мира	319
Глава X — Апокрифы	325
Глава XI — Проповедническая литература	332
Глава XII — Слово о Полку Игореве	346
Глава XIII — Памятники эпохи начала татарско- го ига	393

Printed in U. S. A.
RAUSEN BROS.
417 Lafayette Street
New York 3, N. Y.

на \$3.00

